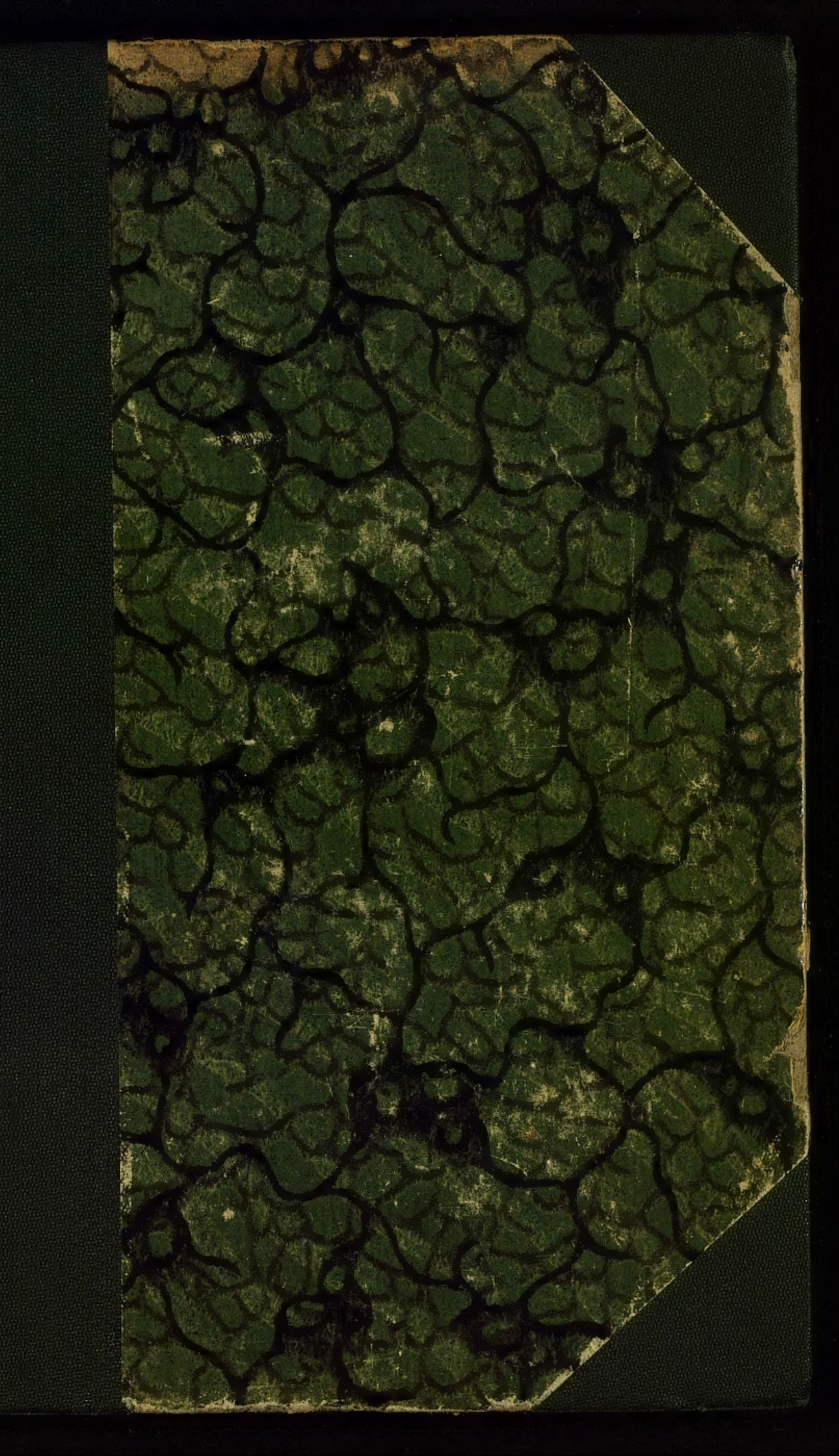

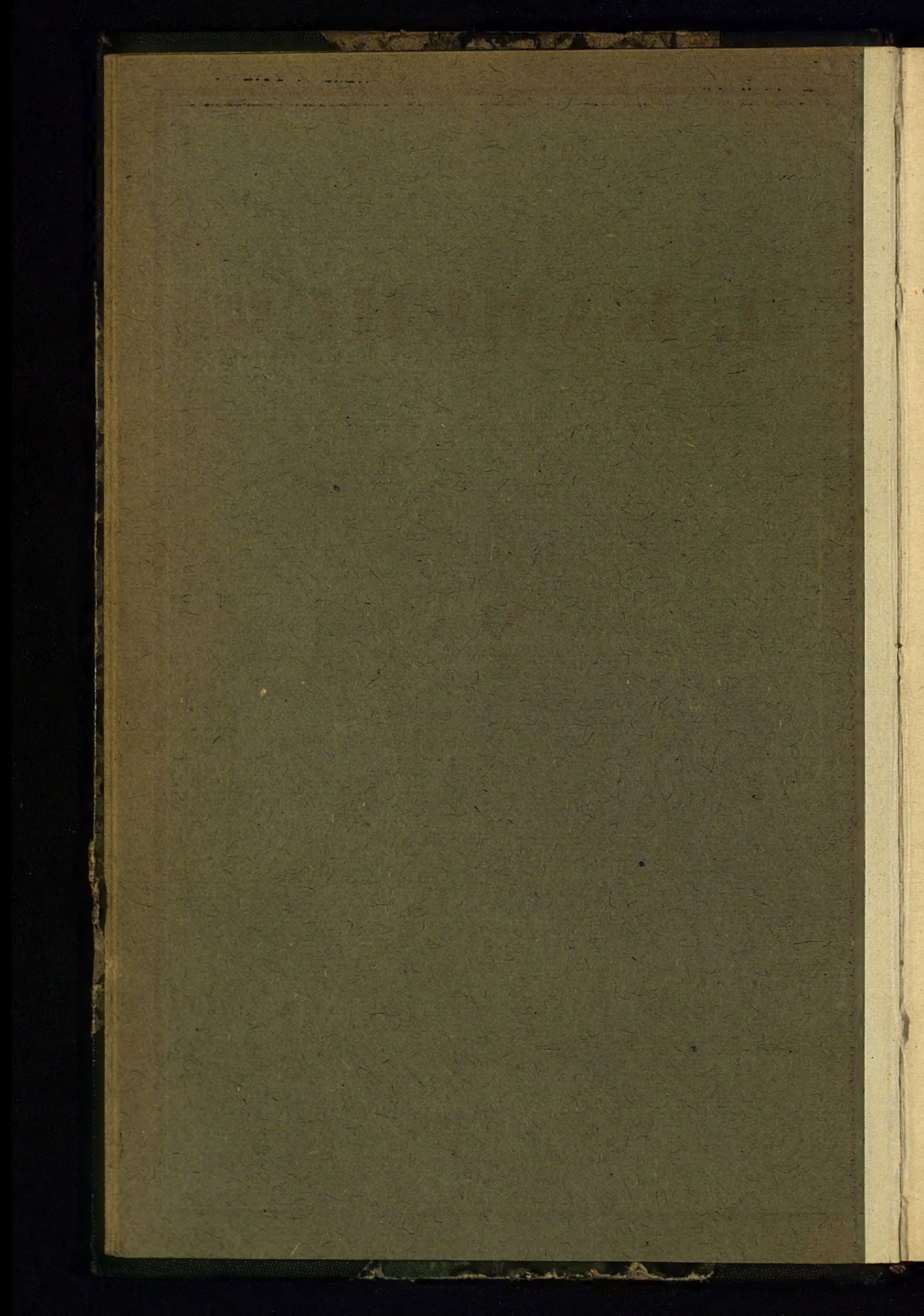
Л. КАМЕНЕВ

СТАТЬИ И РЕЧИ

ТОМ

XI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

Л. КАМЕНЕВ

СТАТЬИ И РЕЧИ

1924 г.

Т. XI

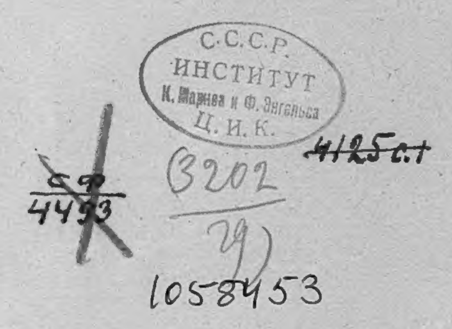
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Л. КАМЕНЕВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЕГО ТРУДНОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

С, 60. Гиз № 31136.
Ленинградский Областлит № 28983
18³/₄ л. Тираж 3000.

СОДЕРЖАНИЕ.

АНГЛОСОВЕТСКИЙ ДОГОВОР.

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 АВГУСТА 1924 Г.

Товарищи, переговоры с Англией еще не закончены. Тот договор, который мы сегодня рассматривали, заключает в себе постановление, которое предусматривает продолжение переговоров, и только на пути дальнейших переговоров можно ожидать деловых, экономических соглашений, которые на путях взаимной хозяйственной выгоды помогли бы нашему и английскому хозяйствам. Но чем бы ни закончились предстоящие нам переговоры, и какими путями ни пошло бы дальнейшее развитие переговоров между Советским Союзом и Англией, мы во всяком случае в том договоре, который привез нам т. Раковский, имеем важнейший документ, на страницах которого записан несомненно поворотный момент во всем мировом положении нашего Союза.

Одна из крупных мировых держав и, несомненно, сильнейшая и крупнейшая мировая колониальная держава — Англия — на седьмом году торжества пролетарской революции на одной шестой части мира должна была этим актом признать, что пролетарская революция и пролетарская власть пришли в мир, стали реальностью, стали неоспоримым фактом, перед которым должно склониться враждебное сознание всего капиталистического мира.

Это первый международный договор, акт мировой политики, в котором то, что мы с вами сделали, — отобрание богатств у класса эксплуататоров и передача этих богатств в руки трудящихся масс — закреплено как факт непреложный и неподлежащий изменению, как факт, который входит тем самым в летописи мировой дипломатии. В этом акте международной политики то, что мы с вами сделали семь лет тому назад, — низвержение власти императорской династии и власти буржуазии — закреплено и признано как факт мировой политики, из которого нужно исходить, которого нельзя уже оспаривать. Наконец, этим актом факт объединения громадного количества трудящихся разных национальностей в единый социалистический союз, создания неслыханной до того формы государственного устройства в виде свободного Союза Советских Социалистических Республик внесен в основные документы мировой международной политики,

скреплен пером правительства великобританской империи. Для того чтобы это перо расписалось на этом признании, которое заключает в себе пророчество поражения всего капиталистического мира, потребовалось семь лет героической борьбы союза рабочих и крестьян, семь лет преданности своему делу, семь лет братского союза всех народов, населяющих наш Союз.

И вот эти халаты, которые руками своего представителя подносят нам рабочие и крестьяне Бухары, Хорезма и Туркестана, расположенных на границе, которой мы соприкасаемся с колониальными владениями Великобритании, — эти халаты свидетельствуют о том, что этот Союз — союз нерушимый, нерасторжимый союз, который может заставить прислушиваться к своим требованиям все капиталистические силы старого мира. Английским договором мы заставили нас признать как факт. Я думаю, не далеки те годы, когда мы заставим весь мир признать нас не только как факт, но как торжествующее начало переустройства всего мира.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР.

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 22 АВГУСТА 1924 Г.

Товарищи, я имею в виду подробно остановиться на нашем внутреннем положении и тех задачах, которые предстоят нам в ближайший период нового хозяйственного года, но прежде чем перейти к этой теме, я должен остановиться на вопросе о нашем внешнем положении и на основном вопросе о том, каковы перспективы того, что мы сможем наше хозяйственное строительство проводить в спокойной атмосфере, не будучи отвлечены какими-нибудь задачами непосредственно боевого характера на наших границах.

ЗНАЧЕНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА.

Основным фактом последнего времени в области международного положения нашего Союза является, конечно, англо-советский договор. Самый факт совместного подписания этого договора, — который, впрочем, еще покуда не ратифицирован ни английским парламентом, ни высшей властью нашего Союза, — самый факт подписания этого договора представляет собой несомненно крупнейшее явление в области укрепления международного положения первой пролетарской республики.

Вы все еще помните время, когда нам приходилось бороться за самое существование нашего Союза, вы помните об этой эпохе интервенции и блокады, которая затем сменилась эпохой, когда мы принуждены были на международной арене бороться за самый факт признания нашей экономической и политической системы как системы равноправной с теми государствами, которые стоят на почве капиталистических отношений. Договор между нашим Союзом и Великобританией является международным актом, которым закреплено признание полного равноправия нашего строя — экономического и политического — со строем крупнейшей мировой политической державы, которой является Великобританская империя.

Если вы взглянете на основы договора, — а он сегодня опубликован полностью в газетах, — то вы увидите, что он стал возможен лишь на почве полного признания со стороны великобританского правительства всех основных политических и экономических установлений нашего Союза. В договоре признано не только уничтожение всех других органов власти в нашем Союзе, кроме власти Советов, но весь договор исходит из признания и национализации земли, и национализации крупной промышленности, и аннулирования долгов и всех остальных завоеваний Октябрьской революции. Этот международный акт, таким образом, содержит в себе не только голое юридическое признание фактического существования Союза Советских Социалистических Республик, заменившего бывшую императорскую Россию, но в этом документе содержится международное признание со стороны крупнейшей капиталистической державы тех основных положений, которые пролетариат в Октябрьские дни выдвинул против самых основ капиталистического строя. И, конечно, только на почве подобного признания и мог быть подписан нашими уполномоченными какой-нибудь договор.

Отныне все те правительства капиталистических держав, которые еще не успели войти с нами в нормальные отношения, которые еще не захотели издать акт признания, они должны теперь знать, что после подписания этого договора наши отношения с любым государством могут исходить только из подобного же признания незыблемости и обязательности того строя, который создан был Октябрьским восстанием, в какой бы мере эти положения и этот строй ни затрагивали интересы тех или других групп капиталистов.

Такова оценка самого факта подписания договора. Я перехожу теперь к его реальному содержанию.

ЧТО ДОГОВОР ДАЕТ НАМ И ЧТО МЫ В НЕМ ДАЕМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ?

Начнем с первого вопроса. Этот документ не есть документ голого признания, — в нем содержится обязательство английского правительства гарантировать нашей республике заем. Гарантия займа — это означает, что если бы, заключив заем в Великобритании, Советское правительство отказалось бы платить по этому займу, то английское правительство берет на себя обязательство платить за Советское правительство. Таким образом, можно было бы сказать, что английское правительство выступает в этом акте перед своими гражданами, перед теми, кто приобретает наш заем, гарантируя устойчивость Советской власти, нашу кредитоспособность, и дает документальное удостоверение в том, что Советская власть выполнит свои обязательства.

Вы понимаете, товарищи, что такая гарантия, которую берет на себя английское правительство в этом договоре, далеко отстоит от тех времен, когда нас хотели окружить санитарным кордоном, от тех времен, когда Советское правительство считалось правительством бунтовщиков, случайно захвативших власть и обреченных на гибель. В известном смысле можно сказать, что, обещая гарантию займа Советского правительства в Англии, английское правительство гарантировало перед будущими держателями этого займа устойчивость, кредитоспособность и хозяйственную стойкость Советского правительства.

Вот то, что с своей стороны обещало английское правительство в этом договоре.

Что же обещали мы? Центральный пункт касается, конечно, удовлетворения тех претензий, которые имеют к нам граждане Великобритании и которые мы, с своей стороны, имеем к Англии. Вся сумма этих претензий в этом договоре разделена на четыре части.

Первая часть касается тех обязательств, которые старое правительство царской России и временное правительство Керенского имели перед английским правительством, т. е. касается вопроса о военных долгах — тех сумм денег, которые были кредитованы Россией во время войны. Это — главная доля претензий. Они достигают громадной суммы, не вполне точно выясненной, но во всяком случае покрывающей с избытком все остальные претензии, которые к нам могут быть предъявлены.

Против этих претензий мы имеем свой счет, — контр-претензии, которые представляют собой счет всего того ущерба, тех убытков, которые понесли Советские республики за время английской интервенции. Мы вполне уверены, что эти наши контр-претензии, основанные на вмешательстве Англии в наши внутренние дела, на тех разбойничьих действиях, которые были проведены при помощи блокады и интервенции в нашей стране, что они с избытком покрывают все военные долги старой России. В договоре эти претензии — военные долги и наши контр-претензии — отложены для будущего разбирательства. Когда будет это разбирательство, мы не знаем. Я думаю, что и англичане не знают. Во всяком случае, мы согласились с англичанами, что наши военные долги, — точнее, так называемые «наши» военные долги, потому что они, конечно, не наши долги, а долги старых правительств — и наши контр-претензии откладываются, и неурегулированность в этих вопросах не должна мешать установлению нормальных хозяйственных отношений. Таким образом, первая категория — военные долги и наши контр-претензии по интервенции — отложены на будущее время.

То, что они отложены, товарищи, не должно нам помешать и, наоборот, поможет нам собрать сведения о наших контр-

претензиях, поможет выяснить претензии и убытки от интервенции, поможет делу представления тех длинных счетов, которые мы со своей стороны можем представить английскому правительству. Во всяком случае, сейчас это дело о претензиях и контрпретензиях, так сказать, отодвинуто в далекое и темное будущее.

После этого остаются три группы претензий. Во-первых, претензии, которые имеют к нам держатели довоенных займов, затем претензии, так называемые мелкие и разные, т. е. те претензии, которые имеют к нам разные английские граждане, которые во время Октябрьской революции не получили жалованья или товары которых, присланные в Советскую Россию, были конфискованы, или те, которые потерпели убытки мелкого характера. Это — второго рода претензии. И, наконец, третьего рода претензии — это те счета, которые имеют к нам предъявить англичане, которые здесь владели какой-нибудь собственностью: заводами, рудниками, шахтами, землей, лесом или чем-нибудь подобным. Вот три рода претензий. Довоенные долги, государством гарантированные — государственные или муниципальные,— затем частные и мелкие претензии, и, наконец, претензии по национализации собственности английских граждан, которая декретом о национализации земли и промышленности перешла в руки нашего государства. Что же мы по этим вопросам в договоре обещали?

Статья 10 договора гласит таким образом: «Желая восстановить экономическое сотрудничество между обеими странами, правительства его британского величества и СССР соглашаются о следующем: правительство Союза, в порядке изъятия из декретов, национализировавших промышленные предприятия и землю, вступит в переговоры с британскими подданными.., дабы урегулировать вопрос о справедливой компенсации по таким претензиям».

Таким образом, этой статьей мы обязуемся вступить в переговоры с британскими подданными, бывшими собственниками. Это касается вопроса о собственности. Что же касается вопроса о довоенных долгах, то в статье 6 договора мы берем на себя обязательство следующего характера. Статья эта гласит:

«Правительство СССР заявляет, что, в порядке изъятия из декрета от 28 января 1918 г. (об аннулировании долгов бывших императорского и временного правительств), оно удовлетворит на условиях, указанных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов».

Далее, «правительство Союза соглашается пойти навстречу претензиям, упомянутым в первом абзаце этой статьи».

И далее, «после переговоров между заинтересованными сторонами, условия, из которых претензии, упоминаемые в первом абзаце этой статьи, будут удовлетворены, составят предмет со-

глашения с правительством его британского величества, каковое соглашение будет включено в договор», то есть, в «новый» договор, конкретного содержания которого никто еще не знает, ибо этот второй, конкретный договор будет результатом дальнейших переговоров, т. е., иначе говоря, дальнейшей торговли между нами и британскими капиталистами.

Таким образом, эти две коренные статьи договора налагают на нас обязательства: относительно бывших собственников — вступить с ними в переговоры; относительно держателей старых довоенных займов — пойти им навстречу. Но как кончатся эти переговоры с бывшими собственниками, и как далеко мы сможем пойти навстречу держателям старых довоенных займов, об этом в договоре ничего не сказано.

Таким образом, товарищи, вы должны отдать себе ясный отчет в том, что этот договор не содержит в себе никаких обязательств с нашей стороны, таких обязательств, которые конкретно говорили бы — мы платим столько-то, мы даем столько-то и т. д. Ничего подобного в договоре нет. Мы взяли на себя обязательство продолжать переговоры. С другой стороны, мы получили обязательство, если эти наши переговоры придут к благополучному концу, — а в договоре не сказано, что считается благополучным концом, — тогда английское правительство обязуется гарантировать нам заем. Таким образом, товарищи, вы понимаете, что этот договор дает покуда лишь формальные рамки, в пределах которых должны вестись дальнейшие переговоры, и что если эти дальнейшие переговоры, в которых будет речь уже о конкретных цифрах, — о том, что мы платим и что мы получаем, — увенчаются успехом, то они будут зафиксированы во втором договоре уже конкретного характера.

БУДЕМ ЛИ МЫ ПЛАТИТЬ И СКОЛЬКО?

В чем же тут дело? Почему в договоре нет никаких конкретных цифр? По очень простой причине. Потому, что мы не смогли еще сговориться с британскими гражданами, которые имеют к нам претензии относительно наших платежей.

В самом договоре заключается заявление английского правительства в той же 6-й статье, заявление чрезвычайно важное. Я его оглашу:

«Правительство его британского величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упомянутых в предыдущем абзаце».

Тем самым английское правительство заявляет, что оно и не думает получить от нас по тем претензиям, которые будут предъявлены, рубль за рубль. Но за рубль можно заплатить

75 коп., полтинник, четвертак, гривенник и, наконец, семишник. Сколько мы будем платить? Мы исходим не из того принципа, что мы что-то должны и обязаны по этим долгам платить. Мы исходим из совершенно другого принципа.

Нам нужны для развития нашего социалистического хозяйства деньги. Эти деньги мы хотели бы получить в виде иностранного займа. Так как английское правительство или, вернее, английские капиталисты, — а деньги можно получить только у капиталистов, — так как английские капиталисты никому еще денег даром не давали, а так как, давая деньги Советским республикам, они естественно хотели бы на этом деле нажить больше, чем тогда, когда они дают деньги своим же буржуазным собратьям, то мы, будучи реалистами, согласны на то, чтобы за этот заем, который мы хотели бы получить, заплатить несколько дороже, чем платят вообще за заем. Если при этом господа капиталисты готовы обратить проценты, которые мы будем им платить по займу, на оплату того, что они считают «нашими» долгами, то мы, конечно, против этого не возражаем. Мы исходим не из того, что мы кому-то что-то должны, а исходим из того, что при настоящей мировой конъюнктуре нам придется дороже заплатить за заем, который мы хотели бы получить. Следовательно, для нас содержание будущих переговоров заключается в том, чтобы определить, какую сумму денег английские капиталисты могли бы предоставить нашему государству и из каких процентов могли бы они эту сумму предоставить. Если эта сумма будет достаточна и будет соответствовать тем потребностям нашего народнаго хозяйства, для которого мы хотим получить заем, и если проценты, которые мы будем платить по этому займу, не будут превышать наших экономических и финансовых возможностей и не будут налагать на рабочий класс и крестьянство лишних тягот, тогда мы сочтем эту сделку насчет займов обоюдо-выгодной и эту сделку охотно заключим.

Перед нами, следовательно, стоит период, когда будет происходить уже непосредственный торг относительно суммы займа и процентов по этому займу. Так как до сих пор столковаться по этому вопросу мы не могли, то в лежащем перед нами договоре заключаются только обязательство продолжать эти переговоры с нашей стороны и обязательство английского правительства гарантировать нам заем с его стороны.

Теперь, когда переговоры вступили в эту новую фазу, вы, конечно, не потребуете, чтобы я на широком собрании излагал вам, какую именно сумму мы хотим получить и под какие проценты. Совершенно ясно, что этим должен ведать т. Раковский там, в Лондоне. Но, во всяком случае, мы можем быть уверены в одном, что никаких сумм в смысле прямых платежей

по так называемым старым долгам мы не признаем, что для нас приемлема только форма уплаты повышенного процента по предоставляемому нам займу, который они могут посчитать себе на платежи тех или других претензий. Нам схема рисуется таким образом. Мы получаем заем, по этому займу мы платим процент. Мы согласны заплатить повышенный процент, а из этих повышенных процентов английские граждане, — держатели старых бумаг, бывшие собственники, — могут получить вознаграждение. Кроме того, остается способ концессий.

Из дальнейшего вы увидите, что заем нам действительно был бы чрезвычайно полезен. Не в том смысле, что без прилива иностранного капитала к нам мы не могли бы вывернуться. Теперь уже успех последних трех, особенно последних двух лет доказал с абсолютной ясностью, что и без прилива иностранного капитала мы можем развивать наше хозяйство, можем стать на ноги, можем подняться из той нищеты, в которую мы были сброшены. Вопрос идет о темпе. Без займа, без возможности оперировать чужими капиталами, — а заем есть не что иное, как возможность оперировать чужими капиталами, — без этого мы будем развиваться несколько медленнее. Темп поднятия нашей промышленности, нашего сельского хозяйства, нашего транспорта будет сравнительно замедленным. Если нам будет дана возможность впрыснуть в нашу промышленность, в наше сельское хозяйство, в наш транспорт иностранные капиталы, платя за них определенные проценты, темп развития будет гораздо быстрее. Поэтому мы имеем известный интерес в получении займа, но, конечно, на таких условиях, которые бы ни на одну минуту не напоминали каких бы то ни было кабальных отношений. Кабальные условия сейчас предписаны союзниками под руководством американцев Германии. Но германская буржуазия была побеждена, и поэтому она оказалась в таком положении, когда ей могли быть навязаны кабальные условия займа и кабальные экономические отношения. Пролетариат и крестьянство Союза никем побеждены не были, и поэтому никаких кабальных условий мы не примем.

На коммерческие разговоры мы согласны, заем мы желали бы получить, но на чисто коммерческих основаниях, выгодных для обеих сторон. Вот все то, что сейчас можно сказать относительно самого содержания договора и факта его подписания.

Конечно, мы с вами принуждены будем через некоторое время приступить уже к детальному разбору, когда перед нами будут определенные цифры, когда мы будем взвешивать, на каких условиях, под какие проценты, на сколько лет предоставляется нам заем и т. д. Тогда мы это обсудим, сейчас же незачем предварять события. Достаточно будет, если мы нашим рабочим и крестьянам скажем: мы не связаны ни одной цифрой,

мы будем платить только в виде вознаграждения за новый заем, если мы его возьмем. Заем, который мы получим, будет направлен на усиление средств нашей промышленности и на поднятие нашего сельского хозяйства, и поскольку нам этот заем будет выгоден, только постольку мы будем платить.

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА. ПЛАН ДАУЭСА. ЕДИНЫЙ ФРОНТ ПРОТИВ СССР.

Конечно, английские капиталисты и английские банкиры очень долго сопротивлялись подобному договору. Тот факт, что, несмотря на бешеное сопротивление банкиров, англо-советское соглашение было все же подписано английским правительством, объясняется решительным давлением и вмешательством английских рабочих организаций. Когда под давлением капиталистов английское правительство пошло на срыв договора из-за интересов бывших собственников, решительное вмешательство английских рабочих заставило английское правительство пересмотреть свою формулу и пойти на соглашение с нами. Мы все помним, что в самый критический момент для переговоров английская рабочая газета поставила перед Макдональдом открыто вопрос: неужели правительство, называющее себя правительством рабочей партии, пойдет на срыв переговоров из-за интересов частных собственников? Мы вчера еще на заседании Московского Совета слышали заявление члена английского парламента и члена исполнительного комитета рабочей партии мисс Лауренс о том, что она не знает лучшей платформы для переизбрания парламента, как платформа за соглашение с Советским Союзом.

Этого заявления нельзя понять иначе, как в том смысле, что руководители рабочей партии готовы были бы пойти на новые выборы в парламент против того правительства, которое отказалось бы из-за интересов английских капиталистов подписать соглашение с Советским Союзом.

Договор этот имеет громадное значение именно потому, что эта атака капиталистов была отбита, и что в нем не содержится никакого признания, что мы будто бы кому-то должны платить безотносительно к тому новому займу, который мы получим. Только в том случае, если этот заем будет дан на выгодных для нашего хозяйства, на выгодных для строительства социалистического хозяйства условиях, только в том случае мы будем платить в известном размере в виде процентов по этому займу.

Ясное дело, что признание со стороны английских капиталистов, со стороны Британской империи принципа полного равноправия нашего пролетарского социалистического государства с их буржуазным государством, — равноправия юридического,

равноправия политического и равноправия коммерческого, — ясно, что признание рядом с этим наших законов о национализации собственности, о национализации земли, об аннулировании долгов, ясно, что все это знаменует новую эру в международном положении Советских республик. Эта эра связана с некоторым поворотом в общем мировом положении. Это общее мировое положение можно характеризовать как крах на данном этапе, в данной стадии развития методов грубого и непосредственного империалистического насилия, как замену системы Керзона и Пуанкаре системой Макдональда и Эррио, как начало новой, лицемерной, по самому своему существу обманчивой, временной, но своеобразной эры, которую можно было бы, сохраняя, конечно, все оговорки, назвать эрой попыток пацифистского метода улаживания международных вопросов.

Почему эта эра наступила? Да просто потому, что политика Керзона и Пуанкаре, которая ставила народы Германии, Англии, Франции и Италии, народы всей Европы в непосредственную опасность острых военных столкновений, стала невыносима для сознания самых широких масс, и что сознание это сказалось в том, что буржуазия должна была попробовать новые методы — методы, которые, повторяю, лицемерны, утопичны и обманчивы, но носят внешние признаки пацифистских методов. Это, конечно, симптом слабости, а отнюдь не всесилия буржуазии. Не надо в этом обманываться.

В основе этого «пацифизма» лежит та сделка, которая — почти одновременно с теми переговорами, которые вели тт. Раковский и Томский, — была совершена в Лондоне на конференции союзников с Германией. На этой конференции был принят знаменитый план Дауэса.

Этот план представляет собой сделку неслыханно позорную и, конечно, абсолютно не реальную, — сделку за счет германского пролетариата, сделку, смысл которой заключается в том, что капитализм Англии, Франции и Америки делает попытку не резать германскую курицу, которая должна нести ему золотые яйца, а поставить эту курицу в такие условия, чтобы она эти золотые яички для американского, английского и французского капитала продолжала нести, с тем, однако, чтобы сама Германия ни в коем случае не развивалась и не становилась конкурентом английской, французской и американской промышленности на мировом рынке.

Содержание этой позорной сделки заключается в том, чтобы выбить из германского народного хозяйства в пользу союзников все те платежи, которые были Германии навязаны по Версальскому договору, для чего понадобилось передать фактически в распоряжение союзников — Англии, Америки и Франции — фактическое управление германскими железными дорогами,

фактическое управление германскими финансами, фактическое управление и руководство германским эмиссионным банком. Таким образом сделка заключена на основе превращения германского хозяйства в колониальное отделение, в колонию американского, английского и французского капитала. Сделано это, конечно, за счет германского пролетариата, и мы имеем перед собой совершенно явную и ясную сделку германской буржуазии, которая пошла на урезку своих прав и части своих доходов в пользу буржуазии американской, английской и французской в надежде на то, что все свои убытки она выколотит из германского рабочего класса.

Такова изнанка той пацифистской якобы эры, которая сейчас наступила в Европе. Она, конечно, будет только обострять все те противоречия, которые кроются во всей послевоенной Европе, которые заключаются в Версальском мире, но мы не должны забывать, что эта позорная сделка за счет германского пролетариата, превращающая Германию в колонию, что она, вместе с тем, может представить некоторый базис, на котором произойдет временное сращивание интересов капиталистов Германии, Англии, Франции и Америки.

Мы знаем, конечно, что их разделяет непреоборимое противоречие, что никакими пацифистскими лицемерными сделками затушевать эти противоречия послевоенной Европы нельзя, что Европа есть пороховой погреб, который, несомненно, должен будет взорваться, что вся эта попытка подготовляет новые войны, перестройки, катастрофы и катаклизмы.

Но на этом большом историческом этапе, общее направление которого для нас совершенно ясно, которое неизбежно ведет, силой внутренних противоречий, к ряду восстаний и революций в Европе, на этом пути могут быть этапы, когда различные интересы различных капиталистических стран временно могут быть сглажены, и сглажены они могут быть, конечно, за наш счет. Мы, таким образом, должны отдать себе отчет, что, благодаря этому временному, очень шаткому, но все-таки заключенному сейчас соглашению, которое сделано под грозящим перстом американского дядюшки, в виде генерала Дауэса, что мы можем вступить в эпоху, когда некоторое совпадение интересов капиталистов Германии, Англии, Франции и Америки может осуществиться, и что даже единый хозяйственный фронт против нас может быть воссоздан. С этим, как с той обстановкой, в которой нам придется работать, нам абсолютно необходимо сейчас считаться. Мы можем оказаться при таких условиях, когда германский капиталист, а также английский и французский, под руководством американских, может быть объединен против нас, и хозяйственная блокада, не в той грубой первоначальной форме, когда они хотели нас утопить в голоде и хо-

лоде, а в более модернизированной форме, блокада экономическая, может быть временно восстановлена. Такова одна из возможностей. Из этого вытекает то, что наше хозяйство может быть поставлено в такие условия, когда мы опять вынуждены будем рассчитывать только на самих себя, когда мы должны будем противопоставить этому намечающемуся единому хозяйственному фронту бывших союзников и Германии свой собственный хозяйственный фронт. Это не значит отнюдь, товарищи, что нам непосредственно может угрожать какая-либо опасность.

О ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ.

Надо строго различать этот намечающийся единый хозяйственный фронт против нас, который будет сказываться в вопросе о кредите, в вопросе об экспорте, в вопросе о торговых сделках, в вопросе о банковских отношениях, от непосредственной военной опасности, которая, на наш взгляд, непосредственно нам не угрожает. Уже подписание английского договора с нами, конечно, представляет для нас некоторую гарантию того, что непосредственной военной опасности перед нами не стоит. Далее, надо принять во внимание то, что Франция не сможет надолго отстать от Англии в этом деле. Ясно, что с Францией переговоры, если бы они начались, тянулись бы еще гораздо дольше, чем переговоры с Англией, ибо старые русские капиталисты и помещики задолжали французским капиталистам гораздо больше, чем английским. Французские капиталисты будут нам предъявлять счета гораздо более крупные, чем счета английские, и так как мы ради прекрасных глаз прекрасной Франции не собираемся им платить больше, чем платим англичанам, а англичанам, как вы видите, мы платим только проценты по займам, то ясно, что переговоры с Францией будут очень длительной и очень мучительной вещью, во всяком случае надолго отстать от Англии Франция не смеет, и общее направление ее политики должно будет заключаться в общем и целом в направлении на соглашение с Союзом. С Японией наши переговоры, которые ведутся сейчас в Пекине, уже подошли к такому пункту, когда речь идет только об условиях концессий на Сахалине. Все остальные пункты наших предварительных переговоров, которые должны привести к признанию и соглашению, благополучно разрешены, и остался один вопрос, после решения которого соглашение с Японией может быть немедленно подписано. Японцы требуют на Северном Сахалине, который они готовы эвакуировать (до сих пор часть наших территорий на Сахалине занята японцами), на определенных условиях концессий. Мы этих концессий на их условиях им не даем, но, во всяком случае, там складывается такая обстановка, когда непосредственная военная опасность угрожать

нам не может. С Китаем у нас полное соглашение. Сейчас идет речь о передаче нам Китайско-Восточной жел. дороги, которая задерживается только потому, что в Китае нет единого правительства, и что там каждый губернатор каждой провинции сам себе хозяин. Заключив соглашение в Пекине с центральным китайским правительством о передаче нам Восточно-Китайской жел. дороги, мы встречаем препятствие со стороны фактического хозяина трех северных провинций — Чан-Цзо-Ляна, который хочет, так сказать, что-нибудь заработать на этом соглашении. Дело это затяжное, с Чан-Цзо-Лином ведутся переговоры, но и здесь дело в той или иной форме также будет налажено. Наш конфликт с Германией кончился благополучно, мы получили полное удовлетворение в смысле принципиальном, так как экстерриториальность, т. е. неприкосновенность нашего торгового представительства признана Германией в определенных размерах, и здесь нет оснований также ожидать каких-нибудь новых осложнений, по крайней мере, для данного момента.

Эта обстановка создает, конечно, очень неблагоприятное положение для наших ближайших «друзей» соседей — Польши и Румынии, и они не отважатся сейчас на какие-либо действия. Когда мне на-днях рассказывали о том, что в связи с тем, что в Москве была заминка с доставкой хлеба, пошли слухи о военной опасности, я сказал, что мы можем совершенно серьезно толковать эти слухи, как абсолютно-провокационные и не имеющие никаких оснований. Опасность не здесь. Это мы говорим не потому, что нам надо успокоиться и сказать, что опасности нет, но надо видеть в каждый исторический момент, где реальная опасность. Нам нужно быть бдительными, поднимать нашу армию, готовиться, помнить, что мы окружены врагами, что все положение неустойчиво, что завтра любая комбинация сил может перемениться. Но в данный момент мы можем смело сказать, что непосредственной военной опасности нам не предстоит, но предстоит, вероятно, новое возрождение единого европейского хозяйственного фронта против нас на основе соглашения Германии, Франции, Англии и Америки на почве раздела германской добычи. Вот поэтому для нас и важно просмотреть, что мы можем противопоставить этому единому фронту, как идет наша хозяйственная жизнь и какие перспективы тут разворачиваются перед нами. Я хотел бы только добавить, что вся международная ситуация строится так, что если этот единый хозяйственный фронт против нас сложится, то его проводниками, идеологами, знаменосцами будет, несомненно, не кто иной, как II Интернационал. Всей своей предшествовавшей деятельностью он подготовлен именно к тому, чтобы стать во главе экономического похода против Советского Союза. Распределение сил именно таково, что если сложится на почве проекта Дауэса этот

единый хозяйственный фронт, то шейдемановцы в Германии, Рамзей Макдональд и Сноуден в Англии, Вандервельде в Бельгии, Ренодель во Франции — будут застрельщиками против Советской Республики и будут выполнять обязанности провозвестников буржуазного экономического похода против нас с чистой совестью. Эту картину нужно иметь перед собой.

НАШИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Не видя непосредственной военной опасности, но предвидя тяжелое экономическое положение, при котором нам не на кого будет рассчитывать, при котором, пожалуй, никакого займа из всех этих признаний не получится, при котором они попытаются рассесться между собой, не включая нас в общую хозяйственную систему, нам нужно посмотреть, что мы сможем им противопоставить хозяйственно и сможем ли мы продержаться.

Тот период, который прошел сейчас в хозяйственной области, может быть охарактеризован, как период от установления твердой валюты до нового урожая.

Новый хозяйственный год, который сейчас начинается, будет новым серьезным испытанием для нашей денежной реформы. Вы помните, как много скептицизма, сомнений было в марте, весной этого года, по поводу того, удастся ли нам денежная реформа? Вы знаете, что вся европейская капиталистическая пресса вместе с нашими белогвардейцами каркала, что никакой денежной реформы у нас не удастся, что это все одни большевистские фокусы, что из этого ничего не выйдет. Признаться, можно было сомневаться и нам самим, удастся ли нам такая великая экономическая мера, как денежная реформа. Теперь мы все знаем, что эта реформа проведена, закончена, но ей предстоят новые испытания. Это испытание идет из разных областей, но основное определяется, конечно, тем экономическим явлением, которое в Советском Союзе издавна определяло хозяйственный год и которое и теперь играет, к нашему глубокому сожалению, крупнейшую роль в нашем хозяйстве. Это, конечно, урожай.

То, что наш урожай играет до сих пор такую роль, есть признак нашей отсталости. Несмотря на проявленные энергичные меры к созданию социалистического хозяйства, в нашей стране стихия, которая определяет, на сколько миллионов больше или меньше будет урожай, фактически является до сих пор главнейшей и останется главнейшей до тех пор, покуда мы в этой области не научимся преодолевать силы природы, т. е. покуда не сделаем более современным наше земледелие, не поставим его на научные основы и не научимся управлять им.

ХЛЕБНЫЙ БАЛАНС И ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ.

Что же дает хлебный баланс в нашей стране? Подсчет общих итогов, из которых мы берем средний, говорит о том, что общий валовой сбор хлебов можно определить от 2 млрд 700 млн до 2 млрд 800 млн пуд. Это почти та же самая цифра, которая определяла урожай прошлого года. Можно допустить, что прошлогодний урожай мы несколько преуменьшили, когда считали валовой сбор в 2 млрд 800 млн пуд., но урожай этого года тоже может быть определен приблизительно в той же цифре. Дело, следовательно, здесь не в том, что у нас есть в стране нехватка хлеба: нам на всю страну хватит и, вероятно, не меньше, чем в прошлом году. Дело в том, что в известных местах, а именно в черноземной полосе, которая раньше давала нам избыток, теперь образовалась воронка, яма, которая не только не дает избытка, но в которую мы из других частей страны должны отправлять хлеб. Эти (приблизительно) 7 млн дес., которые постиг неурожай, на которых живет 7 млн населения, раньше выбрасывали на рынок хлеб, а теперь они сами требуют от нас хлеба. Поэтому при том, что у нас хлеба вообще в стране, пожалуй, не меньше, чем в прошлом году, вот эти явления, о которых я еще буду говорить ниже, они изменяют нашу экономику. Но раньше чем обратиться к общим экономическим явлениям, я хотел бы, чтобы товарищам было совершенно ясно, что эта нехватка хлеба, неурожай в известных областях, далеко не представляет того действительного бедствия, которое мы имели в 1921 г. Это просто с ним не сравнимо, и потому никаких оснований для какой-нибудь паники у нас нет. Доказательство — то, что мы к данному моменту смогли принять такие меры, которые при голоде 1921 г. были нам совершенно не под силу.

Когда перед нами выяснились размеры неурожая, мы поставили себе главной целью обеспечить засев полей, пострадавших от неурожая, и решили доставить туда семена. Теперь мы можем сказать, что семенная кампания закончена, и пострадавшие районы получили столько семян, что засеяли не только такой же клин, какой был засеян в прошлом году, но что посевная площадь увеличилась. Оказалось, что, сосредоточив все внимание на борьбе с неурожаем в этой области, мы послали туда семян больше, чем на самом деле нужно было, чтобы сохранить старый засев, и теперь там засев увеличился, и цены на хлеб в неурожайных местах сейчас, как это ни странно, ниже, чем в некоторых производящих губерниях. Почему? Потому, что мы оказались в состоянии немедленно двинуть туда запасы хлеба, урегулировать там цены и добиться не только прекращения паники, но добиться того, что цены на хлеб в этих районах стоят ниже чем в плодородных, урожайных местах Украины. Эта грандиоз-

ная работа указывает на то, что мы имеем уже более налаженный аппарат, и показывает, что экономика нашей страны настолько сильна, что мы могли дыру, которая открылась, заткнуть. Общий наш расход, который наше народное хозяйство понесет на этом неурожае, и средства, которые мы туда должны затратить, исчисляются, по бюджету предстоящего года, в 70 млн руб.: около 40 млн на засев и прокормление, 14 млн на организацию общественных работ, 8 млн на прокормление детей и 8 млн на кредит крестьянам под скот, чтобы не было распродажи скота; для этого мы даем кредит в самые тяжелые месяцы, чтобы крестьяне могли закупать фураж и не резать скот и чтобы на будущий год они имели возможность произвести засев и все полевые работы.

Сейчас, таким образом, в области борьбы с последствиями неурожая приняты чрезвычайно решительные меры; паника, которая тут могла появиться, была сразу прекращена, и это является доказательством, что Советская власть настолько крепка и экономически сильна, что могла сразу принять решительные меры, которые гарантируют страну от такого бедствия.

Но мы должны помнить вместе с тем, что для нас сейчас основной хозяйственной задачей явится вопрос об обеспечении продовольствием, кроме неурожайных мест, главным образом, центральных рабочих пунктов. Та временная заминка, которая была в Москве, объясняется просто тем, что надо было немедленно послать семена, чтобы они во время попали в Самарскую, Царицынскую, Ставропольскую губернии, что те хлеба, которые шли на Москву, пришлось на несколько дней повернуть в неурожайные районы; больше подобных судорог в Москве не будет, мы это абсолютно гарантируем, никаких неожиданностей на этой почве не может быть.

Но мы имеем общую проблему: обеспечить продовольствием пролетарские центры,— это раз, и обеспечить ему хлеб на целый год по определенной цене,— это два.

Основная трудность сейчас — это цены на хлеб, так как цена на хлеб сейчас переживает такие скачки, которые могут стать для всего народного хозяйства чрезвычайно опасными. Если мы возьмем прошлый год, то на 1 августа средняя цена на хлеб по всему Союзу была 51 черв. коп., а на 1 августа в этом году цена на хлеб 100 черв. коп. или 1 руб. по всему Союзу. Это значит, что хлебные цены у нас сейчас, уже при начале реализации урожая, подняты вдвое.

Теперь мы ни в коем случае не можем мыслить по старому шаблону. Вы помните, что в прошлом году первая задача для нас была «сомкнуть ножницы», мы кричали о слишком низких ценах на хлеб, указывали, что они разоряют крестьянство, суживают рынок промышленности, вызывают кризис сбыта. К концу

года мы с вами счастливо преодолели это экономическое затруднение, сжали ножницы. Теперь мы стоим перед обратным фактом. Мы имеем 100-процентный рост хлебных цен. Это основной факт. Этот факт не целиком объясняется неурожаем. Общее количество хлеба в нашей стране не меньше или сравнительно очень незначительно меньше, чем в прошлом году, продовольственная дыра, которая образовалась, и в которую мы должны насыпать хлеб для того, чтобы прокормить людей и засеять — не так велика. Но на этой почве несомненно разыгрывается хлебная спекуляция, которая очень опасна для нас. Рост хлебных цен обозначает неизбежно рост заработной платы, повышение бюджета, индекса, повышение цен всех товаров и, следовательно, величайшую опасность для нашей денежной реформы. Если мы пойдем на эти цены, если спекуляция навяжет нашему народному хозяйству не настоящую цену на хлеб, которая была бы по силам и рабочему классу и всему нашему государству, а навяжет нам спекулятивные цены — на 100% выше прошлогодних хлебных цен, то вся наша денежная реформа и все наше народное хозяйство будут поставлены под весьма большой удар. Поэтому мы должны отдать себе ясный отчет в том, что мы должны заготовить в нашей стране такие запасы хлеба и сосредоточить его в руках государства, которые делали бы нас хозяевами на хлебном рынке. Мы должны иметь в руках государства такие запасы хлеба, которые удержали бы цены в Москве, в Ленинграде, в Иваново-Вознесенске, на Урале, в Ростове и Донбассе на том уровне, который выгоден государству. Мы приблизительно должны сосчитать, какое количество хлеба мы должны заготовить для этого. Приблизительные подсчеты говорят о том, что нам придется заготовить до 400 млн пуд. хлеба, сосредоточить его в руках наших государственных органов и держать его в запасе, потому что если мы сейчас, в момент начала реализации урожая имеем среднюю цену 1 руб., то какова будет цена в марте — мае следующего года, когда уже год будет подходить к концу, когда начнется страшная скачка хлебных цен. Что будет тогда с бюджетом рабочего класса и с нашей валютой? Основная наша задача — стремиться сосредоточить в руках государства хлебные запасы, стремиться решительно вмешаться в игру на хлебных ценах, борьба при помощи госзапасов со всякой хлебной спекуляцией. Мы должны остаться хозяевами на хлебном рынке, если мы хотим удержать все те победы, которые мы в экономической области за прошлый период времени имели.

Как при этом обстоит дело с вывозом? Мы должны прямо сказать, — если в прошлом году мы говорили, что экспорт хлеба есть очередная задача, то теперь мы должны перевернуть эту проблему, мы должны сказать так — и рабочий класс и крестьянство должны это знать: обеспечение продовольствием основных

хозяйственных районов, сосредоточение в руках государства необходимых и крупных запасов хлеба, которые позволили бы маневрировать впредь до нового урожая в следующем году, это есть основная задача, и только если она будет выполнена, тогда мы сможем подумать о вывозе; впредь до того как она будет выполнена,— задача вывоза отодвигается.

Мы должны будем усилить, поэтому, для создания активного баланса вывоз всяких других продуктов. У нас есть лес, который необходим в первую очередь той же самой Англии, которая решила строить ежегодно, в виду жилищного кризиса, 100 тыс. домов, причем на это у них есть денежки, тогда как у нас в Москве мы этого не имеем. Они решили строить ежегодно 100 тыс. домов, у них для постройки нет леса, они их смогут строить из русского леса, и вот, организуя лесной экспорт как следует, мы сможем пополнить в нашей валюте, в нашем экспорте тот недостаток, который образуется от задержки и, во всяком случае, от сокращения вывоза хлеба. То же самое надо сказать и о нефти. Мы должны усилить вывоз нефти. Вывоз же хлеба должен быть в прямой зависимости от состояния в руках государства крупных, регулирующих маневренных запасов хлеба для понижения цен на внутреннем рынке.

Но вы понимаете, товарищи, что сама проблема,— мы должны закупить на внутреннем рынке миллионы пудов хлеба,— сама эта задача естественно и безусловно поднимет цены на хлеб. Когда мы предъявим от имени государства такой сконцентрированный спрос на хлеб, ясно, что тогда кулацкие элементы деревни, мелкие посредники, спекулянты наживутся на этом. Они явно будут гнать как можно выше цены на хлеб. Тут мы должны помнить, что мы — монополисты на хлебном рынке, мы — главные покупатели, а поэтому мы можем маневрировать так, чтобы, закупая этот хлеб, не создавать базы для хлебных спекулянтов. С другой стороны есть другое орудие, — это орудие называется налог. Крестьянин должен для уплаты налога продать известное количество своих продуктов и, главным образом, конечно, хлеб. Маневрируя правильно в монопольном положении как закупщики и заготовители, маневрируя правильно налогом на крестьянство, мы сможем сделать то, что абсолютно необходимо в интересах бюджета, в интересах всего народного хозяйства в целом, в интересах беднейших слоев крестьянства, в интересах рабочего класса, т. е. мы должны будем поставить цену на хлеб на такой уровень, который действительно был бы справедливым вознаграждением крестьянину, но который не задушил бы рабочего класса. Какова эта цена? Эту цену, конечно, определить трудно, но во всяком случае она будет процентов на 40 выше прошлогодней цены, т. е. раза в полтора выгоднее для крестьянства, продающего хлеб.

*

Если вы вспомните о том, каковы в прошлом году были цены на хлеб в некоторых местах,— я не говорю о тех местах, где его продавали по 20—30—40 коп., но если взять те места, где его продавали по 50 коп., то теперь, имея возможность реализации хлеба, скажем, по 70 коп., крестьянство, несомненно, получит ту надбавку, которая полезна для крестьянского хозяйства, которая поможет развитию нашей собственной промышленности, необходимой для крестьянина. Мы не должны также забывать того, что в этом году мы сложили с крестьянства эмиссионный налог. В прошлом году мы взяли при помощи эмиссии в государственный карман до 200 млн руб., теперь, с момента прекращения выпуска бумажных денег, совзнаков, этого эмиссионного налога нет, этот эмиссионный налог уже не уплачивается. Таким образом, повторяю, интересы народного хозяйства в общем и целом требуют, а общее положение дает возможность вести борьбу с хлебной спекуляцией при помощи определенного снижения ненормально вздувшихся хлебных цен при помощи запасов в руках государства и маневрирования ими. Это одна из тех задач, которые будут определять все развитие нашего хозяйства на ближайшее полугодие, если не на целый год.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

В связи с этим положением возникает вопрос, а как же быть с нашей промышленностью,— не придется ли сузить рынок для нашей промышленности, перед какими перспективами стоит наша промышленность?

Если мы взглянем на последние данные, которые имеются у нас, то мы должны будем сказать, что наша промышленность за последние месяцы все время идет разворачивающимся темпом. Если не считать сезонных задержек, отпусков, некоторого сезонного снижения, естественного в июне — июле месяцах в области текстиля и других областях, то общая тенденция повышения и расширения производства, несомненно, налицо. Не буду затруднять вас цифрами, ибо, кто интересуется ими для своих докладов, пусть возьмет конъюнктуру народного хозяйства за июль месяц и там увидит таблицы, которые показывают непрекращающийся рост промышленности.

С другой стороны, у нас есть данные об оборотах. Я эти цифры вам приведу. Если взять только те обороты, которые прошли через биржу в Москве и по 40 провинциальным биржам, то мы увидим, что за май, июнь и июль 1923 г. эти обороты достигали 500 млн руб., а за те же месяцы в этом году эти обороты достигают 640 млн руб. Обороты по этим только биржам в этом году, в эти летние, обычные месяцы затишья, повысились на 30%. Одним словом, наша промышленность пере-

живает период подъема, расширения производства, увеличения оборота. Главным образом, это, конечно, в легкой индустрии, т. е. той индустрии, которая работает на широкого потребителя.

Но вместе с тем и несмотря на это, мы несомненно переживаем бестоварье. Товаров не хватает. Если в прошлом году мы бились над вопросом о кризисе сбыта, когда не покупали, не брали наших товаров, теперь оказывается, что у нас товаров не хватает. Вот последняя справочка, которую сегодня дал мне т. Лежава: на нижегородской ярмарке мануфактуру уже расписали, не продали, а расписали предварительно, причем, расписав весь товар, удовлетворили только 20% спроса, а 80% не могли удовлетворить за отсутствием товара, и те, которые попали в это расписание, ходили как счастливчики. Вот каково положение: расширяющееся производство, увеличение продукции и выработки и вместе с тем бестоварье.

Таково положение сейчас. Что же предстоит в дальнейшем? Как известно, крестьянство является главным покупателем. Когда пришли первые вести о неурожае, в промышленности наметилась некоторая паника; некоторые говорили о свертывании промышленности, но это очень быстро прошло. И мы совершенно сейчас уверены, что рынок для промышленных товаров не только не сузится в этом году, но в общем и целом он, вероятно, расширится. Почему? Да по той простой причине, что если мы даже выключим неурожайные районы, то повышение цены на хлеб, даже если нам удастся их сбить с уровня, на котором они сейчас стоят, дадут крестьянству больше возможностей покупать городские продукты, чем они имели в прошлом году при низких ценах на хлеб. Не говоря о том, что если бы нам не удалось,— чего не дай... Маркс,— если бы нам не удалось нашу политику провести, сбить цены, если бы осталась сегодняшняя средняя цена — рубль, то вы понимаете, что крестьянство, которое держит в своих руках во всей стране почти такое же количество хлеба, как в прошлом году, а продает его вдвое дороже, оно будет иметь громадные запасы сравнительно с прошлым годом для оплаты городской промышленности и сможет свои закупки производить в гораздо более широких размерах. Но если нам, на что мы должны надеяться, удастся наша политика прекращения хлебной спекуляции, низведения хлебных цен до справедливого уровня, по более высокого чем в прошлом году процентов на 40, то и тогда резервы крестьянства, которые оно сможет предъявить городу, чтобы получить от города товары, все же будут гораздо больше прошлогодних.

Рынок для промышленности в общем и целом будет расширяться. Мы не предвидим поэтому сжатия промышленности, а, наоборот, предвидим расширение промышленности. Оно уже есть. Я все-таки прочитаю те данные, к которым я вас отсылал,

потому что в них содержатся не только данные развития производства, но и некоторые любопытные данные о количестве рабочих. Вот что пишет Госплан в своем докладе в СТО, который мы недавно там разбирали. «В каменноугольной промышленности июль дает 56 млн. пуд. против 49 в июне. За этот месяц увеличение на 13%. Количество рабочих возросло с 129 тыс. на 134 тыс. или на 4%. Нефть дала увеличение за эти месяцы на 16%. Общее число рабочих по металлической промышленности за этот один месяц возросло на $3^1/_2$%. Число рабочих во всей текстильной промышленности по сравнению с июнем почти не изменилось (несмотря на сезонный перерыв работ). Увеличение продукции табачной промышленности на 50%, махорочной — на 24%, резиновой — на 86% и т. д.». Таким образом, мы начинаем видеть, что промышленность, повышая свою продукцию, вместе с тем начинает впитывать в себя тот кадр безработных, который у нас образовался. Этот процесс чрезвычайно ценный, но он только намечается. Это было до реализации урожая, покуда крестьянство потребительского спроса еще не предъявляло, покуда предъявляют спрос торговые предприятия и кооперация в расчете на октябрьский и ноябрьский спрос крестьянина после того, как он уплатил продналог, продаст свой хлеб и предъявит свой спрос. Итак, мы здесь находимся в таком положении, что имеем возможность дальнейшего расширения промышленности, но мы должны подчеркнуть, что тут встает проблема снижения цен на промышленные изделия. Расширять промышленность мы сможем только тогда, если будем проводить и дальше политику снижения цен на основные промышленные продукты. Мы должны отдать себе отчет, что эту политику нельзя проводить до бесчувствия. Никто из нас не собирается раздарить промышленность, мы знаем, что промышленность — это наш основной стержень, основной хребет и что если она разобъется, то у нас ничего в руках не будет. Но мы должны дать себе отчет, что расширение крестьянского рынка в дальнейшем, расширение промышленности, увеличение ее оборота, увеличение количества занятых в ней рабочих возможны только в том случае, если мы будем проводить разумные цены и тем самым расширять поле поглощения продукции промышленности. Этот вопрос связан с оборотными средствами.

Здесь перед нами трудная задача. Мы должны дать себе отчет, что в следующем году, как и в ближайший период, мы будем в таком противоречии. Крестьянство, несмотря на неурожай, будет предъявлять нам более широкий спрос. Общая экономическая жизнь страны несомненно будет подниматься. Потребности рабочих и крестьян будут расти, и спрос их в общей массе в нашей промышленности будет повышаться. Вместе с тем мы должны будем производить снижение цен для расширения нашего

производства. Но самое снижение цен и расширение производства будет требовать от нас вложения в промышленность больших дополнительных оборотных капиталов, а их у нас очень мало. Вот основная загвоздка, трудность, которая нас наталкивает, с одной стороны, на мысль о том, что недурно бы сговориться с английскими капиталистами и получить у них заем для того, чтоб обернуться и дать необходимые средства промышленности, с другой стороны, заставляет нас изыскивать всячески эти средства. Это положение тормозит то экономическое развитие, которое легко бы нам далось, на рельсах которого мы стоим и по которому мы не можем полностью итти, потому что не можем вложить достаточно средств в нашу промышленность, хотя знаем, что эти средства к нам вернулись бы и окупились бы. Мы должны соблюдать равновесие и равномерность движения. Мы имеем сейчас такую картину — при благоприятном разворачивании легкой индустрии, превышение в некоторых отраслях тяжелой индустрии всех намеченных нами планов. Мы можем это отметить как одно из важнейших завоеваний. Скажем, мы намечали в Донбассе в этом году производственную программу в 450 — 500 млн пудов, а в конце года приехали товарищи из Донбасса и сказали: извольте получить, мы выработали 515 млн. Мы их похвалили, мы сказали: вы хорошо, товарищи, работали, вы выработали больше, чем мы вам указали,— но что же нам делать с этим излишком? С целью развития добычи в Донбассе мы всей партией налегли на эту всероссийскую кочегарку и вытащили ее так, что перескочили все пределы и получили столько угля, что — так как металлургия у нас застряла и отстает — уголь девать некуда. То же самое получилось в области нефти — и там превзошли производственную программу и получили такое количество нефти, которое даже при усиленном вывозе за границу дает излишки, которые мы не сможем потребить внутри. И теперь уже у нас получается даже некоторая борьба между углем и нефтью. Это показывает на неравномерность в развитии народного хозяйства, и наша очередная задача в том, чтобы подтягивать отрасли, которые потребляли бы это топливо.

В общем и целом на ближайший год мы должны наметить в первую очередь подтягивание металла. Легкая индустрия у нас разворачивается, но у нее недостаточно оборотных средств, и перед нами стоит задача улучшения ее организации и улучшения ее торговых оборотов. Уголь и нефть вышли из этого периода, могут уже стать на ноги, и если они испытывают затруднения, то только потому, что не находят достаточно сбыта из-за недостаточного развития других отраслей. А металл еще не имеет достаточного развития производства, и поднятие металлургической промышленности есть первоочередная задача.

А с другой стороны, мы должны обратить усиленное внимание

на подъем сельского хозяйства. Для того чтобы получить равновесие, для того чтоб устранить такое положение, когда беда происходит не от того, что нет угля, а от того, что мы не можем переварить всей добычи угля, — для этого надо подтягивать не только металл, но необходимо поднимать уровень сельского хозяйства. Поэтому в нашем бюджете на будущий год усилено ассигнование на металл и на сельское хозяйство, т. е. на предоставление кредита крестьянству. Это основные статьи, на которые мы обращаем особое внимание в бюджете будущего года.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ЗАРПЛАТА.

Чтобы вполне охарактеризовать положение, я должен в двух словах остановиться на вопросе о производительности труда и зарплате. И я должен прямо сказать, что здесь у нас, товарищи, неблагополучно. Вся та картина, которую я перед вами развил, заключается в том, что, несмотря на неурожай, мы идем с повышательной тенденцией. Мы разворачиваемся экономически, перед нами не существует непреодолимых затруднений. Неурожай, несомненно, задерживает темп развития. Если б у нас не было этого проклятого неурожая на 7 млн дес., то мы, конечно, превзошли бы в этом году прошлый год в несколько раз и чувствовали бы биение пульса сильнее. Но неурожай задержал временно темп развития, не отклоняя его в сторону и не обрывая. Пойдем мы теперь, несомненно, несколько медленнее. Мы должны отдать себе отчет, что развитие это должно быть уравновешено с двух сторон: с одной стороны — сельское хозяйство, с другой стороны — промышленность. В промышленности, в области зарплаты мы имеем несомненные достижения, но при сопоставлении заработной платы с производительностью труда мы имеем картину, которая должна быть преодолена. Я вам прочту несколько цифр, которые, по-моему, должны быть разъяснены всему рабочему классу, которые, по-моему, в деле экономической нашей агитации, в деле обучения Ленинского призыва основным экономическим задачам стоят перед партией и должны сыграть громаднейшую роль, потому что мы должны сказать нашим товарищам по рабочему классу правду, и скажем им так: расширение производства и снижение цен, которое необходимо для расширения производства, не будут возможны, если производительность труда не будет поднята.

Вот предо мной в журнале «Большевик» таблица на основании данных ВСНХ, которая дает несколько цифр по ряду крупных наших предприятий. Вот Сормово — я беру выпуск продукции на одного рабочего в месяц по довоенным ценам. Если взять, что в 1913 г. приходилось 100 единиц в месяц про-

дукции на одного рабочего, то теперь приходится 30 единиц, а заработная плата, если считать в 1913 г. 100 единиц, теперь — 62. Следовательно, продукция составляет 30% от довоенной, а заработная плата — 62 — 63%. Возьмем другой, Брянский завод, — продукция на одного рабочего в месяц, если считать в 1913 г. 100 единиц, то в 1924 г. 37 — 38, а заработная плата, если считать в 1913 г. 100, то в 1924 г. — 63. Значит, продукция составляет только 1/3 довоенной, а заработная плата 2/3. Возьмем ленинградскую промышленность — Ленинградский трест крупного машиностроения — продукция 32% на одного рабочего в месяц сравнительно с довоенной, а заработная плата — 67% довоенной. Конечно, мы должны отдать себе отчет, что и заработная плата недостаточна и производительность никуда не годится. Но ежели бы мы пошли таким темпом, т. е. если бы мы оставались на этом уровне производительности труда, то, так как нам никакой английский король еще денег не дал, мы обязательно вылетим в трубу или будем сидеть все время на шее у... сельского хозяйства. А нам, коммунистам, это не годится.

Налоги очень тяжелы, мы должны отдать себе полный отчет в этом, налоги больше прошлогодних налогов. Косвенный налог очень силен. Наш бюджет на следующий год составлен приблизительно на 2 млрд 100 млн руб. Мы предполагаем 2 млрд 100 млн руб. израсходовать в наступающем 1924/1925 хозяйственном году. На эту сумму мы должны получить доходов 2 млрд 100 млн руб., из них только около 150 млн представляют собою поступления от нашей промышленности и госторговли. Видите ли, мы производим 515 млн пуд. угля, около 400 млн пуд. нефти, а записываем себе в доход от наших фабрик и заводов за весь год очень небольшую сумму. Ясное дело, товарищи, что для социалистической страны эта картина мало соответствующая, поэтому усиление производительности труда является основной нашей внутренней задачей. Если мы, как партия, через ленинский призыв, через весь наш аппарат агитации и воздействия на рабочий класс, если все профсоюзы не направят сюда своих усилий и если рабочий класс весь целиком не поймет, что это его очередная задача, что здесь должны быть внесены коренные изменения, то тогда медленное наше развитие может стать прямо угрожающим, катастрофическим. Расширение производства, что представляет собой сокращение безработицы, полная нагрузка заводов, удешевление производства, т. е. оздоровление нашей промышленности и всей нашей экономики и укрепление позиций пролетариата против мелко-буржуазной стихии нэпа могут быть достигнуты только на почве повышения производительности труда.

ОПАСНОСТИ ЕСТЬ, НО ПРИ ПРАВИЛЬНОМ МАНЕВРИРОВАНИИ МЫ ИХ ПОБЕДИМ.

А опасности, которые стоят перед нами, не должны быть от нас скрыты. Основную международную опасность я указал. Не прощупывая нас штыком, на что у них не хватит теперь кишки и на что они, вероятно, не скоро соберутся, они будут пытаться нас свалить экономической изоляцией. Сговорившись с германской буржуазией, они, вероятно, попытаются оттянуть нам кредиты, оттянуть нам займы, оттянуть нам те сделки, которые представляют для нас выгоду, и скажут: ну-ка, попробуйте вы сами! При экономической конъюнктуре, которую я рассказал, которая есть, несомненно, победа и продвижение вперед, все-таки нам будет очень трудно. Но это опасность от капиталистического окружения, а мы не можем забывать и опасности от внутреннего окружения пролетариата. А она есть. Неурожай будет усиливать процесс расслоения деревни, в этом нет никаких сомнений. Бедняк станет беднее, но богач, у которого хлеб уродился, — кулак, — на этих высоких ценах спекульнет так, что станет богаче, чем раньше. И неурожай может стать элементом, при котором тот, у которого есть хлеб, возьмет в кабалу того, у кого хлеба нет, и получивши высокую цену, как теперь, — в некоторых местах до 2 руб., — кулацкие элементы деревни поднимутся. Вместе с тем поднимутся и элементы посреднические, поднимется тот, кто сыграет на хлебе, кто сумеет сыграть роль посредника между деревней и нашей промышленностью. Ведь мы только поставили своей задачей, чтобы кооперативы стали приводным ремнем, который переносит от промышленности товары крестьянину, и наоборот, но эта задача пока еще не выполнена, а покуда она будет выполнена, посредники, частные спекулянты, розничники при этой конъюнктуре выиграют. Мы регулируем оптовые цены, говорим тресту: не продавай дороже того-то и того-то: но ведь это полное оправдание имеет тогда, когда по этой цене получает крестьянин-потребитель. Но если мы с вами не научились непосредственно или через кооперативы переносить эту коробку спичек, на которую мы понизили цену, или ситец, на который мы понизили цену, непосредственно к крестьянину, а тут встревает посредник, розничник, то он при понижении оптовых цен продает дороже и кладет в карман разницу. При слабости розничной государственной торговли и кооперации процесс некоторого ожирения этого самого розничника наблюдается. На почве недорода, высоких хлебных цен этот процесс будет широко развиваться. Следовательно, нэповская опасность, усиление позиции нэпманов перед нами стоит, и этому мы можем противопоставить только более систематическую организацию, более сосредоточенное наступление нашей государственной промышленности. Как? Через

снижение цен, борьбу с частным капиталом, улучшение организации торговли и производства и расширение его, в первую очередь. А без повышения производительности труда все это недостижимо.

Вот почему картина, которая мне рисуется, такова. Мы вступаем в новый хозяйственный год на почве ряда завоеваний, которые имеем. Первым и важнейшим завоеванием является твердая валюта, вторым — организация рынка, расширение производства, намечающееся и уже происходящее увеличение покупательной способности крестьянских масс, улучшение общего благосостояния. Мы можем сейчас сказать: устойчиво, на более высоком уровне, повышательная тенденция во всех областях намечается совершенно явно. Но есть опасность. Плохо будем маневрировать, упустим возжи из рук, не справимся с хлебными ценами, полетит валюта. Полетит валюта — это значит возвращение к совзнаку, расстройство рынка, расстройство калькуляции, расстройство всего производства. Опасность — в высоких хлебных ценах, опасность — в не вполне еще укрепившейся валюте, опасность в том, что промышленность отстает от предъявляемого к ней спроса, не может расшириться от недостатка оборотных средств и от пониженной производительности труда. Опасность — в росте кулацких элементов в деревне на почве недорода и хлебной спекуляции. Таким образом, не предаваясь никакому излишнему оптимизму, мы должны сказать: перед нами порядочные затруднения, но в общем хозяйственная дорога выбрана нами правильная, и мы можем быть уверены, что при правильном маневрировании, держа руки на рычагах, а рычаги у нас громадные — наша промышленность, наш транспорт, наши банки, наша валюта,— мы сможем сманеврировать так, чтобы дать очень сильный толчок вперед нашему хозяйственному развитию. Я хотел бы закончить свой доклад указанием на то, что нет никакого сомнения в том, что в партии нашей сейчас идут здоровые процессы, в жизни ее мы не видим явлений, которые внушали бы опасения за ее единую, твердую волю, которые внушали бы мысли о колебаниях. Наоборот, за последнее время мы получили в лице Ленинского призыва такой действительный приводный ремень к подлинной беспартийной массе, при помощи которого всю политику, которую я наметил, мы сможем провести. А если мы проведем эту политику, не сорвем валюту, обеспечим цены на хлеб для рабочего класса такие, которые бы не заставляли зарплату прыгать, не будет у нас волынки и бузы, валюта будет крепка, промышленность будет развиваться; тогда мы с англичанами еще очень и очень поговорим насчет того процента на заем, который они от нас требуют.

ЗАДАЧИ БЛИЖАЙШИХ МЕСЯЦЕВ.[1]

Тот период, который прошел сейчас в хозяйственных областях, может быть охарактеризован как период от установления твердой валюты до нового урожая.

Новый хозяйственный год, который сейчас начинается, будет новым серьезным испытанием для нашей денежной реформы. Вы помните, как много скептицизма и сомнений было в марте, весной 1924 г., по поводу того, удастся ли нам денежная реформа. Вы знаете, что вся европейская капиталистическая пресса вместе с нашими белогвардейцами каркала, что никакая денежная реформа у нас не удастся, что все это одни большевистские фокусы, что из этого ничего не выйдет. Признаться, можно было сомневаться и нам самим, удастся ли нам такая великая экономическая мера, как денежная реформа. Теперь мы все знаем, что эта реформа проведена, закончена, но ей предстоят еще новые испытания. Эти испытания идут из разных областей, но основное определяется, конечно, тем экономическим явлением, которое в Со-

---

[1] При издании перепечатываемой работы отдельной брошюрой в предисловии автора от 8. IX 1924 было сказано: В основе книжки «Задачи ближайших месяцев» лежит доклад, прочитанный мною перед массовым партийным собранием Краснопресненского района. Для печати я дополнил этот доклад фактами и соображениями, развитыми в моих докладах ответственным работникам московской организации от 22 августа и собранию председателей сельских кооперативов Московской губернии от 26 августа.

Все эти доклады имели целью ориентировать товарищей в том, какие задачи выдвигают перед партией и Советской властью международная обстановка и наше внутреннее хозяйственное положение на ближайшие месяцы. Вступая в новый хозяйственный год, необходимо дать себе отчет хотя бы в общих линиях нашей политики в области таких кардинальных вопросов, как вопросы укрепления денежной реформы, хлебных цен, ликвидации последствий неурожая, экспорта, объема внутреннего рынка для продуктов промышленности, поднятия производительности труда, бюджета, перспектив иностранного займа и т. п.

Мне хотелось указать, как отдельные предприятия и отдельные кампании партии и советского правительства в различных областях увязываются в одну линию, направленную к укреплению социалистического хозяйства. Здесь я хотел бы еще раз подчеркнуть исключительную важность одной из очередных кампаний, именно—кампании за поднятие производительности труда, нашедшей свое отражение в решениях Пленума ЦК о заработной плате и в ряде статей и заявлений т. Дзержинского.

ветском Союзе издавна определяло хозяйственный год и которое теперь играет, к нашему глубокому сожалению, крупнейшую роль в нашем хозяйстве. Это, конечно, урожай.

То, что наш урожай играет до сих пор такую роль, есть признак нашей отсталости. Несмотря на проявленные энергичные меры к созданию социалистического хозяйства, в нашей стране стихия, которая определяет, на сколько миллионов больше или меньше будет урожай, фактически является до сих пор главнейшей и останется таковой же до тех пор, покуда мы в этой области не научимся преодолевать силы природы, т. е. покуда не сделаем более современным наше земледелие, не поставим его на научные основы и не научимся управлять им.

Если бы меня спросили, какие самые важные для данного момента пункты нашего внутреннего положения, пункты, на которые вся партия в целом должна обратить особое внимание и которые на несколько месяцев определят наше положение—я бы сказал, что таких основных пунктов два: первый — это цены на хлеб, второй—это производительность труда. Я сейчас попытаюсь вам показать и доказать, что эти два пункта являются действительно узловыми пунктами для всей нашей партийной политики, а, следовательно, и для политики и для положения всего рабочего класса.

Год тому назад все мы ломали себе голову над ножницами, т. е. над расхождением цен на промышленные продукты и на продукты сельского хозяйства. Мы видели, что ценность продуктов сельского хозяйства сильно отстает, сильно падает, что поэтому покупательская способность крестьянства сокращается, что товары наши не проходят в деревню и что на этой почве мы можем ожидать ударов по нашей промышленности, можем притти к такому положению, когда за отсутствием крестьянского спроса нам придется сокращать производство в городах, а следовательно, закрывать фабрики и увеличивать количество безработных.

Это была такая опасная картина, что вполне естественно, что вся партия, а за партией и все другие организации рабочего класса навалились на этот пункт и сумели сжать ножницы, сумели предотвратить этот кризис, и мы имеем на почве преодоления рабочим классом этих ножниц не сокращение производства, а его расширение, не сужение рынка для продуктов промышленности, а его расширение.

Такова была главная основная задача осенью 1923 г.

Что же мы видим в этом году? Картина совершенно изменилась, и беда была бы, если бы мы, не проанализировав нынешнее положение, стали бы повторять то, что мы делали в 1923 г.

Каково сейчас положение? Оно очень простое. В 1923 г. в августе месяце средняя цена на хлеб по всему нашему Союзу

была 50 черв. коп. Сейчас средняя цена хлеба по нашему Союзу — 1 руб., т. е. она выросла ровно в два раза.

Вот это я считаю основным фактом, который нужно понять и с которым нужно считаться для того, чтобы вести правильную политическую и экономическую линию. Казалось бы на первый взгляд, что положение не дурное. Раз мы сами говорили, что крестьянство слишком слабо для того чтобы купить продукты нашей промышленности, раз мы сами боролись с низкими ценами на хлеб, то теперь нам остается только радоваться. Но мы думаем, что счастья нам привалило немножко слишком много. Когда цена на хлеб вскакивает в два раза, то такое положение может подорвать наше хозяйство.

В чем тут дело? Конечно, первый ответ, который напрашивается, таков: был в стране неурожай, раз неурожай — хлеба мало и хлеб стал дороже. Верно ли это? Я думаю, что нет. Потому что против подобного ответа говорят цифры.

В прошлом году по всей стране было собрано 2 млрд 800 млн пуд. хлеба. Сравнительно с довоенной продукцией — это мало, потому что до войны Россия производила до $3^1/_2$, а в урожайные годы до 4 млрд пуд. хлеба и около миллиарда из этого количества вывозила за границу, получая в обмен на этот миллиард вывозного хлеба то, что мы сами не производили, и то, что нам было необходимо — электричество, химию, сырье, которых всегда не хватало в нашей стране.

Но во всяком случае в 1923 г. мы имели 2 млрд 800 млн пуд. хлеба и могли вывезти 200 млн пуд. На эти 200 млн пуд., которые мы вывезли, мы закупили, главным образом, в Америке хлопок и если наши текстильные фабрики теперь работают, то именно потому, что в обмен на наш хлеб, вывезенный в 1923 г., мы могли привезти хлопок, ибо хлопка туркестанского нам не хватает. Мы, кроме того, могли закупить целый ряд оборудований для нашей электрификации, целый ряд продуктов, которых мы не производим, и, главным образом, благодаря тому, что мы в руках держали иностранные деньги, полученные в обмен на 200 млн. пуд. хлеба, мы могли помешать заграничным биржам сбить нашу валюту, наш червонец.

Такова была картина урожая в 1923 г. — 2 млрд 800 млн пуд. Сколько же мы имеем в 1924 г.?

Вы знаете, товарищи, что статистика у нас прихрамывает и не стоит еще на достаточной высоте. Что ж тут поделаешь? Люди мы с вами в деле государственного управления молодые; немудрено, что у нас некоторые отрасли хромают. Но все-таки некоторый опыт мы имеем. И вот, сравнивая различные цифры нынешнего урожая, мы приходим к таким данным: Центральное статистическое управление говорит, что у нас урожай в нынешнем году от 2 млрд 700 млн до 2 млрд 800 млн пуд. Когда нам

Центральное статистическое управление сообщило эти цифры, мы естественно подумали: может быть, товарищи из ЦСУ, которые сидят в центре, в Москве, сами непосредственно деревни не видят, может-быть, они преувеличивают. Спросили Наркомзем, т. е. ведомство, которое специально должно ведать земледелием и крестьянским хозяйством. Мы думали, что эти товарищи будут оспаривать цифры ЦСУ. Но оказалось, что разногласие не так велико и что к данному моменту оно почти сошло на нет. И те и другие сходятся на том, что валовая продукция крестьянского хозяйства не ниже 2 млрд 700 млн пуд. хлеба. Мы проверили эту цифру на местах, оказывается — это так. Но если это так, то мы имеем приблизительно столько же или почти столько же, сколько имели в 1923 г., и тогда эта разница, эта беда, которая на нас свалилась, не должна была бы оказывать такого влияния на хлебные цены, которые мы сейчас, осенью 1924 г., наблюдаем.

Мы можем теперь смело сказать, что общее количество хлеба, которое наша страна будет иметь в 1924 г., приблизительно равно тому, что было собрано в 1923 г., несмотря на то, что у нас есть неурожай.

Почему так? Да потому, что у нас за этот год увеличилась площадь посева. Это процесс, который начался еще с 1920 г. и который заключался в том, что мы ежегодно прибавляли площадь посева. В 1924 г. было засеяно в некоторых местах больше прошлогоднего, и это увеличение посевной площади и расширение урожая некоторых районов покрывают ту нехватку, которую мы имеем в некоторых губерниях. Из 80 млн дес., которые засеяны, нехватка приблизительно на 7 млн дес. и нехватка этого хлеба коснулась приблизительно 7 млн крестьянского населения, которые на этих 7 млн дес. живут. Тут надо принять во внимание следующее: неурожай коснулся таких районов, которые обычно имеют излишки хлеба и их продают. Значит, в губерниях Саратовской, Самарской, Царицынской, Ставропольской крестьяне сеяли то, что им нужно было, и, кроме того, имели излишки. В этом году там образовалась дыра, куда хлеб надо накачивать из других районов. Поэтому получается, что при общем количестве урожая, немного меньшем, а, может-быть, и равном прошлогоднему, когда ни о каком голоде нельзя было и говорить, получается, что при этом мы имеем дыру, воронку, в которую должны насыпать хлеб из других районов.

Сколько нам нужно хлеба для того, чтобы удовлетворить потребности этих районов? Каковы их потребности и что мы должны были сделать? Мы должны были употребить все усилия для того, чтобы посевная площадь тех губерний, которые были захвачены неурожаем, ни в каком случае не сократилась. Следовательно, мы должны были снабдить крестьян тех районов всем тем количеством семян, которое им было необходимо, и

теперь мы можем смело сказать, что и это дело сделано. Неурожайные районы получили в течение самого короткого времени 9 млн пуд. зерна и засев, который там, в неурожайных районах, произведен, уже теперь больше того клина, который был засеян в 1923 г. Мы сбили этим панику, а там действительно на почве неурожая началась паника, там началась безумная продажа скота, налетели скупщики, цена на крестьянский скот пала, и на этой почве кулачье стало наживаться; но когда пришли вагоны с зерном, и хлеб стали продавать через кооперативы по твердой цене, то паника прекратилась, крестьяне увидели, что действительно Советская власть приходит им на помощь, и что они получают необходимое им количество зерна.

В общем и целом средства, которые мы должны затратить на помощь неурожайным районам, потребуют от нас в бюджетном 1924 году 70 млн руб.

Из них:

40 млн руб. — на снабжение крестьян семенами и хлебом по твердым ценам: 14 млн руб. — на общественные работы; 8 млн руб. — на пропитание детей и 8 млн руб. — на поддержание скота в крестьянских хозяйствах, на кредит для закупки крестьянам фуража для того, чтобы они могли не распродавать свой скот и могли в следующем году начать работы. Вот размеры неурожая. Мы спокойно оглядываем положение дел и спокойно можем сказать, что бедствие, которое нас постигло, конечно, очень велико, неприятно, но оно далеко не достигает уровня 1921 г. и вообще потрясти наше хозяйство не может. Темп развития, которым мы идем вперед благодаря этому тяжелому грузу, придется немножко замедлить, но никакого кризиса в нашем хозяйстве этот неурожай создать не может. Поэтому я и сказал, что, когда мы знаем, что общая сумма хлеба, которую в этом 1924 г. страна будет иметь, почти такова же, как и в прошлом году, когда мы видим, что эта воронка не так уж велика, — тогда я говорю, что, следовательно, неурожай не есть объяснение такого страшного вздувания цен, того, что они взлетели на 100% к самому началу реализации урожая. В чем же тут дело?

А дело в том, что на почве паники, на почве пестроты урожая, на почве слухов, которые пошли относительно неурожая, кулацкие элементы деревни явно придерживают хлеб, начинается спекуляция, хлеб начинают придерживать, дожидаясь того времени, когда цена на него будет все больше и больше повышаться. А какие опасности из этого могут для нас проистечь?

Очень ясно, товарищи, что, если действительно хлеб вскочит у нас в стране в два раза больше, чем в прошлом году, то за ним поднимутся и все остальные товары. Если же произойдет этот процесс общего вздорожания товаров, то, для того чтобы

сохранить тот уровень жизни рабочего класса, до которого мы дошли теперь, мы должны будем непосильно поднимать заработную плату. Если произойдет повышение заработной платы, и все товары поднимутся в цене, ясно, что мы своего бюджета не выдержим. Денег, которыми располагает государство, не хватит, и нам придется обратиться к тому же самому средству, на котором мы ехали пять лет и которое отказалось нас везти, т. е. к выпуску бумажных денег, к эмиссии, к печатному станку, на который мы нажимали в эпоху гражданской войны, от которого отказались, перейдя к твердой валюте. Твердой валюты мы не удержим, если будет расти спекуляция в связи с ростом хлебных цен.

Ну, а что было бы, если бы мы позволили сорвать нашу твердую валюту, если бы мы должны были обратиться к совзнаку? Мы все знаем, какое разорительное хозяйство было у нас еще год или девять месяцев тому назад, когда мы имели совзнак, который каждый день падал, на котором теряли крестьяне и рабочий класс. Он разорял всех благодаря отсутствию всякого плана в хозяйстве, не давал возможности создавать никаких балансов и превращал все народное хозяйство в кашу и неразбериху.

Этого мы должны бояться больше всего. А между тем, это может случиться, если партия, рабочий класс, сознательные элементы крестьянства не обратят внимания на то, что хлебная спекуляция ни в каком случае не допустима, и что повышение цен, которое мы сейчас наблюдаем в некоторых районах, представляет государственную опасность.

Значит ли это, что мы против того, чтобы крестьянин получил больше за хлеб? Нет. Мы стоим на том, что цена на хлеб должна быть справедливой оплатой крестьянского труда и крестьянского хозяйства, но эта цена должна быть и по плечу рабочему классу. Крестьянин в прошлом году продавал хлеб за 20, 30, 40, в среднем за 50 коп. Если бы в этом году крестьянин мог получить не 50 коп., а по 70 — 80, что бы это значило? Это значило бы, что крестьянин получил в этом году средств на 40 — 50% больше, чем в прошлом году. Для нас это очень важно, потому что мы всегда помним, что главный покупатель нашего городского производства — есть крестьянин, что расширение крестьянского рынка и емкость крестьянского рынка — для нас важнейшая задача. Поэтому мы в 1923 г. вели борьбу и в этом 1924 году продолжаем ее за то, чтобы емкость крестьянского рынка повысилась, ибо чем большими средствами будет располагать крестьянин, тем скорей можно будет разворачивать наше производство. Но не надо смешивать законного, справедливого, необходимого роста хлебных цен с хлебной спекуляцией, при которой не столько зарабатывают крестьяне, сколько тот, кто служит посредником между крестьянином и городом.

Но вы понимаете, товарищи, что если мы должны закупить на внутреннем рынке миллионы пудов хлеба, то сама эта задача естественно и безусловно поднимает цены на хлеб. Когда мы предъявим от имени государства такой сконцентрированный спрос на хлеб, ясно, что тогда кулацкие элементы деревни, мелкие посредники, спекулянты наживутся на этом. Они явно будут гнать как можно выше цены на хлеб. Тут мы должны помнить, что мы монополисты на хлебном рынке, мы главные покупатели, а поэтому мы можем маневрировать так, чтобы, закупая этот хлеб, не создавать базы для хлебных спекулянтов. С другой стороны, есть другое орудие, — это орудие называется налог. Крестьянин для уплаты налога должен продать известное количество своих продуктов, и, главным образом, конечно, хлеба. Маневрируя правильно в монопольном положении как закупщики и заготовители, маневрируя правильно продовольственным налогом, мы сможем сделать то, что абсолютно необходимо в интересах бюджета, в интересах всего народного хозяйства в целом, в интересах беднейших слоев крестьянства, в интересах рабочего класса, т. е. мы должны будем поставить цены на хлеб на такой уровень, который действительно был бы справедливым вознаграждением крестьянину, но который не задушил бы рабочего класса. Какова эта цена? Эту цену, конечно, определить трудно, но во всяком случае она будет процентов на 40 выше прошлогодней цены, т. е. раза в полтора выгоднее для крестьянства, продающего хлеб.

Если вы вспомните о том, что в прошлом году цены на хлеб были в некоторых местах, — я не говорю о тех местах, где его продавали по 20, 30, 40 коп., — но если взять те места, где его продавали по 50 коп., то теперь, имея возможность реализации хлеба, скажем, по 70 коп., крестьянство, несомненно, получит ту надбавку, которая полезна для крестьянского хозяйства, которая поможет развитию нашей собственной промышленности, которую должен получить крестьянин. Также мы не должны забывать того, что в этом году мы сложили с крестьянства эмиссионный налог. В прошлом году мы взяли при помощи эмиссии в государственный карман до 200 млн руб., теперь с момента прекращения выпуска бумажных денег, совзнаков, этого эмиссионного налога нет, этот эмиссионный налог уже не оплачивается. Таким образом, повторяю, интересы народного хозяйства, в общем и целом, требуют, а общее положение дает возможность, вести борьбу с хлебной спекуляцией при помощи определенного снижения ненормально вздувшихся хлебных цен, при помощи организации маневрирования, при помощи запасов в руках государства. Это наша первая и одна из тех задач, которые будут определять все развитие нашего хозяйства на ближайшее полугодие, если не на целый год.

Каждого интересует, что же будет с нами с рабочим бюджетом не теперь, не в августе 1924 г., а в марте, апреле, мае 1925 г. Как тогда будет обстоять дело с хлебом, не возьмет ли над нами верх спекулянт, который захватит хлеб, скупит его, а к весне следующего года будет диктовать нам свои цены? Эта опасность, товарищи, опасность, что из наших рук могут выскочить направляющие вожжи, она, конечно, всегда существует она и должна заставить нас быть прозорливыми.

Мы заслуживали бы того, чтобы нас всех прогнали с постов управления пролетарской республикой, если бы мы не предусмотрели цен на хлеб и расходов государства на ближайшую весну. Мы должны добиться того, чтобы не только сейчас, но и после хозяевами на рынке были мы с вами. Что для этого нужно сделать?

Мы должны поставить перед собой задачу скопить такое количество хлеба, которое позволило бы нам продержать хлеб на одной цене и не допустить того, что, если у нас фунт хлеба месяца два тому назад продавался по 4 коп., не допустить того, чтобы он поднялся весной до 8—10 коп. Этого мы допустить не можем. Что же мы для этого делаем? Мы поставили перед собой задачу скопить в руках государства, в руках государственных заготовителей не меньше 400 млн пуд. хлеба. Держа в своих руках такой запас, мы всегда сумеем удержать хлебные цены в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске и других рабоче-пролетарских центрах — удержать его на том уровне, на котором это посильно рабочему классу, и не позволить частному спекулянту, который тоже хочет заготовить хлеб, не позволить ему сломить хлебные цены.

Эта задача перед нами, и она должна быть выполнена, она требует от нас больших тяжелых жертв, потому что для того, чтобы закупить 400 млн пуд. хлеба, мы должны сейчас выпустить известную сумму денег авансом, и хлеб, который мы на нее купим, мы должны будем держать в амбарах, он не будет в обороте, и мы на этом должны будем потерять. Но перед нами основная задача гарантировать рабочий класс от высоких цен на хлеб, и поэтому нам для этого дела можно пойти на некоторые непроизводительные расходы, т. е. на то, что мы в продолжение 2—3 мес. будем держать хлеб в амбарах.

Вы спросите: а как же быть с вывозом? Вывоз для нас, товарищи, вещь чрезвычайно важная. Я уже сказал, что вывоз в прошлом году дал нам возможность поддержать наш советский рубль. Как это произошло? По очень простой причине: все капиталистические державы заинтересованы в том, чтобы нашу твердую валюту сломать. Они заинтересованы в том, чтобы у нас был беспорядок, хаос, а хаос хозяйственный лучше всего достигается тогда, когда нет твердой валюты. Они были бы

готовы сорвать наш твердый рубль всеми усилиями, какие находятся у них в руках. Они знают, что мы нуждаемся в заграничных закупках. Для того чтобы иметь возможность купить тот же самый хлопок в Америке, мы должны покупать его на американские деньги, а не на совзнаки. Следовательно, раньше, чем купить хлопок, мы должны где бы то ни было приобрести американские доллары, и если американец, который держит свои доллары, дает нам за наши бумажки столько, сколько его левая нога хочет, а мы не можем ему противопоставить ничего другого, тогда он является хозяином нашей валюты. Мы, конечно, могли бы сказать: мы не покупаем твоего хлопка. Но этого сделать нельзя. Мы получаем в Туркестане 2 млн пуд. хлопка, а для наших текстильных фабрик нужно 10—12 млн пуд. Достать их можно только в Америке. Если мы ничего другого, кроме наших бумажек, противопоставить американцу не можем, он может заставить нас за один доллар платить сколько угодно бумажек. Поэтому очень хорошо, когда в ответ на запрос американца мы можем сказать: нам твой доллар не нужен, потому что мы продали свой хлеб за границей и у нас есть иностранные деньги. Этого мы достигаем лишь постольку, поскольку мы за границей имеем свои товары, которые мы продаем за их деньги. Вот почему удержать твердую валюту можно только тогда, если мы за границей продаем больше, чем покупаем. Вот почему для нас было так важно, что после семи лет нам удалось пробить дорогу и продать за границей 200 млн пуд. хлеба, известное количество нефти, леса и т. д. В 1924 г. хлеба мы сможем продать гораздо меньше и вообще продавать хлеб мы сумеем только тогда, если полностью и целиком будут удовлетворены наши внутренние потребности. В прошлом году мы начали продавать хлеб уже в эти месяцы, теперь же ни одного фунта и ни одного пуда мы не продали, не продадим и продавать не будем до того, как через несколько месяцев не убедимся, что все наши потребности мы можем полностью покрыть. Только тогда, через несколько месяцев, убедившись в этом, собрав большие запасы, о которых я говорил, и будучи уверены в том, что у нас есть излишки, — только тогда мы сможем поставить вопрос о возобновлении нашего экспорта. Во всяком случае заранее можем сказать, что он далеко отстанет от того вывоза, который мы имели в прошлом году.

Тогда возникает та опасность, что мы, не имея вывоза и принужденные покупать сырье за границей, окажемся в зависимости от иностранной валюты. Против этого есть только одно лекарство — усиление вывоза других продуктов. У нас есть лес. Английское правительство под давлением рабочего класса и в виду крайней нужды решило строить каждый год 100 тыс. домов. Каждому москвичу это, конечно, очень завидно. Мы все попи-

маем, что и нам недурно бы построить, но положение у нас разное: англичане пограбили, мы никого не грабили. Они приняли решение строить, главным образом, деревянные постройки, но леса в Англии нет, и строить они могут только или из норвежского леса, или, главным образом, из нашего леса.

Поэтому лесной экспорт должен быть всячески усилен.

Есть у нас и другой источник. Мы уже в прошлом году сумели добиться вывоза нефти. Мы вырабатываем теперь столько нефти, что мы покрываем всю нашу потребность и спокойно можем вывозить нефть за границу. В 1923 г. мы вывозили за границу бензина больше, чем вывозили его до войны, потому что больше его выгоняем. То же самое может быть распространено и на уголь, производство которого, как ниже покажу, все время увеличивается и уже сейчас превосходит наши потребности. Вот, если, задерживая и сокращая хлебный экспорт, мы нажмем на экспорт нефти, леса и угля, если мы нажмем на вывоз тех продуктов, которые до войны вывозились в большем количестве, например, пушнина и т. д., то мы сможем обернуться и сможем сделать так, чтобы мы вывозили больше, чем ввозим. Таким образом, мы сможем держать в руках активный баланс и не находиться в зависимости от американского доллара или от английского фунта стерлингов.

Наша задача — обеспечить известный уровень заработной платы и сосредоточить в руках рабочих организаций такие запасы хлеба, которые обеспечили бы известную цену на хлеб до нового урожая, сокращая хлебный экспорт и отодвигая его на следующие далекие месяцы, а для этого увеличить производство в тех областях, которые могут быть экспортированы за границу, и тем самым держать активный баланс.

Какие у нас перспективы промышленности? Надо ли нам итти на сокращение промышленности или на ее расширение? В прошлом году осенью речь шла о кризисе сбыта. Кооперативы были завалены деревенскими товарами. Крестьяне не брали товаров, кооперативы не платили трестам, заводам и фабрикам, которые дали им в кредит свою продукцию. Эти последние не платили во-время заработной платы, и на этой почве происходили трения, и дело дошло до пониженного настроения части членов самой нашей партии.

Теперь мы спрашиваем себя, как же у нас развивается промышленность? Все данные говорят о том, что за последние месяцы промышленность все время разворачивается и ее обороты увеличиваются. Когда, как вы помните, в ответ на кризис партия дала один лозунг в промышленности — снижать цены и при помощи низких цен завоевывать крестьянский рынок, проникать в самую толщу потребителя и шире раскидывать свои товары — эта директива промышленности была абсолютно правильна, и мы

уверены, что она остается правильной и до нынешнего времени и будущие месяцы. Основной вопрос будет заключаться в том, сможет ли крестьянство покупать больше или меньше. Уже из сказанного выше можно видеть, что крестьянство в этом году будет более платежеспособным и более способным закупать городские товары, чем в 1923 г. Об этом говорят цифры валовой продукции хозяйства, которые приблизительно таковы же, как и в 1923 г., — цена же на хлеб будет во всяком случае не ниже 70 коп. против 50 коп. прошлогодних. Следовательно, крестьянство будет иметь в своих руках сумму, необходимую для покупки городских товаров, во всяком случае процентов на 25 — 35 большую, чем оно имело в 1923 г., и наши торговые организации и кооперация, которые хотя и плохо еще работают, но растущую связь с крестьянством показывают, будут иметь перед собой крупные задачи.

Как это ни странно, с одной стороны, идут слухи о неурожае, белогвардейцы во всем мире кричат: большевики еще раз провалились, тут им гибель, — с другой стороны, мы переживаем бестоварье, и не потому, что наши фабрики производят меньше, а потому, что они не поспевают за спросом. Я приведу по этому поводу несколько цифр. Вот, товарищи, некоторые данные за июль месяц, сравнительно с июнем 1924 г. Вот, что сообщает Госплан о каменноугольной промышленности. По каменноугольной промышленности июль дает 56 млн пуд. против 49 млн в июне, т. е. увеличение за один месяц на 13%. Количество рабочих в каменноугольном производстве возросло со 129 тыс. до $134^1/_3$ тыс., т. е. за один месяц на 16%. Металлургическая промышленность равным образом увеличилась, а общее число рабочих по всей металлургической промышленности возросло за этот месяц на $3^1/_2$%. Продукция табачной промышленности увеличилась на 50%, махорочной — на 24%, резиновой — на 86%. Текстильная промышленность, которая обычно переживает в июле некоторую заминку и сокращение в связи с отпуском рабочих, в этом июле работала разворачиваясь. Количество рабочих не уменьшилось. Если взять сумму товарных оборотов, продажи и покупки, которые проходили через нашу биржу (а вы знаете, что все крупные сделки должны регистрироваться на бирже), если подсчитать, на сколько наши организации продали и купили продуктов промышленности в продолжение летних месяцев мая, июня, июля в 1923 г. и в этом 1924 г., то оказывается, что в 1923 г. за 3 мес. оборот был 500 млн руб., а в этом году за те же 3 мес. — 640 млн руб., т. е. за 3 летних месяца промышленность сделала на 30% больше биржевых оборотов.

Еще один пример, который показывает, что, несомненно, промышленность наша разворачивается и все-таки за спросом не поспевает: на Нижегородской ярмарке уже сейчас, в самом

начале ярмарки, во всяком случае далеко до ее закрытия, расписана вся мануфактура, которая привезена на ярмарку, причем, когда расписали, то оказалось, что эта мануфактура удовлетворила только 20% спроса, а 80% остались неудовлетворенными и, как нам докладывали, те, которые попали в это число, ходили счастливчиками, а остальные ходили и посвистывали. Наша промышленность, несомненно, разворачивается, идет вперед и в то же время у нас существует недостаток товаров. Это происходит потому, что крестьянин, даже при той цене, которую мы считаем справедливой, будет иметь возможность купить городской промышленности процентов на 25—35 больше, чем он покупал в 1923 г. Таким образом, перед промышленностью совершенно ясная задача—не сворачиваться, а, наоборот, разворачиваться и расширяться.

Я сказал уже, что те директивы, которые спасли промышленность в прошлом году, директивы о сниженных ценах, они должны остаться также директивами и теперь. И сейчас, в 1924 г., не голая прибыль и не величина прибыли наших трестов и синдикатов должна интересовать нашу партию, а главное—расширение оборотов и быстрота и широта снабжения крестьянского рынка. Поэтому снижение цен с целью завоевания рынка должно быть и остается нашей основной директивой. Но, товарищи, мы должны понять, что при снижении цен и расширении производства дальнейший рост заработной платы непосредственно связан с ростом производительности труда. В начале я сказал, что мы имеем два узловых пункта: хлеб и производительность труда. Относительно хлеба я уже говорил. Сейчас мы подошли к вопросу о производительности труда. Раньше, однако, чем остановиться на этом вопросе, я хотел обратить ваше внимание на одно обстоятельство в деле нашей промышленности. Значение отдельных отраслей промышленности в нашем хозяйстве всем нам ясно. Мы сами поняли и всему народу разъяснили о громадном значении во всем нашем социалистическом строительстве тяжелой промышленности, топлива, угля и нефти. Это прошло, так сказать, в нерв, мозг и кость всех трудящихся. И мы достигли в этих областях сейчас блестящих результатов,—результатов, которые превзошли все наши ожидания и которые должны обратить на себя наше особое внимание.

Мы намечали в Донбассе в этом году производственную программу в 450—500 млн пуд., а в конце года приехали тт. из Донбасса и сказали: извольте получить, мы выработали 515 млн. Мы их похвалили, мы сказали: вы хорошо, товарищи, работали, вы выработали больше, чем мы вам указали, но что же нам делать с этим излишком? С целью развития добычи в Донбассе мы всей партией налегли на эту всероссийскую кочегарку и вытащили ее так, что перескочили все пределы и получили столько

угля, что — так как металлургия у нас застряла и отстает, то уголь девать некуда. То же самое получилось в области нефти — и там превзошли производственную программу и получили такое количество нефти, которое даже при усиленном вывозе за границу даст излишки, которые мы не научились еще проталкивать за границу и не сможем утилизировать внутри. И теперь уже у нас получается даже некоторая борьба между углем и нефтью. Это показывает на неравномерность в развитии народного хозяйства, и наша очередная задача в том, чтобы подтягивать те отрасли, которые использовали бы это топливо.

В общем и целом на ближайший год мы должны наметить в первую очередь подтягивание металла. Легкая индустрия у нас разворачивается, но у нее нет достаточных оборотных средств, и перед нами стоит задача улучшения ее организации и улучшения ее торговых оборотов. Уголь и нефть вышли из этого периода, могут уже стать на ноги, и если испытывают затруднения, то только потому, что не находят достаточно сбыта из-за недостаточного развития других отраслей. А металл еще не имеет достаточного развития производства, и поднятие металлургической промышленности есть первоочередная задача.

А, с другой стороны, мы должны обратить усиленное внимание на подъем сельского хозяйства. Для того чтобы получить равновесие, для того чтобы устранить такое положение, когда беда происходит не от того, что нет угля, а от того, что мы не можем переварить всей добычи угля, а для этого надо подтягивать не только металл, но необходимо поднимать уровень сельского хозяйства. Поэтому в нашем бюджете на будущий 1925 год усилено ассигнование на металл и на сельское хозяйство, т. е. на предоставление кредита крестьянству, это — основные статьи, на которые мы обращаем особое внимание в бюджете будущего года.

И вот, как раньше у нас была беда от недостатка, так теперь начинается беда от избытка. Почему? Вы легко это поймете. Товарищи, когда у нас произведено 515 млн пуд. угля, а наше хозяйство способно поглотить 470 — 480 млн, то этот избыток начинает давить на всю промышленность: на него затрачен известный труд, а продать его негде. Конечно, это количество далеко от того, что требовала страна до войны, но дело в том, что другие области нашей промышленности отстали. Металл — главный потребитель угля — отстает страшно, и поэтому наша угольная, нефтяная промышленность, разворачиваясь, приходит к старту первой, и оказывается, что мы не можем переварить всего того, что мы уже научились производить, и мы стоим перед трагической задачей. Что же, сказать: подождите, не работайте так хорошо? Нет, нам надо подгонять отстающие отрасли промышленности, надо добиться равномерного роста всех

отраслей, надо добиться того, чтобы одна не заходила слишком далеко, а другие не отставали слишком сильно. Что для этого нужно? Всякий скажет, что нам не хватает оборотных капиталов. Легкая промышленность, легкая индустрия имеют сейчас обеспеченный рынок, у нее спрос на товары превышает предложение, она могла бы расширяться и могла бы снижать цены и завоевывать нового и нового потребителя, если бы ей можно было бы подбросить оборотных средств. Перед тяжелой индустрией и, в первую очередь, металлической перед нами та же перспектива. Тяжелая индустрия также может расшириться, но ей также необходимы оборотные средства. Но этих оборотных средств нам взять почти неоткуда.

Откуда мы, действительно, можем взять оборотные средства? У нас два источника: один источник, это тот, из которого мы до сих пор брали те средства, на которые держалось наше государство, это — продналог и эмиссионный налог, которые были позаимствованиями от крестьянства и которые довольно крупно поддержали государство и промышленность, когда она не могла оборачиваться. Можем ли мы дальше выкачивать средства из этого источника? Вот тут все коммунисты должны помнить, что говорил Владимир Ильич. А он говорил: «Крестьянин будет судить коммуниста по его умению хозяйничать». Теперь, когда у нас свободная торговля, когда каждый крестьянин может судить, выгодно ему хозяйничанье рабочего класса или нет, мы должны понимать, что нажим на эту сторону имеет известный предел. И мы и крестьянство понимаем, что оно должно нести так же, как и рабочий класс, определенные жертвы, но жертвы до известных границ.

Обложение буржуазии может дать государству сравнительно мало средств, потому что мы с вами так много буржуазии не расплодили. Во всяком случае, оно может дать только небольшую часть тех средств, которые нам необходимы. Таким образом, нам надо искать других источников.

Вся та картина, которую я перед вами развил, заключается в том, что, несмотря на неурожай, мы идем с повышенной тенденцией. Мы разворачиваемся экономически, перед нами не существует непреодолимых затруднений. Неурожай, несомненно, задерживает темп развития. Если б у нас не было этого проклятого неурожая на 7 млн дес., то мы, конечно, превзошли бы в этом году прошлый 1923 год в несколько раз и чувствовали бы биение пульса сильнее. Но неурожай задержал временно темп развития, не отклоняя его в сторону и не обрывая, но идем мы теперь несколько, несомненно, медленнее. Мы должны отдать себе отчет, что развитие это должно быть уравновешено с двух сторон: с одной стороны сельское хозяйство, с другой стороны промышленность. В промышленности в области зарплаты, мы имеем

несомненные достижения, но при сопоставлении заработной платы с производительностью труда мы имеем картину, которая должна быть преодолена.

В том, что мы стали экономически сильнее, в этом никто сомневаться не будет. То, что мы стоим на правильном пути и все растем и разворачиваемся, это видит каждый, если он не ослеплен ненавистью к большевизму. Это говорит каждый иностранец, который здесь побывает. Но вместе с тем в области промышленности мы попадаем в такое положение, когда необходимо эту промышленность для того, чтобы она разворачивалась, снабдить известными средствами. Этих средств у нас очень мало, и взять их откуда-нибудь очень трудно. И вот здесь, товарищи, вопрос о производительности труда и становится как основной вопрос. Я вам приведу несколько цифр, которые, по-моему, должны быть разъяснены всему рабочему классу, которые, по-моему, в деле экономической нашей агитации, в деле обучения Ленинского призыва основным экономическим задачам стоят сейчас перед партией. Мы должны сказать нашим товарищам по рабочему классу правду, и скажем им так: расширение производства и снижение цен, которое необходимо для расширения производства, не будет возможно, если производительность труда не будет поднята.

Я приведу табличку, которая дана ВСНХ и в которой сопоставлены рост заработной платы и рост производительности труда по некоторым из крупнейших предприятий. Вот Сормово — я беру выпуск продукции на одного рабочего в месяц по довоенным ценам. Если взять, что в 1913 г. приходилось 100 единиц в месяц продукции на одного рабочего, то теперь приходится 30 единиц, а заработная плата, если считать в 1913 г. 100 единиц, то теперь — 62. *Следовательно продукция составляет 30% от довоенной, а заработная плата 62 — 63%.*

Возьмем другой, Брянский завод — продукция на одного рабочего в месяц, если считать в 1913 г. 100 единиц, то в 1924 г. 37 — 38, а заработная плата, если считать в 1913 г. 100, то в 1924 — 63. Значит, продукция составляет только $^1/_3$ довоенной, а заработная плата — $^2/_3$.

Возьмем ленинградскую промышленность, — Ленинградский трест крупного машиностроения — продукция 32% на одного рабочего в месяц сравнительно с довоенной, а заработная плата — 76% довоенной. Если мы в отношении заработной платы имеем только $^2/_3$ довоенной (хотя мне докладывалось от Губсовета профсоюзов, что общий уровень зарплаты по Москве достиг 92% довоенных) и при этом производительность продукции даем только $^1/_3$, то ясно, что сколько бы мы с вами ни относили причин этой беды на ослабление заводов, изношенность орудий производства и т. д., мы все-таки должны сказать: раз произ-

водительность труда останется такой, то не только ни о каком повышении заработной платы не может быть и речи, потому что ее неоткуда взять, но и вообще есть опасность, что мы или будем сидеть на шее у сельского хозяйства все время, или экономически вылетим в трубу.

Понятно, налоги тяжелы, мы должны отдать полный отчет в этом, налоги больше прошлогодних налогов. Косвенный налог очень силен. Наш бюджет на следующий год составлен приблизительно на 2 млрд 100 млн руб. Мы предполагаем 2 млрд 100 млн израсходовать в наступающем 1924/1925 хозяйственном году. На эту сумму мы должны получить доходов 2 млрд 100 млн руб., из них только около 150 млн представляют собою поступления от нашей промышленности и госторговли. Видите ли, мы производим 515 млн пуд. угля, около 400 млн пуд. нефти, а записываем себе в доход от наших фабрик и заводов за весь год очень небольшую сумму. Ясное дело, товарищи, что для социалистической страны эта картина мало соответствующая, поэтому усиление производительности труда является основной нашей внутренней задачей. Если мы, как партия, через Ленинский призыв, через весь наш аппарат агитации и воздействия на рабочий класс, если профсоюзы все не направят сюда своих усилий и если рабочий класс весь целиком не поймет, что это его очередная задача, что здесь должны быть внесены коренные улучшения в смысле повышения производительности труда, тогда положение с дальнейшим расширением нашей промышленности становится прямо угрожающим, катастрофическим. Расширение производства, что представляет собой сокращение безработицы, полную нагрузку заводов, удешевление производства, т. е. оздоровление нашей промышленности и всей нашей экономики и укрепление позиций пролетариата против мелкобуржуазной стихии НЭП'а, может быть достигнуто только на почве повышения производительности труда.

Политически нас никто не возьмет теперь, и охота пропала, больно мы медвежисты стали, так что неохота нас трогать, но экономически может получиться так: крестьянство, несмотря на неурожай, все-таки экономически растет, посевная площадь увеличивается, крестьянство, владея одним из главных продуктов в нашей стране, хочет окрепнуть, кулацкие элементы, несомненно, растут, а промышленность в то же самое время должна удовлетворять повышающиеся требования рабочего класса, ибо рабочий класс не согласится и не может согласиться жить так, как он жил в 1919 — 1921 гг. Он вырос, он не согласен голодать, у него будут расти требования, а если параллельно с этим не будет расти и производительность труда, то мы должны прямо сказать тому рабочему классу, который нам верит, который нам на подмогу послал своих лучших представителей в виде Ленинского

призыва, мы должны прямо сказать — тогда мы со своей задачей не справимся, и ослабленная промышленность может оказаться в таком положении, что не она будет направлять экономическую жизнь страны, а кулацкие элементы деревни. Они попытаются оттеснить рабочих и на экономической и на политической арене. Эта опасность, вытекающая, с одной стороны, из самой сути НЭП'а, усугубляется отношением между заработной платой и производительностью труда. Вот почему я был прав, когда сказал, что один из узловых пунктов заключается в том чтобы обратить внимание на подъем нашей промышленности и на производительность труда.

Теперь несколько слов об очередных задачах кооперации. Мы имеем надежды на несомненное расширение рынка, несмотря на некоторый недород, и вместе с тем кооперация будет иметь перед собой расширяющееся производство предметов широкого потребления и политику правительства, направленную на снижение цен. Весь вопрос заключается в том, кто явится посредником между рынком и промышленностью. Если мы проморгаем и допустим, что посредником явится частный торговец, спекулянт, то выйдет то, что все, что мы делаем, что все жертвы, которые приносят и промышленность и крестьянство, — все это пойдет на расширение и укрепление позиции частного капитала, т. е. не рабоче-крестьянского государства, а наоборот — нэпманства. Однако есть аппарат в руках трудящихся, который может этому противостоять. Это сказал Владимир Ильич, это сказала вся наша партия, это понимают прекрасно кооператоры, это должен понять весь народ, все трудящиеся. Таким аппаратом, который может действительно обеспечить подлинную связь между деревенским рынком и промышленностью, являются кооперативные организации. Кооператоры должны взять на себя и брать на себя все в большей и большей мере правильную постановку дела снабжения деревни. Если мы ее не будем снабжать через кооперативные организации, она будет искать снабжения через частный капитал. Частный капитал будет на этом жиреть.

Все доходы от того, что мы приказываем трестам, синдикатам и государственной промышленности работать дешевле и выпускать товары по более дешевым ценам, все прибыли от этого будут в руках частного капитала. И этот частный капитал, который нас с вами не может любить, хотя он теперь помалкивает и держится настороже в политической области, на самом деле нас с вами ненавидит, этот частный капитал, усиливаясь экономически, будет усиливаться и политически.

Кооперация есть подлинный деловой аппарат связи, смычки между рабочим и крестьянином. Эта смычка проводится теперь не через митинги, резолюции, заявления и т. д. Всего этого есть много и будет еще вероятно много. Но деловая смычка

проводится теперь через продажу ситца, гвоздя, кожевенного сырья и т. д. Кто этим владеет, кто этим умеет маневрировать, тот осуществляет смычку с крестьянином. Если эту задачу возьмет на себя кооперация, если она выполнит эту задачу, тогда нам действительно ничего не страшно. Мы теперь уже многое прекрасно знаем, все испытали, через многие испытания прошли. Мы знаем, что теперь нам ничего не страшно, ни извне, ни внутри. Те затруднения, которые перед нами стоят, они гораздо меньше, чем те затруднения, которые были перед нами в 1919—1921 гг. Необходимо только приложить все усилия к тому, чтобы все те аппараты, которые кооперация сейчас создала, работали без отказа, работали правильно.

Владимир Ильич указывал на то, что вопрос о кооперировании всего населения есть вопрос существенный и основной. Кооперация — это такое дело, о котором широкие массы населения меньше всего судят по словам, по речам или резолюциям. Крестьяне судят по конкретному, реальному делу. Надо это оправдать; надо, чтобы кооперация стала действительным, деловым, практическим посредником между городом и деревней, между государственной промышленностью и крестьянским рынком. Если мы свои задачи выполним и сомкнемся, тогда нам не будут страшны никакие условия, и тогда ни на какую кабалу мы ни к кому не пойдем. Мы не пойдем в кабалу к нашему внутреннему частному капиталу. Мы не позволим ему спекульнуть на частичном неурожае, на высоких хлебных ценах. Мы останемся хозяином на рынке.

Вот основная задача кооперации настоящего момента. Я уверен, что кооператоры поработают над тем, чтобы эти задачи были действительно разрешены в интересах рабочих и крестьян.

Опасности, которые стоят перед нами, не должны быть от нас скрыты. Основная опасность международная. Не прощупывая нас штыком, на что у них не хватит теперь сил и на что они, вероятно, не скоро решатся, капиталисты Антанты будут пытаться нас свалить экономической изоляцией. Сговорившись с германской буржуазией, они, вероятно, попытаются оттянуть нам кредиты, оттянуть займы, оттянуть те сделки, которые представляют для нас выгоду, и скажут: ну-ка, попробуйте вы сами. При экономической конъюнктуре, которую я рассказал, которая есть, несомненно, победа и продвижение вперед, все-таки нам будет очень трудно. Но эта опасность от капиталистического окружения, а мы не можем забывать опасности от внутреннего окружения пролетариата. А она есть. Неурожай будет усиливать процесс расслоения деревни, в этом нет никаких сомнений. Бедняк станет беднее, но богач, у которого хлеб уродился, кулак, на этих высоких ценах спекульнет так, что станет богаче, чем раньше. И неурожай может стать элементом, при котором тот, у которого

есть хлеб, возьмет в кабалу того, у кого хлеба нет, и, получивши высокую цену, как теперь, в некоторых местах до двух рублей, кулацкие элементы деревни подымутся. Вместе с тем подымутся и элементы посреднические, подымется тот, кто сыграет на хлебе, кто сумеет сыграть роль посредника между деревней и нашей промышленностью. Ведь мы только поставили своей задачей, чтобы кооперативы стали приводным ремнем, который переносит от промышленности товары крестьянину, и наоборот, но эта задача пока еще не выполнена, а покуда она будет выполнена, посредники, частные спекулянты, розничники при этой конъюнктуре выиграют.

Мы регулируем оптовые цены, говорим тресту: не продавай дороже того-то и того-то; но ведь это полное оправдание имеет тогда, когда по этой цене получает крестьянин-потребитель. Но если мы с вами не научились непосредственно или через кооперативы переносить эту коробку спичек, на которую мы понизили цену, или ситец, на который мы понизили цену непосредственно для крестьянина, а тут встревает посредник, розничник, то он при понижении оптовых цен продает дороже, и кладет в карманы разницу. При слабости розничной торговли и кооперации процесс некоторого ожирения этого самого розничника наблюдается. На почве недорода, высоких хлебных цен этот процесс будет широко развиваться. Следовательно, нэповская опасность, усиление позиций нэпманов перед нами стоит, и против этого мы можем противопоставить только более систематическую организацию, более сосредоточенное наступление нашей государственной промышленности. Как? Через снижение цен, борьбу с частным капиталом, улучшение организации торговли и производства и расширение его, в первую очередь, а без повышения производительности труда все это недостижимо. Вот почему картина, которая мне рисуется, такова.

Мы вступаем в новый хозяйственный год на почве ряда завоеваний, которые имеем. Первым и важнейшим завоеванием является твердая валюта, вторым — организация рынка, расширение производства, намечающееся и уже происходящее увеличение покупательной способности крестьянских масс, улучшение общего благосостояния. Мы можем сейчас сказать: устойчиво, на более высоком уровне, повышательная тенденция во всех областях намечается совершенно явно. Но есть опасность. Плохо будем маневрировать, упустим вожжи из рук, не справимся с хлебными ценами, полетит валюта. Полетит валюта — это значит возвращение к совзнаку, расстройство рынка, расстройство калькуляции, расстройство всего производства. Опасность в высоких хлебных ценах, опасность в не вполне еще укрепившейся валюте, опасность в том, что промышленность отстает от предъявляемого к ней спроса, не может расшириться от недостатка оборотных

средств и от пониженной производительности труда. Опасность в росте кулацких элементов в деревне на почве недорода и хлебной спекуляции. Таким образом, не предаваясь никакому излишнему оптимизму, мы должны сказать: перед нами порядочные затруднения, но в общем хозяйственная дорога выбрана нами правильная, и мы можем быть уверены, что при правильном маневрировании, держа руки на рычагах, а рычаги у нас громадные, — наша промышленность, наш транспорт, наши банки, наша валюта, — мы сможем сманеврировать так, чтобы дать очень сильный толчок вперед нашему хозяйственному развитию.

Я хотел бы закончить свой доклад указанием на то, что нет никакого сомнения в том, что в партии нашей сейчас идут здоровые процессы, в жизни ее мы не видим явлений, которые внушали бы опасения за ее единую, твердую волю, которые внушали бы мысли о колебаниях. Наоборот, за последнее время мы получили в лице ленинского призыва такой действительный приводный ремень к подлинной беспартийной массе, при помощи которого всю политику, которую я наметил, мы сможем провести. А если проведем эту политику, не сорвем валюту, обеспечим цены на хлеб для рабочего класса, такие, которые бы не заставляли зарплату прыгать, не будет у нас волынки и бузы, валюта будет крепка, промышленность будет развиваться, тогда мы с англичанами еще очень и очень поговорим насчет того процента на заем, который они от нас требуют.

АНГЛО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР, «ПАЦИФИСТСКАЯ» ЭРА И СССР.

РЕЧЬ НА ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ В ЛЕНИНГРАДЕ ВО ДВОРЦЕ УРИЦКОГО 6 СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

Дорогие товарищи! Важнейшим актом в международной политике Советской власти за последние недели было подписание англо-советского договора. Это, конечно, только часть тех условий, которые характеризуют наше общее положение и наши общие задачи, но часть настолько важная, настолько существенная, что я позволю себе подробнее остановиться на анализе этого договора и на его значении.

Прежде всего, надо отметить самый факт подписания этого договора,—советскими представителями, с одной стороны, и министрами Великобританской империи, с другой, — и этот факт подписания договора отделить от самого содержания договора.

Факт подписания договора нельзя недооценивать. Мы, которые прекрасно помним семь лет борьбы за свое существование в Советской республике, мы легко поймем, какой громадный переворот в международном положении Советской власти должен был наступить для того, чтобы от мысли о нашем ниспровержении при помощи оружия, от мысли окружить советскую страну кордоном, от мечты взять нас голодом и холодом, чтобы от всех этих мыслей международный капитал мог перейти к подписанию с нами договора, который основан не только на простом признании факта семилетнего существования Советской власти, но который в самом своем содержании заключает признание и форм нашей политической власти, и нашего государственного строя, и основных наших государственных положений. Какова бы ни была судьба этого договора: получим ли мы на основании этого договора заем или не получим, — во всяком случае, нельзя будет уже из истории международного положения Советской власти вычеркнуть тот факт, что правительство самой богатой, самой крупной капиталистической и колониальной страны должно было, принуждено было подписать с нами договор, содержащий в себе не только фактическое, но и юридическое признание основных завоеваний Октябрьской революции.

Вы читаете каждый день в газетах, — да мы и не собираемся этого скрывать и откровенно это печатаем, — вы читаете все те нападки на договор, которые идут со стороны не только английской буржуазии, но и буржуазии всех других стран. В дальнейшем, я должен буду указать вам на те способы, при помощи которых международный капитал, во главе с капиталом американским, прилагает все усилия для того, чтобы сорвать этот договор и не позволить английскому парламенту его ратифицировать.

И вот, эта ненависть, эти попытки сорвать подписанный уже договор свидетельствуют о том громадном значении, которое имеет самый факт подписания договора со стороны правительства крупнейшей, руководящей, определяющей всю политику в Европе капиталистической державы. Мы могли бы добиться этого договора, или подобного ему, давно, если бы мы сделали то, чего от нас требовали сначала со штыком в руках, а затем и при помощи блокады и голода, т. е. если бы мы отказались от чего-либо в программе Октябрьской революции.

Договор теперь напечатан. Каждый может его прочесть, и каждый, кто его прочтет, должен будет сказать, что в этом договоре, скрепленном не только тт. Раковским и Томским, но также, как они себя называют, министрами его британского величества, не только нет ни малейшего отказа хотя бы от одного завоевания Октябрьской революции, но наоборот: в основном — все наши завоевания, все то, что мы с вами сделали здесь, как дело рабочих и крестьян Союза, в этом первом мировом акте закреплено и поэтому получило, по крайней мере, со стороны Англии, — повторяю, крупнейшей, богатейшей, руководящей, определяющей в Европе державы, — международное признание.

Таково, товарищи, общее значение факта подписания договора.

Но перед нами, конечно, немедленно встает вопрос: что же этот договор дает нам и что мы даем по этому договору?

Кроме признания, кроме тех статей, которые формулируют со стороны английского правительства признание произведенной нами национализации земли и промышленности; кроме статей, которые заключают в себе акт признания со стороны английского правительства аннулирования нами долгов, как общую норму, — в этом договоре есть еще одно обязательство, которое берет на себя английское правительство.

Это обязательство заключается в том, что английское правительство при известных условиях, в известный период времени должно внести в парламент и добиться от английского парламента гарантии займа, который мы заключим в Англии.

Что это значит, — английское правительство берет на себя гарантию займа Советских республик?

Значение этого только одно. Если бы мы с вами заключили

в Англии заем и если бы мы отказались по этому займу платить, — потому ли, что нас свергнули, потому ли, что экономическое положение советских стран ухудшилось настолько, что мы не могли бы производить по займам никаких платежей, или по каким-либо иным причинам, — то английское правительство берет на себя эти платежи. Вот что означает гарантия займа Советского правительства со стороны английского правительства. Вы легко поймете, товарищи, общее значение такой гарантии. Вы поймете, что с момента, когда такая гарантия дается, английское правительство, хотя бы косвенно, оказывается заинтересованным и в нашей устойчивости, и в нашей кредитоспособности, и в нашем экономическом преуспеянии. Английское правительство и английское казначейство, — а это английское казначейство, не будем этого скрывать, много богаче того казначейства, во главе которого стоит т. Сокольников, — это английское казначейство берет на себя перед всеми гражданами Великобританской империи гарантию за нашу кредитоспособность.

Я думаю, товарищи, что это обстоятельство представляет собою громаднейшее завоевание Советской власти на международной арене. Ни Макдональд, ни министр казначейства, г. Филипп Сноуден,— такой же член II Интернационала, как и сам Макдональд, — конечно, не взяли бы на себя такого обязательства, если бы они не пришли к убеждению, что мы достаточно крепки, чтобы платить за те долги, которые мы заключим.

Когда этот договор был представлен в английский парламент и, по выражению английских парламентариев, положен на стол перед парламентом, члены парламента встали и сказали Макдональду:

«Но ведь не было еще ни разу в истории Британской империи такого случая, чтобы английское правительство брало на себя гарантию займа чужому государству и особенно государству революционному», — государству, которое только-что отразило победоносно попытки того же английского правительства задушить его, того государства, которое во всем мире рассматривается как пороховой погреб, могущий взорвать все капиталистические государства. Вы понимаете, что это обязательство, эта гарантия займа представляет собою громаднейший шаг вперед, что это прямой симптом громадного увеличения нашего веса в международном положении.

Что же мы, со своей стороны, обещаем за этот заем и за эту гарантию займа? Вы знаете, товарищи, что немедленно после того как разнеслись слухи о том, что договор подписан, вся белогвардейская печать, вся иностранная контр-революционная пресса пыталась доказать, что этот договор не мог быть подписан иначе, как при условии, что советские делегаты согласились оплатить долги и возместить частным собственникам —

английским гражданам — те потери, которые они понесли. Я утверждаю здесь перед вами, и внимательный анализ договора покажет это, что ничего подобного в договоре не заключается. Нам обещали гарантию займа, мы со своей стороны обещали внимательно отнестись к этому и, подробно рассмотрев это предложение, пойти навстречу тем претензиям, которые будут для нас приемлемы.

ЧЕТЫРЕ ГРУППЫ АНГЛИЙСКИХ ПРЕТЕНЗИЙ.

Какого рода эти претензии? Что может быть нам предъявлено? В этом договоре все претензии, которые могут быть нам предъявлены, разделены на четыре группы. Самая крупная группа — это те долги, которые заключало царское правительство и правительство Керенского в Англии во время войны и для продолжения войны.

Во всей сумме претензий, которые англичане могут предъявить к нам, это самая крупная доля. Она исчисляется десятками миллиардов золотых рублей. Вы знаете, что этим претензиям мы противопоставили свои претензии, претензии, которые показывают убытки, понесенные нашей страной во время интервенции, во время блокады, во время вооруженного нападения сил международной контр-революции. Этот договор заявляет, что и претензии англичан, основанные на долгах царского правительства и правительства Керенского, сделанных во время войны, равно как и наши претензии, предъявленные англичанам и основывающиеся на фактах интервенции, откладываются на дальний срок, будут впоследствии разбираться и засчитываться.

Во всяком случае, неурегулированность этих долгов не должна препятствовать полному восстановлению не только дипломатических, но и коммерческих отношений.

Это значит, что мы согласились с англичанами главную долю их претензий к нам и наших претензий по интервенции к ним не разбирать сейчас, не взвешивать, кто кому больше должен: мы им или они нам, а отложить этот вопрос на более поздний срок.

Есть, товарищи, рядом с этими крупными претензиями, претензии самого мелкого сорта. Говорят, — по крайней мере, так утверждают англичане, — что когда мы производили Октябрьский переворот, мы обидели каких-то английских гувернанток, не успевших, благодаря этому перевороту, получить жалованье, которое им причиталось; что пострадали некоторые английские купцы, у которых мы забрали некоторое количество их товара; говорят, что пострадали отдельные служащие-англичане, — одним словом, есть ряд мелких к нам претензий: результат Октябрьской революции, — общая сумма которых совершенно незначительна.

По этого рода претензиям мы в этом договоре сказали: ладно, если действительно есть гувернантки, которые из-за Октябрьской революции не получили жалованья, или какие-нибудь инженеры, служащие, бухгалтеры, у которых мы забрали мебель, то мы согласны их вознаградить. Когда, сколько, каким образом — это будет устанавливать комиссия.

Ежели мы в этой комиссии сойдемся с англичанами, то мы готовы, не разбирая каждую гувернантку в отдельности, дать им всем некоторую сумму, чтобы они молчали и успокоились. Вот это прямое обязательство, которое имеется в договоре. Сколько этих гувернанток, сколько этих мелких претензий и сколько нужно по ним уплатить, — об этом в договоре не сказано. Комиссия должна рассмотреть все претензии, представить правительствам, правительства должны рассмотреть и установить размер. Об этом говорится во второй части договора. Это вторая группа претензий.

Но, товарищи, остались еще две группы. Третья группа — это те займы, которые были заключены старым правительством до войны, займы, направленные на железные дороги, займы, которые были заключены городами под гарантию тогдашнего русского правительства, — одним словом, всякого рода довоенные займы, непосредственно не связанные с войной. В Англии есть целая группа очень влиятельных людей, которые до сих пор держат в своем кармане векселя старого русского правительства на эти, до войны выданные, суммы. Что же по поводу этих претензий говорит данный договор?

«В соответствии, — я читаю статью шестую договора, — с декларацией, приложенной к торговому соглашению, правительство заявляет, что в порядке изъятия из декрета об аннулировании долгов бывшего императорского и временного правительств, оно удовлетворит на условиях, указанных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов».

Казалось бы, обязательство — твердое и каждый как будто бы должен полезть в карман и искать каких-нибудь денег, чтобы уплатить. Однако, дальше сказано:

«Правительство его британского величества признает, что финансово-экономическое положение Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упоминаемых в предыдущем абзаце этой статьи».

Итак, мы с вами сказали по поводу довоенных долгов, что мы их удовлетворим; однако, английское правительство тут же нам ответствует, мы, конечно, понимаем, что удовлетворить эти долги вы полностью не можете. Следовательно, английское правительство тем самым признало, что рубль за рубль платить по этим долгам мы не можем. Ну, сколько же мы заплатим? Если

мы этот рубль ломаем, если за царский рубль мы не даем целого рубля, то сколько же — 75 коп., 50 коп., двугривенный, пятиалтынный, три копейки или $^1/_2$ коп.? Ответа на это в договоре нет. В договоре сказано: «Правительство Союза соглашается пойти навстречу этим претензиям».

Итак, — по этим претензиям мы имеем в договоре заявление английского правительства, что оно и не думает требовать от нас платы рубль за рубль, без указания, сколько именно мы будем платить, а мы, с своей стороны, обязуемся пойти этим претензиям навстречу. Вот третья категория долгов и те обязательства, которые мы взяли на себя.

И, наконец, последняя, самая существенная статья, потому что она отражает интересы той группы английских граждан, которая более всего нам враждебна и которую мы действительно больше всего «обидели». Это — бывшие собственники, английские граждане, владевшие здесь у нас заводами, фабриками, лесами, домами, землями и т. д. Вы знаете, что это — основная группа, что нарушение ее интересов вся английская печать и все английское капиталистическое мнение считают наиболее недопустимым с нашей стороны.

Они — торгаши и могут еще понять, что мы долгов не платим (иногда бывает и у них, что они долгов не платят), но что мы отобрали собственность — этого они ни понять, ни простить не могут. И все переговоры до сих пор наталкивались на этот вопрос.

Ну, с долгами вы как-нибудь справитесь, претензии удовлетворите, долги военные покроются контр-претензиями по интервенции, — ладно, здесь мы как-нибудь сойдемся, но как быть с господами, владевшими фабриками, заводами, лесами, которые вы отобрали? Их нужно как-нибудь вознаградить.

Этому посвящена ст. 10-я. Она говорит:

> «Желая восстановить экономическое сотрудничество между обеими странами, правительства его британского величества и СССР соглашаются о следующем:
>
> Правительство Союза, в порядке изъятия из декретов, национализировавших промышленные предприятия и землю, вступит в переговоры с британскими подданными в отношении промышленных предприятий или концессий, которые были национализированы или аннулированы им, дабы урегулировать вопрос о справедливой компенсации по таким претензиям».

Опять-таки, больше в этом договоре об этой категории претензий ничего нет. Мы обязуемся вступить в переговоры с британскими подданными, бывшими частными собственниками, по вопросу об урегулировании их претензий.

Как это ни удивительно, на самом деле договор содержит

именно эти взаимные обязательства: с одной стороны, нам обещан заем и гарантия этого займа, а с другой стороны, мы обещали вступить в переговоры с частными собственниками и пойти навстречу претензиям тех лиц, у которых есть векселя старого правительства. На вопрос о том, сколько же мы будем платить и будем ли мы платить, какой заем мы получим и на каких условиях, — на основании этого договора ответить нельзя. Этот договор оставляет все эти вопросы открытыми. Он является только теми воротами, той дверью, через которую нужно пройти для того, чтобы вступить в конкретные деловые переговоры, где дело будет итти о точных цифрах.

Почему же мы придаем такое значение этому договору? Потому, что до этого договора этих деловых, конкретных переговоров и быть не могло, потому, что к нам предъявляли требование: благоволите заплатить рубль за рубль по старым долгам. В этом договоре сказано: нет, о платеже рубль за рубль уже не может быть и речи. Мы должны договориться о том, сколько мы заплатим за старый царский рубль. Раньше нам говорили: никаких договоров, никакого признания, никаких сношений до тех пор, пока вы не вернете старым фабрикантам и капиталистам Англии принадлежащей им собственности. Теперь в этом договоре сказано, что Советское правительство должно вступить в переговоры с этими лицами на предмет справедливого возмещения их убытков.

А каково это справедливое возмещение? Как оно оценивается? Что считают они справедливым, и что справедливым считаем мы? Об этом в договоре ничего нет и не могло быть, ибо у нас с английскими капиталистами есть расхождения в самом центральном пункте. Этот центральный пункт заключается вот в чем. Английские капиталисты могут считать, что мы с вами им что-то-такое должны. А мы с вами считаем, что мы им решительно ничего не должны. Но у нас есть другой пункт. Мы с вами считаем, что нам был бы полезен заем. И действительно, обозревая наше экономическое положение, легко притти к выводу, что заем, — впрыскивание иностранного капитала в нашу промышленность, в наше хозяйство, — был бы весьма желателен и весьма полезен.

О ЗАЙМЕ ДЛЯ СССР.

Значит ли это, что мы без такого займа обойтись не можем? Я уверен, что в этой зале нет ни одного товарища, который высказал бы подобное мнение. Таковых, я уверен, нет и вообще на пространстве нашей советской страны. Все последнее время, особенно последние два-три года, доказали нам, что мы можем проводить процесс восстановления нашего хозяйства без

помощи, без содействия иностранного капитала. Положение во всех областях нашей промышленности, успехи, которые мы имеем здесь (хотя мы еще очень многим недовольны), гарантируют нам возможность восстановления нашей промышленности своими собственными силами и средствами, не прибегая к иностранному капиталу. Вместе с тем, мы не можем отрицать того, что впрыскивание известной доли иностранного капитала в нашу промышленность было бы очень полезно для нас, и не потому, что мы не можем без него обойтись, а потому, что темп развития значительно ускорился бы.

Заем есть не что иное, как право распоряжаться чужим капиталом. И мы, реальные политики, говорим: если бы советская страна получила возможность некоторое время распоряжаться чужим капиталом, то есть получить заем, то быстрота, темп развития нашего хозяйства увеличился бы во много раз. Мы скорее выбрались бы на широкую дорогу. Вот почему мы считаем полезным этот заем.

Мы знаем еще одно: что тот капитал, который нам необходим, нельзя получить ни у кого другого, кроме как у капиталистов. Ни у европейских рабочих, ни у восточных крестьян мы получить его не можем. Мы должны, естественно, понять, что мы будем иметь дело с иностранными капиталистами, что эти господа, если они пойдут на то, чтобы дать нам взаймы деньги, запросят больший процент, чем они берут со своих собратий. Этому учил нас еще Владимир Ильич. Он говорил: конечно, за деньги иностранного капиталиста мы будем платить больше, чем, скажем, французский капиталист, когда он берет взаймы деньги у английского капиталиста.

И английские капиталисты, и французские, и американские, которые пошли бы на то, чтобы дать заем на восстановление нашей промышленности, понимают прекрасно, что мы с вами восстанавливаем не промышленность вообще, что мы восстанавливаем социалистическую промышленность, что мы укрепляем не вообще хозяйство, а укрепляем хозяйство пролетарской республики, и что поэтому каждый грош, который они дадут нам на это дело, отзовется на них не только тем процентом, который мы заплатим, но общей расшаткой всего капиталистического мира.

Жадная буржуазия может пойти на это, может дать нам деньги потому, что отдельные группы буржуазии, отдельные богатеи могут рассуждать так: ну, покуда они восстановят этот свой социалистический строй, да покуда этот социалистический строй перенесут к нам в Европу, покуда это дойдет до меня, я все-таки процентик порядочный от них получу. Вот это рассуждение, вот эта жадность буржуазии может сделать то, что отдельные группы буржуазии могут этот заем нам дать.

Но, в общем и целом, буржуазия как класс понимает прекрасно всю ту опасность, которая угрожает ей от быстроты восстановления нашего хозяйства. Понимает, что на эту быстроту пойдет тот заем, который мы хотели бы получить в Европе или в Америке. Поэтому естественно, что за этот заем, если бы мы его получили, мы должны будем заплатить подороже. Мы в своем обращении к англичанам говорим: друзья, мы хотим с вами иметь деловые сношения, мы согласны за заем, который вы нам дадите, дать вам больший процент, чем другая какая-либо страна; этот процент вы можете распределить как вам угодно, и ежели вы этот процент направите на то, чтобы удовлетворить бывших собственников, чтобы удовлетворить держателей займа, мы против этого не возражаем.

Как же мы реально себе это представляем? Мы представляем себе это так, что англичане, подсчитав свои долги, обращенные к нам, свои претензии, скажут, что мы должны, например, сто рублей. Тогда мы им говорим: Вы думаете, что мы вам должны сто целковых? Мы просим тогда дать нам взаймы двести целковых, и мы вам будем платить не шесть процентов (средний процент, который вообще платят), а процентов десять. И вот этот излишек—четыре процента—благоволите направить на оплату тех ста рублей, которые вы считаете, что мы вам должны. Вот та сделка, которая нам представляется в известных условиях выгодной. Это обозначает: никаких платежей с нашей стороны до получения займа, никаких платежей с нашей стороны иначе, как только в виде процента по вновь полученному займу.

Так как мы не могли сговориться с англичанами ни о размерах этого займа, ни о размерах этого процента, то поэтому в договоре нет никаких соответствующих цифр; но там прописаны вперед все те общие условия, о которых я сейчас говорю и которые дают нам право в ответ всем клеветникам, всякой белогвардейской агитации, которая рассчитана на то, что вот, мол, большевики устроили революцию, а теперь платят проценты на заем, возмещают собственников, — в ответ на все это понять этот договор, заставить его читать и сказать, что в договоре написано как раз наоборот.

В договоре написано, что мы платим только в том случае, если получаем заем, а если займа не получим, то не платим, и это уже не должно считаться с точки зрения английского правительства нарушением его международных прав и правил. Нет, они сами подписали договор, в котором сказали: платежи со стороны Советского Союза и заем со стороны Англии — едины суть. Нет займа, — нет платежей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАЙМА И ОПЛАТА ПРЕТЕНЗИЙ.

Мы не обязываемся и не обязывались платить по старым долгам в каком бы то ни было другом виде, как только исключительно в виде процентов по этому новому займу. Что это значит? Это значит следующее: мы получаем заем и обращаем его в промышленность и сельское хозяйство. Там этот капитал приносит нам несомненную прибыль. Часть этой прибыли мы отрезаем и отсылаем в виде процента в Англию, давая им право разверстать его между старыми собственниками, старыми кредитодателями, старыми претендентами, как им угодно. Мы знаем одно — заем должен быть больше того, что они считают своими претензиями к нам, и заем должен быть дан в такой форме, которая дала бы прямую возможность увеличить развитие нашего хозяйства.

Что бы мы сделали, если бы действительно получили заем? У нас план есть, мы знаем, куда мы направили бы эти деньги, если бы они действительно были нами получены.

Первая область, куда эти деньги должны быть направлены, эта наша металлическая промышленность. Нет никакого сомнения, что громаднейшая доля того займа, который был бы нами получен, была бы немедленно нами направлена на то, чтобы поднять до довоенного уровня и выше нашу металлургическую промышленность, которая отстала теперь от всех других отраслей народного хозяйства и которая представляет для нас действительно пролетарскую цитадель, пролетарскую крепость, поддерживать и развивать которую в необходимой степени мы не имеем пока возможности.

Вторая область, куда был бы направлен полученный нами из-за границы капитал, есть сельское хозяйство. Мы с вами прекрасно понимаем, что до тех пор, пока мы не снабдим сельское хозяйство оборотными средствами, не дадим ему лучших семян, не поднимем на более высокий технический уровень, не снабдим в должном количестве новыми усовершенствованными машинами и не поставим надлежащим образом агрономическую помощь крестьянам, — а все это стоит денег, которых у нас с вами сейчас нет, — пока это не будет сделано, — такие события, как недороды, неурожаи, будут на нас сваливаться все время и будут ставить нас в весьма тяжелое положение. Поэтому, использование заграничного кредита в области металлопромышленности и сельского хозяйства, а в небольших дозах, конечно, и во всех остальных отраслях промышленности, есть, несомненно, для нас самая производительная затрата, которая окупится сторицей на протяжении очень краткого времени и даст нам возможность не только платить проценты за этот заем, но даже проценты

повышенные, рассчитанные на то, чтобы заткнуть рот старым претендентам.

Я уже сказал, что мы не сошлись с англичанами в цифрах, не сошлись ни насчет суммы их претензий, ни насчет необходимого нам займа, ни насчет процентов по этому займу. Поэтому этот договор не носит конкретного характера: он предвидит, что на его основании будут вестись дальнейшие переговоры, и когда эти переговоры будут закончены, тогда будет подписан второй договор и в этом втором договоре будет точно сказано, какой заем мы получаем, на каких условиях, из каких процентов и сколько из этого займа мы платим старым претендентам по их претензиям.

Таким образом, перед нами все впереди. Мы можем получить заем, и тогда нам придется кое-что платить. Весьма возможно, что, отказавшись платить такой процент и в такие сроки, как этого хотели бы англичане, мы займа не получим. Таким образом, повторяю, это только ворота, через которые надо будет пройти, но которые имеют громаднейшее принципиальное значение, потому что, как вы сами видели, в этом акте английское правительство признает, как общую норму, как общее правило, и национализацию и аннулирование долгов. Это имеет принципиальное значение и потому, что в этом договоре находится прямое признание английского правительства, что никогда полностью платить мы не будем. И, наконец, третье основание, которое придает договору громадное значение, это то, что договор впервые в наших международных отношениях прямо связывает платежи с новым займом.

Наш принцип — нет никаких платежей без нового займа. Тот принцип, который мы семь лет отвергали: «вы должны исправить то моральное преступление, которое вы сделали, отобрав собственность и аннулировав долги старых правительств», теперь все это брошено в мусорный ящик истории. Так вопрос никто уже не может поставить после того как Англией подписан этот договор, и не только Франция и Бельгия не могут иначе поставить вопрос, но и мы никогда не пойдем на другую постановку вопроса. «Нет никаких платежей без нового займа. Вы даете нам заем, тогда мы идем навстречу вашим претензиям и платим их не из выработки нашего хозяйства, не путем новых налогов, новых платежей, новых тягот для рабочих и крестьян, а платим из процентов на тот новый заем, который вы нам дадите».

Я думаю, что если бы на этих условиях мы могли действительно выпутаться из старого наследства и при помощи подобных условий получить возможность использовать иностранный капитал для построения социалистического хозяйства, то мы заключили бы выгодную сделку. О том, что подобная сделка была бы для нас выгодна, свидетельствует, товарищи, и само происхождение этого договора.

КАК БЫЛ ПОДПИСАН ДОГОВОР.

Я вам расскажу, почему они подписали этот договор, и расскажу не своими словами, потому что мне придется иметь тут дело с господином Макдональдом, а вы знаете, что мы сейчас находимся в таком положении: мы, представители III Интернационала, стоим у власти в советской стране, а господин Макдональд — представитель II Интернационала — стоит у власти в Англии. И так как господа из II Интернационала чрезвычайно обидчивы, то всякую критику господин Макдональд как представитель II Интернационала, считает нашим вмешательством в их внутренние государственные дела. А так как мы в эти дела вмешиваться не хотим, то я и не буду говорить собственными словами о господине Макдональде — о том, как происходило подписание этого договора, а расскажу словами человека, которого уже никак нельзя заподозрить в сочувствии Советской власти, III Интернационалу или коммунистической партии. Я расскажу вам об этом словами господина Милюкова, из его газеты «Последние Известия». Называется статья: «Из-под палки».

Договор подписан 7 августа, а 8 августа Милюков пишет так: «И над Макдональдом существует начальство, которое требует, чтобы было поступлено не по разуму, а по трафарету, натверженному советскими агитаторами и доброжелателями...» — «Сноуден и Раковский в комиссии решили, что переговоры исчерпаны и прерваны окончательно».

Вы помните, что в газетах сообщалось о том, что переговоры сорваны. Этот момент приветствовала вся белогвардейская печать...

«Но это означало, — пишет Милюков дальше, — что положение Макдональда в рабочей партии поколеблено, и произошло следующее. Вечером того же дня, т. е. во вторник, когда произошел разрыв, представители тредъюниона рабочей партии, Персель и другие, имели чрезвычайно бурный разговор с Макдональдом, Сноуденом и Уолхедом. Некоторые депутаты палаты — профессионалисты — заявили, что они сложат свои мандаты и начнут кампанию против правительства. Впечатление от этих угроз на правительство было таково, что сейчас же во вторник появилось официозное сообщение, что не все кончено... В среду утром представители министерства иностранных дел явились к советской делегации с новой формулой, но советские делегаты, очевидно, прекрасно осведомленные о тех усилиях, которые были предприняты в их пользу, — заважничали. Они нашли, что формула еще хуже той, которую они отвергли накануне. Они энергически возражали против нее, заявив, что она требует отречения Советов от суверенного права национализации. Тотчас

вслед за этим последовало новое вмешательство тредъюнионистских лидеров.

«Негодование в их среде было велико, так как накануне вечером было обещано, что правительство Англии представит формулу, приемлемую для советской делегации».

«Очевидно, — пишет Милюков, — сношения между советской делегацией и ее тредъюнионистскими защитниками были налажены очень хорошо, ибо в несколько часов дело уладилось. После полудня товарищ министра иностранных дел Понсонби представил формулу, которая удовлетворила советских делегатов. Четверть четвертого соглашение состоялось».

Вы видите, товарищи, что мне, пожалуй, нечего прибавлять к тому, как объяснял Милюков те условия, при которых Макдональд, премьер-министр его британского величества, подписал этот договор. Вы видите, что этот договор на самом деле не столько скреплен подписями английской буржуазии, сколько подписью Макдональда, рукою которого водили представители рабочей партии, — его же собственной партии. Он попал в такое положение, когда разрыв соглашения с советской делегацией мог поставить его перед необходимостью пойти на новые выборы, а сейчас все, что мы знаем о положении в Англии, свидетельствует, что нет более выгодной платформы для общих выборов в парламент, как платформа за соглашение или против соглашения с Советской властью. Наиболее радикальные левые элементы рабочей партии говорят, что если бы Макдональд отказался подписать это соглашение и нужно было бы произвести новые выборы, то на этой платформе они победили бы. Макдональд это понял, испугался, — это не мои слова, — чтобы не доставлять тяжелых минут т. Чичерину, — а слова Милюкова, — Макдональд из-под палки подписал договор.

Борьба, однако, отнюдь не кончена. Вся агитация, не только консерваторов, но и либералов, направлена теперь на то, чтобы этот договор не был ратифицирован парламентом. Но он не ратифицирован, однако, ни с той стороны, ни с нашей. Он не вступит в силу до тех пор, покуда, с одной стороны, ВЦИК СССР, а с другой стороны, английский парламент не ратифицируют его. Когда же он будет ратифицирован, на его основе должны вестись новые переговоры уже в цифрах, с карандашиком в руках.

Я хотел бы еще указать на один «недостаток» договора, который тот же господин Милюков в нем нашел. Милюков пишет: «Печать отметила одну капитальную особенность данных договоров, отличающую эти договоры от всех других: эти договоры заключены не от имени короля, хотя это имя и упоминается в них неоднократно». Чем же это объяснить? Милюков объясняет так: «Имя короля в договорах с убийцами его родственников, в самом деле, звучало бы как-то странно». Но вы знаете,

товарищи, что мы не обязательно стремимся к тому, чтобы сам английский король подписал этот договор. Если ему неприятно с нами подписывать договор, то мы можем его от этой обязанности освободить. Нам достаточно будет, если при деловом договоре, в котором речь идет о том, сможем ли мы получить определенный заем на дальнейшее развитие социалистического хозяйства, английская буржуазия будет поставлена в такие условия, когда она на этот заем должна будет пойти. Ясно, товарищи, что для того, чтобы этот договор мог быть подписан под давлением рабочих масс, требовалась известная международная обстановка.

«ПАЦИФИСТСКАЯ» ЭРА.

Наша печать часто ее характеризует как некоторый переход от старой политики буржуазии к новой политике, как переход к новой пацифистско-демократической эре. И действительно, как будто бы мы можем наблюдать некоторые явления, которых еще год тому назад не было на арене мировой политики.

Мы видели, как под давлением, под прямым давлением рабочих масс, потерпела крушение политика Керзона, политика Пуанкаре, т. е. политика грубого, прямого и откровенного империализма, которая этими фигурами — Пуанкаре и Мильерана, с одной стороны, и Керзона — с другой, больше всего характеризовалась. Мы видели, что массы были поставлены, благодаря этой грубой политике империализма, перед опасностью новых военных столкновений.

Мы видели, как эта политика держала Европу все время в напряжении и в ожидании, что в один прекрасный день тот пороховой погреб, который создан Версальским договором, взорвется. Мы видели, как народные массы не выдержали этого напряжения, и в той форме, которая им была наиболее доступна, т. е. в форме выборов и в Англии и во Франции, смели и Керзона вместе с Ллойд-Джорджем и Пуанкаре вместе с Мильераном, расчистив таким образом дорогу для прихода во Франции Эррио, а в Англии — Макдональда. Многие товарищи, которые не хотят вдуматься, говорят: следовательно, на смену фашизма, грубых форм империализма, прямого подавления рабочего коммунистического движения — приходят пацифистские формы, стремящиеся к мирному улаживанию всех международных конфликтов и к более мягкой внутренней политике. Подобная оценка мне представляется неправильной.

Дело не в том, что буржуазия отказалась от фашистских методов борьбы и перешла, будто бы, к пацифистским. Буржуазию и ее повадки мы давным-давно знаем. В зависимости от условий борьбы она выдвигает то левое, то правое крыло. Она выдвигала в предшествовавшие годы правое крыло, фашистский

бронированный кулак, Пуанкаре и Керзона, — нажим на авантюристическую политику, которая могла привести в любой момент к военной вспышке в центре Европы и на Тихом океане. Она наткнулась на сопротивление, правда, еще неоформившееся, еще не вылившееся в прямое коммунистическое движение, но во всяком случае, на сопротивление со стороны не только широких рабочих масс, но и мелкой буржуазии, которой стало невмоготу то положение, которое создали Пуанкаре, Керзон и Мильеран. Против этого сопротивления буржуазия выдвигает теперь свое левое плечо, которым пытается оборониться от наступающего пролетариата: не только фашизмом, но и II Интернационалом. Самым характерным в данный момент является не эта, якобы, происшедшая замена фашизма пацифизмом, а переплетение фашистских методов, которых отнюдь не оставляют, с методами обмана, с сеянием иллюзий и разврата, представителем которых является II Интернационал. Если посмотреть на мировое положение, то оно на вид характеризуется как бы некоторым примирением с Францией, где вместо Мильерана и Пуанкаре стоит изрекатель добрых слов господин Эррио, который способен замазать всякую гнусную выходку миллионом хороших слов, взятых из первоклассного пацифистского словаря; с другой стороны, — примирением с Англией, где только-что был Керзон, который предъявлял нам ультиматум, не хотел с нами разговаривать, а теперь там стоит представитель II Интернационала, председатель всех последних съездов II Интернационала — Рамзей Макдональд и его товарищи, министры из членов II Интернационала. Казалось бы, — громадный переворот, действительно, новая обстановка.

ПЛАН ДАУЭСА.

Что является наиболее ясным плодом мировой политики в данный момент? Это всем вам известный, так называемый план экспертов или проект Дауэса, проект, который должен, и по словам II Интернационала, и по словам Эррио, и по словам германского правительства, принести замирение всей Европы, должен предотвратить взрыв порохового склада, должен сделать из Европы, которая лежит в развалинах, которая не залечила ран войны, которая все более и более распадается, арену мирного процветания без войн, без крови, без революции, без восстаний. Что же мы имеем в этом плане Дауэса? Теперь для всех нас ясно, что нет более позорной сделки, чем сделка Дауэса, заключенная за счет германского и международного пролетариата. Для нас несомненно, что эта позорнейшая война имеет в проекте Дауэса свой позорнейший эпилог.

Что представляет собой эта сделка? Она есть превращение Германии в колонию. Какое же ее содержание? Она децентрали-

зует железные дороги Германии, находившиеся в руках государства, и передает их частной компании капиталистов с участием победителей, которые получают возможность устанавливать любую продолжительность рабочего дня, понижать зарплату на железной дороге до нужного предела. Она передает эти железные дороги, бывшие в руках государства, в руки частной компании, в которой главными пайщиками состоят представители иностранного капитала и которые постараются превратить железнодорожный пролетариат в ту корову, из которой надо высосать как можно больше соков для того, чтобы были заплачены те платежи, которые Германия должна Франции. Далее, иностранная компания получает право регулировать косвенные налоги в Германии, т. е. те налоги, которые падают главным образом на трудящееся население, в первую очередь на рабочих. Заведывание этими налогами переходит из рук германского правительства в руки комиссии, назначенной Англией, Францией и Америкой для того, чтобы из этих косвенных налогов, путем увеличения их, создать насос, который будет выкачивать средства для платежей Франции, Англии и Америке. Затем, весь экспорт Германии регулируется иностранной комиссией, назначенной Америкой, Англией и Францией, и которая так должна регулировать этот экспорт, чтобы Германия не смела богатеть. И, наконец, последнее: весь финансовый бюджет Германии поступает под контроль той же иностранной комиссии. Вот это значит проект Дауэса. Это значит превращение Германии в колонию, перенесение всей тяжести платежей и расходов по бывшей войне на плечи германского пролетариата.

Но германский пролетариат не изолирован. Если германский отряд международной армии пролетариата, расположенный в центре Европы, попадает в ухудшенное положение, если его заработная плата падает, если его рабочий день удлиняется, то это невольно должно будет отозваться и на рабочих Англии и Франции. Это ухудшение положения германского пролетариата, благодаря международной конкуренции, должно будет привести к тому, что и положение английских и французских рабочих ухудшится. Не может английский капиталист допустить 8-часового рабочего дня для горнорабочих, если он при посредстве германских капиталистов заставляет германских рабочих работать 10 часов. Тогда германский уголь будет дешевле, и англичанин не сможет конкурировать, а должен будет насесть на английского рабочего и путем принуждения выколачивать из него такую же продукцию, как с германского рабочего при 10-часовом рабочем дне. Таким образом, ухудшение положения горнорабочих в Германии обозначает ухудшение положения рабочего класса во всей Европе. И вот этот проект закабаления Центральной Европы, это ухудшение положения рабочего класса, умаление прав рабочих — все

это предложено в проекте Дауэса в так называемую пацифистскую эру, под гром сладкозвучных речей относительно «наступления мира и благоволения» и спокойного экономического развития. И, естественно, мы спрашиваем себя, кто же продиктовал этот план, кто его проводит? Вы знаете, товарищи, — и в этом весь центр положения в данный момент, — что этот план не мог бы быть проведен, если бы на его проведении целиком не воздействовал II Интернационал.

ВНУТРЕННЯЯ МЕХАНИКА «ПАЦИФИСТСКОЙ ЭРЫ».

Во Франции этот план принят только потому, что все так называемые французские социалисты в парламенте голосовали за этот план. В Германии этот план принят только потому, что за этот план голосовали все буржуазные партии и социал-демократы. В Англии этот план проведен так называемым рабочим правительством, т. е. официальным представительством II Интернационала. В трех крупнейших странах, в центре Европы, в странах, которые определяют экономику и политику всего мира, — в них этот план мог быть проведен только потому, что социал-демократы, социал-предатели, целиком за этот план голосовали и его провели. Леон Блюм, руководитель французских социалистов во французском парламенте, должен был выйти на трибуну и сказать: «Да, конечно, нам очень неприятно, что по этому плану аннулируется национализация железных дорог, и железные дороги всей Германии передаются частным капиталистам: нам очень неприятно, что этот план включает увеличение налогов и удлинение рабочего дня для всего пролетариата Германии, но... мы будем голосовать за этот план». То же самое было и с германскими социал-демократами, то же самое было и в Англии.

Этот план Дауэса, эта позорнейшая сделка за счет германского пролетариата, проведен и мог быть проведен исключительно только благодаря тому, что все партии II Интернационала, каждая в своей стране, поддержали этот план. А чей это план? Автор этого плана лучше всего выяснен человеком, с которым нам много приходилось иметь дела и который не всегда бывает откровенен, но который достаточно хорошо знает делишки буржуазного строя и на этот раз счел необходимым рассказать о них. Я говорю о Ллойд-Джордже. Он раскрыл внутреннее содержание этого плана и того, кто является истинным создателем этого плана. Он пишет так (это подлинные слова Ллойда-Джорджа из его статьи):

> «Лондонский договор не был бы никогда заключен, если бы не энергичное и брутальное вмешательство международного финансового мира. Протокол, который был подписан союзниками с Германией, является триумфом международных банкиров».

Вы не подумайте, что это пишет какой-нибудь коммунист,— это пишет Ллойд-Джордж, — приказчик этих международных банкиров, хорошо знающий их делишки; он теперь в отставке, они взяли другого приказчика, который называется Макдональдом, и поэтому этот лакей находится в оппозиции против своих прежних господ, фордыбачит, разоблачает их тайны. Но мы, во всяком случае, должны принять эти разоблачения к сведению.

> «Протокол, который был подписан союзниками с Германией, является триумфом международных банкиров. Они отбросили в сторону государственных мужей, политиков, юристов, журналистов, они ставили свои требования, как абсолютные монархи, знающие, что против их декретов нет апелляций. Лондонский договор является указом объединенного короля долларов и фунта стерлингов. Доклад комиссии Дауэса был их делом, они этот доклад инспирировали и оформили».

И дальше:

> «Директор английского банка г. Монтегю Норман высказал свое мнение в помещении английского казначейства очень вежливо, но энергично. Джон Пирпонт Морган, американский миллиардер, фактический действительный хозяин Америки, по радио поднял свой голос с парохода так громко, что его было слышно сквозь гул морских волн. Без исполнения условий, поставленных банкирами, заявили они, нет займа. Но заем является стержнем доклада Дауэса. Это был ультиматум банкиров, и они от него не отступили, несмотря на все попытки уговорить. Решительность банкиров вызвала переполох на лондонской конференции. Британское казначейство в лице своего непреклонного канцлера,— а канцлером британского казначейства является член исполнительного бюро II Интернационала, Филипп Сноудэн, — исполнило их требование».

Вот, товарищи, внутренняя механика так называемой новой пацифистской эры. Вот подлинное разоблачение буржуазного из буржуазнейших министров, подлинная механика этой новой эры, этого нового закабаления международного пролетариата. Вот вам Джон Пирпонт Морган, который, сидя на пароходе, везущем его из Америки в Лондон, по радио дает распоряжение об условиях примирения Англии, Франции и Германии. Вот вам представитель II Интернационала, который принимает к исполнению эти приказания самого крупного из международных банкиров, и вот вам партия II Интернационала во Франции, Германии и Англии, которые, как по указке, голосуют за ту самую программу, которую продиктовал представитель международной буржуазии. Вот подлинная программа господства буржуазии сейчас.

Вот внутренняя механика, при помощи которой буржуазия управляет сейчас всем миром.

Далее, в ее багаже есть и фашистский метод, и завтра же, если понадобится, Керзон, Мильеран и Пуанкаре будут выдвинуты на передовые позиции, и вместо слов о пацифизме, о мире, о договорах, о соглашениях — загремят пушки. Сегодня им надо действовать путем обмана, путем иллюзий. У них под руками II Интернационал, который работает так же хорошо, как работал Керзон.

Что нам несет этот план Дауэса, какое отношение он имеет к англо-советскому договору? Он имеет к нам ближайшее отношение и именно потому, что этот договор имеет основой временное сращивание интересов буржуазии германской, английской, французской и американской. По указке этого Моргана может вновь воссоздаться, хотя бы на время, единый хозяйственный фронт этой буржуазии. Почему германская буржуазия высказалась за проект Дауэса, который ставит Германию в положение колонии, который обозначает действительно кабальные условия для германской буржуазии? Только потому, что она собирается, в союзе с английской и французской буржуазией, переложить все тяжести на германский пролетариат. И мы можем оказаться, — это вполне реальная возможность, — перед тем, что на почве проекта Дауэса, под руководством миллиардеров в роде Моргана и при помощи II Интернационала, вновь временно создастся единый хозяйственный фронт буржуазии против советских республик. Несмотря на соглашение с Англией, на почве этого проекта вопрос о займе, о нашем экспорте, о возможности заключать известные банковские сделки с заграничными фирмами и т. д., все это может быть поставлено под вопрос. Поэтому теперь вся политика мирового капитала направлена на то, чтобы, пользуясь II Интернационалом, хотя бы временно сцементировать интересы германской, английской, французской и американской буржуазии. А если, хотя и временно, их интересы совпадут, они будут направлены против нас. Они попытаются тогда уладить свои дела, не обращаясь ни к нашему рынку, ни к нашему сырью, ни к соглашению с нами, а к соглашению между собой. Поэтому мы должны считаться с этим, как с реальной опасностью, временной — хотя бы потому, что, конечно, план Дауэса никого не удовлетворит, никакого порохового погреба, который представляет собой сейчас Европа, не утихомирит. Это временная иллюзия, которая кончится, когда пролетариат увидит, к чему она ведет. То, что сделано войной, что сделано Версальским миром, планом Дауэса не залатать.

Поэтому дело это временное, но на это время это соглашение может поставить перед нами новые препятствия, не в виде военного нападения, — этого нам сейчас опасаться не прихо-

дится, — но некоторый прилив сил у международной буржуазии на почве проекта Дауэса может быть, и мы можем оказаться в положении, когда перед нами в области экономической окажутся запертыми двери международного рынка, когда нам будут ставить всяческие препятствия.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В КИТАЕ НАПРАВЛЕНА ПРОТИВ СССР.

Посмотрите, что делается вокруг наших границ.

В Европе — это можно смело сказать — при данном положении ни одна из собак мирового капитала, находящаяся на наших границах, не осмелится против нас тявкнуть. Но посмотрите на восточную границу. Вы, конечно, следите за событиями в Китае. Что там происходит? Весь Восток возрождается, демократизируется, ведет войну с остатками феодализма за национальную независимость, за собственное хозяйство, чтобы выбиться из-под ферулы империалистического капитала.

Подобно тому как в XIX веке все национальные движения питались примерами и идеями от Великой Французской революции, так и теперь, вся пробуждающаяся многомиллионная масса Востока: Китая, Индии, Афганистана, Турции идет и не может итти иначе, как под звездой, красной звездой Советского Союза. Опираясь на нас, они могут бороться против империализма; опираясь на нас, они могут преодолевать внутри себя феодальные остатки и строить демократическое государство, которое соответствует данному уровню их развития. Мы имеем в Китае дело с 400 млн населения, в Индии — 300 млн, — с громадными массами человечества, только-что выходящими на историческую арену, могущими выйти на историческую арену только в союзе с нами, только под нашей защитой, только постольку, поскольку мы, как каменная стена, ограждаем их тылы.

Ясно, что для мирового империализма это возрождение Востока, совершающееся под руководством Советского Союза, — вещь нестерпимая: она угрожает ему потерей колоний, она угрожает потерей рабского рабочего труда, она угрожает потерей громаднейшего рынка, на котором они могут сбывать всю ту заваль, что не идет в Европу. Интервенция в Китае готовилась давно, но действительный мотив, который толкнул и ускорил это явление, заключается в соглашении между нами и Китаем, которое нами подписано. Английские броненосцы, которые там теперь стоят, английские пушки, которые стреляют по Шанхаю и Кантону, — они направлены не только против демократического и национального Китая, который под руководством Сун-Ят-Сена борется с иностранным империализмом: они направлены также против того договора между нами и Китаем, который был подписан несколько недель тому назад.

Во главе национального демократического движения стоит Сун-Ят-Сен, глава партии Гоминдан. Это — не коммунисты, а демократы-революционеры, которые борются за объединение Китая, за республиканский строй, за его независимость от насилия империалистического капитала. Борются они против бесчисленных генералов, — милитаристов, которые все состоят на службе: один — у Японии, другой — у Англии, третий — у Америки. Мы имеем дело с одним таким генералом Чжан-Цзо-Лином, который засел в Мукденской провинции Китая.

Мы подписали договор с Китаем о возвращении нам Восточно-Китайской жел. дороги.

Вы помните, быть-может, по газетам, что этот договор мы могли подписать только после очень острой борьбы, потому что французские империалисты, капиталисты американские и английские запрещали китайскому правительству подписывать с нами этот договор. Они считали переход к нам этой железной дороги величайшим для них ущербом. И они были, конечно, правы. Но китайское правительство набралось достаточно мужества, чтобы противостоять этим домогательствам, — оно подписало договор о том, что эта железная дорога переходит в наше распоряжение. А до тех пор она находилась в распоряжении остатков белогвардейской банды, которая опиралась на японцев. И вот, в тот момент, когда мы должны были вступить во владение этой дорогой, не менее полуторы тысячи верст длиной, и всей близлежащей полосой, оказалось, что генерал-губернатор той провинции, по которой она проходит, никаких договоров пекинского правительства не признает, — но за то ближайшие исследования показали, что он очень хорошо признает все чеки, которые ему присылаются из Японии. И так как вместе с этими чеками ему был прислан приказ не признавать договора между центральным пекинским правительством и нами, то он стоит с войсками и мешает осуществлению договора.

Таких генералов по отдельным провинциям — бесчисленное количество, и все они так же, как и этот, на чьем-нибудь откупу, на откупу тех, кто больше даст. Против них всех стоит правительство Сун-Ят-Сена, овладевшего Кантонской провинцией, представляющее национальные демократическо-республиканские тенденции против империалистических тенденций и поэтому сочувственно относящееся к нам. Английское правительство немедленно подняло восстание кантонских купцов против Сун-Ят-Сена, а дальше разыгралась история по всем правилам: восстают кантонские купцы, Сун-Ят-Сен с ними справляется, и тогда английский консул заявляет: «Позвольте, при этой перестрелке не пострадают ли интересы англичан?» Он шлет телеграмму Макдональду: «Тут происходит гражданская война, я не ручаюсь за безопасность интересов английских граждан». В ответ на это приходит английский

миноносец. От Англии не хочет отставать и Америка, и Япония. Сейчас положение такое, что мы еще не можем сказать, чем кончится это столкновение. Во всяком случае мы имеем перед собой определенную картину интервенции англичан, американцев и японцев — за старый феодальный Китай, против возмущающихся китайцев, — в момент, когда им показалось, что благодаря союзу с нами Китай продвинется вперед по той дороге, которую ему указывает Сун-Ят-Сен, скорее, чем прежде.

Но разве не то же самое происходит и на другой нашей границе — в Афганистане? В Афганистане неожиданно в самые последние дни поднимается восстание отсталых первобытных племен. И мы совершенно ясно видим, можем нащупать руками, что эти племена восстают против центрального афганского правительства, находящегося в дружбе с нами, по проискам темных агентов английского империализма.

Если мы пройдем еще западнее, — а мы все еще идем по громаднейшей границе между нашим Союзом и восточными народами, — если мы перейдем к Персии, то мы и там увидим, на самых границах Советского Туркестана, восстание против персидского правительства йомудов — совершенно отсталого племени, которое восстает, вооруженное английским оружием, под чужим руководством, для того, чтобы ослабить силу того персидского правительства, с которым мы находимся в дружественных отношениях, потому что это правительство явилось на свет божий как реальная сила, как противовес тем ставленникам империализма, которые владели Афганистаном и Персией вплоть до нашей Октябрьской революции.

Наконец, в Турции на-днях началось восстание курдов и айсоров.

Это опять-таки тот же источник. Восстание необходимо для того, чтобы окружить всю советскую восточную границу не дружественными государствами и не дружественными правительствами, а враждебными племенами, готовыми действовать по империалистической указке и подчиняться всем тем указаниям, которые будут даны из банков.

Я рисую эти картины для того, чтобы не было слишком большого оптимизма, для того, чтобы не было слишком большого преувеличения в нашем положении. Да, в данный момент мы можем не опасаться никаких прямых вооруженных нападений на нас. Мы, во всяком случае, уже достаточно сильны для этого, но, несомненно, происки международного капитала против нас и в форме попыток сорвать англо-советский договор и в форме попытки окружить нас с Востока своими ставленниками, готовыми на все, нарушить покой в пределах советской страны — имеются.

АВАНТЮРА В ГРУЗИИ.

Мы должны с этим считаться, как с реальным фактом, даже если бы не было последних событий в Грузии, а мы их имели. Это было не восстание народное, не какое-нибудь массовое движение, а движение бандитских шаек. С другой стороны, там были налицо определенные элементы руководства из-за границы, которые имели целью сорвать англо-советский договор и сорвать налаживающиеся переговоры с другими государствами при помощи кровавого скандала, который они там устроили. Мы теперь имеем ясную картину этой, уже ликвидированной, авантюры. Она была результатом сговора меньшевиков и тамошних буржуазных партий, она была произведена их боевыми отрядами, почти сплошь состоявшими из старого грузинского офицерства, которого, оказывается, осталось там 9000, а с другой стороны, из сыновей князьков и дворян.

План заключался отнюдь не в том, что они действительно надеялись захватить власть. Конечно, при удаче они не отказались бы от этого. По сути дела они выполнили простое задание, данное им. Им было сказано в Париже и Лондоне: Если вы хотите получать деньги дальше, если вы хотите, чтобы договор с Англией и намечающиеся переговоры с Францией сорвались, тогда вот срок — несколько недель — произведите на Кавказе скандал, чтобы мы во всех газетах могли затем раззвонить, что в Советской России не все спокойно, население против власти, в Грузии восстание, надо погодить с займом и с признанием. Вот их стратегия. А если вы к этому прибавите, что Грузия есть дорога в Баку, что все восстание в Турции, которое теперь спровоцировано Англией, тоже опирается на моссульскую нефть, то ясно станет, что империалисты ничего другого не хотят, как только того, чтобы шла сплоченная полоса от берегов Черного моря к Каспию под их влиянием, под их протекторатом, чтобы те районы, из которых мы получаем нефть — Закавказье, и хлопок — Закаспий, все время находились в брожении и срывали рост нашего хозяйства.

Вот передо мной декларация, которая была написана 5 сентября — сегодня у нас шестое — и передана была по прямому проводу, декларация, которая целиком подтверждает картину грузинских событий, которую я вам нарисовал. Я вам ее прочту:

«Комитет независимости Грузии» (составленный из меньшевиков и национал-демократов Грузии или попросту кадетов) «со дня своего образования, поставив своей целью восстановление независимости Грузии, был уверен в том, что он сможет для этой цели подготовить и осуществить вооруженное восстание. Для этой цели Комитет независимости при посредстве представленных в нем партий вел работу и вооружал отряды. С другой

стороны, при посредстве заграничного бюро он стремился к созданию в западно-европейских государствах, в частности во Франции и Англии, соответственных условий для получения помощи».

Мы теперь, после показания Савинкова, знаем, чтó такое «создание соответственных условий для получения помощи». Вы читали, а мы на суде слушали заявление Савинкова, когда он должен был признать, что нет никакой борьбы с Советской властью иначе, как только в союзе со всеми контр-разведками и штабами западно-европейских армий. Это должен был признать человек, который шесть лет проходил через эту школу, который, больше, чем кто-либо другой, знает все эти грязные делишки западно-европейских правительств, и он разоблачил их на суде. Но разоблачить их он мог только отчасти.

Суд состоялся немедленно после ареста, он должен был все восстанавливать по памяти. Но если он по памяти сказал нам и о двух миллионах, которые были получены от Франции, и о сорока тысячах, которые были получены на убийство тт. Ленина и Троцкого от Массарика, то, когда он получит возможность справиться со старыми бумагами, порыться в архивах, посмотреть старые газеты, он вспомнит еще многое и многое, что мы после этого сможем поставить в счет и Ллойд-Джорджу, и Пуанкаре, и Эррио и т. д.

В заявлении «Комитета независимости Грузии» (тут есть подписи почти всех его членов), призывающем к прекращению восстания, — правда, через несколько часов после того как восстание было ликвидировано, а сами члены Комитета попали в ГПУ, — в этом заявлении заключается недвусмысленное указание на связь именно с заграницей, на то, что действительные руководители этого восстания — Жордания и Чхеидзе, который вот с этой трибуны еще во времена Керенского обманывал ленинградских рабочих, — что они, несомненно, действовали по приказанию английских нефтяников и что они своими действиями пролагали путь международному капитализму к бакинской нефти и туркестанскому хлопку.

В этом для нас никакого сомнения нет. Вот то кольцо, которое пытаются создать.

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ У ВЛАСТИ, А ВЛАСТЬ У КАПИТАЛИСТОВ.

Что же, разве изменяется что-нибудь от того, что те крейсера, которые сейчас бомбардируют Сун-Ят-Сена, вышли из лондонской гавани не по приказу Керзона, а по приказу, подписанному Макдональдом? Разве что-нибудь меняется в существе этой политики от того, что те деньги, которыми оплачивается

восстание курдов и восстание меньшевиков, выданы по чекам, подписанным Филиппом Сноудэном, членом II Интернационала, а не бывшим лордом казначейства и министром финансов Черчилем или Ллойд-Джорджем? Разве от того, что теперь II Интернационал направляет крейсера против национального движения за независимость на Востоке и ведет подкопную работу в Грузии против Советской власти, а не Керзон, — разве для нас что-нибудь в этом меняется? Конечно, нет, и поэтому мы не можем сказать — пришла новая эпоха пацифизма и мира. Нет, мы говорим совершенно ясно: продолжается господство капитала и в еще более острой форме.

Макдональд недурно показал себя в течение нескольких месяцев своего правительства. Он показал себя недурным управделами буржуазии, и она нашла в нем действительно хорошего приказчика, хорошего лакея. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы понять, что, несмотря на англо-советский договор, мы отнюдь не гарантированы от того, чтобы не оказаться против единого фронта, направляемого Морганом и приводимого в исполнение Макдональдом и Леоном Блюмом. Мы должны свою внутреннюю политику строить отнюдь не на том, что англо-советский договор даст нам возможность более быстро или более легко поднять наше хозяйство.

Перед лицом той картины, которую я только-что нарисовал, у нас должен быть один завет: мы должны быть еще сильнее, чем были до сих пор. Хорошо, если мы получим заем, хорошо, если II Интернационал не решится пойти дальше организации грузинского восстания, но мы — политики реальные, мы должны считаться не с вывесками, не со словами, не с тем, что теперь Макдональд и Леон Блюм управляют делами мировой буржуазии, а с одной простой истиной, которая начинает пробивать себе путь в головы даже вождей английских рабочих.

Вчера, в речи, произнесенной Перселем при открытии конгресса английских тредъюнионов, на котором такую остроумную речь произнес наш товарищ Томский, я встретил слова, которые показывают, что, несмотря ни на что, факты учат. Вот что сказал представитель английских тредъюнионов, который в Англии занимает приблизительно такое же место, как у нас тов. Томский, т. е. председатель английского ВЦСПС.

Он сказал так:

«Я прошу делегатов конгресса отметить тот факт, что в то самое время как политическая власть переходит как будто бы повсюду в руки трудящихся классов, экономическая мощь концентрируется все более и более в руках небольшой группы денежной аристократии».

Вот тут этот представитель английской рабочей аристократии подошел к самому центру дела и развел в недоумении руками:

как так, — политическая власть все больше и больше переходит в руки рабочего класса: ведь в Англии у власти Макдональд, Эррио без французских социалистов править не может, Эберт — шейдемановец — председатель Германской республики, — как же власть в руках рабочего класса, а в то же время получается такая странность — экономическая мощь концентрируется все больше и больше в руках денежной аристократии?

Этот бедняга Персель никак не может свести концы с концами. С одной стороны, власть как будто бы у рабочих, а вместе с тем подлинная экономическая власть находится в руках Моргана и тех банкиров, о которых Ллойд-Джордж сказал, что они ведут себя, как абсолютные монархи, на декреты которых не может быть апелляции. Персель не понял одного. Апелляция на этих монархов есть, но только одна апелляция — к пролетарской революции. Другой апелляционной инстанции история не создала, и если Персель не понял еще, что политическая власть в руках Макдональда еще не означает власти в руках рабочего класса, то мы это поняли.

Международное положение вскрывает нам изнанку так называемой пацифистской эры. У нас есть много завоеваний, мы стали много крепче, с нами нельзя уже обращаться так, как обращались в 1918—1919 гг. Много иллюзий потеряла буржуазия по отношению к нам, но все-таки наше положение таково, что мы должны сказать: «Эра-то пацифистская, а ружья надо держать заряженными».

ПЕРСПЕКТИВЫ НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Еще несколько слов о том, как мы отвечаем на вопрос: «Есть ли у нас достаточно внутренней силы для того, чтобы противостоять этому возможному единому экономическому фронту буржуазии, этим попыткам англо-американского капитала сорвать англо-советский договор, этим попыткам мировой буржуазии окружить нас той полосой восстаний, о которой я сейчас говорил?» На этот вопрос мы совершенно спокойно можем ответить: «Да, силы эти внутри страны у нас есть».

В этом году перед нами, несомненно, стоят большие затруднения. Эти затруднения имеются и в области сельского хозяйства, и в области промышленности, и очень сильные затруднения в области финансов. Очень трудно будет нам в этом году благодаря сокращению, а может-быть и очень значительному сужению экспорта хлеба. Но, несмотря на все эти затруднения, наше положение, несомненно, гораздо более крепко, чем когда бы то ни было за все время нашей революции. Общую характеристику нашего экономического положения (к сожалению, я не могу остановиться подробно, потому что мой доклад и так уже затянулся)

я могу дать такую: оно устойчиво и находится сейчас на гораздо более высоком уровне, чем было в прошлом году.

Несомненно, мы находимся на повышательной линии, и, несмотря на некоторый недород, нет никаких оснований ожидать хотя бы более или менее продолжительной задержки в этой линии подъема. Хлеба у нас в этом году, несмотря на недород, только очень немногим меньше, чем в прошлом году, и во всяком случае для внутренних потребностей его у нас достаточно, а благодаря тому, что цены на хлеб будут во всяком случае выше, чем были в прошлом году, рынок для промышленности в этом году будет шире, чем он был в прошлом году.

Правда, цены на хлеб в данный момент в некоторых местах безобразно высоки: здесь мы имеем дело с хлебной спекуляцией. Панические слухи о неурожае, преуменьшение хлебного баланса имели последствием то, что в некоторых местах мы имеем попытки кулацких элементов в деревне — а еще больше посредников и спекулянтов — вздуть цены на хлеб. Мы объявили им решительнейшую борьбу, вздуть цены на хлеб не позволим, потому что это обозначало бы понижение реальной платы рабочих, это наносило бы удар нашей твердой валюте, а потрясти нашу твердую валюту, — значило бы потрясти основы нашего теперешнего устойчивого положения. Эту твердую валюту мы завоевали с большим трудом, с большою выдержкой, с большими лишениями со стороны рабочего класса и отчасти крестьянства, и эту твердую валюту мы не позволим сорвать никаким хлебным спекулянтам.

Но, борясь с покушением спекулянтов вздуть цены на хлеб, мы стремимся создать такие цены на хлеб, которые дали бы крестьянину за его труд подлинное вознаграждение. Если средняя цена на хлеб была в прошлом году 50 коп., а теперь — 1 рубль и больше, то мы считаем, что если крестьянин в этом году вместо прошлогодних 50 коп. получит 70—75 коп., то это будет та цена, которая будет справедливо возвышенной против прошлогодней цены и выгодной для крестьян, а вместе с тем будет по плечу рабочим и рабочему государству и не сорвет валюту. Но если нам удастся осуществить задачу сбить спекулянтские цены на хлеб и понизить их до уровня 70—75 коп., то все-таки это будет на 40% больше, чем прошлогодняя цена: значит, покупательные силы крестьянства в этом году не менее чем на 20—30 коп., а, может-быть, на 35 коп., будут больше, чем в прошлом году; крестьянство же есть основной потребитель нашей промышленности.

Поэтому, когда перед нами встала задача: на что вести нашу промышленность — на свертывание и сокращение или на расширение, то мы дали несколько месяцев тому назад по всей линии лозунг, который подтверждаем и теперь: промышленность ведется

на расширение. Крестьянский рынок расширяется; он будет способен больше поглощать продукты промышленности, промышленность может ставить ставку на дальнейшее расширение. При этом понадобится снижение цен. Эту политику снижения цен вместе с расширением промышленности мы в данный момент и проводим.

Мы сейчас находимся в таком положении: в прошлом году, как вы помните, мы не знали, куда деться от кризиса сбыта; мы говорили о «ножницах», при которых крестьянин беднеет, а промышленность не может сбыть свой товар. Несмотря на то, что все отрасли нашей промышленности за эти летние месяцы развернулись гораздо больше, чем были развернуты в прошлом году, мы имеем бестоварье,— не кризис сбыта, а наоборот: нехватку товара,— спрос растет. Крестьянский широкий потребительский спрос растет настолько, что промышленность не поспевает удовлетворять этот спрос. Поэтому, если мы к этому прибавим еще дальнейшее снижение цен, если мы действительно поведем борьбу против наживания частных торговцев на разнице между оптовыми ценами и розницей, то мы сможем дать нашей промышленности в этом году громадный толчок вперед.

Мы встречаем еще некоторые затруднения в неравномерности роста отдельных отраслей промышленности. Знаете ли вы, ленинградские представители, перед которыми неоднократно проходили кампании, требующие обращения внимания на топливный кризис, на то, что наша кочегарка не дает нам достаточно тепла,— знаете ли вы, что именно в области топлива, в области Донецкого бассейна, в области производства нефти мы превзошли всякие производственные программы и не только не испытываем какого-нибудь топливного кризиса, а стоим перед задачей, куда деть избыток топлива — и угля, и нефти? Мы везем уже теперь за границу угля и нефти больше, чем до войны. Мы вывозим уголь в Италию, чего не было до войны, и нет никаких оснований ожидать, чтобы это повышенное производство в области Донбасса, Грозного и Баку мало-мальски остановилось. Оно будет развиваться дальше.

Почему является такое несоответствие? Потому, что другие отрасли не поспевают развиваться таким темпом, и поэтому, как я сказал, мы должны следить за тем, чтобы подгонять отстающие отрасли промышленности. У нас топлива слишком много не потому, что мы его производим больше, чем до войны, а потому, что металлургия отстала, металлические заводы стоят, они не поглощают того топлива, которое имеется. Получается неравномерность в нашем развитии, и мы должны в дальнейшем более планомерно вести наше хозяйство. Отсталые области должны будут подтянуться и работать в ногу с такими далеко шагнувшими вперед областями, как уголь и нефть.

Теперь, товарищи, последний вопрос, на который я хотел бы обратить ваше внимание,— это наши взаимоотношения с крестьянством. Потребности крестьянства растут. Мы можем смело итти вперед, не сокращать, а разворачивать промышленность. Но мы должны принять во внимание то обстоятельство, что до сих пор наш бюджет, те средства, которые мы, как государство, принуждены тратить, в громаднейшей своей доле опираются на взносы крестьянства.

В двухмиллиардный расходный фонд промышленностью вкладывается очень небольшая доза, а главная тяжесть лежит на крестьянстве.

Мы все прекрасно понимаем, что и рабочий класс и крестьянство должны нести жертвы на первых шагах для построения социалистической республики. Эти жертвы очень велики. Их принесено много, но требуется еще, требуется еще напряжение нашей страны. Мы, руководящая партия, должны строго держать руль. Тут легко ошибиться в переобременении крестьянства и рабочего класса. Мы должны тщательно вглядываться, не слишком ли мы налегли на эту статью, не слишком ли высоки налоги, не слишком ли много мы берем с крестьянства дополнительно и не слишком ли мало даем взамен или по дорогим ценам?

Не переобременить крестьянство — первая наша задача. Но в то же время мы в построении нашего государства не должны отставать от тех, которые стоят около нас. Ибо если они перегонят нас в деле восстановления хозяйства после войны, оставят далеко в хвосте, то трудно будет доказать европейскому пролетариату, что мы здесь, вопреки капиталистическим стремлениям, действительно образуем социалистическое хозяйство. Для того, чтобы не стоять на месте, чтобы нас не обогнали, не имея возможности переложить тяжесть целиком на крестьянство, мы должны понять, что очередной задачей является, чтобы промышленность, как таковая, обложилась большей долей, чем сейчас, чтобы другие отрасли промышленности сделали то, что сделал Донбасс. А на какой почве? На почве поднятия производительности труда.

Мы должны прямо сказать рабочим то, что я сказал на подобном же собрании в Москве. Несмотря на то, что рабочие, может-быть, сначала не сразу все усвоят, и придется растолковывать подробно, мы должны сказать: если у нас сейчас в производительности труда не будет перелома, мы можем вылететь в трубу, не потому, что мы плохие коммунисты, не потому, что мы плохие государственные управители, не потому, что мы плохие дипломаты, плохие вояки,— воевали мы хорошо, дипломаты у нас не дурные, коммунисты тоже не лыком шитые,— но если у нас не будет поднята производительность труда, если мы будем принуждены главную тяжесть построения социализма переложить

на крестьянство, нас могут застать неприятности, от которых нас больше всего предостерегал Владимир Ильич.

Поэтому мы объявили сейчас войну непомерно высоким хлебным ценам и на этом фронте говорим: мы крестьянину дадим должные цены, но спекулировать не позволим, не позволим брать рубль за пуд хлеба, когда в прошлом году он стоил 50 коп. Не позволим пользоваться несчастьем, не позволим обдирать рабочего. Но, вместе с этим, мы скажем другой стороне — рабочему классу: с крестьянина мы берем, а вы поднимайте производительность труда, если не хотите, чтобы слишком большой процент мы заплатили по английскому договору. Чем больше производительность труда, чем устойчивее мы будем, тем мы будем, конечно, резче торговаться с той же Англией насчет процентов. Если бы наша промышленность стала изо дня в день расти, может-быть мы сказали бы Англии: господа хорошие, месяц-другой тому назад, год-два тому назад, нам ваш заем был очень необходим, а теперь мы сами справимся!

Мы находимся на правильной дороге, идем вверх, даже частичный неурожай не сорвал нас с этой вверх идущей тенденции. Затруднения, которые есть, мы явно научились преодолевать. Партия наша стоит у руля крепко. Мы научились маневрировать. И через ленинский призыв мы имеем прекрасный приводный ремень к подлинным глубинам рабочих масс. Мы можем выдержать испытания, которые будут на нашем пути. Поэтому мы говорим: с признанием или без признания, с займом или без займа, мы во всяком случае докажем мировому пролетариату, что российский пролетариат, в тесном союзе с крестьянством, действительную социалистическую республику построить может и построит.

ОТЧЕТ БЕСПАРТИЙНЫМ РАБОЧИМ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

РЕЧЬ НА УЕЗДНОЙ БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В Г. КОЛОМНЕ, МОСКОВСКОЙ ГУБ., 13 СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

Товарищи! Мой отчет о деятельности Советского правительства, естественно, должен будет распадаться на две части: на вопрос о деятельности правительства в области внешней торговли и внешней политики, и второй — о внутренней политике. Я главную часть своей отчетности перенесу в область наших внутренних задач. Что касается нашей внешней политики, то я о ней имел уже возможность говорить и на этом вопросе остановлюсь здесь только кратко.

Вы знаете, что в области нашего хозяйства основным моментом является вопрос об урожае и о положении крестьянства. Это очень понятно. Во-первых, крестьянство представляет громадную долю населения нашей страны, и во-вторых крестьянство есть тот потребитель, спрос которого определяет развитие промышленности страны. Мы с вами очень мало вывозим еще за границу. Городское население сравнительно с сельским населением малочисленно, и, следовательно, крестьянский рынок и спрос являются главным определителем развития нашей промышленности.

Первый вопрос, который стоит перед нашим правительством в начале нового хозяйственного года, это вопрос о том, в каком положении находится крестьянское хозяйство, могут ли фабрики и заводы рассчитывать на увеличение крестьянского спроса или на сокращение. Вы знаете, что в этом году ряд губерний оказался пораженным неурожаем. Первоначальные сведения были преувеличены, можно было опасаться повторения того, что было в 1921 г. Теперь ясно, что все это было преувеличено. Неурожай есть, но сравнительно незначительный. Задача правительства, главным образом в этих неурожайных районах, заключается не в том, чтобы спасать людей от голодной смерти, как это было в 1921 г., а в том, чтобы помочь крестьянам неурожайных губерний сохранить их хозяйство и чтобы к следующему году оно было не хуже нынешнего года.

Неурожай захватил около 7 млн дес., около 7 млн крестьян.

В 1921 г. голод распространился на 30 млн народа. Размеры неурожая не так велики, как можно было ожидать. Комиссия, которая с т. Рыковым во главе объездила весь неурожайный район, принесла известие, что там нет речи о том, чтобы не хватило хлеба на прокормление. Вопрос идет о семенах и о том, чтобы сохранить скот, чтобы его не продать за бесценок.

Что мы сделали в этой области? Есть расход, который наша страна должна будет нести для ликвидации этого неурожая; он выражается приблизительно в 70 млн руб. Главная часть этой суммы должна будет итти на доставку в неурожайные губернии семян. Доставка озимых семян туда была произведена во время, зерно получилось хорошее и, благодаря тому, что мы думали, что неурожай больше, чем он оказался на самом деле, мы доставили туда около 9 млн пуд. семян, так что неурожайные губернии засеяли даже больше, чем в прошлом году. То же самое будет с яровым хлебом. Мы отдаем крестьянам эти семена в беспроцентную ссуду на 2—3 года. Яровых надо будет доставить 22 млн пуд. и 31 млн пуд. озимых.

Затем мы ассигновали 17 млн руб. на производство общественных работ, чтобы дать там крестьянам заработок. Эти общественные работы заключаются главным образом в том, чтобы предохранить эти места от повторения неурожая. Дело идет о проведении каналов, расчистке прудов, углублении русла рек, устройстве водоемов и всех видов орошения, которые должны предохранить эти местности от повторения таких бедствий, которые имели место.

8 млн руб. идут на детское пропитание, 8 млн руб. на выдачу ссуды крестьянам под скот: чтобы крестьяне от недостатка средств не продавали скот за бесценок, правительство выдает ссуду под скот, на которую крестьяне могут закупить фураж и таким образом продержаться, чтобы к началу посевной кампании в следующем году иметь скот в сохранности. Это составляет около 70 млн руб. расхода на помощь крестьянам в неурожайных губерниях.

Дальше стоит вопрос: а как же вообще по всему Союзу советских республик, — хлеба будет меньше или больше, чем в прошлом году?

На это мы должны ответить, что хлеба по всему Союзу будет не меньше и не больше, а приблизительно столько же, сколько было в прошлом году. Правда, там, в неурожайных местах, образовалась дыра, для затыкания которой надо везти хлеб из других районов. Но у нас идет расширение посевных площадей, крестьяне засевают с каждым годом все больше и больше. Произошло расширение и в сравнении с прошлым годом, и этот излишек посевной площади покрыл недостаток, который получился вследствие неурожая. В некоторых областях урожай очень

хороший. Если считать всю продукцию крестьянского хозяйства, которую мы будем иметь в этом году, вычесть недостаток, который получился вследствие неурожая на Волге, прибавить прибавку от расширения посевных площадей, то мы получим в этом году приблизительно такой же урожай, как и в прошлом году.

Таким образом, не может быть речи в общем и целом о нехватке хлеба, о голоде и т. п. Но вследствие того, что в одном месте у нас образовалась дыра, вследствие слухов о том, что хлеба не хватит, начался чрезвычайно важный процесс, который очень беспокоил правительство: началось спекулятивное вздутие хлебных цен. На 1 августа в 1923 года средняя цена была 50 коп. за пуд, в этом 1924 г., в то же время, к 1 августа цена стояла в среднем — рубль, т. е. поднялась вдвое.

Товарищи! Вспомните прошлогоднее положение. Вы помните, мы все были обеспокоены низкими ценами на хлеб. Были места, где крестьянство продавало хлеб за 20 — 30 коп. за пуд. Это было ненормально. Раз у крестьянства нет денежных средств, оно не может покупать продукты городской промышленности. В таком случае приходится сокращать производство, расширяется армия безработных. Была поднята сильнейшая кампания за увеличение хлебных цен, чтобы дать крестьянству большее количество денег, начата кампания за снижение цен на городские продукты: ситец, спички и т. п. Мы сжимали те ножницы, о которых в 1923 г. так много говорили. Цену на хлеб поднимали вверх, на мануфактуру — опустили вниз.

В этом году наоборот: хлебные цены скакнули раза в два вверх. Что из этого может получиться? Раз хлеб поднимается в цене, то неизбежно поднимутся цены и на остальные продукты, после этого должен итти сильнейший рост заработной платы. Государство должно будет затратить на заработную плату и на закупку хлеба гораздо больше, чем раньше. Государство наше — рабоче-крестьянское государство; и так как рабочие и крестьяне у нас еще бедны, то и государство бедно. Если бы государству пришлось стать перед непомерным ростом цен на товары или заработной платы, оно должно было бы прибегнуть к тому средству, к которому мы прибегали в начале революции. Это средство известно — мы выпускали бумажные деньги и так как их выпускали все больше и больше, то через короткое время 1 руб. стоил уже 40 коп. Рабочий должен был моментально обменивать свои деньги на товар. Иначе он терял часть своего заработка. Если бы государство оказалось перед ростом цен, нам пришлось бы отказаться от твердой валюты и вернуться к совзнакам. Сколько от совзнаков теряло крестьянство, рабочий класс, всё государство, как они расстраивали все расчеты в промышленности, — вы это помните все. Мы этого больше не хотим.

Мы считаем большим достижением то, что мы перешли к твер-

дому рублю, что прекратилась вакханалия, когда рабочие получали заработную плату, или крестьянин плату за хлеб в виде бумажек, цена которых падала каждый день, когда заводы и фабрики не могли вести никакой калькуляции, когда никто не знал, на что он может рассчитывать, сколько будут стоить через месяц те деньги, которые в этот момент у него в обороте. Мы это все знаем, и возврата к советским знакам не можем допустить. Это была бы только радость для наших врагов, которые говорили: рабочие и крестьяне хороших денег не восстановят. Мы их восстановили, и это надо сохранить. Но — высокие цены на хлеб могут их сорвать.

Мы — за повышение цен на хлеб, мы хотим чтобы крестьянин за свой труд мог получить больше, чем в прошлом году. Мы отдаем себе отчет, что крестьянство не должно разоряться, а богатеть, чтобы быть покупателем городских продуктов, чтобы расширялись фабрики, заводы. Но — одно дело — сказать, что крестьянство должно получать за свою продукцию бóльшую цену, чем в прошлом году, а другое — спекуляция на хлебе. Что мы считали бы правильным и по силам для рабочего класса, для всего государственного хозяйства в целом? Если бы крестьянство вместо прошлогодних 50 коп. в среднем могло бы получить 70 — 75 коп., это была бы прибавка на 50%, это была бы справедливая цена и было бы по силам рабочему классу и государству. Мы — за прибавку, но мы против того, чтобы слухами, паникой воспользовались спекулянты и положили бы разницу себе в карман. Поэтому мы считаем, что нужно вести самую энергичную кампанию за определенную цену, за 75 коп.

Не забудьте, что не все крестьянство продает хлеб. В северной полосе Московской губернии хлеба не хватает, и она ввозит хлеб. Мы можем сказать: крестьяне Московской губ. проиграли бы на высоких ценах. Второе соображение: если мы имеем в самом начале реализации нашего хлеба, сейчас, цены, выросшие в два раза, что будет к весне, в марте и мае? Если спекулянты закупят хлеб, то в мае месяце, когда все запасы будут съедены, они будут назначать свои цены, и мы должны будем жить так, как будут диктовать богатеи, те, у кого будут запасы хлеба. Они будут тогда хозяевами на рынке. Этого мы не должны допустить. Мы должны вести свою политику так, чтобы обеспечить пролетарские центры и неимущее крестьянство хлебом по справедливой цене, обеспечить их на весь год, до будущего урожая.

Какие меры можем мы тут принимать? Каким-нибудь приказом, запрещением или ограничением хлебной торговли попытаться добиться той цены, о которой мы говорили, ни в коем случае нельзя. Мы установили свободную торговлю, и нельзя итти назад в этом деле.

Но если бы Советское правительство допустило до того, что к марту — апрелю месяцам у рабочих организаций и государства не оказалось бы хлеба, а весь хлеб оказался бы в руках частных скупщиков, то нас следовало бы прогнать. Мы должны сделать так, что, когда придут последние месяцы года, когда хлеба будет мало, мы будем иметь в своих руках, в руках рабочих организаций, кооперативов, государства, такой запас, чтобы продавать рабочим и крестьянам хлеб по той цене, по которой он продается сейчас. Если мы добьемся того, что в конце года цена на хлеб будет на том же уровне, как сейчас, то мы достигнем своей цели. Поэтому задача правительства в том, чтобы сосредоточить в наших руках через государственных покупателей, через кооперацию до 400 млн пуд. хлеба. Если эти 400 млн пуд. хлеба не будут в руках спекулянтов, а в руках государственных органов и кооперации, тогда мы будем хозяевами на рынке, и мы добьемся того, что рабочие через 6 мес. смогут покупать хлеб за ту же цену, за которую они покупают сейчас.

Второй способ понижения хлебных цен заключается в том, что правительство решило сейчас прекратить всякий вывоз хлеба за границу. Вы знаете, какое громадное значение имеет вывоз хлеба. До войны вывозили за границу в иные года до миллиарда пудов хлеба. После начала империалистической войны и до 1922 г. никакого вывоза хлеба не было. Рынок, на котором продавался русский крестьянский хлеб, был захвачен американцами. Они на отсутствии нашего хлеба нажились и ожирели.

С 1922 г. мы начали вновь кое-что вывозить; вывезли в первом году жалкую цифру в 40 млн пуд. В этом году мы вывезли уже более 200 млн пуд., излишек того, что сама страна не может потребить. За эти 200 млн пуд., которые мы вывозили за границу, мы ввезли сюда то, что нам было необходимо: в первую очередь хлопок.

Если наши текстильные фабрики работают, то благодаря тому, что мы могли ввезти хлопок из Америки. Если бы нам рассчитывать только на свой, главным образом туркестанский хлопок, то пришлось бы половину текстильных фабрик закрыть. Для того чтобы купить хлопок в Америке, мы должны платить там американским долларом. А у нас долларов нет. Мы печатаем только свои деньги. Значит, нам надо получить американский доллар. Если мы ничего не вывозим, мы говорим американцам: у меня нет доллара. Он говорит: купи у меня доллар. На что? На советский знак? Он говорит: нет, советских денег мне ненадо, я у тебя ничего не покупаю. Значит, он даст за мой червонец сколько ему вздумается: 1, $^1/_2$, $^1/_4$ доллара. Значит, если мы принуждены покупать за границей сырье для нашей промышленности, а ничего туда не вывозим, американец определяет цену нашего червонца, он хозяин над нашим червонцем. Такого

положения мы допустить не можем. Но когда мы вывозим туда хлеб, тогда он уже не определяет цену нашего червонца, тогда наш червонец и его доллар стоят один другого.

Для того чтобы хозяевами нашего денежного обращения были мы сами, а не американские и английские капиталисты, нам нужно вывозить что-нибудь, и ввозить к нам оттуда. Нам нужны краски, целый ряд оборудований, которых мы не можем производить здесь и которые нам нужны для восстановления своей промышленности, станки и разные продукты широкого потребления. У нас нет чая, риса, они нам нужны; мы сейчас производим очень мало сахара, а рабочий и крестьянин привыкли к сахару, они требуют его. Для того чтобы ввезти все это, и в первую очередь сырье для нашей промышленности, которого мы не имеем в своей стране, мы обязаны усиливать свой экспорт и сделать так, чтобы мы продавали за границу больше, чем покупаем у них, чтобы баланс (разница) был в нашу пользу.

В 1923 г., когда мы вывезли 200 млн пуд. хлеба и купили за это хлопок, заграничная буржуазия считала это за громаднейшее завоевание Советской власти. Я сказал уже, что для того, чтобы бороться со слишком высокими ценами на хлеб, чтобы обеспечить дешевый хлеб, мы решили его сейчас не вывозить. Может-быть, к концу года, когда увидим, что все наши потребности удовлетворены и остается остаток, мы, может-быть, согласимся кое-что вывезти, но во всяком случае гораздо меньше и гораздо позже, чем в прошлом году.

Значит, перед нами задача,— заткнуть дыру, образующуюся от сокращения вывоза хлеба какими-нибудь другими продуктами, не допустить снижения нашего вывоза, даже увеличить его, но не за счет хлеба. Мы можем вывозить лес из северных губерний, потому что Англия и др. страны строят почти целиком из нашего леса; мы вывозим пушнину и в прошлом году начали вывозить нефть и должны усилить вывоз продуктов промышленности. Таким образом, в дополнение нашей политики сокращения хлебного вывоза, Советское правительство должно налечь на вывоз других продуктов, как-то: промышленности, животноводства, птицеводства.

Итак, если сосредоточить в руках государства не менее 400 млн пуд. хлеба, чтобы обеспечить дешевый хлеб, и дать крестьянину на 50% выше хлебных цен прошлого года, хлеб не вывозить, а развить вывоз других продуктов,— то это и будет правильной политикой, в интересах рабочих и крестьян укрепляющей Союз.

Теперь возникает вопрос, как дело обстоит с промышленностью? Предъявит ли крестьянство больший или меньший спрос на продукты промышленности? Мы в прошлом году не могли сбыть своих товаров. Цена на товары была высока, крестьянство не могло

*

их покупать, и получился кризис. Сейчас положение обратное. У нас не хватает товара сравнительно со спросом, который страна предъявляет. В первую очередь наша промышленность работает на широкого потребителя, она все увеличивает свою продукцию, и все-таки не хватает, например, ситца, махорки, гвоздей и т. п. Не хватает также кровельного железа, галантереи и целого ряда товаров. Между тем покупательная способность крестьянства увеличилась.

Если хлеб в среднем будет стоить не 50 коп., как в 1923 г., а 75 коп., то покупательная сила крестьянства увеличится на 30—40%, крестьянство сможет потребить большее количество продуктов промышленности. Мы ведем хозяйство к тому, чтобы снижать розничные цены, чтобы оптовые цены становились дешевле, чтобы по своим ценам наши товары удовлетворяли потребности все большей и большей массы крестьянства. Мы добиваемся, чтобы с настоящего года наша промышленность стала на 20—50% производить больше. Этого можно достигнуть только в том случае, если параллельно расширению производства будет итти процесс снижения цен. А как добиться этого? Надо научиться управлять фабриками и торговыми предприятиями, которые мы отобрали у буржуазии.

Благодаря разрухе, нападению белогвардейцев, благодаря интервенции, благодаря пережитому голоду, наше хозяйство находится в таком положении, когда его организация очень трудна. Нагрузка на наших заводах недостаточна. Поэтому цены на продукты дороги. У нас обветшал инструмент, оборудование износилось, приходится работать на старых станках; все это удорожает нашу продукцию. Производительность труда наших предприятий еще отстает. Она растет, но растет медленнее, чем растет заработная плата. Мы понимаем, что основная задача в том, чтобы дать крестьянину справедливые цены на хлеб, рабочему—справедливую заработную плату. Но как ни медленно растет заработная плата, она растет скорее, чем растет производительность труда.

Как же в таком случае свести концы с концами? Поскольку рабочий класс взял в свои руки фабрики и заводы, он должен задуматься над тем, чтобы в его хозяйстве концы с концами сходились.

Наши невязки получают свое отражение в нашем бюджете. Мы составили роспись наших доходов и расходов, и видим, что нам придется израсходовать в нынешнем году около 2 млрд 100 млн руб.; тут расходы на школу, красную армию, заработную плату, кредит крестьянству, 70 млн руб. на помощь в неурожайных местах, помощь всем отраслям промышленности, которые не имеют еще прибыли, но которые мы должны сохранить. Нельзя, напр., закрыть Коломенский завод, если бы он даже принес не доход, а убыток, потому что это такая пролетарская цитадель, которую года через два можно будет пустить во-всю. Откуда взять эти деньги?

Мы пошли сильно вперед в области легкой индустрии: в производстве ситца, спичек, табачных изделий. Тут мы имеем большие достижения. Производство здесь превзошло 100% заданий. Производственники приходят, говорят: дайте нам кредит, чтобы купить улучшенные станки, мы тогда убавим цены. Но для этого нужны средства, где мы их возьмем?

То же самое в нашем сельском хозяйстве. Не можем же мы всегда зависеть от солнца и дождика, надо хоть немножко приложить своего ума. Для этого надо сеять по-новому, по-научному, надо работать усовершенствованными машинами, иметь усовершенствованные семена; нужно, чтобы в каждой волости был агроном, который мог бы обучать крестьян усовершенствованным способам обработки земли; нужно, чтобы дороги, по которым крестьянину приходится вывозить свой хлеб, были в хорошем состоянии. Сколько крестьянин израсходует на плохой дороге? Гораздо больше, чем требуется для того, чтобы замостить эту дорогу.

Крестьянин на все это пошел бы. Но он говорит: дайте нам все это в долг, годика через 2 или 3 мы все вернем вам с процентами. Но откуда взять средства на это?

Когде мы рассматриваем наши расходы, мы видим, что эти расходы распределяются между рабочим классом и крестьянством. Но когда мы рассматриваем, чем мы покроем этот расход, мы видим, что на крестьянина уже наложено бремя настолько тяжелое, что больше брать с него нельзя: ему будет не под силу.

Вы все читали в газетах, что мы подписали договор с Англией, что, может-быть, мы получим заем от Англии. Если бы англичане дали бы нам заем лет на 10—20, мы хорошо сумели бы его использовать. Мы купили бы новые машины, дали бы крестьянину кредит лет на 15, у крестьянина был бы урожай в несколько раз больше, чем теперь. Это дало бы крестьянину силы, поднялась бы промышленность. Но дело в том, что английские капиталисты явно не хотят нам дать денег. Они подписали договор потому, что английские рабочие подняли над их головами палку. Макдональд испугался палки и подписал договор.

Но деньги в кармане не у Макдональда, а у английских капиталистов. Те нас не особенно любят, так как мы им ничего хорошего не сделали. Итак — неизвестно, будет ли заем или нет. Но ясно, когда наши товарищи поедут вновь в Англию для того, чтобы торговаться с английскими капиталистами, то торг будет таков: английский капиталист думает: русским рабочим и крестьянам не обойтись без наших денег, значит, можно лупить с них что угодно. А наша позиция должна быть такова: если мы получим заем, это нам не вредно, но если и не получим, тоже ничего — справимся и без него.

Англичане умеют хорошо торговаться. Поэтому, чтобы наши

товарищи могли лучше отстаивать наши интересы, надо, чтобы у нас внутри страны было такое положение, чтобы мы могли сказать: хотя ты богат, но мы и без тебя справимся. Надо, следовательно, надеяться только на свои силы, на свой труд. Для рабочего класса советской страны это прежде всего значит: надо во что бы то ни стало поднять производительность труда на фабриках и заводах, в шахтах и рудниках. Поднять производительность труда по всему нашему советскому трудовому фронту — вот вывод из того обзора нашего положения, который я сделал, вот — очередная задача рабочего класса.

Владимир Ильич учил нас: союз рабочих и крестьян — основа нашей республики. Если рабочие и крестьяне начнут косо смотреть друг на друга, тогда для нас настанут плохие времена. Ибо в щель, которая тогда образуется, пройдут наши враги: буржуазия, меньшевики, эсеры. Меньшевик, чтобы посеять недоразумения, скажет крестьянину: смотри, какой налог на тебя. Рабочему он будет говорить: смотри, заработную плату не дают во время, спецов опять поставили. А потом капиталисты и помещики пройдут в эту щель.

Союз рабочих и крестьян — это фундамент Советской власти. Нельзя допустить того, чтобы крестьянин думал, что он несет слишком большую тяжесть, потому что промышленность отстает. Надо, чтобы у крестьянина была уверенность в том, что и рабочий вкладывает в решение этой задачи, в укрепление Союза, так же как и он, всю свою силу.

Поэтому-то и надо сказать рабочим: при той низкой производительности, которую мы сейчас имеем, можно вылететь в трубу экономически; политически мы крепки, никто нас не тронет, но экономически у нас еще есть некоторая слабость. Нам нужно непременно поднять нашу производительность труда; тут нам придется еще пойти на жертвы и нажать, чтобы потом наши машины пошли полным ходом, так, чтобы в Англии было слышно и чтобы Америке жарко стало.

Нам надо понять, что у нас еще есть враги. Наша неорганизованность, малокультурность, неграмотность — это тоже наши враги. Но, несмотря на все это, нужно, чтобы наши делегаты, когда они будут беседовать в Лондоне по поводу займа, чтобы они могли думать про себя: с займом или без займа, с договором или без договора, с признанием или без него, — все-таки рабочий и крестьянский Союз ССР сам нашел путь, прошел самые главные затруднения, пролетариат преодолел их, преодолеет он и те затруднения, которые стоят еще перед нами.

Мы должны доказать всему миру, что русские крестьяне и рабочие, без помещиков, без фабрикантов, не только устраивают свое хозяйство, но могут это делать в десятки раз лучше, чем это делали капиталисты.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ЦК РЛКСМ 18 СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

Товарищи! Я имею сделать доклад о работе ЦК партии. О том, что сообщалось в общих докладах, что печаталось в газетах — что вам более или менее известно — я говорить не буду.

Я остановлюсь только на важнейших вопросах, которые вам необходимо знать как руководителям крупнейшей и одной из важнейших наших организаций.

Что касается области внешней политики, то центр, как вам известно, находится сейчас для нас в заключении и подписании нами англо-советского договора. Общая оценка его уже дана в прессе, и я ее здесь повторять не буду. Укажу только на те соображения, которые заставили нас подписать этот договор и которые придают этому договору в наших глазах значение, а также на те шаги, которые ЦК собирается сделать во исполнение этого договора.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА.

Той делегации, которую мы послали в Лондон, ЦК дал такие директивы, что она должна стремиться к заключению и подписанию соглашения, — если возможно будет добиться этого соглашения, — не беря на себя прямых обязательств каких-либо денежных уплат английским гражданам. Вот та директива, с которой поехали тт. Раковский и Томский. Значит, мы высказали, что нам желателен договор, но что мы не сможем взять на себя каких-либо прямых платежей, а можем взять на себя те или иные платежи лишь в том случае, если получим заем. Это и было центром всей той закулисной борьбы, которая велась на англо-советской конференции, ибо совершенно ясно, что позиция Англии, как и всех капиталистических держав, заключалась в требовании сначала заплатить старые долги, а затем лишь разговаривать о новых займах. Эта позиция нашла свое выражение в известном манифесте банкиров, но эта точка зрения для нас абсолютно неприемлема.

Наша постановка вопроса была как раз обратная. Она заключалась в том, что мы по старым долгам, как принцип, не платим, но, однако, хотим получить новый заем. По этому новому займу мы согласны платить повышенный процент, не те проценты, которые бы заплатили французские или японские капиталисты Парижской бирже или Лондонской бирже за заем, а повышенный процент. Мы допускали, что английские держатели старых наших займов, или старые собственники-англичане, которые потеряли здесь свою собственность, могут получить то или иное вознаграждение из этих повышенных процентов. Мы добились победы в этом центральном пункте, и это составляет центр договора. Мы добились того, что в этом договоре сказано и английским правительством подписано: — никаких платежей без нового займа; если мы заем не получаем, мы ничего не платим! Это принципиальная победа.

До сих пор капиталисты никогда этого принципа не признавали. Они всегда говорили: раньше заплатите, а потом будем разговаривать о новом займе.

Это и практическая победа, потому что целая группа людей в Англии, которые хотят от нас что-нибудь получить, — они теперь знают, что по договору, подписанному английским правительством, ничего не получат, если мы не получим нового займа. Они, таким образом, должны стремиться к тому, чтобы мы заем получили, если они хотят что-нибудь заработать на этом деле.

Возникает вопрос: сколько мы дадим этим людям заработать? Это раз. Второй вопрос: зависит ли этот заем, который мы хотим получить, только от благоволения отдельных капиталистов, или мы добились каких-нибудь гарантий того, что этот заем мы действительно получим? Как вы знаете, обычно заем устраивается таким образом, что выпускаются бумаги, долговые обязательства, векселя, кто хочет — покупает, и насколько хочет. Но нас не устраивает такая форма займа. Она поставила бы нас в зависимость от того, найдется ли достаточное количество английских капиталистов, которые нам поверят, а заранее можно сказать, что капиталистов таких на свете немного. У них нет оснований верить нам.

Наоборот — очень многие капиталисты говорят: однажды большевики все отобрали, где же гарантия, что они второй раз не отберут? Так что обычный путь займа между капиталистическими странами нас не устраивает. Нам нужно, чтобы они поверили не нам, а кому-нибудь более для них привычному. Поэтому мы добивались и добились включения в договор указания на прямое обязательство, что те деньги, которые будут даны нам в виде займа со стороны английских капиталистов, будут гарантированы английским правительством. Так написано в договоре, а это значит, что английское правительство берет на себя обязатель-

ство перед английскими гражданами, которые своему правительству, — скорее не ему, а английскому казначейству, — верят больше, чем нам с вами.

Процедура займа будет такова: мы выпускаем векселя. Они переводятся в Англию, а английское правительство публикует, что тот, кто купит бумаги Советского правительства, тот может быть обеспечен, уверен в том, что деньги назад он получит, если не от нас с вами, то из английского казначейства. Это нас устраивает не потому, что мы не собираемся платить, — но потому, что этим путем можно деньги вернее получить, а для нас это самое главное. Когда я перейду к обрисовке нашего внутреннего положения, то вы увидите, что вопрос о том, как бы перехватить где-нибудь деньжонок, имеет некоторое значение, хотя уже не такое, как некоторое время тому назад и как представляют себе наши враги, так как мы вполне уверены, что и без иностранного капитала задачи, которые стоят в области хозяйства, мы разрешим. Без всякого бахвальства мы можем быть в этом совершенно уверены.

Но все же темп развития промышленности и сельского хозяйства будет медленнее, недостаточно быстрый, не тот, который нам хотелось бы иметь. Если же мы не получим возможности, как я выразился, перехватить деньжонок, то мы обойдемся и без этого.

Таким образом, поскольку речь идет о том, чтобы создать у английских капиталистов уверенность в том, что нам деньги дать можно под гарантию английского казначейства, этого мы добились и это в договоре включено. Но в договоре не сказано, однако, сколько именно мы хотели бы получить в виде займа, и в связи с этим не сказано, сколько же именно мы готовы были бы признать претензий со стороны английских граждан. Об этом нет никаких цифр ни в одном публичном документе, об этом нет окончательного решения ЦК, об этом будет еще торговаться в Лондоне т. Раковский с Макдональдом.

В данном же договоре сказано: Советское правительство должно переговорить с держателями старых бумаг, старых долгов, и когда оно с ними сговорится, тогда будет заключен второй договор.

В этом втором договоре будет поручено точно написать, что такой-то заем получает Советское правительство, под такой-то процент, из этого процента такая-то доля идет на покрытие старого долга, такая-то на покрытие нового долга. Таким образом борьба еще впереди, конкретные переговоры впереди. Покуда у нас только предисловие к этим переговорам. Предисловие чрезвычайно важное, потому что оно представляет собою первый международный акт, заключающий в себе принципиальное признание и национализации и аннулирования долгов, а с другой

стороны потому, что оно ставит платежи только в зависимость от займа, и старая постановка вопроса — вы обязаны платить, а там после будем говорить о новых займах — снята с очереди. Когда мы заговорим с Францией, мы должны будем говорить: «никаких старых долгов не признаем, если дадите заем — будем разговаривать об удовлетворении тех или других претензий». В этом принципиальное громадное значение договора и этих переговоров. Они ставят все наши отношения к капиталистическому миру на гораздо более высокую плоскость.

Вы помните, года три тому назад, когда обсуждался наш первый шаг на международном поприще, во время Каннской конференции, т. Ленин формулировал нашу точку зрения таким образом, что мы должны добиться на международной арене такого положения, чтобы наше социалистическое хозяйство и устройство было признано капиталистическим миром как равноправное с ними: равноправие двух хозяйственных систем.

Ленин в своей инструкции тогда писал, и это легло в основу переговоров в Генуе, — неизвестно-де, какая еще страна победит окончательно: старая, капиталистическая, или наша новая, социалистическая. И вот, гг. Ллойд-Джордж и другие, покуда вы сомневаетесь в том, что наша страна победит, а мы сомневаемся в том, что ваша страна победит, давайте установим такие отношения, что обе стороны равноправны.

Вот эта борьба за равноправие, за то, чтобы экономические и финансовые отношения велись на равноправной основе, она теперь впервые получила в англо-советском договоре международное закрепление и признание. Раз в этом договоре мы добились признания, мы не обязаны платить безоговорочно по старым долгам; что платежи связываются с займом, а этот новый заем нам гарантирует само английское правительство, отвечая за нашу кредитоспособность и за нашу устойчивость перед своими гражданами, это и есть формально выраженное на бумаге признание равноправности как международных, так и финансовых отношений нашего строя и строя капиталистического. Нам это равноправие нужно, конечно, лишь как ступенька, чтобы завоевать позицию на международной арене, — это ясно, и мы этого не скрываем.

Формального равноправия мы добились, и так как этот договор мы заключили не с какой-нибудь Бельгией или даже Германией, т. е. со страной побежденной, а так как этот договор заключен со страной-победительницей, мировой державой, имеющей колонии во всем мире, — он играет громаднейшую роль и послужит образцом для переговоров со всеми другими странами о долгах и об отношениях с нами.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОГОВОРА.

Теперь, когда мы это формальное равноправие имеем в кармане, речь идет о том, чтобы наполнить его конкретным содержанием. Но наполнится оно или нет, этого сейчас сказать нельзя потому, что этот формальный договор, принятый английским правительством, взбудоражил весь капиталистический мир. Милюков писал, когда получил известие о подписании договора: — оказывается у Макдональда есть начальство и это начальство заставило Макдональда договор подписать. Это верно. Вся история подписания договора еще не опубликована, но она заключается в том, что Макдональд и его помощник Понсонби упирались, а английские профсоюзы нажали на него. Макдональд испугался — и подписал.

Поэтому совершенно ясно, что на следующий день после подписания договора началась самая ожесточенная кампания за его срыв, причем кампания отнюдь не только газетная, а совершенно реальная, которая получила отражение в целом ряде политических актов международного значения.

Макдональд подписал договор под влиянием левых элементов рабочей партии. Этот договор должен и может получить силу только после ратификации его английским парламентом. Ратификация должна заключаться в том, что этот договор 21 день должен находиться перед лицом парламента, лежать на его столе, и в течение 21 дня каждый депутат может правительство шпиговать за этот договор и, если после 21 дня при голосовании правительство не будет провалено, тогда договор считается вступившим в силу. Ну, ясно, что, имея перед собой такую перспективу, ЦК воздержался, со своей стороны, от его ратификации. Вы видели постановление пленума ЦК, напечатанное в газетах, где говорилось, что ожидался доклад тт. Раковского и Томского о договоре и постановлено — вопрос этот отложить. Смысл ясен: мы не хотим ни ратифицировать и ни не ратифицировать этого договора раньше, чем не скажет своего слова английский парламент. Мы смеялись: «если английский парламент должен 21 день смотреть на эту бумажку, то мы желаем смотреть на нее 22 дня».

Так как этот договор подписан из-под палки рабочих, то противниками его являются не только люди керзоновского типа, но даже люди из партии либералов, которая во время борьбы с Керзоном высказывалась за заключение соглашения с Советским правительством.

Новый заем в том виде, как я указывал, невыносим не только для консерваторов, но и для либеральной буржуазии. Либеральная буржуазия готова была с нами пойти на соглашение, но она себе представляла это соглашение таким образом: — мы

возьмем с большевиков поменьше денег, большевики должны нам рубли, а мы помиримся, чтобы они заплатили четвертак, а данный договор говорит наоборот — четвертак, или семишник, но английская буржуазия его получит только в том случае, если даст нам, Советскому правительству, взаем новый рубль. Конечно, это совершенно иная принципиальная постановка, которая неприемлема не только для английских консерваторов, но и для английских либералов. Поэтому против договора уже поднялась самая резкая кампания не только со стороны консерваторов, но и со стороны тех либералов, которые поддерживали Макдональда, которые сами нападали на консерваторов, когда они были у власти, за то, что они не идут с нами на соглашение. Теперь они употребляют все усилия для того, чтобы этот договор сорвать.

Удастся ли при этих условиях Макдональду получить всетаки большинство в парламенте — мы не знаем. Мы знаем, что рабочая партия там в меньшинстве, что Макдональд прошел, только опираясь на либералов, только либералы и рабочая партия вместе дают ему большинство в парламенте. Если либералы расколются, что весьма вероятно, то вопрос будет стоять так: какая доля либералов согласится голосовать вместе с рабочей партией? Определить заранее, какие интриги будут среди либералов, кто будет голосовать в ту или иную сторону, очень трудно, и ответить на вопрос о том, будет ли ратифицирован договор,— мы не можем. Не может сказать этого ни сама рабочая партия, ни Макдональд. Здесь происходит соревнование слишком различных групп буржуазных интересов, и дело разрешится борьбой их между собой.

Но в то время, как идет эта борьба, вся английская государственная машина направляет усилия на подготовку такой обстановки, чтобы договор не был ратифицирован.

Этим объясняется то, что на следующий день после подписания договора мы замечаем усиление активности английской дипломатии, враждебной нам, по всем нашим границам, главным образом по восточной. Действительно, как будто месяц тому назад все было более или менее спокойно. В Китае мы не видели иностранных судов, и не было интервенции в Турции, Персии, Афганистане, т. е. во всех тех странах, с которыми мы граничим и в которых всегда шла борьба между влиянием Советской России и влиянием английского золота. Они все находились в более или менее нормальном положении, и вдруг на следующий день после подписания договора мы замечаем всюду явное повышение активности.

Это показывает, что английская дипломатия осталась целиком старой консервативной, аристократически-феодальной и крупно-буржуазной по своему составу и по своим интересам, ибо

Макдональд ни одного чиновника во всем государственном аппарате Англии не сменил и не сменит, и никто ему этого не позволит сделать, ибо он сидит на этом престоле только потому, что буржуазия его терпит, а если бы он пожелал пошевелить кого-либо, то был бы тотчас скинут.

Вся эта консервативная машина была пущена в ход за тем, чтобы к ноябрю месяцу сказать: «да с кем вы подписали договор? Вы думали, что Советская власть серьезна, солидна, устойчива. Но вы видите, в каком она положении, кругом ее бунты, она втянута в целый ряд международных осложнений, давайте подождем». Вот задача, которая стоит перед Англией и Америкой и которая очень и очень многое объясняет из того, что происходит на наших границах.

Более того, она объясняет то, что происходит у нас внутри и, между прочим, происходило на днях и теперь ликвидировано в Грузии.

Из этого ясно, что капиталистические круги, потрясенные и напуганные возможностью ратификации договора, на почве которого мы можем в той или иной мере воспользоваться английским капиталом для построения своего социалистического хозяйства — эти буржуазные круги пришли в большое оживление.

АНГЛИЯ И СССР НА ВОСТОКЕ. ГРУЗИЯ.

Мы видим в Афганистане неожиданное движение против афганского эмира; в Персии движение направлено против персидского шаха; на наших границах с Турцией восстание курдов, которое есть серьезная и важная борьба и которая ведется непосредственно наемными солдатами; — английский капитал поддерживает все эти движения.

Чрезвычайно естественно, их нельзя объяснить исключительно только подписанием англо-советского договора; во всей этой пограничной полосе идет борьба между национально-освободительным движением этих молодых государств и старыми феодальными элементами. Эти феодальные элементы всюду и везде находятся в руках Англии, тогда как все освободительное прогрессивное движение на Ближнем и Дальнем Востоке — далеко не коммунистическое, часто даже не революционно-крестьянское, а мелко-буржуазное — может развиваться только под флагом симпатии к СССР.

Совершенно естественно, что всякая попытка восточной страны высвободиться из-под феодализма и империализма возбуждает симпатии к СССР элементов, которые в классовом отношении не имеют ничего общего с нами, которые отнюдь не коммунистичны, которые представляют лишь тенденцию буржуазно-демократическую. Они чувствуют, что они сильны и могут

спастись от английского империализма лишь постольку, поскольку они могут опереться на Советское правительство.

Оживление контр-революционной деятельности на Ближнем Востоке для нас связано с попыткой английской дипломатии, за стеной которой стоит американский капитал, показать, что с Советской Россией нельзя заключить договора потому, что она втянута в эти международные осложнения.

Наиболее ярким примером международных осложнений на Востоке является китайская интервенция.

Она подготовлялась давно. Интересы мирового империализма в Китае для нас были ясны давно — но почему именно в этот момент разразилась интервенция? Почему сейчас появились эти броненосцы, корабли и т. д. Там идет борьба между двумя группами — одна группа отнюдь не коммунистическая, а националистически-демократическая: «Гоминдан» во главе с Сун-Ят-Сеном, стремящаяся преобразовать Китай на национально-демократической основе. В своей борьбе она может опереться только на Советский Союз.

Основная линия раздела идет между теми силами, которые объединяют крестьянство Китая и небольшую долю рабочих, и теми, которые представляют империалистические интересы.

Почему именно теперь империалисты обратили свои взоры на Китай? Для этого есть две причины.

Во-первых, до сих пор и Англия, и Америка, и Франция были по горло заняты германской проблемой. Она в известной мере им кажется более или менее улаженной, хотя бы на время, известным планом Дауэса, принятым в Лондоне, и тогда у них развязываются руки для следующей проблемы мирового империализма, — а именно для решения вопроса о господстве над Китаем, для завоевания и втягивания под свое влияние громаднейшей страны, громаднейшей массы человечества, населяющей китайскую республику (около 400 млн чел.), представляющую громаднейший рынок, завоевание которого для империализма представляет колоссальную возможность продолжить свое существование, подмазать машину империализма и капитализма соком, потом и кровью китайских рабочих и крестьян.

Вторая причина — то, что там появился представитель Советского Союза, подписавший договор с китайским правительством. Этот договор сразу поднял нашу страну, ее влияние на сознание всего китайского народа, на страшную высоту.

Мы здесь с трудом представляем себе, каким громадным влиянием и освободительным фактором, дающим энергию китайским рабочим и крестьянам, может стать провозглашенная нами дружба между обновляющимся Китаем и Советским Союзом. Это было то, чего империалисты не потерпели и на что они ответили ускорением своего вмешательства в китайские дела.

Последним фактом, который свидетельствует о нашем влиянии в Китае, является то, что мы добились от китайского правительства возвращения Восточно-Китайской дороги, территория которой находилась под прямым влиянием белогвардейцев. Там до сих пор оставалось белогвардейское правление, опиравшееся на Англию и отчасти на реакционные элементы китайского правительства. Таким образом, она была недоступна нам в смысле прямого воздействия. Мы не хотели брать ее вооруженной силой, предпочитая получить ее мирным путем, чтобы не раздражать национального чувства Китая.

Попытка занять эту дорогу военным путем могла быть представлена перед китайским народом как старая империалистическая политика царского правительства, ибо эта Восточно-Китайская дорога проходит по территории Китая и построена на специальных концессионных условиях. Мы могли получить ее только дипломатическим путем.

А в том, чтобы эта дорога осталась номинально в ведении Китая, а фактически в ведении белогвардейцев и целого ряда английских и французских банков, имевших ее акции, в этом были заинтересованы и Япония, и Франция, и Англия.

Нам удалось, благодаря соглашению с китайским правительством, объяснить широкому китайскому населению, что возвращение этой дороги СССР отнюдь не есть возвращение к политике царского правительства, и мы сумеем изъять эту дорогу из рук французских, английских империалистов и наших белогвардейцев. Мы эту дорогу получили несмотря на то, что Китай находился в таком положении, когда с одной стороны стояли мы, а с другой — вся империалистическая буржуазия, требовавшая, чтобы Китай не смел передавать эту дорогу нам.

Чтобы дать полную картину всех наших восточных дел, я еще остановлюсь на ходе переговоров с Японией. Япония должна была пойти на переговоры с нами и сделать нам очень большие уступки.

Вы знаете, что Япония до сих пор занимает Восточный Сахалин, по существу — территорию Союза, которую она захватила во время гражданской войны и которая ценна тем, что на ней найдены источники нефти и есть признак того, что на ней имеется еще и уголь. Для Японии, для которой важна каждая лишняя банка нефти, Северный Сахалин представляет громаднейшую ценность. Они послали туда своих солдат, которые сидят там в продолжение нескольких лет.

Нам до Сахалина добраться очень трудно. У нас нет соответствующих возможностей для того, чтобы вести войну. Получить, таким образом, обратно этот Восточный Сахалин мы смогли бы только дипломатическим путем. И вот, благодаря той политике, которую мы проводили и которой очень долго сопротивлялась

Япония, не желая итти ни на какие уступки — она последнее время должна была все-таки пойти на уступки, и сейчас переговоры стоят на такой точке, что Япония должна согласиться эвакуировать свои войска с Сахалина, т. е. очистить его, передать нашей администрации, согласясь с тем, что там будет установлена Советская власть и японские войска уйдут.

Мы торгуемся сейчас только на счет одного: японцы говорят: — мы уйдем, но вы должны обещать нам там концессию на нефть, — причем они хотят получить в концессию все нефтеносные земли на Сахалине.

Мы говорим таким образом: уйдите оттуда, потому что вас туда никто не звал и вы напрасно там сидите. (Смех.) А когда вы уйдете, тогда — другое дело. У нас есть закон о концессиях. На основании его мы с вами и поговорим. Япония тоже понимает, что удерживать свои войска там она не может. Она торгуется: «Если не даете прямо концессию, то напишите в договоре, что вы благожелательно рассмотрите эти концессии». Около этого мы с ними все время и торгуемся. Вероятно, в ближайшее время с Японией тоже будет покончено, и признание будет получено.

Но активность английской и американской дипломатии не ограничивается стремлением создать для нас всякого рода затруднения на наших границах. Они пытались в одном месте, наиболее слабом, просунуться внутрь нашей страны. Это было в Грузии.

Нет никаких сомнений, ясно из всех документов, что вся эта грузинская авантюра была задумана извне и что те люди, которые руководили движением (десятки грузинских меньшевиков, дворян и князей), отнюдь не рассчитывали на то, чтобы действительно взять власть в Закавказье. Этой надежды у них и не было. У них были другие стремления — создать возможно больший скандал, получить в свои руки доказательство, что в Советском Союзе не спокойно, что происходят широкие народные волнения, что поэтому никаких переговоров, никаких кредитов, никаких займов не может быть, что наша власть неустойчива, и т. д. Задания, которые получили грузинские меньшевики, сводились к тому, чтобы устроить побольше шума. Удастся что-нибудь сделать или нет — это не так важно, лишь бы было побольше шума.

На самом деле в Грузии это так называемое восстание выразилось в целом ряде мест просто в выступлениях заранее подобранных небольших ячеек по 15—20 человек, которые были очень быстро сметены. Правда, в двух уездах Грузии движение приняло такой характер, который дает право назвать это восстанием. Были втянуты более или менее — скорее менее, чем более — широкие группы населения. Повторяю, это было в двух уездах: в Гурии и Мингрелии. Я укажу впоследствии, какие

были местные специфические основания для того, чтобы эта меньшевистская национально-демократическая авантюра именно в этих уездах нашла себе некоторую поддержку в низах. Но если брать Грузию в целом, то все это движение продолжалось четыре дня и свелось во многих местах к чисто территориальным выступлениям. Отдельные небольшие кучки были разогнаны и ликвидированы.

К 1 сентября последствия грузинской авантюры были окончательно ликвидированы, и там не осталось ничего, кроме нескольких бандитских шаек, которые удрали в горы, в лес. Нормальная жизнь целиком восстановилась. Железнодорожное сообщение было прервано всего на несколько часов. Телефонное и телеграфное сообщение из Тифлиса со всеми окраинами тоже было прервано на 3 - 4 часа — не больше. Ни одного крупного населенного пункта эти шайки не захватили. В одном месте они просидели с вечера до утра — и только.

Так вот, это выступление имело, однако, тот результат, которого добивались люди, направлявшие этим движением. Сейчас вся европейская печать наполнена статьями, шумом, криком: что вы, мол, нам рассказывали, что в Советском Союзе спокойно, а там вот что происходит. Движение в Грузии представляется как крупное восстание, которое захватило все население. Всюду шлют телеграммы, что Баку в руках восставших, что Тифлис тоже в руках восставших, и т. д. и т. д.

И в конце концов мы получили сообщение о том, что и Лига наций занялась этим вопросом. Лига наций вынесла решение — которое вам наверно известно из газет — поручить своему совету разобраться в событиях, которые произошли в той «части света», которая называется Грузией, и принять меры к восстановлению нормального порядка, но только мирным путем.

Как видите, Лига наций вдруг объявила Грузию целой частью света, по той, конечно, причине, что она не могла ее никак назвать. Назвать ее государством никак нельзя, потому что она — государство советское; независимой — потому, что она входит в наш Союз, а независимость существует только в воображении грузинских меньшевиков. И вот, они решили окрестить ее «частью света» и поручили принять меры к возвращению ее в нормальный порядок, исключительно мирным путем. Так как грузинские меньшевики потерпели на этом деле некоторые расходы, то надо было им чем-нибудь отплатить. Заправилы Лиги наций приняли резолюцию в тот момент, когда увидали, что все кончилось, и этой ничего не говорящей резолюцией они считают, что рассчитались с меньшевиками.

Высокие покровители грузинских меньшевиков, которые направляли это дело, например президент Французской республики Думерг, ничем не пострадал, и ничем не пострадали и те руко-

водители, которые остались за границей. Пострадали те люди, которых послали и которые расплатились своею кровью. Также пострадала и поплатилась кровью та часть населения, которая была вовлечена в эту авантюру.

Нужно, следовательно, видеть, что это была еще одна судорожная попытка сорвать то мировое положение, которое мы заняли, поколебать устойчивость Советской России и, таким образом, откинуть нас назад с наших международных позиций. Не надо, товарищи, предаваться иллюзиям и думать, что на этом все кончится. У нас есть и другие границы, не только границы Грузии и Черного моря, но также и граница между Украиной и Румынией. Попытаются ли эти господа и на украинско-румынской границе вместе с Петлюрой, Балаховичем или кем-нибудь другим поднять сумятицу, мы еще не знаем, но, вероятно, для них будет представляться очень желательным и целесообразным создать для нас еще несколько затруднений для того, чтобы в английском парламенте могли встать консерваторы и либералы и сказать: «Мы — цивилизованные люди, как мы можем заключать соглашение с большевиками, которые расстреливают восстающих людей в Грузии, на Украине и т. д.».

Товарищам, которые съехались из Украины и из пограничных областей, я рекомендую обратить внимание на эту международную обстановку, которая, на взгляд ЦК, не может сейчас привести к каким-нибудь серьезным делам, — на это у них не хватит смелости, — но которая чревата отдельными бандитскими выступлениями или волнениями в пограничных полосах, направленными к тому, чтобы сорвать наше международное положение. Это надо иметь в виду.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕВРОПЕ.

Что касается Франции, то теперь позиция наша для будущих переговоров подготовлена, — а переговоры эти, видимо, начнутся, — там создана специальная комиссия, которая должна заняться этим вопросом, и признание нас как будто заранее предрешено. Общая платформа для переговоров с Францией у нас создана. Договор с Англией, конечно, даст нам возможность положить в основу французского договора те принципы, которые были положены в основу английского. Но переговоры будут труднее потому, что старые долги французским капиталистам и со стороны царского правительства, и со стороны правительства Керенского гораздо более крупны, гораздо более значительны, а с другой стороны, потому, что рабочее движение во Франции далеко не так мощно и не так влиятельно, каким оно является в Англии, и поэтому там попытаться маневрировать через рабочие организации непосредственно, как мы этого добились в

Англии, будет гораздо затруднительнее. Поэтому переговоры будут более длительные, гораздо более сложные. Во Франции было распространено мнение о возможности вести с нами переговоры сначала о долгах, а после этого, если будет достигнуто какое-нибудь соглашение о долгах, перейти к признанию. Наша точка зрения такая: — «никаких переговоров до признания. Сначала признание, тогда будем разговаривать». Директивы соответствующие даны и вы, вероятно, через несколько дней в нашей прессе найдете именно такую постановку вопроса. Мы хотим предупредить о том, что никаких разговоров, никаких коммерческих и деловых отношений у нас не будет до тех пор, пока мы не получим признания.

Положение на Балканах в данный момент очень сложно. На этот пункт и ЦК и вся Европа сейчас обращает особое внимание. Мы тут имеем такой переплет отношений, такую сложность и такую дробность этих государств, такую массу привходящих элементов, что заранее определить, что и как там разыграется, очень трудно. Но несомненно то, что Европа представляет пороховой погреб, и он на Балканах может вспыхнуть раньше, чем где бы то ни было.

Дело теперь доходит до прямых вооруженных столкновений. Весьма возможно, что ближайшие месяцы развернут картину, когда от коммунистических партий Балкан потребуется действие чрезвычайно ответственное и которое поставит нас вновь перед новыми проблемами. Поэтому на изучении Балканского вопроса. на положении коммунистических партий на Балканах мы должны обратить особое внимание.

Для обще-европейской картины важнейшим и новым фактором является план Дауэса. План этот представляет, — и это не есть агитаторский способ выражения, — самый деловой, по-американски обдуманный, точный план превращения Германии в колонию. Достаточно сказать, что весь германский экспорт, все финансы Германии, все железные дороги Германии и все направление налоговой политики Германии ставятся под контроль иностранцев. Этого одного достаточно, чтобы понять, что тут дело идет действительно о превращении Германий в колонию. За чей счет это делается? Для нас это ясно. Только за счет германского пролетариата.

Почему на это пошла германская буржуазия, интересы которой этим планом несомненно ущемлены? Только потому могла германская буржуазия пойти на этот план, что она надеется: — то, что потеряет на нем, она выбьет из германского пролетариата. Думать о том, что план Дауэса создаст тишину и спокойствие — неверно.

Наоборот, все те противоречия, которые в Европе были изданы после Версальского мира, неизбежно должны развиться.

*

Проектом Дауэса они не устраняются, не снимаются, а еще больше углубляются. Может-быть, на некоторое время создастся видимость иллюзорного внешнего успокоения. Люди, учреждения, государства, профсоюзы должны будут потерять немного времени, чтобы присмотреться к новой обстановке, чтобы ощупать реально, что это за новый план Дауэса и что такое эта новая организация, которую придумал американский капитал? Но это короткое время, которое придется потратить на то, чтобы разобраться в новой обстановке, потом даст сильное ускорение революционного движения.

ПОЛОЖЕНИЕ В КОМПАРТИЯХ.

Процесс, который совершается теперь в коммунистических партиях всей Европы, заключается в их обольшевичивании.

Вы понимаете, что история коммунистических партий Европы далеко не похожа на историю нашей коммунистической партии. Они имели перед собой совершенно другую обстановку, другой состав и другой руководящий кадр, и все эти условия создали то, что европейские коммунистические партии далеко еще не смогли выкристаллизоваться в подлинно боевые партии, которые необходимо иметь пролетариату к моменту социалистической революции. Они не могли выкристаллизоваться и получить тот опыт, который необходим партии в момент, когда им предсказано и предуказано взять власть в свои руки.

Эти партии еще не очищены от старых социал-демократических уклонов и тенденций. Не забудьте, что почти все вожди наших коммунистических партий прошли через социал-демократизм и принесли молодым коммунистическим партиям Европы старый багаж. Этому старому социал-демократическому персоналу надо было порядочно выучки, надо было порядочно перетряски для того, чтобы старые социал-демократические традиции и привычки забылись, чтобы подлинное революционное воспитание проникло не только в широкие массы, но, главное, в кадровый состав этих партий, в состав руководящих учреждений.

История коммунистических партий Европы большей частью была такова: это были группы, отколовшиеся от старой социал-демократии, отколовшиеся по причинам того, что им опротивела эта социал-демократия, потому что их оттолкнуло подлое, явно предательское поведение социал-демократии во время войны. Но это не значило, что каждый унтер-офицер или офицер рабочей организации, отходивший от старой социал-демократии, продумал до конца новую коммунистическую идеологию, сумел понять ее лозунги и способы проведения их в жизнь, представил себе ясно и конкретно практические задачи, которые ставятся перед коммунистической партией.

Поэтому мы замечаем в последние годы в коммунистических партиях процессы отслоения. Мы видели, как сначала появляются коммунистические партии. Мы все радуемся этому. Они становятся популярными, охватывают широкие массы, пользуются симпатией, а потом мы видим, как внутри их начинаются трения, проявляются чуждые нам тенденции и как, в результате внутренней борьбы, эти тенденции выявляются как явно оппортунистические, и как ряд лидеров возвращаются опять в социал-демократию. Так вернулся в социал-демократию Леви, один из лидеров германской партии; так вернулся Фроссар, один из руководителей коммунистической партии Франции, и теперь, мы видим, уходит обратно в социал-демократию Хеглунд, один из руководителей шведской партии.

Это процесс не случайный. Он заслуживает изучения, так как отражает собой процесс кристаллизации подлинной коммунистической партии, очищенной от тех полу-социалистических, полу-коммунистических элементов, которые, когда волна общего революционного движения в 1919/1920 г. стояла очень высоко, были увлечены в нашу сторону — налево, но которые подлинного коммунистического воспитания не получили. И теперь, когда более трудное время, когда требуется больше выдержки, когда вопросы ставятся резче, яснее, определеннее, проблема власти становится обнаженнее,—они пугаются и уходят. Этот процесс я и назвал процессом обольшевичивания коммунистических партий Европы.

К этому надо прибавить, что в этом процессе кристаллизации и очищения партии от чуждых элементов выявляются подлинные пролетарские элементы и элементы случайные. Вспомните нашу прошлогоднюю дискуссию. Эта дискуссия не была чисто нашим, российским, явлением, ибо на событиях нашей партии, которая сейчас приобрела мировое значение, учатся, по ним равняются, от них получают опыт коммунистические партии всего мира. И так как мы с вами первая коммунистическая партия, которая имеет власть, которая на деле осуществляет коммунизм, то ясно, что каждая наша ошибка, каждое наше достижение есть необходимый элемент мирового опыта, всего мирового коммунистического движения. Поэтому наша дискуссия, естественно, приняла мировой характер, и на ней учились все коммунистические партии без исключения. И вот эта дискуссия не случайно заставила все элементы в каждой коммунистической партии показать свое истинное лицо.

Повсюду без исключения — во Франции, Германии, в Польше, в Чехо-Словакии — все оппортунистические элементы оказались на стороне нашей так называемой оппозиции, а все подлинно пролетарские, анти-оппортунистические элементы — все целиком оказались на стороне ЦК. Можно ли сказать, что во Франции

группа Суварина, которая теперь исключена из Коминтерна, случайно оказалась ориентирующейся на нашу оппозицию? Но допустим, что это случайность. А в Германии группа, которая была сменена партией, та группа, которая должна была уступить место новому руководству, группа Брандлера,—почему она оказалась поддерживающей оппозицию? Почему в Польше группа, которая возглавлялась Варским и Валецким и которая в печати получила указание от Исполкома Коминтерна на неправильное направление политики, оказалась тоже на стороне русской оппозиции?

Если мы хотим быть действительными марксистами, то есть разбираться в существе явлений, брать их в целом, а не пытаться объяснить серьезные исторические явления случайными причинами, мы должны понять, что здесь была общая тенденция, заключающаяся в том, что вся обстановка вела к разделу между оппортунистическими и подлинно пролетарскими элементами в коммунистических партиях Европы. Эта диференциация, эта кристаллизация подлинно пролетарских элементов совпала с нашей дискуссией. По этой линии они должны были разобраться, а когда они размежевались по ту и другую сторону, то оказалось, что водораздел проходит между оппортунистическим и пролетарским крылом.

И этот важный факт наблюдается во всех коммунистических партиях без исключений.

Весь этот длинный ряд столкновений, ведущих иногда к расколу, конечно, может радовать нашего врага, и, может быть, более слабонервные из нас самих говорят — «не есть ли это признак упадка коммунистического движения»?

В чем здесь дело? Мы должны отдать себе полный отчет, что коммунистическую идеологию и подлинно пролетарскую партию нельзя выковать по книжкам. Мы, для того чтобы создать подлинно пролетарское ядро нашей партии, 20 лет занимались расколами. Товарищи, которые изучают историю партии, которые не могли,—конечно, не по их вине, а по вине их родителей,—проделать эту историю с самого начала и которые, поэтому, принуждены ее по книжкам изучать, — они должны обратить внимание на то, какие расколы, склоки и столкновения были в нашей партии, и как наша партия рождалась и родилась. Почему Ильич был всегда для всех мил, кроме тех, которые не шли за ним, а большевиков изображали как раскольников и нетерпимых людей, фанатиков, которые шли на раскол рабочей партии по самым, казалось, маловажным пунктам устава или программы?

Почему? Потому, что коммунистическая идеология, подлинная пролетарская партия в капиталистическом окружении не может выработаться иначе, как все время очищая себя от того мелкобуржуазного налета, который со всех сторон окружает рабочий класс, связанный своими корнями с мелкобуржуазной средой,

откуда постоянно идет приток в рабочий класс. А этот приток, который обновляет рабочий класс, несет также в среду рабочего класса мелкобуржуазные тенденции, мелкобуржуазную психологию. До тех пор покуда наемный рабочий не переварится в фабричном котле, покуда деревенская психология окончательно не сойдет с него, он не станет подлинно пролетарским элементом.

С другой стороны, рабочий класс не огорожен стеной от всего окружающего мира. На него давит капиталистическая культура, которая в Европе располагает всеми средствами для того, чтобы развратить психологию рабочего класса, чтобы отклонить его от истинного пути классовой борьбы.

Возьмите такой факт. Наша коммунистическая газета в Париже «Юманите» («Человечество») теперь имеет тираж около 200 000, а бульварная буржуазная продажная газета «Матэн», которая служит исключительно интересам капиталистов и этого не скрывает, имеет миллионный тираж. Другая газета «Пти Паризьен» — точно такой же тираж. А наша коммунистическая газета 200 000. Это значит, что громадные слои рабочего класса питаются буржуазным хламом и, конечно, это остается в их головах. Поэтому, для того чтобы выработать подлинно пролетарскую идеологию, приходится итти путем постоянного очищения ее от той мелкобуржуазной и буржуазной пыли и грязи, которые на нее прямо и косвенно влияют.

И поэтому постоянная, критическая, идейная борьба—является необходимым элементом выработки подлинных коммунистических партий. Если нам в ЦК приходится разбирать тот или другой раскол, а иногда указывать, что через этот раскол надо пройти, как в случае с Хеглундом, — мы и в этом видим положительную сторону, высшую ступень развития, сплочения, теоретической и идеологической подготовленности коммунистической партии.

Все эти процессы, происходящие в Европе, подтверждают, что революционный процесс не только не остановился, но что он чреват новыми и новыми бурями. История развивается, но идет не совсем так и не совсем по той дороге, по которой мы предполагали. Дорога оказалась более шероховатой, капитализм Европы оказался более гибким, более способным к маневрам. Он черпает и из резервов, которыми является американский капитал.

Но вместе с тем увеличивается острота разногласий, противоречий буржуазного общества, отражающаяся в росте и усилении коммунистических партий.

Мы знаем, что буржуазия действительно не может придумать методов успокоения, методов налаживания нормальной жизни, что она из того тупика, в который она завела все человечество, не может выйти, и мы можем сказать, что наше дело еще впереди.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ОТНОШЕНИЯ С КРЕСТЬЯНСТВОМ. РОСТ КУЛАЦКОЙ АКТИВНОСТИ.

Теперь, товарищи, я обращаюсь к нашим внутренним делам Центральным пунктом для партии являются в данный момент два вопроса, очень близко связанные между собой. Это вопрос о нашей политике относительно крестьянства и непосредственно связанный с этим вопрос о положении нашей промышленности.

Что касается крестьянства, то объективные факты, которые вам всем известны и которые я только кратко повторю, заключаются в том, что мы имеем общую продукцию сельского хозяйства приблизительно такую же, какую имели и в прошлом году. Неурожай, который сначала очень, так сказать, дернул партию и который был несколько переоценен нами, оказался меньше, чем мы предполагали месяц или полтора тому назад. Он оказался далеко неспособным в какой бы то ни было степени нарушить общий ход нашей хозяйственной жизни. Мы имеем, несомненно, недород в определенной части страны. Он, конечно, нам встанет в копеечку.

Это будет стоить 70 млн руб. Это, конечно, тяжело, но мы можем считать, что здесь мы сделали все, что можно и что необходимо для того, чтобы хозяйства неурожайных районов не выпали из общего кругооборота и на следующий год, они, так сказать, в полной силе вступят в нашу хозяйственную жизнь. Если же взять общий баланс страны, то посев увеличился и в этом году. И, благодаря тому, что в других районах урожай наш превосходен, мы получаем то, что крестьянство в этом году имеет почти такую же продукцию в общем по всему Союзу, какую имело в прошлом году.

Но тут мы встречаемся с новым явлением. Это новое явление заключается в страшном повышении хлебных цен. Это та проблема, по отношению к которой нужно занять ту или иную позицию и преодоление которой сейчас представляет для партии одну из самых насущных задач.

Мы в прошлом году все констатировали: крестьянин получает очень мало за свою продукцию. И, действительно, крестьянин, который в прошлом году продавал хлеб по 20—40, в среднем по 50 коп., оказался настолько бедным, что не смог приобрести себе продукции городской промышленности, а городская промышленность не могла продать своих товаров, и, таким образом, образовался кризис сбыта.

Этот экономический кризис прошлого года многих страшно перепугал. Вы помните те документы, которые гуляли в то время по партии и в которых говорилось, что мы ходим по краю пропасти. Теперь, оглядываясь назад, мы говорим: — в драке нужно драться по-настоящему, но когда драка миновала, мы должны

спокойно ее обдумать. И когда мы на эту драку оглядываемся и хотим спокойно взвесить, что случилось в партии в это время, почему в партии сцепились люди, из-за чего это дело произошло, то пытаться объяснить то, что мы пережили, какими-нибудь верхушечными комбинациями, личными историями, — это было бы, конечно, неправильно.

Когда мы теперь оглядываемся назад, мы видим, что в стране был кризис, кризис на почве неслаженности между крестьянами и рабочими. Осенью прошлого года был надрыв той самой смычки между рабочими и крестьянами, на которой держится вся диктатура и вся Советская власть в нашей стране, и этот болезненный надрыв выразился в тех процессах, которые я перед вами обрисовал: крестьянин, не получая достаточно денег за свой хлеб, не мог купить продуктов городской промышленности, злился на рабочего, что тот не дает продуктов, а рабочий оказывался с товаром, не смог найти потребителя, стоял перед проблемой, что придется закрывать завод.

Этот экономический кризис отразился в партии борьбой, дискуссией, столкновениями, которые тогда произошли. Теперь мы видим, что кризис этот отнюдь не был каким-нибудь кризисом, по ученому выражаясь, имманентно-присущим по существу той политике, которую мы ведем, но он отражал в нашей стране несоответствие между развитием сельского хозяйства и промышленности.

Я говорил уже, что этот кризис предстал перед нами в таком виде, что крестьянин не мог покупать продуктов городской промышленности. В этом году мы получили обратную картину. Крестьянин продает хлеб по такой высокой цене, которая может оказаться не по плечу ни нашему государству, ни рабочему классу.

В прошлом году мы нащупывали болячку в том, что крестьянин получает слишком мало, и тогда надо было итти на повышение заготовительных хлебных цен для крестьян. Не мы ли сами кричали, что надо сжимать ножницы? Сжимать ножницы значит поднимать цены на сельскохозяйственные продукты, снижая их на промышленные продукты. Теперь цена на хлеб поднялась, значит, нужно радоваться? Но было бы гибельно, если бы мы мыслили по трафарету. В прошлом году мы старались добиться повышенных цен на хлеб, они теперь повысились, но было бы глупо, если бы мы обрадовались и сказали: «ножницы сжались, следовательно, очень хорошо». Так рассуждать нельзя.

Картина на 1 августа была такая: если считать среднюю цену на хлеб по всему Союзу в прошлом году в 50 коп., то в этом году это был рубль: цены на хлеб повысились на 100%. Вдобавок и самая политика до сих пор заключалась в том, чтобы плыть по течению, т. е. итти на то, чтобы крестьяне были довольны, что они получают много. Эта политика теперь не годится. Мы должны

итти против течения, и сейчас наша партия находится в таком положении, что она идет против течения, которое выражается в стремлении крестьянства получить за хлеб очень высокую цену. В чем тут дело и правильна ли политика партии?

Раньше чем ответить на этот вопрос от имени ЦК, я должен сказать — нам было ясно, что эта политика встретит некоторые затруднения, что крестьянство, которое в июле в некоторых местах продавало хлеб за 1 руб. 20 коп. и за рубль, скажет, когда оно наткнется на наши цены в 80 — 70 — 60 коп., что оно, конечно, недовольно и что может создаться такое настроение в стране, и, может быть, отчасти и в партии, когда по этому вопросу начнутся колебания и сомнения: стоит ли это делать, нужно ли это делать, надо ли ломать цену?

Хлеба мы имеем приблизительно столько же, сколько в прошлом году, поэтому высота хлебных цен не явилась результатом недостатка хлеба, а явилась результатом спекулятивного вздувания цен. Мы в июле должны были снабжать семенами места, в которых предполагался неурожай. Покуда мы эти семена закупали, цены возросли, и все закричали — неурожай, голод!

Но если бы мы этим непомерно вздутым ценам на хлеб не объявили войны, это означало бы дальнейшее повышение хлебных цен, обозначало бы неизбежное повышение цен всех товаров, обозначало бы неизбежное повышение заработной платы, повышение по всей линии, по всем фронтам, повышение расходов государства, которое у нас больше всего выплачивает зарплаты и больше всего закупает всяческого рода товаров, потому, что мы с вами не только государство, а мы с вами хозяйничающее государство, имеющее в своих руках основные хозяйственные отрасли.

Так как мы больше всего закупаем товаров и сырья, оборот между нашими государственными органами больше и шире, чем все другие обороты; при таком повышении цен на хлеб, при таком неизбежном повышении заработной платы, при неизбежном повышении расходов, государство не может закупать необходимых товаров и сырья; наш государственный бюджет не выдержал бы этого, и спрашивается: выдержала ли бы это наша твердая валюта? Ответ один: — Нет. У нас денег не хватило бы, мы должны были бы перейти с твердой валюты опять на печатание совзнаков, и тот самый крестьянин, который осенью радовался тому, что он продал хлеб по 50 — 70 коп., а то и по рублю, он зимой платил бы из-за этого новый эмиссионный налог, а наша твердая валюта была бы сорвана.

А рабочие, естественно, потребовали бы от нас повышения зарплаты, потому что цены на товары повысились, и мы принуждены были бы удовлетворить это справедливое требование.

Но нужно спросить себя: если бы мы начали платить не твердым рублем, а опять старой совзначной бумажкой, кто на этом больше всего терял бы? Конечно, больше всего терял бы рабочий и крестьянин. Надо сознаться, что за прошлые годы эмиссия представляла насос, который выкачивал дополнительные налоги с рабочих и крестьян, потому что когда мы рабочему платили совзнаки, которые через два дня обесценивались, то мы у него отбирали таким образом часть его зарплаты. Когда мы платили крестьянину за его хлеб совзнаками, которые через некоторое время обесценивались, то — ясное дело, что мы выкачивали у крестьянина дополнительный налог, выкачивали у крестьянина дополнительные средства.

Мы отказались от этой политики, а непомерно высокие цены на хлеб обозначали бы срыв этой политики, возвращение совзнаков и, следовательно, возвращение полной расхлябанности нашего хозяйства. На это ЦК пойти не мог, несмотря даже на то, что крутая политика снижения цен, конечно, будет вызывать некоторые шероховатости в деревне и может принять формы для нас более или менее неприятные.

Мы должны отдать себе отчет в том, что эта политика единственно правильная для нашего государственного хозяйства. Но означает ли она, что мы против повышения цен на хлеб? Да, когда цена на хлеб была 50 коп., а в этом году 1 руб., это повышение на 100% недопустимо. Но мы за то, чтобы крестьянин получал больше, потому что крестьянин, получающий мало, не имеет возможности покупать изделия нашей промышленности. Не 50 и не рубль, а 75 коп. Вот политика Центрального Комитета, которая должна быть усвоена всей партией и проводима Советской властью.

Какими средствами мы действуем в области воздействия на хлебные цены? Мы приняли в ЦК две очень важные меры: во-первых — относящиеся к экспорту хлеба, вывозу хлеба за границу. Мы постановили этот вывоз приостановить и начать только в том случае, если мы через несколько месяцев убедимся, что есть какие бы то ни было излишки. Если же окажется и через несколько месяцев, что этих излишков нет, то вывозить хлеба совсем не будем. Это даст лишние 200 — 300 тыс. пуд. хлеба в стране. Временный отказ от экспорта хлеба — до выяснения полной картины урожая и возможности удовлетворения всех наших потребностей, — это первая мера в области этого вопроса.

Второе, что мы имеем в виду, — это вот какая задача: мы были бы никуда негодными политиками, если бы не задумались, — а по какой цене рабочие будут покупать хлеб весной? Социалистическое или коммунистическое правительство, которое не подумало о том, чтобы обеспечить для всех пролетарских центров хлеб по определенной цене на несколько месяцев вперед, конечно,

не заслуживало бы названия ни коммунистического, ни правительства вообще.

Мы очень хорошо понимаем, что здесь вопрос очень серьезный. Если мы этим вопросом пренебрежем, если рабочая организация и само правительство не озаботятся им, то легко может получиться такое положение, когда весной хлеб окажется только у частных торговцев, и мы с вами, Советское правительство, оставленное ни с чем, окажемся в кабале у частного капиталиста, который скажет: у меня хлеб, и я диктую цены. Вот опасность, которая стоит перед нами.

Все эти вопросы имеют ближайшее отношение к вопросу о нэп'е и о пределах нэп'а. Мы помним слова Ильича: в нэп мы вступили, но до известных пределов, которые диктует рабоче-крестьянская коммунистическая власть. И надо было в данный момент определить этот предел. Предел этот заключается в том, что мы должны остаться хозяевами на хлебном рынке. Если хлеб— основное средство питания — уйдет из наших рук и мы перестанем быть хозяевами на этом рынке, а хозяином будет крестьянин, частный закупщик хлеба, то он будет диктовать цены на хлеб, через цены на хлеб он будет диктовать зарплату, через зарплату он будет диктовать бюджет и через все это он будет экономическим хозяином, у него будет главная наша крепость. Допустить этого нельзя.

Задача правительства рабочей организации заключается в том, чтобы сосредоточить в своих руках такой хлебный фонд, который позволил бы ему остаться хозяином на рынке, обеспечил бы пропитание рабочих масс и позволил бы нам диктовать на хлебном рынке и цены и характер продажи.

Мы стали подсчитывать, сколько хлеба для этого нужно закупить, чтобы быть хозяевами,—оказалось, что нужно 400 млн пуд. хлеба. Вот закупка этих 400 млн пуд. хлеба и так, чтобы не взвинчивать цены, а закупить их по справедливой для крестьянина, но и допустимой для государства и рабочих цене, — есть основной маневр, который сейчас партия проводит. Это основной экономический маневр, который должен нам дать возможность укрепить свои позиции на весь ближайший год.

Всего на рынке будет 800 млн пуд., из них половину должны закупить мы, остальная пойдет другими путями. Но тогда мы будем хозяева, у нас будет большая часть хлеба. Если частный закупщик закупит дороже, но все же продавать он должен по нашей цене — тогда он разорится. Для нас нестрашно, что капиталист покупает. Все равно, если он купит дороже нашего, — продавать он должен по той цене, которую диктуем мы. Такова задача.

Как же мы можем получить 400 млн пуд. хлеба по цене, которую считаем правильной, в среднем по 70 коп.? В том слу-

чае, если крестьянин будет придерживать этот хлеб, мы действовать на крестьянина не можем иначе, как экономически. Приказывать крестьянину или забирать хлеб через продовольственные отряды, мы не можем. Должен быть создан экономический стимул у крестьян к вывозу этого хлеба на рынок.

Это можно сделать путем налогов. Поскольку налоговые требования предъявляются крестьянству, то для оплаты этого налога оно вынуждено вывозить свой хлеб теперь же, в сентябре, октябре, и поскольку хлеб будет на рынке, мы его сможем скупить. Налоговая кампания, требование, чтобы налог уплачивался, — это самый правильный путь.

При этой политике мы, вероятно, натолкнемся на некоторое недовольство некоторых слоев крестьянства. Мы должны отдать себе отчет в процессе расслоения крестьянства, в выявлении кулацкого элемента крестьянства. Неизбежно то, что по мере материального улучшения массы крестьянства разделяются между этими полюсами: бедняцким и кулацким; это разделение будет расти.

Но голод, недород и вместе с тем высокие цены этот процесс расслоения усиливают. Тот, кто имеет больше хлеба, уже тянется в кулаки. Это усиливается при поднятии цен. Он богаче своего соседа, который имеет меньше хлеба и попадает в разряд бедноты. В неурожайных местностях, главным образом, расслоение среди крестьянства растет потому, что богатый и при недороде все-таки оказывается сильнее бедняка, который этим недородом разоряется окончательно и который зачастую принужден вступать в кабальные отношения с более богатыми соседями.

Таким образом, высокие цены на хлеб, недород и общий экономический подъем в стране содействуют расслоению. Среди деревни активность кулацкого элемента растет. Этот факт известен, и мимо него нельзя пройти ни нам, ни особенно вам, потому что во многих и многих местах именно Комсомол в деревне представляет коммунизм, он во многих местах заменяет партию.

Поэтому знать те процессы, которые происходят в деревне, необходимо, необходимо ориентироваться в этих процессах, и Комсомол не должен закрывать глаза на эти процессы.

Активность кулацких элементов растет, и не только экономическая, но и политическая. Мы имеем целый ряд сведений с мест и из урожайных и неурожайных, и, в частности, больше из неурожайных губерний, где ясно видно, что немножко укрепившись экономически, кулачество сейчас же простирает руку и дальше—в политическую область. Тут идет борьба в первую очередь в области захвата низовой кооперации, а иногда и низового советского аппарата, со сто-

роны кулацкого элемента, более богатого элемента деревни. Эта борьба налицо, это есть факт, с которым приходится считаться.

ЦК настолько заинтересован этим происходящим в деревне процессом, — основным для нашей экономики, — что создал специальную комиссию по работе в деревне, в которую вошли члены ЦК и члены Политбюро и которая теперь усиленно работает над всеми связанными с этим процессом вопросами.

Таким образом, относительно крестьянства можно сказать, что при полном политическом спокойствии, при отсутствии каких бы то ни было угрожающих политических стимулов, мы должны чрезвычайно внимательно приглядываться к настроению крестьянства, а также отдавать себе отчет, что мы стоим перед временным недовольством и усилением, на этой почве, активности более зажиточных слоев крестьянства.

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДЕЛЕ СМЫЧКИ.

Что мы можем этому противопоставить? Тут мы обращаемся к промышленности, к другой стороне той же самой медали, — смычки между рабочими и крестьянами. Надо помнить, что смычка проверяется не в резолюциях и не на лозунгах, а на деле, в цене хлеба, в цене ситца, в честности советского аппарата, в деловитости деревенской кооперации.

Мы имели и здесь в области промышленности картину, прямо противоположную прошлогодней.

В прошлом году у нас амбары были завалены товарами. Хотя товаров вообще было мало, но не было возможности их сбывать.

В этом году мы имеем разворачивание промышленности, громадное повышение ее продукции сравнительно с прошлым годом, увеличение количества продуктов и — бестоварье, т. е. такой спрос, который мы удовлетворить не можем.

Речь идет не о том, что товары не продаются, а о том, что товаров не хватает, хотя их произвели больше, чем в прошлом году, не говоря уже о 1922 г.

Крестьянство оказывается способным приобретать продукты городского производства, продукты труда рабочих рук в гораздо большем количестве, и это уже сказывается. Низовые торговые организации, поставщики для крестьянского рынка, почуяли это и предъявляют к фабрикам и заводам большие требования.

Наши фабрики и заводы во всех отраслях промышленности превзошли производство прошлого года уже сейчас. Вместо 100% выработки имеем 120—130% выработки, и все-таки не хватает.

Мы имеем несомненное повышательное настроение, разворачивание промышленности и бестоварье, недостаток товаров.

К этому необходимо прибавить политику, которую мы усвоили с вами уже в прошлом году, политику снижения цен. Мы хотим, чтобы ситец, керосин, спички, кожевенные товары, гвозди, крестьянин получал бы по той цене, которая ему действительно под силу. Мы дали лозунг промышленности заботиться не столько о росте чистой прибыли, сколько об увеличении оборота. Правда, мы не должны при этом работать себе в убыток, а получать такую прибыль, которая давала бы возможность быстрее оборачивать капитал и разворачивать промышленность. Эта линия должна оставаться и в дальнейшем, несмотря на повышение сельскохозяйственных цен.

Поэтому дальнейшее расширение промышленности, дальнейшее снижение цен, дальнейшее развитие торгового аппарата при помощи улучшения кооперации и устранения частного посредника, вот фактически основные задачи для этого периода, и главное — ломка непомерно вздутых хлебных цен. Все это есть возможность провести только при поднятии производительности труда.

Кампания за поднятие производительности труда, которая впервые поднята ЦК, не есть какая-нибудь отрывочная кампания, но есть результат того, что мы, наконец, додумались до идеи повышения производительности труда, а она естественно вытекает из всего нашего внутреннего и международного положения. Она вытекает из внутреннего положения с совершенно железной необходимостью и неизбежностью.

Нельзя брать эту кампанию как эпизодический факт. Нет, мы подошли к ней, подтолкнутые самой жизнью.

При развитии идеи смычки рабочих и крестьян, мы уперлись в производительность труда потому, что другого выхода нет. Мы должны сделать так, чтобы крестьянство было удовлетворено продуктами городской промышленности, а если мы его не удовлетворим, то, как нам Ленин сказал, нас, коммунистов, крестьяне прогонят. Это вы найдете у т. Ленина там, где он говорил: вы от крестьян благодарности не ждите; одной благодарностью коммунистическую власть удержать нельзя. Крестьянин судит о нас по тому, умеют ли коммунисты хозяйничать, а это выражается в том, по какой цене дается ему ситец, керосин, гвозди. Вот что важно для крестьянина в той реальной оценке смычки, с которой он подходит, вот то, что определяет психологию миллионых масс.

Единицы, десятки, сотни, тысячи могут руководствоваться соображениями, которые мы развиваем в книгах, в беседах, они могут руководствоваться тем, что им сообщали, они могут руководствоваться известной высокой степенью сознательности, но

миллионы судят о нас по нашему аппарату административному и, в первую очередь, по тому, как мы хозяйничаем. На ежедневном опыте крестьянин должен убедиться, что когда фабрики, заводы, железные дороги находятся в руках рабочих, а не капиталистов, то это выгоднее для него. Это можно иллюстрировать очень характерной картинкой из грузинских событий.

Я упомянул здесь, что в ЦК мы вызывали руководителя Грузинской партии и Грузинского правительства, он рассказывал о событиях, и мы спрашивали: «но все-таки, увлекли ли когонибудь эти наемники империализма за собой или нет?»

Нам отвечали, что ни одного рабочего они не увлекли. Рабочие все как один взяли винтовку и пошли за нас.

Но вот что нам рассказали о шатаниях и колебаниях в крестьянской среде.

Когда пришли наемники империализма, то они говорили — пользуясь тем, что коммунистов в некоторых местах не было, и они совершенно свободно могли говорить:—«вы знаете, почем цена английского ситца и почем цена ситца всероссийского текстильного синдиката? Так вот: хотите ли вы получить—независимость Грузии и свободный доступ туда английского дешевого ситца—или союз с Советской Россией и московский ситец, который в два раза дороже?» Вот те, как бы сказать, агитационные лозунги и те аргументы от кармана, которые приводили меньшевики.

Конечно, они для широких масс не имели значения, и лживость этих доводов они сразу раскусили, но соображения о том, что крестьяне будут судить о нашем социалистическом хозяйстве по цене ситца и керосина, который мы туда доставим, и по количеству его, — это остается непререкаемой истиной. Поэтому доставить как можно больше ситца, гвоздей, керосина, спичек, обуви в деревню и вместе с тем доставить это по такой цене, чтобы она была доступна крестьянству, — это задача нашего хозяйственного строительства и единственно деловая форма смычки.

Мы приблизим промышленность к деревне тем, что создадим кооперацию, которая непосредственно, без возможности наживы для частного посредника, передаст ситец или керосин в деревню. Но все же, если мы доставим недостаточное количество товаров и по очень дорогой цене, то смычки подлинной не будет. Так вот, для того чтобы эта смычка осуществилась и чтобы мы могли выплачивать зарплату, хотя бы в том же размере, которого она сейчас достигла, нам необходимо увеличить производительность труда.

Еще один довод. Мы знаем с вами, что ни один класс не может укрепиться, если он не имеет финансовой опоры, если он не имеет определенных средств. Так было всегда, так есть и теперь.

Для того чтобы развить нашу промышленность, нам необходимы средства. Я вам сказал — наша промышленность разворачивается, но она развернуться во всю не может. Почему? Потому, что у нее нет оборотных средств. Она продает все, что вырабатывает, но не получает от продажи тех необходимых средств, которые нужны для того, чтобы развернуть промышленность.

Бюджет нашего государства составлен на данный 1924/1925 г. в 2 млрд 100 млн зол. руб. Это то, что мы должны израсходовать. Вы на местах живете и вы знаете, как мы производим расход: сколько расходуем на больницы, на просветительно-агитационную и пропагандистскую работу и т. д., как поправляем дороги, как заботимся об электрификации. Вы знаете, что все это делается в абсолютно нищенской доле и что этой нищенской доли не хватает. Приходится иногда итти на закрытие школ, больниц, на неснабжение политико-просветительным материалом, задерживать электрификацию, не производить абсолютно необходимого ремонта транспорта, домов, шоссейных дорог, мостов и т. д. Мы должны по этой нищенской норме минимум израсходовать 2 млрд 100 млн руб.

А когда мы стали считать, откуда их возьмем, то мы считали, выжимали и все-таки 100 млн не насчитали.

Из сельского хозяйства взять нельзя. Единый сельскохозяйственный налог тяжелее в этом году, чем в прошлом году. Тогда мы прикинули, нельзя ли с промышленности что-либо получить, и убедились, что на следующий год мы, владеющие всеми промышленными предприятиями старой капиталистической России, имеющие в своих руках нефть, уголь, всю металлургию, все заводы, можем внести максимум 150 млн руб. доходов с промышленности в государственный бюджет.

Крестьянство остается главной статьей для покрытия наших расходов, а что крестьянские налоги тяжеловаты —этого нельзя не признать.

Тяжеловатые налоги и страшно мизерная доля доходов с нашей национализированной промышленности,—не так это должно быть в подлинном социалистическом государстве. Конечно, промышленность, работающая полным ходом, снабжающая крестьянский рынок, быстро обращающая капитал, должна быть главным вкладчиком в бюджет. Но до этого еще далеко. Надо будет работать годы и годы для того, чтобы этого добиться. Слишком уже разорена наша промышленность.

Но когда мы сопоставляем доход от промышленности и поступления от крестьянства, мы говорим: как бы не забыть опять-таки указания Владимира Ильича, что ехать на крестьянской лошадке можно, но только до известной степени. Надо искать другие источники. Где же они кроме как в повышении

производительности труда на фабриках и заводах? Есть еще один способ для повышения производства: получить заем у иностранцев. Мы обеспечили себе дорогу к иностранному капиталу и мы от этого не отказываемся и считаем, что иностранный капитал был бы полезен для построения нашего социалистического общества.

Наша тяжелая индустрия разделяется на две группы. Первое — производство топлива. Мы теперь на дело топлива навалились все: и партия навалилась, и профсоюз, и вся Советская власть,—и мы добились превышения производственной программы и по углю и по нефти, так что ни о каком топливном голоде, топливной заминке—речи быть не может. Мы забыли то время, когда Владимир Ильич следил за углем, нефтью: следил за тем, где останавливается завод, потому что не хватило нефти, где электричество не горело, потому что на электростанцию нельзя было подать угля. Это время уже забыто. У нас программа Донбасса была 450 млн пуд., а выработали в этом году больше. Товарищи приходят к нам и говорят, что угля привезли больше, чем было задано. И мы не знаем — хвалить ли их или ругать. Хочется похвалить, и нужно бы ругать, потому что не знаем, что делать с этим углем и нефтью. Начинаем искать иностранный рынок для них. Щупаем, нельзя ли отправить в Италию. Начинаем с английским углем конкурировать. Мы, которые три года тому назад все заборы обклеили плакатами: «Все на топливо!», теперь не знаем, куда девать и нефть и уголь.

Из этого вытекает еще и другая беда. У нас уголь и нефть начинают друг с другом конкурировать и друг перед другом сбивать цены. Уголь спустит немножко цену, начинают покупать уголь, тогда нефть начинает снижать цену, и начинается конкуренция. Мы созываем ребят и говорим: «что вы, ошалели? что вы делаете? — ведь вы же все наши — государственные!» Они отвечают: «что же прикажете делать, некуда девать». Выходит, что у нас года два-три тому назад была беда от нехватки, а теперь от избытка беда.

Почему же это происходит? Может быть, мы так много произвели, больше довоенного? До довоенного уровня мы не дошли, а дело все в том, что мы страшно отстали в потреблении угля и нефти. Эта страшная отсталость происходит от того, что металлургическая промышленность и металлообработка,—а это именно те производства, которые составляют подлинную крепость пролетарскую, —они у нас достигают всего 18—20—23% от довоенного. Лишний уголь и есть тот уголь, который должен был бы быть поглощен металлургией, но остается как будто в избытке потому, что топливо пошло вперед, вырвалось вперед, дало много, а металлургия отстала, ибо, для того чтобы двинуть металл, в него надо вложить капитал, а его негде взять. Могут

сказать, что этот капитал можно взять с крестьян, но мы с крестьян берем и так столько, что нельзя больше взять.

Поэтому я и говорю, что если бы мы получили иностранный заем, мы первым делом направили бы его в металлургическую промышленность. Там он, этот капитал, положенный на 3—5 лет нам развернул бы через пять лет такую металлургическую промышленность, которая поглотила бы весь уголь и всю нефть, создала и расширила бы кадры настоящих пролетариев, сократила бы безработицу и выработала бы столько, что мы легко бы заплатили англичанам процент.

Вторая отрасль, куда мы направили бы заем, это—сельское хозяйство, которое, если мы дальше не хотим зависеть от солнышка и дождя, надо перевести на новые формы землепользования, надо снабжать улучшенным удобрением, лучшими сельскохозяйственными машинами. Но все это крестьянину надо дать в долг. Если бы мы были государством, у которого были бы какие-нибудь запасы, мы из этих запасов выдали бы, сказав: «на́ тебе хорошую машину, на́ новое удобрение, валяй, работай, через три года вернешь». Этого мы сделать не можем, и для этого дела не вредно бы получить английские денежки. Но ведь вопрос будет итти о процентах. Ведь если нас заставят за каждый рубль платить 20 — 30%, это будет кабала, это будет германское положение,—это значит, мы будем работать на них. А для того чтобы этого не было, для того чтобы мы могли с англичанами быть действительно на равной ноге, есть единственный способ, это—поднятие производительности труда.

Мы имеем в целом ряде обследованных заводов указания на то — результаты обследования вы найдете в опубликованной речи т. Куйбышева, а также в некоторых моих речах и в книжке т. Дзержинского, — что заработная плата достигает 60% довоенной, а выработка на одного рабочего 30%. Такое положение дела с производительностью труда далее терпеть нельзя. Где-нибудь должно же происходить социалистическое накопление, если мы не можем получать средства от крестьянства, а мы больше на него нажимать не можем. Это ясно. Единственное средство это то, чтобы рабочий класс сам сознал, что он подрывает рост собственной заработной платы, подрывает социалистическое хозяйство, если не повысится производительность труда. И тут я должен сказать, что задачи Комсомола в этих областях огромные.

ЗАДАЧИ ПАРТИИ И КОМСОМОЛА.

Я сказал, что вы встретите волну некоторого недовольства крестьянства в деревне. Вам придется здесь много поработать. Комсомол играет выдающуюся роль в нашей деревенской работе.

Он должен взять на себя обязанность разъяснить политику снижения хлебных цен. Ему придется встретить эту волну и попытаться ее задержать.

То же и в области промышленности, на фабриках и заводах. Мы имеем поколение старых рабочих, которые прошли всю войну, которые в этой войне и претерпели и устали и которые, естественно, пожалуй, больше склонны предъявлять требования повышения заработной платы, чем по-настоящему подлинно заинтересоваться производительностью труда.

Другое дело—молодое поколение. Это поколение, так сказать, идет под нашим стягом и единственно оно может поднять и создать новую психологию. В старом рабочем мы же создали психологию того, что фабрика, завод, это — каторга, на которой ты отбываешь свои сроки. Для того чтобы проводить наше дело, нам это было необходимо, это мы сами внедряли в них в продолжение десятков лет и это не могло у них не остаться, а теперь нам надо переломить эту психологию и сделать фабрику— мастерской подлинного социалистического строя.

Если мы раньше выдвигали, поддерживали, создавали общественное мнение рабочего класса, что фабрики это — каторга, то теперь нам нужно создать психологию у нашей рабочей молодежи, что фабрика, — это мастерская подлинного социалистического строя, подлинного рабочего коммунистического общества.

Герой, руководитель рабочего класса не тот, который смотрит на работу так, между прочим, лишь бы отбыть и получить заработную плату, а тот, который знает фабрику, интересуется ею, интересуется настоящей производительностью фабрики, знает ее борьбу на рынке, знает отношение с другими фабриками, ставит задачу не так: фабрика мало производила, пусть и в этом году столько же производит, — а наоборот, который всем этим интересуется, который желает, чтобы фабрика больше произвела, который нашел дорогу к крестьянину — потребителю и создал смычку на почве повышения производительности труда. Вот та новая психология, на которую мы должны рассчитывать.

Тут громаднейшая задача: создать новую психологию, создать новое общественное мнение, поднять трудовую дисциплину, поднять производительность труда, поднять заинтересованность рабочих к роли своей фабрики, своего производства, своей отрасли промышленности в общем деле строения социалистического хозяйства.

Подводя итог, я сказал бы так: мы несомненно находимся на повышательной стадии развития; во всех областях дело идет, несомненно, вперед.

Перед нами есть, конечно, ряд затруднений, которые объясняются классовым составом нашей страны. Эти затруднения, прежде всего, в увеличении активности элементов

непролетарских, в увеличении активности кулачества, в увеличении активности частного капитала, в повышении удельного веса частного капитала, нэпманства, и против этого мы должны усилить активность и наступательную политику другой части крестьянства, пролетариата, руководящей коммунистической партии.

Мы держим в своих руках целый ряд таких орудий, при помощи которых овладеть всей экономикой и политикой страны мы, конечно, целиком можем. Но этими рычагами, направляющими всю очень сложную и все осложняющуюся машину, — надо научиться владеть рабочему классу. Я думаю, что достаточно действительно уметь овладеть этими рычагами, чтобы для нас не было никакого сомнения в том, что и с новыми затруднениями мы несомненно справимся. Вопрос заключается только в том, будет ли в нашей партии достаточно твердой воли, достаточно единства и достаточно теоретической выдержанности и ясности взглядов для того, чтобы этой сложной механикой управлять.

Явления, которые мы замечаем в партии за последнее время, кажутся нам чрезвычайно благоприятными. После XIII съезда мы имеем два громаднейших благоприятных фактора: во-первых, единство партии, относительно которого накануне XIII съезда мы слышали пессимистические ноты, та партийная дисциплина, которая как будто перед XIII съездом начала давать трещины, эта партийная дисциплина и единство партии нигде после тринадцатого съезда, поскольку ЦК может видеть, не дают никаких трещин. Партия стала более единой, крепче организованной, дисциплинированной. Это еще не значит, что на тех или иных полюсах, тех или иных группах нет никаких пережитков старых настроений, или, может-быть, нарождения новых. Ясно, что эти явления, случайные, мелкие, общего направления партии не определят. Мы имеем после XIII съезда партию более слитную, единую, дисциплинированную, более понявшую свою ответственность, продумавшую целый ряд вопросов, мимо которых она раньше проходила.

Что касается второго фактора, то это Ленинский призыв. Партия проделала на нем громаднейшую работу. Мы будем продолжать дальше эту работу. Несомненно, что Ленинским призывом мы спасли партию от большого потрясения, что в нем мы имеем такой приводный ремень к беспартийным массам, который даст то, что больше всего страшно потерять — чуткость к рабочим настроениям. Это Ленинский призыв даст. А это сугубо важно для нашей партии, — подлинное изучение живой массовой жизни рабочего класса,— ибо трещина тут, между партией и классом, была бы гибельной.

И, наконец, третье, что нужно, на что партия сейчас обращает особенное внимание,—это то, без чего и прекрасная орга-

низация и великолепная дисциплина и даже связь с массой все-таки не дали бы нам подлинных, надлежащих сил,—это теоретическая продуманность нашей дороги, ясность взгляда на всю ситуацию, которая, повторяю, становится сложнее с каждым днем.

Когда мы были военным лагерем и надо было драться с Колчаком, Юденичем, задача была проще. Она по-военному разрешалась. Теперь, — когда у нас нэп, банки, тресты, синдикаты, когда мы разговариваем с англичанами, когда речь идет о займах, концессиях, когда в деревне идет расслоение,—обстановка много сложнее.

И пролетарскому отряду пройти по этой дороге, провести за собой беспартийные трудящиеся массы, не споткнувшись, можно лишь тогда, когда он будет вооружен орудием подлинного знания, подлинного ленинизма. Партия для этого делает все возможное. Но усиленного изучения ленинизма еще далеко недостаточно,—нужно его понимание, проникновенное понимание того, что это есть подлинная шпага в руках партии, без которой мы бессильны.

СВЕРДЛОВЦАМ.

РЕЧЬ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В СЕНТЯБРЕ 1924 Г.

Вы начинаете учебный год, но вы должны хорошо знать, что учеба ведется у нас, в советской стране, не только в стенах учебных заведений. За этими стенами идет другая учеба, гораздо более трудная, — та учеба, в которой рабочий класс учится управлять государством, та учеба, при помощи которой рабочий класс овладевает строительством нового социалистического хозяйства. Для этой учебы не написаны книги, для этой учебы нет программ иных, кроме той программы, которая диктуется самым ходом борьбы рабочего класса. Мне хочется в начале вашего учебного года сказать несколько слов не о вашем учебном плане, — о нем расскажут вам другие товарищи, — а о том плане учебы, который разворачивается перед всем рабочим классом, о тех задачах, которые стоят перед нами на ближайший период.

Я буду говорить, товарищи, не о том, что нами в области социалистического и коммунистического строительства достигнуто, не о тех достижениях Советской власти, диктатуры пролетариата, которые у всех перед глазами, которые теперь можно нащупать, так сказать, рукой. Я буду говорить о тех затруднениях, которые перед нами стоят, на преодоление которых нам вместе с вами и вам вместе с нами придется затратить больше всего труда в ближайшее время.

Справедлива мысль, которую выразил т. Лядов, сказав, что партия имеет право потребовать от вас не только изучения книг, но и умения связать заключенную в этих книгах мудрость, добытую рабочим классом в его многолетней борьбе, связать ее с той жизнью, которая перед нами будет развертываться. Повторяю, не о достижениях, а о затруднениях буду я говорить.

Наше развитие противоречиво. Окруженные капиталистическим миром, мы далеко еще не можем похвастаться тем, что планомерно, по заранее выработанному плану, разворачиваем нашу жизнь. Наши задачи, задачи диктатуры пролетариата, определяются результатом столкновения сил, столкновения прежде всего с внешним капиталистическим окружением и с теми сопротивлениями, которые идут от мелко-буржуазной стихии нашей страны.

Мы можем похвастать большими достижениями в области международной политики. Вы знаете о подписании англо-советского договора. Мы не можем преуменьшать значения того, что, наконец-то, одна из самых могущественных и богатых капиталистических держав, которая является мировой державой, потому что нет такой части света и такой страны, куда бы не простиралось ее влияние, где бы она не имела своих колоний, своих рабов, куда бы не простиралась сила ее денежного мешка, — что эта страна после 6-летнего сопротивления, после нескольких лет стремления сковырнуть нашу власть принуждена была подписать с нами договор. То, что эта страна, после неудачной попытки заставить Рабоче-Крестьянский Союз расплатиться с капиталистами-иностранцами за старые долги, принуждена теперь признать, что какие бы то ни было платежи с нашей стороны могут быть только частью платежа за новый заем, который эта страна нам даст, и то, что только в том случае может она претендовать на какие бы то ни было платежи с нашей стороны, если она со своей стороны даст нам на строительство социализма, на строительство хозяйства, принципиально противоположного хозяйству, которое она защищает, — это есть величайшее наше завоевание.

Конечно, в те годы, когда они шли против нас со штыками и винтовками, когда они мечтали окружить нас санитарным кордоном, они назвали бы глупцом всякого, кто сказал бы им, что настанет момент, когда они с рабоче-крестьянской властью, властью бунтовщиков, заключат договор, и признают в этом договоре, что английское правительство гарантирует нам заем, что никаких платежей, кроме платежей, связанных с этим новым займом, мы производить не будем и не обязаны. Этот договор есть вырванное, на основе нашей внутренней консолидации и наших внутренних успехов, признание буржуазией основных завоеваний нашей революции. После Рапалльского договора, это первый международный документ, подписанный одной из держав-победительниц в империалистской войне, которым октябрьские завоевания приняты и положены в основу международного акта.

Это, конечно, величайшее завоевание. Мы сегодня по газетам можем узнать, что после долгих размышлений господин Эррио равным образом счел возможным создать комиссию, смысл которой, по сообщениям буржуазных французских газет, заключается в том, чтобы самым быстрым порядком подготовить признание Советского Союза и со стороны Франции, буржуазии которой царское правительство и правительство Керенского задолжало больше всего, которая больше всех является охранителем буржуазного права на европейском континенте, которая была до последнего времени самым яростным врагом Советской власти.

Это все мы запишем в свой приход, но мы не будем закрывать глаз на то, что и эти признания, и эти наши победы сопровождаются ростом новых затруднений. Мы преодолели старые затруднения, мы сделали шаг вперед, мы стали на высшую ступень, потому что старая политика, политика Керзона и Пуанкаре, не выдержала испытания. Она должна была сломиться под напором пролетарских и даже мелкобуржуазных масс, которые не стерпели прямого насильнического империализма Керзона и Пуанкаре и на выборах ясно показали, что они желают только такого правительства, которое в свою программу вставит признание Советского Союза. Мы не забудем, что подпись Макдональда и подпись Эррио под будущим договором не есть их свободное волеизъявление, не есть результат того, что они убедились в неправильности старой политики, — это есть результат давления тех масс, которые скинули Пуанкаре и Керзона и без поддержки которых, без доверия которых держаться у власти ныне уже невозможно.

Но я говорю: мы были бы глупцами, если бы, забывши, что нас окружают со всех сторон враги, хотя бы на минуту допустили, что это признание не будет сопровождаться новыми для нас затруднениями.

Пройдемся по нашим границам, и вы увидите странное обстоятельство. Вы увидите, что почти одновременно с готовящимся признанием Франции, почти одновременно с подписанием англо-советского договора мы наблюдаем на наших границах такие явления, которые не могут быть объяснены иначе, как желанием поставить Союз в такое положение, когда агитация против нашего признания могла бы опираться на какие-нибудь новые факты. Внутреннюю механику мы знаем хорошо. Мы знаем, что признание Советского Союза, сделанное под давлением пролетарских масс, или, как выражаются белогвардейцы и буржуазия, из-под палки, что это признание затрагивает слишком крупные интересы мировой буржуазии, и мы не были бы революционерами, если бы допустили, что буржуазия не сделает всего, чтобы сорвать это соглашение, чтобы сорвать это признание, чтобы попытаться в последний момент не допустить тех договоров и соглашений, которые уже начерно подписаны.

Мы видим, как английская политика, — нам решительно все равно, с ведома ли Макдональда или без ведома: мы полагаем, что если он является правительством Англии, то на его счет должны быть отнесены все действия английских агентов, — мы видим, как английская политика на Востоке принимает явно агрессивный против нас характер. И в Афганистане, и в Персии, и в Турции она стремится поставить нас перед такими условиями, которые дали бы возможность говорить, что в нашем Союзе неспокойно, что границы Советского Союза еще не окончательно

укрепились, что на этих границах нам могут быть нанесены новые и новые удары.

В стране, где происходит процесс национально-освободительного движения, в Китае, мы видим прямую интервенцию, прямое вмешательство сил международной буржуазии с определенной целью остановить это движение, направленное против империалистов, которое во всем мире может ныне совершаться только под знаком дружественных отношений с нами, с Союзом советских республик. Точно так же, как национально-освободительное движение, движение прогрессивное для Европы XIX века, могло совершаться, только будучи вдохновляемо и становясь под знамя Великой французской революции, — так все освободительные движения восточных народов могут итти и идут под знаменем тех идей, единственным представителем которых является наш Социалистический Союз.

И мы видим, как английская и американская дипломатия именно в тот момент, когда наши отношения с Францией и Англией и другими буржуазными странами налаживаются, как они в этот момент направляют свои удары именно против тех восточных государств, — Китая, Афганистана, Персии, Турции, — которые питают симпатии к нашему Союзу, которые опираются в борьбе против западно-европейских империалистов на наши симпатии.

Не может быть и речи о том, что эти интриги империалистов, которые в Китае выражаются в посылке броненосцев и крейсеров, в Персии и в Афганистане — в восстаниях отсталых племен на границах Советского Союза, которые в Турции приводят к восстанию наемников англичан, — айсоров и курдов, — что эта политика не связана с общей политикой всей мировой буржуазии, которая пытается и внешние и внутренние затруднения Советского Союза использовать, чтобы сорвать те финансово-экономические отношения, до которых мы дошли в результате побед Красной армии, в результате нашей экономической и хозяйственной устойчивости, экономического и хозяйственного преуспеяния.

Для нас уже ясна картина грузинского восстания. Мы знаем, что оно шло не изнутри, что его корни не в недовольстве каких бы то ни было мало-мальски широких масс. Мы знаем, что это — обдуманное и сорганизованное за границей выступление, которое имело целью одну задачу. Те, которые инструктировали меньшевиков и национал-демократов, поднявших восстание в Грузии, не говорили им: вы должны добиться власти в Грузии. На это уже давно потеряна надежда. Они им говорили: вы должны создать затруднения для Советской власти в Грузии. Если вы там произведете большой шум, если буржуазная пресса закричит о том, что в Грузии не все спокойно, то у нас, аме-

рикапских и английских банкиров, будет достаточный аргумент, чтобы сорвать готовящееся признание. И вот, для того чтобы снабдить лишним аргументом против признания Советского Союза английских, французских и американских капиталистов, была пролита грузинскими меньшевиками и грузинскими дворянами, так называемой партией национал-демократов, кровь рабочих и крестьян Грузии. И за это, точно так же, как за интервенцию в Китае, за восстание курдов в Турции, мы не можем сложить ответственность с тех, которые хвалятся, что они принесли в Европу новую демократически-пацифистскую эру. Ведь этими словами руководитель II Интернационала Макдональд и мало чем отличающийся от него, не состоящий, правда, во II Интернационале, но правящий исключительно благодаря поддержке II Интернационала, Эррио, — этими словами эти люди пытаются окрестить свою политику.

Ясно, что в данный момент в Европе нельзя править просто палкой или мечом, как Керзон или Пуанкаре, нужно было завуалировать, затуманить, украсить, бумажными цветами этот меч. Тот пороховой погреб, который представляет собой Европа после Версальского мира и который она будет представлять до торжества пролетарской революции, — этот пороховой погреб нужно было как-нибудь прикрыть, ибо народы, которые во времена Керзона и Пуанкаре ежеминутно стояли перед опасностью новых войн и потрясений, не могли больше терпеть. Как всегда бывает в такие моменты, нужно было призвать специалистов по обману народных масс. Эти специалисты налицо, они показали свою природу в течение последних 10 лет, они имеют международную организацию и эти испытанные обманщики, эти последние защитники буржуазного строя, эти люди, специально призванные к тому, чтобы прикрыть буржуазную гнусность цветами своего красноречия, — это есть II Интернационал. II Интернационал есть орган капиталистической диктатуры в Европе.

Буржуазия правит, маневрируя. Она знает очень хорошо эти маневры. Когда необходимо, она выставляет вперед бронированный кулак фашизма; когда необходимо — ласковую ручку II Интернационала. Но и то и другое, и правая и левая рука есть правая и левая рука буржуазии.

Мы прекрасно понимаем, что каждый шаг в деле нашего укрепления, каждый новый наш успех на международной арене должен сопровождаться и неизбежно сопровождается попыткой поставить нас перед новым затруднением. Одним из главных моментов международной обстановки является то соглашение, которого удалось достигнуть между английским, французским, американским и германским капиталистами на почве проекта Дауэса. Это — позорнейшая сделка, сделка, подлость которой совершенно соответствует подлости империалистической войны,

заключением которой она в данный момент является. Это есть сделка о превращении Германии в колонию. Это есть сделка международной буржуазии с тем, чтобы расходы войны оплатил германский рабочий класс.

Но эти расходы оплатит не только германский рабочий класс, а весь международный пролетариат, ибо план Дауэса это есть дьявольски задуманный проект наступления на европейские рабочие массы. Его осуществление повлечет за собой повсюду удлинение рабочего времени, массовую безработицу и ухудшение материального положения рабочего класса в мировом масштабе.

Если германская буржуазия пошла на эту сделку, которая фактически передает всю экономику, все хозяйство и все финансы Германии в руки группы иностранных капиталистов, то только потому, что германская буржуазия рассчитывает возложить все свои убытки на плечи германского рабочего класса. Это сделка, конечно, временная, она рассчитана на то, чтобы приглушить те противоречия, которые есть в послевоенной Европе, но на самом деле она их раздувает. Пороховой погреб, который представляет Европа, благодаря этой сделке не превращается в поле мирного соревнования на почве экономического преуспеяния. Напротив, противоречия обостряются, и конфликт становится еще более неизбежным. Но это временное соглашение групп буржуазии дает им временно возможность обратиться единым фронтом против нас. В то самое время, когда мы имеем ряд завоеваний в виде признания, договора и т. д., мы ясно должны видеть, что за покровом этих договоров строится новый единый фронт против нас, что международная буржуазия идет на самые крайние попытки, чтобы сорвать эти договоры, эти соглашения, и мы должны отдать себе отчет, что это делается и может делаться только потому, что международная буржуазия располагает в данный момент II Интернационалом и социал-демократическими партиями всех стран Европы, как своим орудием. Разве Макдональд мог бы править, если бы он не опирался на рабочую партию, входящую во II Интернационал и возглавляющую его? Разве Эррио не держится и не проводит все свои мероприятия только потому, что французская социалистическая партия идет вместе с буржуазией, которую представляет Эррио? Разве мы не знаем, что германский парламент держится на германской социал-демократии, систематически поддерживающей нынешнее правительство? Что было бы, если бы завтра та часть II Интернационала, которая заседает в английском, французском, германском парламентах, сказала бы: мы не поддерживаем буржуазные правительства, правительство английского короля, Эррио, Штреземана? Эти правительства не могли бы держаться ни одной минуты. Вся диктатура капитализма в Европе держится исключительно на силе и поддержке II Интернационала. И потому наша

борьба против II Интернационала не есть борьба теоретиков, не есть борьба из-за формул, за ту или другую резолюцию. Мы давно перешли этот период; это есть подлинная классовая борьба, и сколько бы нам ни говорили, что нам нужно примириться, какие бы формулы тут ни предлагали, нельзя найти такой формулы мира, ибо II Интернационал в лице своих вождей стал орудием капиталистической диктатуры.

Значит ли это, что мы должны спокойно глядеть на те рабочие массы, которые верят еще этим вождям? Конечно, нет, И если пред нами вырастают новые затруднения, на которые я хотел обратить ваше внимание, чтобы эти договоры не затмили революционной зоркости нашего взгляда; если я говорю об этих затруднениях, то я вижу и то противоядие и те средства, которые мы имеем против этих затруднений: это — средства и силы растущего революционного движения пролетариата.

Конечно, движение пролетариата в Европе далеко не идет с той быстротой, на которую мы хотели бы рассчитывать. История не дала нам такого счастья, чтобы армия европейского пролетариата подошла к нам на помощь именно в тот момент, когда бы нам этого хотелось. История показывает, с какой большой борьбой, преодолевая массу трудностей и препятствий, растет коммунистическое движение западно-европейского пролетариата. Но оно растет, а элементы подлинно коммунистические, действительно революционные растут в среде коммунистических партий Европы. Последние месяцы характерны тем, что параллельно с ростом активности международной буржуазии растет большевизация компартий Европы.

Вы, может-быть, удивитесь, как может итти речь о большевизации коммунистических партий. Когда вы ближе присмотритесь к истории коммунистического движения в Европе, присмотритесь, из каких элементов слагались в 1918 и 1919 гг. эти коммунистические партии, когда вы взглянете на состав вождей и спросите, откуда они пришли и что с собой принесли, то вы поймете, что это далеко не те партии, которые могли бы сравниться по революционному опыту с той партией, к которой мы с вами имеем счастье принадлежать.

Они образовались из тех элементов социал-демократии, которые не могли перенести слишком ярко бросавшейся в глаза подлости социал-демократии накануне и во время европейской войны, но они не были в подлинно-революционных боях, и в них много осталось старого социал-демократического багажа. И вот, мы наблюдаем теперь, как кристаллизация этих партий идет вперед. Всюду и везде революционные крылья коммунистических партий побеждают крылья оппортунистические.

В этом процессе сыграла роль и та дискуссия, о которой говорил наш председатель, и которая носила отнюдь не только

внутрироссийский характер, но которая приобрела международное значение.

Прежде всего то, что происходит в нашей партии, имеет международное значение. Мы с вами единственная пролетарская республика, в нашем лице весь пролетариат делает первый опыт установления классовой диктатуры, и поэтому не только каждый наш успех, но и каждое наше затруднение, каждое наше колебание есть затруднение и колебание, боль и радость всего мирового рабочего движения. Вот почему, когда мы с вами в лихорадке, как правильно сказал т. Лядов, обсуждали вопрос о руководстве партией, о линии нашей партии, о том, чтобы укрепить ее, мы бились не только над нашим узко-местным вопросом, касающемся РКП. Мы бились над проблемами, которые ставятся перед каждой коммунистической партией, и коммунистические партии приняли эти вопросы как свои. Эта дискуссия, перенесенная на мировую арену, заставила коммунистические партии оглянуться на себя. И что замечательно, — элементы подлинно-оппортунистические, как бы для того, чтобы подтвердить в мировом масштабе правильность той оценки, которую мы дали этой дискуссии, все эти группы стали на сторону нашей оппозиции во всех партиях, — в германской, французской, польской, итальянской и т. д.

Элементы подлинно-революционные, те, которые подлинно связаны с пролетарскими революционными массами, которые будут строить коммунистическую революцию и будут строить диктатуру пролетариата, — они все оказались на той стороне, которую защищал в нашей дискуссии Ц.К. нашей партии. Этот процесс был процессом оздоровительным. Мы с вами, те из нас, кто прожили в нашей партии хотя бы один десяток лет, пережили немало расколов, немало дискуссий, поэтому для нас это было очень болезненно, но знакомо. Для западно-европейских коммунистических партий, не прошедших этой школы, это была та первая встряска, которая заставила их обратить внимание на то, что такое большевизм, как его нужно понимать.

Те товарищи, которые изучали Ленина, которые будут его изучать, найдут у Ленина подлинное и единственно правильное разъяснение смысла той внутренней борьбы, которая часто идет в рядах рабочего класса. Объяснение это одно: рабочий класс выковывает свою идеологию, создает свое боевое оружие и не может его создавать иначе, как в борьбе с той тучей мелкобуржуазных влияний, которые окружают его со всех сторон. Рабочий класс живет в капиталистическом окружении. Своими корнями он увязает в мелкобуржуазных элементах. Переходы от крестьянства к пролетариату зыбки. Чем держатся эти связи? Теми орудиями угнетения, которыми держится весь капиталистический мир: школой, прессой и т. д. Эти орудия не могут

не влиять на рабочий класс, и процесс очищения идеологии рабочего класса от мелкобуржуазных шлаков должен, поэтому, совершаться постоянно. Мы постоянно вынуждены пересматривать свое оружие, потому что буржуазия имеет специальные органы, задача которых состоит в том, чтобы мелкобуржуазной ржавчиной заразить рабочий класс.

Поэтому, когда нам говорят: ах, расколы, ах, дискуссии, как все это плохо, — мы говорим: да, плохо, но иного пути, как пути пересмотра своего оружия, его отшлифовки, идейной борьбы со всякой попыткой покрыть это оружие мелкобуржуазной ржавчиной, иного пути борьбы у рабочего класса нет. И всякий раз, когда вам придется сталкиваться с расколами, исключениями, столкновениями групп, не поддавайтесь унынию: иного пути борьбы с мелкобуржуазными уклонами у пролетариата нет; у него нет теории, которую он мог бы взять иначе, как из жизни, а в жизни мелкобуржуазная мысль сознательно притупляет его оружие. Вот этот процесс отшлифовки пролетарского оружия совершается в Европе, и он свидетельствует о росте революционных настроений в низах.

Констатируя громаднейшие завоевания в области нашего международного положения и вместе с тем новые затруднения, которые из этих же завоеваний вырастают, мы должны сделать следующие выводы: во-первых, не обольщаться успехами; помнить, что мы были и остаемся в сознании всего капиталистического мира непримиримыми врагами. Никакие договоры, никакие соглашения между его великобританским величеством, королем Соединенных королевств Англии, Шотландии и Северной Ирландии (так начинается англо-советский договор), и тт. Томским и Раковским не должны закрывать нам глаза на то, что тут договор о временном перемирии между двумя абсолютно противоположными системами, что этот временный договор имеет под собой подкладку, в которой буржуазия спрятала против нас кинжал.

С другой стороны, мы должны ясно дать себе отчет, что эти договоры могут держаться лишь постольку, поскольку за ними стоят подлинные массы революционно настроенного пролетариата Европы. Я говорил уже, что договор с Англией был подписан из-под палки; договор с Францией, если он будет заключен, будет подписан также из-под палки. И тот, кто держит эту палку, это отнюдь не вожди II Интернационала, а подлинные рабочие массы, даже те, которые идут еще в известной части за вождями II Интернационала. Поэтому завоевание рабочих масс, которые до сих пор еще находятся под влиянием Лондонского и Амстердамского Интернационала, является нашей первой задачей.

Да, мы боремся с этими организациями. Мы критикуем их вождей. Мы хотим дружбы и союза с подлинными рабочими массами, и поэтому мы приветствуем всякого представителя рабочих,

который понял уже, что дорога подлинной рабочей солидарности, дорога к подлинному осуществлению рабочего дела идет не по тому пути, по которому ведут рабочих Макдональды, не по пути коалиции рабочего класса с буржуазией, а по той линии, которую указывает Москва. Мы не можем жертвовать своей инициативой, и никто не может требовать от нас этого, ибо мы считаем, что мы поняли то, чего другие еще не поняли в деле борьбы рабочего класса, и нельзя от нас требовать, чтобы мы отказались от того, что мы поняли. Но мы готовы итти на всякие соглашения с подлинными рабочими массами, которые дадут возможность вступить с ними в прямой контакт на почве интересов рабочего класса.

Эти рабочие массы в их борьбе против капитализма должны итти одной дорогой с нами. Они могут победить капитализм, победить войну только под одним знаменем, под знаменем беспрестанной и решительной борьбы против диктатуры капитала. На этом мы можем сойтись, а если мы сойдемся на этом с подлинными рабочими массами Европы, объединенными в профсоюзы, то и наше дело и дело этих рабочих бесповоротно выиграно.

Итак, товарищи, я не скрыл перед вами затруднений, которые пред нами стоят, не скрыл последних конвульсий, при помощи которых буржуазия пытается сорвать наши успехи, чтобы вы помнили, что мы принципиальные противники капиталистического строя и не можем ждать от капиталистов пощады, что грузинская авантюра может быть навязана нам еще и еще раз. Но вместе с тем я показал вам залог того, что эти затруднения будут преодолены.

Я еще хотел бы сказать несколько слов о нашем внутреннем положении. И здесь у нас есть большие успехи и завоевания, но и большие трудности, и я буду говорить об этих трудностях.

Несомненно, мы увеличили нашу посевную площадь, и это дало нам возможность гораздо легче перенести частичный неурожай. Несомненно, мы достигли больших успехов и в области промышленности. Почти во всех отраслях нашей промышленности мы превзошли нашу производственную программу. Если к нам приходят хозяйственники и говорят: мы выполнили производственную программу на 100%, мы говорим: а уголь на 115%, а нефть на 120% и т. д., и те, кто выполнил только на 100% задания, чувствуют себя несколько неловко. Это, несомненно, крупное достижение.

Денежная реформа не только провозглашена и декретирована нами. Мы с вами продекретировали много таких вещей, которые далеко еще не проведены в жизнь. Вспомним хотя бы о народном просвещении. Так вот, денежную реформу мы не только

декретировали, но провели и удержали и, можно сказать с твердостью, удержим, несмотря на затруднения, связанные с недородом. Это громаднейшее завоевание.

Наконец, мы имеем в этом году активный баланс. В продолжение нескольких лет оторванности от иностранных рынков мы не могли работать над вывозом. Только последние два года мы начали вывозить, и, казалось бы, естественно было бы, если бы мы в первые годы не столько вывозили и продавали, сколько покупали. Но мы знали, что это было бы гибельно для нас, мы знали, что активный баланс необходим для удержания нашей твердой валюты, и мы добились активного баланса.

Наконец, мы, несомненно, улучшили материальное положение рабочих и крестьян.

Это — наши достижения, но на ряду с ними и на почве их встают новые затруднения. Да, у нас хлеба в этом году не меньше, чем было в прошлом году, но цены на хлеб вскочили почти на 100% по сравнению с прошлым годом, и наша страна поставлена перед угрозой того, что высокие цены на хлеб создадут повышение цен всех товаров, что это повышение приведет к увеличению всех расходов государства и, в первую очередь, платежей государства по заработной плате, что эти расходы будут нам не по силам и что мы будем поставлены перед необходимостью нарушить твердую валюту и перейти к печатанию бумажек. Эти высокие цены на хлеб являются как бы следствием тех успехов, которые мы достигли. Положение противоречивое.

Я говорил о достижениях в области промышленности, но и они имеют обратную сторону. Когда в Донбассе, вместо 457 млн добыто 515 млн пуд., то перед нами ставится вопрос, куда же нам девать излишки. Мы давно уже пережили те годы, когда вся наша беда была в недостатке топлива и когда улицы наших городов были украшены плакатами: «Все на топливо!» Теперь мы страдаем от избытка топлива.

В чем же дело? Разве мы добыли больше, чем до войны? Нет, добыча наша меньше довоенной, но неравномерность развития отдельных отраслей нашей промышленности делает то, что уголь и нефть, которые первые зашли вперед, не находят рынка для своего сбыта, ибо металлургия страшно отстала. Отсутствие планомерности в ходе развития нашего хозяйства есть несомненное затруднение, которое перед нами стоит.

Далее, на почве общего подъема крестьянского хозяйства растет и будет расти процесс расслоения среди крестьянства, этот процесс еще осложняется теперешним неурожаем и высокими ценами на хлеб. Мы получаем теперь такую картину: богатое крыло в деревне богатеет во много раз скорее, чем подтягиваются беднядкие слои деревни. Даже больше того, беднядкие слои деревни на почве этого расслоения легко становятся в такое

положение, что попадают в кабалу, правда, не на почве владения землей, но на почве владения скотом и инвентарем. В известной мере кабальные отношения и процесс расслоения деревни являются в данных условиях спутником подъема крестьянского хозяйства.

В прошлом году вся партия билась над вопросом о кризисе сбыта, и теперь, когда мы оглядываемся на события прошлого года, для нас нет никакого сомнения, что партийная дискуссия была косвенным и далеким отражением той экономической невязки, которая была в стране. То потрясение в ее экономической жизни, которое сказалось в кризисе сбыта, которое выражалось в несогласованности и несвязанности промышленного производства и потребительной способности сельского хозяйства, и было материальной экономической основой, на которой разыгрались дискуссионные фиоритуры.

Но теперь мы имеем противоположное явление. В прошлом году был кризис сбыта; крестьяне не покупали товаров, владельцы товаров не платили фабрикам, фабрики должны были закрываться. Пред нами была картина сокращения промышленности. Сейчас мы имеем гораздо большее количество продукции, чем осенью прошлого года, и в то же время недостаток товаров для удовлетворения потребностей сельского хозяйства. Если мы примем, что общее количество запасов промышленных продуктов немногим меньше прошлогоднего, а цены на хлеб, если даже не на 100% то уже, наверное, на 40—50% выше прошлогодних, то покупательная способность рынка будет, несомненно, процентов на 20—30 больше, чем в прошлом году. Таким образом, в промышленности нашей мы имеем картину отнюдь не сворачивания, сжатия, а, наоборот, картину разворачивания. Можно ожидать, что промышленность наша забудет те времена, когда мы ежедневно обсуждали, не закрывать ли нам тот или другой завод. Задача теперь будет состоять в том, чтобы давать как можно больше продуктов по минимальным ценам, чтобы создать живой оборот между крестьянским рынком и промышленностью, и тогда основная задача смычки между рабочим и крестьянином будет действительно достигнута.

Но и здесь нельзя закрывать глаза на то, кто является посредником между фабрикой, трестом и крестьянином. Позиция кооперации в деле смычки города и деревни далеко еще не завоевана. Разница между оптовыми и розничными ценами громадная. Если мы забыли уже и говорить о ножницах между сельскохозяйственными и промышленными продуктами, то должны обратить внимание на те ножницы, которые разворачиваются на ценах оптовых и розничных. Оптовую торговлю мы держим в своих руках, а розница не в наших руках, а в руках частных посредников, и вся разница между оптовыми и розничными це-

нами идет в очень большой доле в карман частного скупщика, частного посредника, которого еще кооперация не заместила. И здесь процесс роста, процесс нашего укрепления сопровождается болезненными явлениями. Чем больше мы производим продуктов, чем больше крестьянство получает возможность их приобретать, тем мы сильнее, но вместе с тем сильнее и частный капитал, его прибыль также становится больше. Здесь перед нами нерешенная еще задача, новые затруднения.

Все эти процессы, на которые я указал, все эти затруднения сводятся к одному: к тому, что улучшение материального положения, экономическое укрепление всего нашего хозяйства сопровождается ростом нового буржуазного элемента, ростом частного капитала, ростом его прибыли и ростом расслоения в деревне, а кое-где и попытками со стороны кулацких элементов крестьянства приобрести и политическое влияние.

Таким образом, происходит противоречивый процесс борьбы между элементами социалистического строительства и элементами новой буржуазии, кулачества, посредников и т. д.

Наша задача состоит в том, чтобы мы это явление поняли, ввели его в определенные рамки, сумели регулировать эту громаднейшую и сложную область. Все это еще раз заставляет пересмотреть то оружие, которое мы имеем в своих руках, те рычаги, при помощи которых мы можем регулировать этот процесс. Рычагов у нас вполне достаточно. Командные высоты, которые мы занимаем, вполне достаточны, чтобы весь процесс ввести в нужные нам рамки и направить по необходимому пути. В наших руках не только национализированная промышленность, где мы являемся полными хозяевами, где мы назначаем цены и строим производственные программы; в наших руках и монополия на хлебном рынке, ибо мы являемся главными заготовщиками хлеба и главными поставщиками на хлебном рынке. Не допустить, чтобы скупщики и кулаки богатели в качестве посредников — вот наша задача, и рычаг для этого опять-таки в наших руках.

В наших руках и рычаг внешней торговли. В наших руках финансы, потому что только нам принадлежат банки, только мы регулируем кредит, только мы можем направлять поток кредита на то или другое дело, на ту или другую область, определять размер кредита крестьянству и. т. д.

В наших руках все рычаги, регулирующие экономическую жизнь, и дело не в том, что этих рычагов мало, а в том, чтобы научиться ими управлять. Управляет этими рычагами Советская власть, те организации, которые создаются нами. Но тот, кто дает линию, — это наша партия, и основная проблема всех проблем, то, что решает вопрос о влиянии органов Советской власти, сводится к вопросу о том, насколько крепко держит партия

руку на этих рычагах, насколько ясна воля партии и насколько она умеет этими рычагами управлять.

Я начал свой доклад с того, что мы учимся. Мы учились с Ильичом, теперь мы учимся в гораздо более трудных условиях без Ильича. Эта учеба еще далеко не пройдена, и учиться нам предстоит очень и очень долго. Управлять такой машиной, правильно регулировать рычаги, во время открывать и закрывать шлюзы, направлять все элементы экономики, среди которых есть элементы и мелкобуржуазные, в которых диктатура пролетариата сочетается с мелкобуржуазным фундаментом крестьянского хозяйства, становится все труднее и труднее, потому что чем богаче становится наша страна, чем сложнее все отношения, тем острее взаимоотношения между отдельными группами. Управлять военным лагерем, в котором мы были в 1918 г., гораздо проще, чем управлять нынешней экономикой, где у нас и банки, и тресты, и синдикаты, и частный капитал, и налоги, и сложный бюджет, и рост кулачества т. д., и т. д. Партия может учиться этому только коллективно.

Благодаря тому, что в нашу партию рабочий класс послал 250 000 подлинных представителей рабочей массы, мы получили приводный ремень, громадный передаточный механизм к широкой беспартийной массе. Когда вместе с нашей партией и под ее руководством эти широкие толщи рабочего класса научатся разбираться в наших рычагах и дадут себе ясный отчет в механизме нашего управления, — никакие затруднения для нас не будут страшны.

Кроме доверия широких масс, кроме партийной дисциплины и единства, которые нам абсолютно необходимы, нам необходимо еще одно: ясный и твердый взгляд, умение разбираться в сложном переплете общественных явлений, иметь ясную картину того, как развиваются и растут эти отношения.

Это может дать только теория, только наука, наука социализма. Без этого мы будем делать много ошибок и, может-быть, сделаем ошибок больше, чем это допустимо. Коммунистам, как и всем людям, свойственно ошибаться, но коммунистам, когда они взяли власть, отпущена известная доля права на ошибки, ибо если мы начнем ошибаться чаще и больше, чем допустимо, то найдутся судьи, те самые крестьяне, которые оценивают нас по нашим делам, а не по резолюциям.

Если мы начнем рычагами плохо двигать, тут ошибемся, там ошибемся, то крестьяне, которые доверяют нам, потому что наша сила дала им землю, потому что наша организация охранила землю от всех белогвардейских покушений, потому что Советская власть дает возможность развития их хозяйства,—если мы будем слишком много ошибаться, то крестьяне скажут: а, ну-ка, попробую я кого-нибудь другого.

Предохранить нас от всех этих ошибок может только теория, которая может указать революционерам, коммунистам правильную дорогу. У нас есть для этого один великий учитель и одна наука. Имя этому учителю — Ленин, а науке — ленинизм. Без изучения ленинизма нам не победить, нам не найти дороги в тех сложных отношениях, в которых мы живем. Ленина нет. Мы должны заменить его углубленным изучением ленинизма. Вы счастливы в том отношении, что из всей партийной массы вас избрали, дали вам все, чтобы вы могли овладеть оружием ленинизма и научиться им пользоваться. Вся партия ждет вас обратно, чтобы вы стали на свои посты уже с отточенной шпагой ленинизма в руках. Я выражаю твердую уверенность Центрального Комитета, что вы своим пребыванием в этих стенах воспользуетесь для того, чтобы овладеть ленинизмом, чтобы взять из него всё то, что в нем есть, т. е. точный научный взгляд на общественные отношения и на те пути, которыми рабочий класс идет к победе, и что с этим оружием в руках мы действительно пойдем к победе. И все те затруднения, которые я перед вами изложил, будут преодолены единым порывом пролетарских масс, возглавляемых коммунистами, шествующими под знаменем ленинизма.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА.

РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ 30 СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

Вопрос о поднятии производительности труда стал теперь основным вопросом для всех рабочих организаций, для всего рабочего класса. Это естественно и совершенно необходимо.

Уже в опубликованных в нашей печати данных, в частности, в ряде статей и выступлений т. Дзержинского и в напечатанном недавно в газете «Правда» докладе т. Куйбышева, приведены те вопиющие факты из нашей действительности, которые обратили внимание и должны были приковать внимание всех сознательных рабочих к вопросу о производительности труда.

Я не буду здесь повторять вам всех тех подробностей, которые были напечатаны в газете, ибо каждый из вас должен ознакомиться с ними сам. Я попытаюсь поставить вопрос о производительности труда и о необходимости поднятия этой производительности в связи с основными задачами Советской власти, а, следовательно, с основными задачами и затруднениями, которые стоят перед рабочим классом в целом, в его хозяйстве и вообще в экономическом строительстве.

Мне кажется, что внимание рабочего класса и всех рабочих организаций к вопросу о том, как идут работы на наших фабриках и заводах, даются ли там все необходимые суммы труда, можем ли мы спокойно смотреть на то, как эта работа ведется, или, наоборот, должны забить здесь тревогу, — что все эти вопросы должны быть освещены со следующих точек зрения:

Во-первых, с точки зрения взаимоотношений Советской власти и, следовательно, рабочего класса с крестьянством.

Во-вторых, с точки зрения положения самого рабочего класса в настоящий момент.

В-третьих, с точки зрения нашего государственного хозяйства, тех расходов и тех доходов, которые имеет наша республика, и того, какие она производит затраты на управление государством, управление, которое ныне находится в руках самого рабочего класса.

В-четвертых, с точки зрения общих задач, ради которых была проведена Октябрьская революция, т. е. с точки зрения общих задач построения коммунистического общества.

Наконец, этот же вопрос нами должен быть рассмотрен и приведен в связь с нашим международным положением.

Если мы с этих пяти точек зрения посмотрим на состояние нашей промышленности, на состояние производительности труда, то, несомненно, весь этот вопрос встанет перед нами во весь рост, и мы коллективным разумом рабочего класса сумеем найти правильное разрешение этого вопроса.

Если, после того как рабочий класс отдаст себе отчет в этом вопросе, он придет к необходимости тех или других мероприятий или действий, то можно быть уверенным, что эти мероприятия и действия он действительно проведет в жизнь с той же революционной настойчивостью и революционной энергией, с которой революционный пролетариат нашего Союза преодолевал все громадные затруднения, которые стояли на его пути.

СОЮЗ С КРЕСТЬЯНСТВОМ И ГОСПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Прежде всего мы не должны забывать, что сила нашей республики, сила первого пролетарского государства в мире зиждется на союзе рабочих и крестьян.

Вы знаете, и это неоднократно повторялось, что всякая трещина взаимоотношений между рабочим классом и многомиллионным крестьянством грозит ослабить наше государство и, следовательно, ставит под удар все наше дело. Поэтому необходимо наблюдение со стороны сознательных рабочих за тем, чтобы этот союз между рабочими и крестьянами, чтобы доверие крестьян к рабочим, чтобы уверенность крестьян в том, что рабочие хозяйничают хорошо, чтобы эта уверенность, чтобы это доверие все время росли и не нарушались ничем.

Этот союз с крестьянством оценивается с практической точки зрения; крестьянство оценивает хозяйничанье рабочего класса с точки зрения своих интересов и своих практических потребностей. Мало того, чтобы наш союз был закреплен в резолюциях, мало того, чтобы этот союз был провозглашен на наших знаменах, надо, чтобы каждый крестьянин в своей будничной жизни, в своем хозяйстве чувствовал, что господство рабочего класса, диктатура пролетариата, переход фабрик, заводов, железных дорог, шахт, рудников в руки рабочего класса были для него полезны, что они ему дают то, чего он не мог получить при буржуазии.

В чем сейчас, в данный момент, осенью 1924 г., сказывается эта смычка между рабочими и крестьянами? Чего требуют от нас крестьяне? Вы знаете, что крестьянство требовало

от нас в 1917 г., чтобы мы встали во главе крестьянского восстания и руководили им для низвержения буржуазии и прекращения войны. Это мы сделали. Затем крестьянство требовало, чтобы мы встали во главе его борьбы за взятую крестьянством у помещиков землю и помогли ему своим руководством, своим участием отстоять эту землю против белых генералов и интервенции. Мы это сделали. В этом была та громадная сила, которая дала нам возможность сломить сопротивление всей мировой контр-революции.

Чего требует сейчас от нас крестьянство? Оно требует со стороны пролетариата такого руководства хозяйственной жизнью, которое обеспечило бы крестьянам удовлетворение его потребностей теми продуктами, которые вырабатывает город. Мы должны удовлетворить крестьянство таким потоком товаров, идущих из городов в деревню, которые, с одной стороны, были бы в достаточном количестве для крестьян, а с другой стороны, были бы ему доступны по цене.

Если бы оказалось, что мы с вами взяли промышленность, прогнали старых хозяев, наладили собственное управление промышленностью, поставили вместо старых фабрикантов свои ячейки, завкомы, приблизили к промышленности профсоюзы и в результате не смогли дать крестьянам достаточного количества необходимых ему продуктов и по той цене, которая ему доступна, крестьянство, — я здесь не пугаю вас, я повторяю лишь слова Владимира Ильича, которые все должны помнить,— крестьянство скажет: рабочие, может быть, очень хорошие люди и Советская власть, может быть, очень хорошая власть, но управлять государством они не умеют.

Больше всего нам надо оглядываться на этот вопрос, больше всего надо бояться возникновения в крестьянстве подобных настроений, подобной оценки руководства хозяйством со стороны рабочего класса. До тех пор, пока вся многомиллионная масса крестьянства — эти 80% нашего населения — доверяет рабочему классу в деле устроения хозяйства, до тех пор нам не опасны никакие ни внутренние, ни внешние враги. Но больше, чем какого-либо внешнего врага, больше, чем Пуанкаре, Керзона, Ллойд-Джорджа, нам нужно бояться, что крестьянство усомнится в том, что рабочий класс правильно ведет хозяйство и что хозяйствование рабочего класса в городах обеспечит все необходимые потребности деревни.

Может возникнуть такой вопрос: может быть, крестьянство находится в таком материальном положении, что оно наших товаров покупать не может, что оно требует от нас производства товаров по таким ценам, которые явно в убыток промышленности, что промышленность, для того чтобы удовлетворить крестьянство, должна просто разориться, проработать все запасы,

выкинуть их на рынок по дешевке и потом очутиться в таком положении, когда она не будет в состоянии ни возобновить запасы, ни амортизировать имущество, ни заплатить заработную плату, и осталось бы прийти к крестьянству и сказать: ну вот, мы вам все дешево отдали, и у нас больше ничего нет. Если бы вопрос стоял так, тогда выхода в деле построения социалистического хозяйства не было. На самом деле, так представлять вопрос могут только наши враги. Крестьянин сам хозяин, и он понимает, что промышленность требует известных затрат, что за продукцию должна быть заплачена определенная цена. Вопрос только в том: располагает ли крестьянский рынок теми средствами, которые необходимы для того, чтобы наша фабричная промышленность развивалась.

Вы знаете, что у нас был недород в этом году: ряд областей поражен неурожаем, и перед нами естественно встает вопрос: может быть, этот неурожай после того голода, который был в 1921 г., так сильно ударил по крестьянству, что оно вообще продукцию городской промышленности не может взять. А так как у нас заграничных рынков нет еще, возить наши товары за границу мы не собираемся и не можем, конкурировать на заграничных рынках нам не под силу и, с другой стороны, крестьянин так обеднел, что нашей продукции не купит, — тогда подобное положение означало бы, что перед нами яма, пропасть, куда мы свалимся, сломавши голову и себе и Советской власти. К счастью, дело обстоит не так. Мы знаем, что в этом году общая покупательная сила крестьянского рынка не только не уменьшилась по сравнению с прошлым годом, но даже увеличилась. Мы знаем, что, благодаря расширению посевов, благодаря тому, что неурожай в одних местностях компенсировался очень большим урожаем в других местностях, мы можем рассчитывать на то, что не только при данном уровне промышленности ее продукция будет поглощена крестьянским рынком, но что и расширение промышленности совершенно свободно и легко будет этим крестьянским рынком поглощено.

Я вам приведу некоторые данные, которые показывают, каким темпом развивается наша промышленность: идем ли назад, к свертыванию промышленности, или вперед, к ее разворачиванию. Вот передо мной данные, которые сгруппированы Госпланом,—государственной плановой комиссией, которая представляет правительству ежемесячно общий обзор всего нашего хозяйства, включая туда и положение крестьянства, и состояние нашей промышленности, и состояние нашего товарного оборота и т. д. Вот передо мной этот отчет: «Обзор народного хозяйства за август месяц». И в этом отчете, составленном на основании данных, которые собираются со всей страны, мы читаем: «Вся сумма валовой продукции по довоенным ценам в августе месяце

выразилась не меньше, чем в 124 млн руб., что по сравнению с августом месяцем прошлого года представляет собою прирост на 31%». Значит, с августа 1923 г. по август этого года мы увеличили общую сумму всей валовой продукции нашей промышленности на целую треть, на 31%; там, где в августе 1923 г. мы производили 100 единиц, мы теперь производим 131 единицу. Если же взять сравнение этого минувшего месяца и его продукции не с августом прошлого года, а со среднемесячной продукцией всего прошлого года, то мы увидим, что мы увеличили продукцию в августе этого года на 29%, т. е. опять-таки почти на $^1/_3$.

Проверим эти данные по другим показателям. Возьмем наши перевозки, то количество грузов, которое перевозится по нашим жел. дорогам. Ясное дело, чем больше продукция в стране, чем больше развивается наша промышленность, тем больше этих перевозок, — и вот мы имеем такие данные по перевозкам: суточный грузооборот, т. е. суточная погрузка товаров на жел. дорогах достигает за август месяц 14 000 вагонов в день, а по сравнению с августом 1923 г. больше на 22%. Значит, и работа наших жел. дорог по перевозке грузов увеличилась на $^1/_5$ по сравнению с августом 1923 г. Все это явно характеризует, что наша промышленность не только не стоит на месте, не только не идет назад, но в смысле валовой продукции развивается.

Если бы я хотел задержать ваше внимание на отдельных отраслях промышленности, я привел бы следующие данные на август месяц: напр., добыча угля увеличилась в этом августе по сравнению с прошлогодним августом на 31%, добыча нефти — на 24%, производство чугуна — на 133%, производство мартёна — на 56%, хлопчатобумажная пряжа — на 50% и общая сумма валовой продукции, как я уже вам сказал, — на 31%. Я вам приведу еще пример, чрезвычайно важный для характеристики нашего современного экономического положения. Вы помните, как недавно мы везде и всюду должны были указывать на то, что основой промышленности является топливо и что до тех пор, пока наше государство не разрешило вопроса о топливе, до тех пор не может быть вопроса о поднятии всей промышленности, потому что топливо есть хлеб для промышленности, без топлива никакого серьезного развития промышленности быть не может. Вы знаете, что рабочий класс действительно целиком навалился на этот вопрос, и вот какую картину в деле добычи угля в Донбассе мы имеем на этот год. Перед началом кончающегося сейчас хозяйственного операционного года, который, как вы знаете, считается с 1 октября прошлого года по 1 октября нынешнего года, вот перед началом этого 1923/1924 г. правительство обсуждало, сколько угля мы сможем выработать в этом году, и определило программу угольной разработки для Донугля в 412 млн пудов.

В середине года,—в январе приблизительно,—мы убедились, что эта программа маловата, что на самом деле развитие Донбасса идет таким путем, что мы можем перед ним поставить более широкую задачу. Правительство еще раз обсудило вопрос и сказало: 412 млн, которые должен выработать Донуголь в Донбассе, эта программа недостаточна. Мы даем вам как минимум 450 млн и как программу-максимум 500 млн пуд. Это было в январе. Теперь, сегодня, 30 сентября, год кончается. И, подводя итоги тому, что мы сделали за год, мы видим следующее. Оказалось, что мы выработали угля 540 млн пуд. в тех же предприятиях, для которых назначали год тому назад программу в 412 млн пуд., а в середине года 450 млн минимум и 500 максимум. Мы превзошли всю производственную программу, усилив добычу топлива и снабжения топливом промышленности таким образом, что для промышленности не может быть и речи о недостатке топлива. Она обеспечена топливом целиком. Запасы настолько велики, что даже в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств, даже катастрофа не отразилась бы на топливоснабжении нашей промышленности и не могла бы нарушить топливного баланса нашей страны. А мы знаем, что топливная промышленность чрезвычайно характерна, как показатель того, что вся промышленность развивается и идет вперед. Таким образом обстоит дело со всех сторон, откуда бы мы ни посмотрели: со стороны ли топлива, валовой продукции, грузооборота, товарооборота, — всюду мы приходим к одному выводу: наша промышленность несомненно развивается.

Но если, товарищи, вы зададите себе вопрос: что же, на этом мы можем успокоиться? действительно ли мы производим на фабриках и заводах все, что необходимо стране, и производим по тем ценам, которые доступны нашей стране? Вот на этот вопрос мы должны будем ответить категорически отрицательно. Процент увеличения достаточно велик. Но имеем ли мы удовлетворение сравнительно с тем, что производилось до войны? Нет, мы имеем лишь очень и очень незначительный процент того, что нужно стране, потому что хотя мы быстрым темпом восстанавливаемся, но нельзя забывать, что в 1918—1920 гг. мы упали так глубоко или, вернее, нас штыками так глубоко сбросили вниз господа империалисты и белые генералы, что, давая даже увеличение производства за год на 30%, мы очень глубоко сидим внизу по сравнению с тем уровнем, на котором застала война империалистические страны.

Возьмем пример с текстильной промышленностью. Мы дали большой толчок текстильной промышленности, так как текстиль основной товар, который идет в деревню и удовлетворение которым крестьянина является нашей первой обязанностью. Мы употребили все силы на то, чтобы не только переработать весь

хлопок, который производится у нас в стране, но столько же закупили за границей, в Америке. На наступающий год, который с завтрашнего дня начнется, мы составили программу текстильной промышленности такую: мы перерабатываем весь хлопок, который уродится в нашем Союзе, а его уродилось в этом году на 100% больше, чем в прошлом. Мы увеличиваем хлопковые посевы, и количество собираемого в Туркестане и на Кавказе хлопка теперь доходит до 5 с лишком млн пудов, в то время как в прошлом году мы имели здесь всего 2 — 2,5 млн пуд. Мы имеем в виду переработать весь этот хлопок и, кроме того, на 100 млн золотых руб. купить хлопка за границей, в Америке, чтобы доставить это сырье текстильным фабрикам и заготовить на них все необходимое количество товара, которое мы можем заготовить. Когда мы все это сделаем, то сколько же мы произведем текстильных товаров при такой загрузке наших фабрик? Мы будем иметь 50 — 55% довоенного количества. Продукция как будто очень велика, улучшение несомненное, на это нельзя закрывать глаза. Всякому врагу, который усомнится, что рабочий класс может хозяйничать и без капиталиста, мы скажем: вот Донуголь, нефть, текстильная промышленность, которые за 1 — 2 года сделали такие громадные шаги вперед.

Но можно ли на этом успокоиться? Ответ мы имеем вот какой. Наши текстильные фабрики дают всего 50% довоенного производства при населении приблизительно в том же количестве, при возможности крестьянства потреблять этот текстиль в гораздо большем количестве, чем он будет произведен. Вы помните, что в прошлом году мы собирались и обсуждали наше тяжелое положение в связи с тем, что наши товары не находили сбыта. Вы помните, как это объяснялось: стояли низкие цены на хлеб. Крестьянин отдавал хлеб за такую цену, которая не давала ему возможности приобрести наши товары, а наши товары стояли на такой высокой цене, что крестьянин был не в состоянии их покупать. И получалось такое положение: кое-какие товары мы приготовили, но они застряли у нас на складах в виду невозможности для крестьянина их купить. Мы дали тогда приказ трестам, фабрикам и заводам не гоняться за увеличением количества прибыли, а гоняться за сбытом, за снижением цен. Снижение цен производится, в нужной области будет производиться и дальше. Товары стали более доступны для крестьянина.

Чем мы страдаем сейчас, этой осенью? Мы страдаем противоположной бедой. Со всех сторон до нас доходят слухи о бестоварье, несмотря на то, что сработано гораздо больше, на 30% больше, чем в прошлом году. Несмотря на это мы, однако, остались без товара. Текстиль прямо-таки из-под станков берут в расчете на то, что крестьянский рынок растет.

Крестьянин продает в этом году хлеб много дороже, чем в прошлом году, во всяком случае процентов на 40 — 50 дороже. Крестьянин может покупать вследствие этого больше, чем в прошлом году, и если он получает за хлеб на 30—40—50% больше, то мы можем только этому радоваться, так как, получая за хлеб бо́льшую цену, крестьянин тем самым получает те деньги, которые он может затратить на покупку нашей городской продукции. Но мы оказываемся перед таким положением, когда нашей продукции не хватает, когда крестьянин не может приобрести наших товаров не только потому, что они недостаточно еще дешевы, но и потому, что их просто на рынке нет. Вот каково положение, вот откуда идет опасность этой осени. Если прошлой осенью опасность некоторой трещины между рабочим и крестьянином шла с той стороны, что крестьянин говорил: нам дают товар слишком дорогой, недоступный для нас по цене, то теперь крестьянин может сказать и говорит: да, несколько снизили цены на товар, но, во-первых, они все-таки высоки, а вовторых, товаров мало, товара не хватает и я не могу получить того, что мне нужно. Поэтому расширение того потока товаров, который идет из города в деревню, увеличение его количества и уменьшение цен на эти товары есть сейчас основная задача, которая решает вопрос о смычке.

Если этот поток текстиля, гвоздей, сапог, табаку, керосину, которые из города направляются в деревню, все будет больше расти и увеличиваться и, с другой стороны, если каждая единица этой продукции будет доступна крестьянину, то крестьянство скажет — рабочие хозяйничают хорошо и поставили производство таким образом, что удовлетворяют наши потребности по количеству и по цене — нам других руководителей, значит, не нужно. Ну, а если бы создалось такое положение в деревне, что товара мало и он дорогой, то естественно, что крестьянство стало бы задумываться, что чего-то не хватает у рабочего класса: или способностей, или достаточного навыка, или дисциплины, или уменья. Поэтому я и говорил — задача смычки рабочих и крестьян требует в данный момент решения вопроса: где те средства, при которых мы могли бы рассчитывать расширить и удешевить производство? Удешевить можно только тогда, когда мы его расширяем, когда все элементы производства (топливо, сырье, заработная плата и др.) входят в каждую единицу продукции в меньшей доле, а с другой стороны — расширять мы можем только в том случае, если мы продукт удешевим. Если мы выбрасываем свои товары по низкой цене, тогда то, что мы не доберем на цене, переберем на количестве предметов потребления. У нас сейчас в стране потребляется в месяц сахара на человека 1 зол. Сколько же еще может потреблять наша страна? Тут достаточное поле для развития этой промышленности, а для

того, чтобы это поле было заполнено целиком, нам необходимо дать сахар по дешевой цене, и тогда мы получим широкую массу потребителя.

Но вы люди деловые и знаете сами, что расширение производства и удешевление цен требует каких-то капиталов: надо где-то занять, взять, для того, чтобы промышленность могла обернуться. И мы спрашиваем: есть ли у нас такой источник, который дал бы возможность произвести эту необходимую операцию: — расширить и удешевить производство. Можно искать эти средства в трех направлениях; можно сказать себе так: «Мы опять-таки позаимствуем немножко средств у того же крестьянина, вложим эти средства в промышленность, дадим ей оборотные средства, она расширится и удешевит свое производство». Но это и значило бы лечить болезнь такими средствами, которые хуже самой болезни. Крестьянство, с которого мы берем сельхозналог и которое держит на своих плечах большую долю государственного бюджета, этого не может сделать. Сейчас в данный момент оно даст нам все, что мы требуем, но получить сейчас, на седьмой год революции, дополнительные средства у крестьянства на развитие промышленности мы не можем. Есть другой путь — где-нибудь взять их на стороне, т. е. у капиталистов. Значит, у заграничных капиталистов взять, но, как люди коммерческие, они посмотрят на то, в каком мы положении находимся. А узнать это не трудно — мы свободно критикуем свои недостатки, и мы уверены, что только свободной критикой научится рабочий класс, как управлять против буржуазии и вопреки буржуазии. Присматриваясь и радуясь нашим ошибкам, гг. капиталисты могут сказать: если у вас, господа пролетарии, такое положение, что вам не вывернуться, то мы, пожалуй, дадим, но... процентики-таки возьмем... Я думаю, у нас положение таково, что, именно в виду перспективы возможности займа, мы должны поставить себя в такое положение, чтобы иметь возможность сказать европейским капиталистам: если хотите дать, то давайте, не хотите — не надо. Следовательно, необходимые средства взять от крестьянства мы не можем, из-за границы из-за этих кабальных условий — тоже не можем.

Где же взять? Внутри самой промышленности. Здесь пролетариат должен доказать, что рабочий класс хозяйничать может и может проявлять это не только в словах и в административном управлении, но и в создании реальных продуктов, необходимых для всей страны.

Без увеличения промышленности и без расширения продукции мы нигде средств для действительной смычки с крестьянином не найдем.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И РАБОЧИЙ КЛАСС.

Вот первое обстоятельство, которое приводит нас к тому, что вопрос о производительности труда и является вопросом коренным. Но тут встает и другой вопрос: может быть, мы дошли до такого предела, когда повышение производительности труда недопустимо по отношению к самому рабочему классу? Может-быть, здесь есть неразрешимое противоречие между рабочим классом и крестьянством. Может-быть, можно сказать так: «Да, вы доказали, что для укрепления смычки рабочий класс должен за счет своей собственной энергии расширить и удешевить производство, но что будет с рабочим классом? Не ставим ли мы этим перед рабочим классом такую задачу, которая будет ему не по силам, которая будет его разрушать?» — вот этот вопрос надо рассмотреть.

Это и будет решение вопроса о производительности труда с точки зрения интересов уже не крестьянства и не смычки рабочего класса и крестьянства, а с точки зрения самого рабочего класса.

Каковы сейчас очередные непосредственные интересы рабочего класса? Я думаю, мы все сойдемся на том, что непосредственных интересов рабочего класса в целом сейчас можно наметить два: 1) вопрос о безработице, об ее сокращении и 2) вопрос заработной платы.

Ясное дело, что безработицу мы можем побороть только и исключительно расширением нашей промышленности, только и исключительно тем, что будем втягивать безработную массу в расширяющиеся кадры нашего промышленного пролетариата. В том обзоре, на который я вам указывал, есть данные о том, что за август месяц общая сумма рабочих поднялась на 4% сравнительно с прошлым месяцем, а по сравнению с августом месяцем прошлого года мы имеем в текущем году прирост на 21%. Это значительный прирост, а вместе с тем мы с вами знаем — безработица есть. Следовательно, расширение промышленности не достигло такого уровня, когда промышленность поглощала бы весь тот прирост безработных, который напирает на нас из деревень, а мы должны понять, что развитие нашего государства и всей нашей промышленности может происходить только за счет того, что деревня будет выдвигать новые и новые кадры рабочих. Нам нужно, — как руководящему классу, как классу, держащему в своих руках государственное управление, — увеличение социальной мощи рабочего класса, а это обозначает увеличение его состава, увеличение его количества, и с другой стороны, увеличение того материального базиса, на котором стоит рабочий класс. Это возможно, однако, только за счет расширения промышленности. Следовательно, в расширении промышленности, как средстве борьбы с безработицей, имеется полное

совпадение интересов крестьянства, предъявляющего повышенные требования на нашу продукцию, и, с другой стороны, наших собственных интересов, как класса.

Теперь обратимся к вопросу о заработной плате. Как здесь обстоит дело? Мы знаем, что в стране в продолжение уже долгого ряда месяцев идет постепенный рост заработной платы, однако, та заработная плата, которую мы имеем, мы знаем, еще далеко недостаточна. Мы знаем, что, для того чтобы заработная плата пришла к тому уровню, который, действительно, удовлетворил бы возрастающие материальные и культурные потребности рабочего класса, нам предстоят порядочный кусок времени и порядочная работа.

Нас сейчас должен интересовать вопрос, в каком соотношении стоит рост заработной платы с ростом производительности труда, и вот к этому я хочу привлечь ваше внимание. Вот передо мною официальные данные, полученные в результате подробного обследования, — данные, которым мы можем вполне доверять, — относительно соотношения между заработной платой и производительностью труда на крупнейших наших заводах.

Я должен, товарищи, предупредить, — это цифры горькие, но цифры, которые должен знать каждый рабочий, потому что он теперь хозяин и, не разбираясь в хозяйстве, он не будет в состоянии управлять и государством. Вот цифры, которые рисуют, как много перед нами стоит еще работы.

Вот Красное Сормово. Выпуск продукции на одного рабочего в месяц. Если принять, что на одного рабочего в месяц в 1913 г. до войны выпускалось 100 единиц, то окажется, что в январе и марте 1924 г. вместо 100 единиц на каждого рабочего приходилось выпуска 30 единиц, — 30% довоенной выработки из одного рабочего. Ну, а с заработной платой как обстоит дело? Если взять ее за 100 в 1913 г., то окажется, что заработная плата в январе — марте 1924 г. 62%. И вот, взгляните, какое же у нас хозяйство. Мы платим, как государство, т. е. сам рабочий класс себя оплачивает, 62% против 100 в 1913 г., а даем продукции за это на 30% против 100 сравнительно с 1913 г. Но, может быть, это — исключительный случай, может-быть, я нарочно выбрал Красное Сормово, там какие-нибудь специальные нехватки, которые привели к этому. Возьмем другой крупнейший наш завод — Брянский. Если произвести опять-таки тот же самый расчет, то окажется, что выработка на одного рабочего в 1924 г. сравнительно с 1913 г. 37%, заработная плата 63%. Может быть, и с Брянским что-нибудь неладное? Возьмем Кольчугинский трест. Заработная плата 97% довоенной, выработка на одного рабочего 35%. Это мы все брали провинцию. Может быть, дело обстоит крепче, пролетариат сознательнее, умеет лучше подсчитать, сколько он расходует и сколько получает

дохода в столице. Взглянем на Ленинград. Выработка по ленинградскому тресту крупного машиностроения 32%, заработная плата 62% довоенной. Возьмем, наконец, Экономайзер в Ленинграде. Заработная плата в процентах 150 по сравнению с 1913 г. Казалось бы, при этих условиях можно было бы дать довоенную выработку. Оказывается, — выработка 70%.

Общий итог: хороша ли заработная плата? Нет, она недостаточна, отстала от довоенной. Надо ли предвидеть, что придется итти к тому, чтобы поднимать ее до довоенного уровня? Надо! Ну, а хозяйничать, вести государство и хозяйство при таком положении, когда уровень заработной платы достигает 60—70%, а выработка на одного рабочего достигает 30%, можно? Тоже нельзя.

Но я хочу привести вам еще один пример. Передо мною статья т. Лобова, ленинградского рабочего, который стоит во главе ленинградской промышленности. Он произвел специальное обследование 15 ленинградских крупных предприятий с 25 тыс. рабочих, т. е. около 23% рабочих всей ленинградской промышленности. Вы знаете, что ленинградцы не любят своих выдавать и что вообще Лобов отнюдь не склонен хуже рисовать дело в Ленинграде, чем оно па самом деле есть. Он сказал точно и проверил. Какие же его цифры? Вот — Красный Путиловец. Выпуск в процентах от довоенного 59%, для круглоты 60. Заработная плата 63% без начислений, а с начислениями 81% от довоенной. Вот завод им. Радищева... Заработная плата с начислениями, значит, страхование, культурная потребность и т. д., равняется 143% довоенной. Без начислений, т. е. чистая заработная плата, получаемая на руки рабочими, равняется 99% довоенной, а выработка на одного человека равняется 73%. Это товарищи, в Ленинграде.

Тов. Лобов, рассматривая и анализируя эти цифры, задается, между прочим, вопросом, какая стоимость на продукцию ложится от существующих начислений на заработную плату. Я выбираю вам самые разительные факты, чтобы вам стало сразу очевидно, в чем дело, и вот я читаю в его статье: «в довоенное время заработная плата входила в стоимость постройки паровоза серии Е в 19%. Начисления всякие, которые тогда производились, они исчисляются в 0,7% от стоимости паровоза, а в 1923/1924 г. одни начисления на заработную плату составляют 5% от стоимости паровоза». Мы, как хозяева, должны поставить себе вопрос; можно ли так хозяйничать дальше, если только одни начисления на заработную плату представляют 5% от стоимости паровоза. Ясное дело, что тут что-то неладное.

Каким же образом выйти из этого положения, можем ли мы увеличить при таких условиях заработную плату? Конечно, нет. Всякий, кто посмотрит эти цифры, скажет: дальнейшее увеличение

заработной платы при этих условиях означает разорение пролетариата как господствующего класса, разорение нашей промышленности, на которой стоит пролетариат и держится все наше государство. А результатом этого должно явиться моральное и материальное разложение промышленности, разложение пролетариата, и тогда «приди и бери нас, кто хочет». Вот, товарищи, тот итог, который нужно было подвести, если бы партия, профсоюзы и все мы вместе не обратили бы на это внимания.

Я сказал на одном собрании здесь, в Москве, что такое соотношение, когда, оплачивая труд в 60—70% довоенной зарплаты, промышленность дает нам только 30% довоенной выработки одного человека, что при таком хозяйничании обязательно вылетишь в трубу.

Значит ли это, что мы должны отказаться от мысли об увеличении заработной платы, что мы должны сказать рабочим, что дальше увеличить заработную плату мы не можем. Нет, товарищи, но мы должны указать рабочим перспективу, которая заключается в том, что фонд для увеличения заработной платы может быть создан только в самой промышленности и что, для того *чтобы увеличилась заработная плата рабочего, надо добиться того, чтобы доля заработной платы на единицу продукции понизилась.*

Только таким путем может быть накоплен фонд для увеличения заработной платы, ибо если дело останется так, как оно стоит сейчас, — никакие заклинания не подействуют, и мы не удержимся даже на том уровне заработной платы, которая есть. Дело в том, что если мы в промышленности не накапливаем, а, наоборот, выплачиваем больше, чем накапливаем, то можно жить остатками, старыми запасами, кредитными операциями, но в конце концов из ничего ничего не будет, и в итоге мы должны будем сказать, что заработную плату платить не из чего.

Дело идет не о том, чтобы выступить перед рабочим классом и сказать, что заработная плата ни в коем случае не повысится. Нет, но мы должны сказать, что *при этом уровне производительности* труда на это рассчитывать нельзя, и что возможно реальное снижение уровня, если дело останется так. Но весь рабочий класс заинтересован в том, чтобы заработная плата росла, и мы все заинтересованы в этом, и поэтому мы должны сказать определенно: «Рост заработной платы возможен только за счет укрепления нашей промышленности, расширения ее продукции, повышения производительности труда».

Мы знаем, что производительность труда зависит далеко не только от живой силы человека, а зависит также от оборудования, от инструментария, и, наконец, от самой организации производства. Хорошо ли дело обстоит здесь? Отвратительно. И в смысле оборудования и в смысле его изношенности.

Но восстановление станков, зданий, улучшение самого производства, — на это также нужны капиталы. Где их взять? Рабочий класс должен отдать себе отчет, что необходимо создание капитала в самой промышленности, при помощи которого можно обновить станки, улучшить производство и рационализировать его. Говорят об электрификации. Да, электрификация есть лучший способ рационализировать наше хозяйство, но чтобы электрифицировать, нам также надо найти деньги. Дело не только в повышении производительности труда, живой силы рабочего класса, а дело и в том, что надо реорганизовать, переоборудовать нашу промышленность. Вот в чем выход, и задача наша заключается в том, чтобы это переоборудование произвести, но для того чтобы его произвести, необходимо накопить капитал, а он не может быть накоплен, если будет то соотношение между ростом заработной платы и ростом производительности труда, которое я только-что вам охарактеризовал.

Надо перевернуть дело. Мы многое переворачивали. Мы перевернули громадное государство, которое занимает $^1/_6$ часть земного шара. Вот и это дело надо перевернуть так, чтобы рост производительности труда шел впереди роста заработной платы. Тогда за счет этого роста мы получим возможность вести политику повышения заработной платы и создания того фонда, из которого это повышение будет производиться.

Обратное было, до известного предела, законно в 1919—1922 гг., когда надо было дать очень сильный толчок заработной плате, потому что надо было восстановить людей, надо было дать людям поесть после тех голодовок и холодов, которые они пережили: рост заработной платы был тогда естественен, неизбежен и совершенно необходим. Но когда у нас дальше начались ножницы, это обозначало, что мы начинаем вести хозяйство так, что оно убыточно и для самого рабочего класса и для всего крестьянства.

Вот почему, несмотря на то, что все мы сознаем и признаем необходимость улучшения самой организации промышленности, что на этом пути многое и многое может и должно быть достигнуто, мы должны основное внимание обратить на живую рабочую силу.

Есть в нашей среде такие товарищи, которые недостаточно разобрались, которые не понимают, что рабочему классу надо сказать правду, что рабочий класс достаточно вырос и достаточно великие дела совершил, чтобы не поить его тепленькой водицей, и не кормить манной кашкой, а чтобы сказать ему правду; на эту правду он до сих пор откликался и теперь откликнется.

Когда я читаю брошюру т. Ревзина «Производительность труда и заработная плата» в 37 страниц, написанную популярным языком, предназначенную как будто для распространения среди

рабочих, и в этой брошюре нахожу такую постановку вопроса: «Надо, говорит он, — выяснить, в чем лежит разрешение проблемы поднятия производительности труда: исключительно в плоскости личного увеличения интенсивности труда рабочего или в плоскости организационно-хозяйственных и технически-производственных мероприятий», — я говорю: вот ложная постановка вопроса, которая способна привести нас к полнейшему банкротству. Так нельзя ставить вопрос: в чем лежит разрешение вопроса — в техническом ли улучшении наших фабрик, заводов и мастерских *или* в увеличении интенсивности труда рабочих. Тот, кто сказал «или», сам загородил себе дорогу к правильному разрешению вопроса. Ответ состоит в следующем: и в том, и в другом. Мы не можем технически улучшить оборудование наших фабрик, заводов и мастерских при такой низкой производительности труда, которая сейчас существует, и тот, кто хочет отвести от этого внимание, тот хочет плохую услугу оказать рабочему классу. Товарищ Ревзин отвечает так: «Общее решающее увеличение производительности труда возможно исключительно в результате целого ряда организационно-хозяйственных и технически-производственных мероприятий». Вот я и говорю: «Услуга вам при нужде дорога, — да за нее не всяк умеет взяться».

Если с таким принципом обратиться к рабочему классу, не обращая внимания на те цифры, которые я приводил, не обращая внимания на соотношение между производительностью труда и заработной платой, если сказать, что спасение заключается исключительно в организационно-хозяйственных и технически-производственных мероприятиях, т. е. в том, чтобы купить новые машины, построить новые корпуса, произвести электрификацию, если сказать, что в этом заключается спасение, это значит вести рабочий класс в трясину. Такой совет надо отвергнуть, а искать решения вопроса там, где оно может быть найдено. Если заработная плата достигла 60% довоенной, а выработка — 30%, то у нас есть еще место для усилий, которые лежат в наших собственных руках, для которых нам не требуется новый капитал английского короля, которого он нам не дал еще и вряд ли нам даст на таких условиях, какие мы хотим, и не требуется нового нажима пресса на крестьян, которые из-за этого нажима пресса могут заворчать против рабочего класса.

В специальном докладе т. Дзержинского, представленном правительству, я нахожу такие потрясающие цифры о Главметалле. Вся выработка крупнейших наших металлических заводов (Гомзы, Ленинмаш, Южмаш, Цугаз, Мальцевский округ, Мосмаш, завод Ильича, завод Владимира Ильича... и т. д.) за 1923/1924 г. исчисляется в 65 млн руб. В следующем году мы повышаем и повышаем очень сильно. Мы хотим, чтобы на этих заводах было выработано не на 65 млн руб., а на 96 млн руб. продукции.

А сколько было выработано на этих заводах в 1913 г.? 173 млн. Значит, в три раза больше, чем в 1923/1924 г. А сколько было рабочих в 1913 г.? 89 тыс. А в этом году — 80 тыс. Вы вот подсчитайте: производство в 1913 г. — 173 млн при 89 тыс. рабочих; мы сохранили почти то же количество рабочих, вместо 89 тыс. — 80 тыс., и производим вместо 173 млн — 65 млн.

Приведу другие данные, специально мною затребованные от ВСНХ.

Государственный завод имени «Карла Маркса» (механический) Ленинградский Машинотрест.

Число рабочих в 1913 г. — 778 чел.
» » » 1924 » — 765 »

Процент общего выпуска продукции к 1913 г. — 29,2
» на одного рабочего в месяц . . . . . — 10,0
» зарплаты за месяц . . . . — 52,2

Доля зарплаты в стоимости продукции:

в 1913 г. — 35,5%
» 1924 » — 68,9%, т. е. составит
174% довоенного.

По государственному меднообрабатывающему заводу в Кольчугине доля зарплаты в стоимости продукции составляет 275,6% от 1913 г.

По Ленинградскому металлическому заводу крупного машиностроения доля зарплаты к 1913 г. составляет 208,5%

При таких условиях, я думаю, есть достаточное место для того, чтобы улучшением организации, трудовой дисциплины, использованием рабочего дня, более рациональной организацией производства, более рациональной оплатой в виде сдельщины, перераспределением между основными рабочими и сдельными рабочими добиться того, чтобы этой дыры не было, независимо от того, сможем ли мы купить за границей новое оборудование и дадут ли нам англичане деньги, чтобы вложить их в промышленность.

Вот маленькие отрывки из обследования, произведенного при помощи хронометража на Московском машиностроительном заводе. Они дают следующую картину: «рабочий день на предприятии: 52% основной работы, 22,9% вспомогательной работы и 24% простоя: рабочий день представляет собой бессистемную смесь работы основной, работы вспомогательной и простоя; трудовой режим отсутствует совершенно; квалифицированный рабочий из 8 часов своего рабочего дня только 25% затрачивает на непосредственно производительную работу, остальное падает на простой и на вспомогательную работу, которая

с неменьшим успехом может быть выполнена рабочим самой низшей квалификации». [1]

Вот когда нам дают по специальному обследованию такую картину организации работы на крупных наших машиностроительных заводах, мы говорим: тут дело поправимо еще силами самого рабочего класса, независимо от английского капитала и новых тяжестей для крестьянства; здесь есть место для сознания рабочего, воли рабочего, героизма рабочего, которые необходимы для того, чтобы восстановить нашу промышленность. Мы этого места еще не тронули, мы были заняты тысячью других вещей, и они были не менее важны, чем это, но теперь мы подошли к этому пункту — к вопросу об уплотнении рабочего дня, к вопросу о том, чтобы создать правильное распределение работы между вспомогательными и производственными рабочими, о том, чтобы не создавать простоя в работе, о том, чтобы действительно рабочее время было использовано для производительного труда, о том, чтобы заинтересовать рабочих повышением производительности труда при помощи известной системы оплаты, о том, чтобы создать пролетарскую трудовую дисциплину. Сейчас мы подошли к моменту, когда все эти вопросы становятся коренными для всего хода строительства нашей Советской республики.

Вот еще доказательства: возьмите наш бюджет. Это дело немаловажно, это бюджет первого пролетарского государства. Мы правим от имени рабочего государства и опираемся на рабочий класс, и мы должны дать отчет рабочему государству: сколько мы расходуем и откуда мы берем на эти расходы.

Рабочий класс сам должен проанализировать все это. Вот мы составили на днях бюджет на ближайшие 3 месяца. Плохо это, конечно, потому что хозяйство такое, которое у нас в руках, требует, чтобы у нас был бюджет по крайней мере на год вперед. Но мы до этого еще не дошли. Мы начали с того, что составляли бюджет на 1 месяц, а то: две недели проживем, а на третью пересматриваем бюджет, потому что он срывается. Но теперь мы выросли, мы можем иметь твердый бюджет, и мы можем смотреть вперед. Мы перешли к 3-месячному расписанию. В настоящее время мы составили бюджет на октябрь, ноябрь и декабрь 1924 г. Нам надо израсходовать за этот период 600 млн зол. руб. и, следовательно, получить дохода тоже 600 млн зол. руб. Что же, эти 600 млн, которые мы израсходуем, удовлетворяют все потребности, которые есть у страны? Вы великолепно знаете, что нет, далеко не удовлетворяют. Если бы мы попытались удовлетворить в эти 3 месяца все требования, которые предъявлены нам на школы, на больницы, на улучшение дорог, на субсидии промышленности, на дотацию транспорту, на электро-

[1] Данные из статьи т. Кравaля.

строение, на кредит крестьянству и т. д., то надо было бы нам не 600 млн, а в два или три раза больше, потому что нужды выше головы. Мы режем, и мы говорим: товарищи, надо подождать, нельзя удовлетворить сразу. Вы хотите иметь три школы, пока что вы будете иметь одну. Когда к нам приходит представитель треста и говорит: «мне нужен миллион, я тогда заверну такую продукцию, что она покроет всю потребность», — мы говорим: нет, подождите до следующего года, а пока выворачивайтесь тем, что есть. Так мы режем по живому мясу, сокращаем наши нужды и видим, что меньше 600 млн нам израсходовать нельзя. Ну, а доход, — откуда мы берем эти 600 млн? Очень туго собираем. Этот бюджет составлен так, что все, что можно взять налогом, сюда включено. Больше половины единого сельскохозяйственного налога вошло сюда.

Ну, а промышленность в этот бюджет чем вложилась, какую доходность дает государству? Если подсчитать все, что вносит промышленность в наш доход и в виде прямых налогов, и в виде выбираемых патентов и всякого рода других взносов, и в виде отчисления от прибылей, — так это на 600 млн руб. с великой натяжкой составит 40 млн, в то время как сельскохозяйственный налог составляет 120 млн.

Это соотношение участия в расходах государства промышленности и крестьянства, по необходимости принятое нами, продолжится, вероятно, еще некоторое время, но союз крестьян и рабочих будет крепок только тогда, когда крестьянин почувствует, что рабочий класс стремится увеличить долю участия промышленности в общегосударственных расходах. Если какой-нибудь несознательный рабочий на митинге или на собрании обратится к любому из вас с заявлением о том, что от него требуют повышения производительности труда, вы ему скажете: ты принадлежишь к классу, который господствует, который ведет все хозяйство, которому доверяет все население страны. Можно ли оставаться при таком положении, если этот класс позволяет заработной плате расти в несколько раз быстрее, чем растет производительность труда? Можно ли оставаться при таком положении, когда вся наша национализированная промышленность уделяет в расход государства, участвует в этом расходе в такой доле, как я указал, в непропорционально меньшей доле сравнительно с тем, что внес крестьянин через налог.

Мы видим ясно: интересы крестьян и рабочего класса, интересы того, чтобы безработица не увеличивалась, чтобы заработная плата не падала, а удерживалась на нынешнем уровне и могла бы расти, интересы увеличения социальной мощи пролетариата, интересы союза между рабочим классом и крестьянством, интересы самого нашего государства и бюджета одинаково сходятся в одном узловом пункте: поднятие производительности труда.

ДИСЦИПЛИНА БУРЖУАЗНАЯ И ДИСЦИПЛИНА ПРОЛЕТАРСКАЯ.

Но еще есть один подход, который мы должны осветить. Мы ведь строим не вообще хозяйство, мы строим хозяйство без буржуазии, без частного капитала. Мы строим хозяйство коммунистическое. В тот момент, когда мы подходим вплотную к этому вопросу, следует отдать себе отчет в следующем: наша республика и вообще трудящиеся были поставлены перед двумя испытаниями. Первое испытание было испытание огнем. Это испытание было тогда, когда международные империалисты пытали нас штыком, и мы должны были дать ответ, достаточно ли рабочий класс сознателен, достаточно ли революционные крестьянские массы доверяют рабочему классу, чтобы под его предводительством выдержать это испытание. Это эпоха 1918—1920 гг. Это испытание рабоче-крестьянская власть выдержала. Но это не последнее испытание. Перед нами новое и, может быть, труднейшее испытание: умеем ли мы хозяйничать, можем ли мы построить без буржуазии такое хозяйство, которое было бы выгоднее буржуазного для всей массы населения. Буржуазия создала известные нормы производительности труда и дисциплины. Каким путем она этого добилась? Голодом. Дисциплина, которая навязывалась буржуазией рабочему классу, поддерживалась голодом, опасностью голодной смерти. Если ты не будешь слушаться дирижерской палочки буржуазии, тебе грозит голодная смерть. Этим буржуазия достигала известной производительности труда. Коммунизм должен создать повышение производительности труда, должен создать такое хозяйство, которое было бы выгоднее буржуазного. Только в этом оправдание коммунистического способа хозяйства. Можем ли мы в данный момент сказать, что мы это испытание уже выдержали? Нет, не можем. Мы его еще не выдержали. Мне бы хотелось напомнить вам, что писал Владимир Ильич о производительности труда. Это было в июне 1919 г., значит, больше пяти лет тому назад. Вы помните то время голода и военных бедствий. Деникин — у Орла, Юденич — у Петрограда, Колчак — на Урале, бомба — в Леонтьевском переулке, вот какая была атмосфера. Какая тут мысль о производительности труда! Ведь тогда все стояли на боевом посту, под винтовками, дело решалось метким выстрелом, а Владимир Ильич думал о производительности труда и тогда же писал об этом. Тогда началось движение коммунистических субботников, и по этому поводу Ильич писал:

«Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности, это начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной кос-

ностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину... Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелко-буржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

«Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства... Производительность труда—это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден, будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда...

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих... Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик»...

Вот что было написано т. Лениным еще пять лет тому назад, когда все стояли под штыком, когда $^9/_{10}$ фабрик не работало.

А после этого — наступление империалистов и голод отодвинули наше сознание и внимание рабочего от этой основной задачи, какую рисовал Владимир Ильич. Теперь, благодаря тому, что мы завоевали себе твердое международное положение, отстояли свои права вооруженной рукой и провели целый ряд реформ, мы

придвинулись к этой задаче вплотную и призваны ее решить. Вот почему я и сказал, что это основной вопрос. Если рабочий класс осознает, что теперь стоит задача поставить этот вопрос о производительности труда и решить ее своими героическими действиями, то мы одержим окончательную победу и разрешим задачу, на разрешение которой смотрят и пролетариат и буржуазия всего мира. Буржуазия мира говорит: «Ну, ладно, мы их признаем, будем иметь дипломатические с ними сношения, будем торговать, и вот тут-то они себя и покажут, покажут, что торговать и хозяйничать они не умеют. Мы их живьем возьмем, без штыков и без пулеметов». А пролетариат мира смотрит с другой стороны. Он поддерживал нас целиком в свое время и теперь поддерживает целиком в нашей борьбе в твердой уверенности, что мы разрешим вопрос о социалистическом хозяйстве. Вот вы слышали представителя оппортунистического II Интернационала, Фиммена. Он пришел смотреть, как мы социализм строим, и вот что он должен сказать, когда вернется: да, с трудом, помаленьку, тихими шагами, но социализм мы строим, мы создаем новую промышленность, те шахты и рудники, которые буржуазия бросила, мы пустили полным ходом, проявили такую дисциплину и организацию, что удовлетворили население, привязали к себе симпатии крестьянства, доказали, что рабочий класс может построить хозяйство без буржуазии. И вот, когда такие люди, как Фиммен, поедут и скажут это, то тем самым будет подорвана последняя ложь, в которой еще держат отсталых рабочих вожди II Интернационала. Мы выходили на единоборство с капитализмом, перед которым казалась игрушечной наша военная техника. Но мы победили тем, что рабочие и крестьянство объединились вместе, заразили всю массу трудящихся и повели ее за собой. И в этом деле мы победим, если поймем, что наша очередная задача не может быть решена приказами сверху, а требует вовлечения всего рабочего класса.

Практического делячества, как говорит Владимир Ильич, заботы о каждом пуде железа, о каждом пуде угля, о каждой кипе ситца, о каждой кипе мануфактуры,— этого деляческого духа в наших организациях, на наших фабриках и заводах еще очень и очень мало. Надо, чтобы мы на эти рельсы перешли.

Рабочие уже взялись за это трудное дело. В «Рабочей Газете» я вижу эти настроения. Вот в № 213 заметка, как рабочие фабрики Ливерса деловым образом на производственном совещании обсуждают доклад инженера и выносят практические предложения. № 218 той же газеты в отчете о производственном совещании на фабрике «Серп и Молот» рабочий Новиков говорит: «В фасонном отделении поршни ржавеют, в другом месте валяются вытяжки, потом они продаются даром. Это ложится накладными расходами. Если мы не хороши, тягайте нас; если вы не хороши,—

говорит он, обращаясь к администрации,— вас подстегнем. У нас с вами должна быть полная смычка».

Тов. Герман из машинно-прокатного отдела говорит, что у нас пропадают 8—10 смен из-за недостатка валиков. Англичанин Монгер, который точит эти валики, не хочет никого научить, а сам не успевает. Нужно обязательно научить точке валиков русских мастеров. Далее т. Герман предлагает перевести всех рабочих на сдельщину.

И вот, если это так будет на всех фабриках и если это социалистическое, коммунистическое делячество охватит весь рабочий класс, тогда мы прорвем тот порочный круг, который как будто заключается в том, что, для того чтобы поднять производительность труда, надо улучшить оборудование фабрик, а чтобы улучшить оборудование фабрик, нужно поднять производительность труда. Мы этот круг прорвем. Для этого необходимо, чтобы в эту кампанию по поднятию производительности труда была вовлечена вся рабочая масса, сверху до низу. Вся рабочая масса до последнего человека. Тогда через несколько месяцев мы вам принесем цифры, которые будут характеризовать не только подъем, который мы сейчас имеем, но которые будут характеризовать грандиозный порыв рабочего класса в деле коммунистического строительства. И если в этот момент нам придется рассуждать с англичанами,— это последняя точка зрения, которую я вам хотел указать,— тогда мы сможем сказать: если вы не хотите, господа хорошие, дать нам ваших денег, заем на наших условиях, тогда мы обойдемся, опираясь на поднятие производительности труда, и без вас.

Надо, чтобы этот ответ мы действительно могли преподнести англичанам, чтобы мы могли развернуть перед миром картину нового порыва рабочего класса, который со всей волей, со всей энергией, объединяя вокруг себя всех, создает новую организацию социалистической промышленности на почве повышения производительности труда.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО «РЕЧИ И СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА».

Сборник речей и статей т. Дзержинского, посвященных вопросу о поднятии производительности труда, принесет громадную пользу той кампании, которая все более становится и, наверное, на долгие годы останется основной для нашей партии. Главная ценность этого сборника в том, что, будучи проникнут твердой уверенностью в нашей окончательной победе, т. Дзержинский в то же время призывает безбоязненно глядеть правде в глаза и бестрепетно вкладывает персты в действительные раны нашей современности. С другой стороны, т. Дзержинский сумел подойти к вопросам о поднятии производительности труда не как «ведомственник», а с широкой политической точки зрения.

Этот последний подход, т. е. освещение вопроса о производительности труда в Советском Союзе с широко политической точки зрения, абсолютно необходим, ибо вопрос о производительности труда действительно связан с самыми основными вопросами существования и развития той формы пролетарского государства, которая существует в виде Союза советских социалистических республик. Союз советских социалистических республик опирается на союз рабочего класса и крестьянства. Дальнейшее укрепление мощи этого союза зависит от того, насколько будет расти и укрепляться доверие крестьянства к рабочему классу, уверенность крестьянства в том, что именно рабочий класс, стоящий у власти и руководящий хозяйством страны, способен улучшить положение, т. е. шире и дешевле удовлетворить потребности крестьянства, чем какой-либо другой хозяйственно-политический строй.

Удовлетворение же потребностей крестьянства есть прежде всего удовлетворение его хозяйственных потребностей. Количество, качество и цена мануфактуры, керосина, железа, спичек и т. д., вырабатываемых на государственных фабриках и направляемых в деревню, есть решающий момент для отношения крестьянства и к национализированной промышленности и к тому, кто этой национализированной промышленностью руководит, т. е.

к рабочему классу и к тому строю, важнейшей чертой которого является национализация промышленности.

Укреплять союз рабочих и крестьян, увеличивать степень доверия и преданности крестьянства Советской власти, превращать союз в незыблемый, недоступный для врагов «блок» можно лишь одним путем: непрерывно увеличивая, улучшая и удешевляя тот поток необходимых крестьянству продуктов, который идет из города в деревню. А расширение и удешевление фабрично-заводской продукции есть две стороны одного и того же процесса: нельзя сколько-нибудь значительно удешевить производство, не расширяя его; нельзя, с другой стороны, расширить производство наших фабрик и заводов, не удешевляя продукции, т. е. не создавая для крестьянского рынка возможности их приобретения.

Прошлой осенью опасность создания трещины между рабочим и крестьянством шла от того факта, что крестьянство не могло приобрести городских, слишком дорогих продуктов. Этой осенью мы оказались перед другой опасностью: потребные крестьянству товары стали сравнительно (впрочем, только сравнительно, а по существу далеко еще недостаточно) дешевле, но их не хватает. Интересы укрепления начал социалистического хозяйства требуют от нас устранения обеих опасностей: мы должны дать крестьянству товары дешевле и в достаточном количестве. Но удешевить и расширить производство мы не можем иначе, как за счет увеличения производительности труда, т. е. за счет увеличения общей продукции государственной промышленности в расчете на одного рабочего.

Этого же вывода требует от нас и анализ положения самого рабочего класса. Материальные и культурные потребности рабочего класса растут, будут расти и должны расти. Это обозначает — в тенденции — рост заработной платы. Откуда могут быть взяты потребные для этого средства? Конечно, не за счет удорожания производства, ибо это и обозначало бы начало разлада между рабочим классом и крестьянством. Следовательно, удержание реальной заработной платы и ее постепенное повышение могут быть произведены лишь за счет самой промышленности. Чтобы заработная плата увеличивалась на каждого отдельного рабочего, необходимо ее уменьшение на каждую единицу продукта. Только при этом условии мы можем ожидать морального, материального и социального укрепления основной силы советского государства — рабочего класса.

Капитализм основывается на противоречиях между различными классами. Несомненно, что в нашем строе есть противоречивые интересы, но залог победы трудящихся заключается в том, что, создав Советскую власть, рабочий класс создал такое орудие планомерного руководства хозяйством, при котором интересы рабочего класса и крестьянства могут планомерно и

целесообразно удовлетворяться не путем их взаимной борьбы, а путем сочетания и согласования их усилий. Повышение производительности труда и является в данный момент тем узловым пунктом, в котором сходятся как непосредственные интересы рабочего класса, так и непосредственные интересы крестьянства.

Но этого мало. Всем рабочим и крестьянам понятно, что, для того чтобы строй, созданный Октябрьской революцией, удержался, он должен был пройти через двоякого рода испытания. Первое испытание было — испытание огнем.

Надо было отстоять самое право на существование республики трудящихся в вооруженной борьбе с капиталистическим миром. Это испытание окончилось нашей победой. Второе испытание — испытание хозяйственное. Первая социалистическая республика в мире должна доказать на деле свое право на существование, как новая социалистическая система хозяйства. «Эта вторая задача трудней первой», — писал еще в 1919 г. Владимир Ильич. «Но эта задача и более существенна», продолжал он, «ибо, в последнем счете, самым глубоким источником силы для победы над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый и более высокий способ общественного производства... Производительность труда, это, в последнем счете, самое главное для победы нового общественного строя. Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, объединенных, использующих передовую технику рабочих. Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся всему обществу в целом, десяткам и сотням тысяч людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик».

Владимир Ильич, как видим, указывал на эту наиболее трудную и наиболее существенную задачу еще в 1919 г. Продолжавшееся наступление империалистов и белых генералов, а затем и голод отвлекли и силы и сознание рабочего класса от этой задачи. Теперь мы подошли к ней вплотную.

Мы показали нашу военную мощь, мы утвердили наше международное положение, мы решили вопрос о хлебе, мы провели денежную реформу, мы двинули дело добычи топлива так энергично, что обеспечили в этом отношении нашу страну полностью, мы вступили в торговые сношения с капиталистическими странами и торгуем с ними в год не менее чем на полмиллиарда рублей. Мы подошли, таким образом, вплотную к решающему моменту. Мы должны на деле показать, что при социалистическом хозяйстве, устраняющем капиталистов и помещиков от дела

организации производства, производительность труда, а, следовательно, и общее богатство страны не понижается, а, наоборот, повышается.

«Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм даст новую, гораздо более высокую производительность труда».

Конечно, эта задача на годы, но в подступе к ее решению не терпимы более никакие отсрочки. За это говорит и международное положение нашего Союза.

Никто не может закрывать глаза на то, что идущее со всех сторон наше «признание» со стороны капиталистических держав сопровождается новыми попытками ограбить нашу страну путем неприемлемых и закабаляющих труд рабочих и крестьян условий займа. Чтобы бороться с этими поползновениями мирового капитализма, чтобы иметь возможность воспользоваться заграничными займами для развития нашей промышленности, но на выгодных для нас условиях, мы должны противопоставить мировому капитализму широко развивающуюся, непрерывно расширяющуюся, всесторонне обслуживающую крестьянский рынок государственную промышленность. Только при этом условии мы сможем сказать английским банкирам: «Если будете упорствовать, мы обойдемся сами, без вашего займа и ваших кабальных условий этого займа».

Задачи октябрьской революции и наше нынешнее международное положение, интересы рабочих и крестьян и интересы союза между ними требуют настойчивой и энергичной работы над поднятием производительности труда, требуют вовлечения самых широких масс рабочих и всех без исключения рабочих организаций (хозяйственников, профсоюзов, партии) в непрерывную и энергичную работу над увеличением производительности труда. Чем скорее и глубже будет это осознано широкими массами рабочего класса, тем скорее и вернее будет наша окончательная победа.

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОБЫТИЯ 25 СЕНТЯБРЯ 1919 Г. [1]

Прошло пять лет после того как бомбы, направленные рукой врагов рабочего класса, вырвали из нашей среды активных работников, руководителей московского пролетариата в его героической борьбе за дело социалистической и коммунистической революции.

Бомбы были брошены 25 сентября 1919 года в здание, где под руководством т. Загорского собрался Московский комитет партии для обсуждения мер, которые должны быть предприняты для защиты завоеваний Октябрьской революции. Эти бомбы были отзвуком той гражданской войны, которая вспыхнула тогда на территории нашей республики. Гражданская война вырвала из наших рядов бесконечное количество жертв. Сейчас, через пять лет, после этих бомб, после этих незабвенных смертей мы можем поставить перед собой вопрос об историческом значении, о всемирной исторической роли той борьбы, в историю которой входит и событие в Леонтьевском пер. 25 сентября 1919 г.

Нас, коммунистов, оглашают на всех буржуазных и так называемых социалистических соборах как виновников гражданской войны, как тех, которые призывали к этой войне, как тех, на ком лежит ответственность за гражданскую войну. Здесь, вспоминая наши жертвы, мы можем смело сказать: да, несмотря на все жертвы, которые понес рабочий класс в этой гражданской войне, гражданскую войну мы принимаем на свою ответственность. Мы помним, как за два года до империалистической войны социалисты всего мира, собравшись в Швейцарии, в Базеле, единогласно приняли манифест ко всему рабочему классу, который перед лицом наступавшей войны призывал мировой пролетариат превратить ее в орудие — так и было сказано в Базельском манифесте, — низвержения капитализма. Мы помним, как этот документ единодушно был принят представителем французских социалистов Жоресом, представителем немецких социалистов Бебелем, пред-

[1] Из речи на пленуме Московского Комитета, посвященной памяти погибших при взрыве в Леонтьевском пер. 25 сентября 1919 г., — 25 сентября 1924 г.

ставителем бельгийских социалистов Вандервельде, представителем австрийских социалистов Виктором Адлером, как в этом манифесте перед всем буржуазным миром напоминали о революции 1905 г. в России, о Парижской Коммуне.

Это был тот призыв к гражданской войне, которому, однако, через пару лет изменили представители социализма, подписавшие его.

На российский пролетариат, на пролетариат нашего Союза под руководством т. Ленина выпала честь доказать, что этот призыв к международному пролетариату не остался пустой бумажкой, что из эпохи великих потрясений империалистической войны пролетариат сделал тот вывод, который был указан еще перед войной. Когда Жорес, Бебель, Вандервельде и Адлер призывали рабочий класс превратить войну в орудие освобождения от капитализма, они призывали рабочий класс к гражданской войне, но их партии не смогли повести рабочий класс на эту войну, они изменили собственному призыву.

Мы должны помнить, откуда раздался призыв к восстанию рабочего класса против капитализма, мы должны помнить о Базельском конгрессе и перед лицом рабочих всего мира указать, что мы были в нашей гражданской войне только исполнителями воли всего мирового пролетариата, той воли, которая была сформулирована еще за два года до империалистической войны.

Да, мы принимаем ответственность за тот клич восстания, который раздался в октябрьские дни 1917 г., который дал пролетариату победу, и который обязал нас затем эту победу защищать всеми средствами, для того, чтобы подавить всякое сопротивление буржуазии. Та гражданская война, которая кипела на нашей территории начиная с 1917 г., была единственным способом для рабочего класса — отстоять свое существование и добиться завоевания политической власти. Мы проверяем теперь то, что было сделано тогда. Мы оглядываемся назад не только на наши жертвы, но и на те всемирные исторические уроки, которые не только мы, но весь пролетариат должен был извлечь из тяжких лет нашей борьбы. Мы не только оплакиваем наши жертвы, мы хотим учиться на этих жертвах.

И вот, изучая это прошлое, которое живо для нас, как если бы это был сегодняшний день, мы еще и еще раз повторяем, что только гражданская война, только вооруженное восстание пролетариата против капитала могли обеспечить рабочему классу власть, могли дать ему победу и преодолеть сопротивление, которое рабочий класс встретил со стороны буржуазии всего света. Мы знаем, что до сих пор находятся люди, которые смеют называть себя социалистами и которые отвергают этот урок истории. Мы знаем, что история из них сделала фактически, на деле, лакеев буржуазной диктатуры.

Октябрьская революция диктатуру пролетариата противопоставила диктатуре капитала. Все формы политического господства, при помощи которых капиталисты обманывают широкие эксплуатируемые массы, как бы эти формы ни назывались — парламентская республика, учредительное собрание или какая-либо иная система, все эти формы прикрывают диктатуру буржуазии,—и этой диктатуре мы противопоставили диктатуру пролетариата, как единственную форму власти, в которой осуществляются требования широких трудящихся масс.

Мы знаем, что эти события дали нам и другой урок. Если бы мы в своем восстании встретились только с представителями русской буржуазии, только с ее силами, с ее организацией, — эпоха гражданской войны, самый ход ее был бы значительно сокращен, и наша победа была бы куплена менее тяжкой ценой.

Но достаточно было того, что в одном углу мира, именно на территории России разгорелась гражданская война, чтобы перед всем миром была демонстрирована деловая, практическая мировая солидарность буржуазии.

Когда восставший пролетариат покусился на политическое господство и социальную мощь русской буржуазии, он увидел на своей территории войска Англии в Архангельске, войска Французской Республики в Одессе, войска Японии во Владивостоке, он увидел силы союзников на Кавказе, в Новороссийске и Баку. Мы перевидели их всех, мы, т. е. борющийся пролетариат, который на этом примере еще раз должен был убедиться, что буржуазия великолепно понимает единство своих интересов и готова защищать принципы буржуазного строя, принципы буржуазной диктатуры в любой части земного шара, где бы пролетариат ни покушался на ее низвержение. И вот перед лицом этого сплоченного натиска капиталистов мы должны были прибегнуть к самой решительной форме отпора. Какими детскими сказками должны казаться россказни анархистов о том, что пролетариату не нужно государство, что пролетариату не нужна централизованная государственная власть. Где были бы мы с вами, если бы в самом ходе гражданской войны, учась на собственных поражениях, подымаясь из тех кровавых луж, куда бросала нас превосходная техника наших врагов, пролетариат не учился бы строить свою государственную власть, не создавал централизованную, несгибаемую, железную государственную организацию.

Да, наш идеал не в государственной организации, и те товарищи, которые погибли 25 сентября 1919 г., отдали свою жизнь за будущее коммунистическое общество, которое будет знаменовать собой уничтожение классов, отсутствие государственной организации в старом смысле слова, но, чтобы эти идеалы осуществились, чтобы осуществилось уничтожение классов, и безгосударственная организация коммунистического общества, нам в-

известный момент нужна была наиболее сильная государственная организация, наиболее централизованная, сплоченная государственная власть, готовая к решительной борьбе против буржуазии, власть, которая применяла самые решительные, ни перед чем не останавливающиеся средства. Только благодаря этому мы и могли победить, только благодаря этому восставший пролетариат России смог заставить преклониться перед собой и признать свою власть со стороны самых мощных капиталистических держав всего мира.

Не чудо ли это истории, что, сравнивая то, что было пять лет тому назад и теперь, мы видим, как очищена наша территория от всех ставленников буржуазии, как наша победа над врагом на бранном поле привела самых отъявленных наших врагов к необходимости признать наши учреждения, наше государственное и хозяйственное устройство.

Но совершивши этот переход, было бы самым вредным делом для нашей цели, для коммунизма отдаться хотя бы на момент представлению, что мы действительно имеем пред собой мирную эпоху. Товарищи, мирной эпохи коммунисты не будут иметь еще очень и очень долго. Хотя не раздаются на наших границах выстрелы и нет трескотни пулеметов, хотя мы очистили Москву от тех банд, которые могли бы направлять из подполья бомбы в руководителей пролетарской организации, хотя мы по внешности как будто заняты действительно мирным трудом, — на самом деле боевая обстановка остается, на самом деле мы работаем над боевыми задачами, и мы должны каждый момент помнить, что высший долг наш не поддаваться иллюзиям о мирной обстановке, которая как будто бы создается. Мы продолжаем быть окруженными врагами. Они могут нас признавать, могут заключать с нами договоры, могут признаваться, что они потерпели крах в деле борьбы против Советской власти, но мы поставили слишком большую задачу, мы нанесли обиду слишком могучему классу, мы затронули слишком дорогие для них интересы для того, чтобы мы хотя бы на минуту могли выйти из под фактического обстрела наших классовых врагов.

Неужели можно подумать, что первые неудачи буржуазии в ее попытке нас задушить, первые неудачи террористов, ставленников буржуазии, перебить руководящую верхушку нашу, первые неудачи интервенции и удушения Советской власти, что эти первые неудачи заставят их бросить мысль о том, чтобы стереть с карты мира тот красный флаг, который выражает сейчас господство нашего класса и революции.

Нет, самой вредной иллюзией было бы, если бы хоть на момент мы позабыли, что каждый наш успех, каждое наше продвижение вперед вызывает новый прилив ненависти со стороны буржуазии, вызывает с их стороны новое стремление создать

*

для нас затруднения и доказать то, что больше всего требуется им доказать, чтобы удержать в своих руках господство над миллионами и десятками миллионов людей. 130 миллионов населения СССР освобождены пролетариатом от власти капитала, от власти помещиков, но сотни миллионов людей страдают еще под этой властью, и у мировой буржуазии, как класса, единственный призрак спасения в том, чтобы доказать, что эти 130 млн людей, освобожденные от власти помещиков и капиталистов, не смогут построить своего хозяйства, не смогут обойтись без капиталистических и помещичьих помочей, не смогут обойтись без капитала, без хозяйской указки.

Вот смысл той борьбы, которая кипит на якобы мирных позициях, на фабриках, рудниках, заводах, в управлении Советского государства во всех областях, которые направляет сейчас пролетариат. Наша партия ведет эту борьбу, чтобы доказать всему миру, что раз освободившись от капиталистов и помещиков, рабочий класс, и трудящееся крестьянство СССР ни в коем случае снова не склонят своей шеи перед капиталистическим ярмом, что они построят государство против капиталистов, без капиталистов и вопреки капиталистам, чтобы весь рабочий класс всего мира, и в той его части, в которой он до сих пор идет за обманщиками и лакеями II Интернационала, убедился в том, что рабочий класс сам может построить свое государство без капиталистов и против капиталистов, что он может наладить хозяйство без капиталистов и против капиталистов, что он может держать в руках руль управления внутренней и международной политикой без капиталистов и против капиталистов.

И вот, товарищи, для того чтобы это сознание боевой обстановки и нерешенности боевых задач было ясно, для того чтобы в каждом из нас горело сознание, что мы еще не перешли на мирные позиции, что в каждый данный момент мы можем быть потребованы на свои боевые посты, что за коммунизм нам придется сражаться еще не только с молотом, но и с винтовкой в руках, — чтобы это сознание, это боевое воодушевление не погибало, не засаривалось мелочами будней и повседневщиной, иногда кажущейся черной и серой работой, — для этого надо обращаться мыслью к тем героическим временам, к тем нашим товарищам, которые гибли под пулями и бомбами тех людей, которых вооружала мировая буржуазия, надо обращаться к ним и носить в сердце своем память о том, что было 25 сентября 1919 г. в Леонтьевском переулке. Надо, чтобы весь рабочий класс всего мира помнил и знал, что рабочий класс нашего Союза не только в мирной и хозяйственной работе показал себя, не только на фронтах, где грудь с грудью сталкивались наши полки с полками буржуазии, но и в руководстве своей партией, в сплоченности организации, платя за это своей кровью, платя кровавую дань врагам рабочего класса.

Те, которые погибли в 1919 г., они свой вклад в наше дело уже внесли. Нам остается следовать их заветам, помнить, что они погибли за дело сплочения, создания, дисциплинирования нашей коммунистической партии, помнить, что никакая государственная организация пролетариата не удержится, если ослабнет в сердцах коммунистов эта преданность рабочему делу, эта готовность итти до конца, не перед чем не останавливаясь в деле осуществления идеалов коммунизма.

Пусть те идеалы, во имя которых погибли товарищи пять лет назад, пребудут для нас руководящим маяком, и пусть никогда не настанет такой момент, когда надо было бы краснеть за любого товарища перед тенью тех славных, погибших за общее дело.

Имена тех товарищей, которые погибли, записаны на каменных досках, но они должны быть также записаны и в наших сердцах.

Дело их творится руками миллионов, дело их будет расти, и те десятки и сотни миллионов, о которых я говорил, что они еще находятся под властью моральной и политической диктатуры буржуазии, они должны будут восстать, чтобы отомстить за ту кровь, которую пролили эти товарищи в борьбе за общее дело.

Мировая революция, мировое восстание, окончательное установление могущественной диктатуры пролетариата во всем мире, вот та цена, которую буржуазия заплатит нам за все те жертвы, которые она вырвала из наших рядов.

КРИЗИС РАБОЧЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ

ИЗ РЕЧИ НА СОБРАНИИ РАБОЧИХ ЗАВОДА «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ» 13 ОКТЯБРЯ 1924 Г.

Товарищи! Мы недавно подписали с английским правительством договор. Основа этого договора, главный его пункт, заключался в том, что английское правительство обязалось в этом договоре гарантировать нам заем в Англии.

В то время, когда шел ожесточенный спор, подписать английскому парламенту заем или не подписать, разыгралось другое дело.

Оно заключалось в следующем: в Англии был арестован редактор тамошней коммунистической газеты, т. Кемпбель. Арестован он был за статью, которая называлась: «Солдаты, не стреляйте в рабочих!» Это было обращение к английским рабочим — не стрелять в стачечников, в забастовщиков. Его арестовали и стали судить. На суде, прокурор английского суда отказался от обвинения, и Кемпбель был оправдан потому, что английские рабочие поддержали его заявление, что солдаты не должны стрелять в рабочих. Мы думаем так же, как думают английские коммунисты, что солдаты не должны стрелять в рабочих. А так как макдональдовское правительство должно считаться с рабочими, то макдональдовский прокурор, подумавши, раскинув мозгами, сказал: «Как же мне обвинять того, кто высказал общее мнение всего рабочего класса». И от обвинения отказался.

Либералы и буржуазия подняли великий шум. Как так? Коммуниста, который обращался с призывом к солдатам не стрелять, Макдональд оправдывает. Они решили дать Макдональду решительный бой.

Они боялись прямо сказать, что идут на новые выборы на почве англо-советского договора, потому что не только Макдональд, не только рабочий класс, но и английская буржуазия знает, что ежели в Англии устроить поголовное голосование: — кто за соглашение с Советской Россией, кто против, — то громаднейшее большинство, все трудящиеся поголовно, весь рабочий класс будет за подписание, а против будут только крупнейшие капиталисты, банкиры и помещики. На этом вопросе они побоялись

дать окончательное сражение. Они придрались к случаю с товарищем коммунистом, редактором газеты. Эта платформа показалась им более выгодной.

Устроили голосование в парламенте за доверие или недоверие министерству Макдональда. Макдональд получил только голоса рабочей партии — 193, а все остальные, больше 300 голосов, получила резолюция недоверия Макдональду. Макдональд подал в отставку. Парламент был распущен, и теперь назначены новые выборы. Эти новые выборы будут происходить на платформе: «за» или «против» коммунизма, «за» или «против» Союза Советской России.

Еще недавно нельзя было подумать, что мы с вами будем иметь такое значение для Англии, что там из-за этого будут проваливаться правительства, распускаться парламент, и происходить новые выборы под лозунгом: — за соглашение с Советским Союзом — или против. Причем совершенно ясно, что эти две платформы будут классовыми платформами, что весь пролетариат от первого человека до последнего будут голосовать за тех кандидатов, которые выскажутся за подписание англо-советского договора. И только буржуазия будет голосовать против.

Мы с вами можем порадоваться: мы теперь получим целую армию бесплатных агитаторов в Англии, которые должны будут защищать наше с вами дело. Там сложились обстоятельства так, что если Макдональд хочет вернуться к власти, если английская рабочая партия, сторонница II Интернационала, не хочет уступить власти консерваторам, она должна на каждом митинге разъяснять, что с Советской Россией надо заключить соглашение, что советская страна возрождается, что ей надо выразить полное доверие и сказать, что товарища коммуниста, который призывает солдат не стрелять в рабочих, надо было оправдать. Произойдут чистые, явно классовые выборы: с одной стороны, пролетариат, с другой стороны — буржуазия!

Конечно, это свидетельствует о громадном значении, о громадном усилении, которое приобрел наш Союз советских республик на международной арене.

Враги наши, вы помните, стремились и думали, что нас очень легко задавить оружием или голодом, а доигрались до того, что сами не могут управлять, не решив вопроса о своем отношении к нам. И мы твердо уверены в том, что это будет и дальше так продолжаться, если мы здесь, внутри страны, не сделаем какой-нибудь большой глупости. Если этого не будет, значение советского строя, советской страны в международной политике будет расти все больше, и все больше становиться основным пунктом всей мировой политики.

Интересно, конечно, попытаться предсказать, чем кончится эта избирательная кампания?

Она будет продолжаться около двух недель. 29 октября будут известны окончательные результаты выборов и должен выясниться состав нового парламента, после чего будет определено, какое будет правительство, а в зависимости от того, какое будет правительство, должно будет определиться: подпишут договор или не подпишут.

На прошлых выборах рабочая партия получила $5^1/_2$ млн голосов. На этих выборах консерваторы, — самая ожесточенная часть буржуазии, откровенные империалисты, получили 5 млн голосов, рабочие $5^1/_2$, а либералы получили $4^1/_2$ млн голосов. Всего там голосует 15 млн народа.

Что произойдет теперь?

Мы можем сказать только одно: произойдет громадный рост голосов в пользу рабочей партии. Если она получила на прошлых выборах, 8 месяцев тому назад, $5^1/_2$ млн, — нет сомнений, что теперь она получит не меньше $6^1/_2$ млн голосов.

Один миллион голосов на почве агитации за Советскую Россию, на почве вопроса о коммунизме, английская рабочая партия вместе с коммунистами несомненно приобретет. Тогда у них будет $6^1/_2$, а у либералов и у консерваторов будут остальные $8^1/_2$ млн голосов. Если либералы и консерваторы об'единятся, то они, несмотря на то, что рабочая партия усилится, могут ее вновь к власти не пустить. Они пустили к власти собственно не рабочие массы, они пустили к власти вождя II Интернационала в лице Макдональда, т. е. людей, которые больше слушаются буржуазии, чем рабочего класса, но которые связаны с рабочим классом; пустили потому, что рабочему классу надоела политика Керзона и буржуазия решила попытаться с рабочими сговориться ладком и именно для этого воспользоваться Макдональдом.

Однако, когда Макдональд пробыл восемь месяцев у власти, они, господа буржуа, увидели, что у рабочего класса аппетит приходит во время еды. Как бы то ни было, Макдональда подпирает вся рабочая масса и требует: «Раз ты у власти и не в разоренной, голодной России, а в богатейшей мировой английской державе, попробуй пощупать господ буржуа». Макдональд до сих пор отпихивался — после, подождем, да осмотримся... Рабочий класс становится нетерпелив: «Ты правишь от имени рабочей партии». Рабочие напирали, они заставляли его подписать договор с Советским Союзом, чего буржуазия не хотела.

С другой стороны, Макдональд продолжает империалистическую политику, лезет в Китай, увеличивает расходы на вооружение. Рабочий класс и тут начинает проявлять нетерпение.

Английская буржуазия испугалась. Вероятно, все ее фракции, консерваторы и либералы, объединившись вместе, попытаются вновь к власти Макдональда не пустить.

Но ведь одно дело, когда рабочий класс, даже через таких пред-

ставителей II Интернационала, как Макдональд, власти не попробует, а другое дело, когда он ее попробовал и убедился, что тут тоже не боги горшки обжигают и, что представители рабочих также могут управлять государством, как Ллойд-Джордж, Керзон и т. д.

Рабочий класс, который в лице рабочей партии все-таки побывал у власти, присмотрелся, видел, как эту машину в Англии направляют, он не потерпит, чтобы опять и надолго пришли и правили Ллойд-Джордж и Керзон, и не допустит, чтобы он был бы оттолкнут в сторону от управления государством.

Обострение борьбы рабочего класса за власть в Англии, будет неизбежно расти. Теперь это совершенно ясно. Мы видим, что английское рабочее движение уже сейчас ставит в порядке дня вопрос о захвате власти рабочим классом. Оно идет не таким путем, как у нас. Да и понятно: у нас истории разные, обычаи разные, условия разные, а потому иным путем будет развиваться и приход рабочего класса к власти. Но дело и в Англии уже на таких рельсах, что всякий шаг возбуждает в рабочем классе полное сознание того, что не будет лада до тех пор, пока рабочий класс, не путем парламентских голосований, а путем революционной борьбы, не возьмет целиком, прямо, непосредственно государственной машины в свои собственные руки. Это сознание развивается в самых отсталых, в самых задурманенных группах рабочего класса.

В лице Макдональда у власти в Англии стоял не рабочий класс в массе своей, а именно аристократические верхушки рабочего класса и профсоюзная бюрократия. А там профсоюзам насчитывают сто лет существования, не так, как у нас. Там выработалась специальная бюрократия, люди, которые перестали быть рабочими, а стали подлинными, типичными чиновниками.

Англия владеет такими колониями и эксплуатирует такие богатства, которых не имеет никакая другая страна. Благодаря тому, что она имеет возможность грабить и в Азии, и в Австралии, и в Африке, и в Америке, т. е. во всех колониях, и эти богатства стягивает к себе в центр, на английские острова, она имеет возможность все время разлагать верхушку рабочего класса своими подачками.

Английская буржуазия правит не только своей страной, она в продолжение ста лет играла главенствующую роль во всей Европе. И, если она может это делать, то только потому, что, собирая громадные богатства, выкачивая последние соки из колониальных народов, из Африки, из Азии, Австралии, она могла всегда накинуть лишний пятачок верхушкам рабочего класса, чтобы его задобрить. На этой почве поднялись из рабочего класса бюрократы. Они были обласканы буржуазией, и являются нынешними вождями английской рабочей партии. Однако, эти же

Макдональды и Сноудены, как только они стали у власти, были принуждены сделать такой шаг, который либералам не понравился и который возбудил в английском рабочем классе понятие о том, что правильная политика будет только тогда, когда сам рабочий класс, не в лице Макдональда, а в лице своих подлинных представителей, — возьмет политическую власть в свои руки.

Если рабочая партия не соберет необходимого большинства голосов, возможно, что консервативное правительство вернется к власти, несмотря на усилия рабочего класса; и тогда борьба станет еще острей. Если же, что мало вероятно, прирост голосов у рабочей партии будет очень уже велик, тогда возможно возвращение Макдональда к власти, и тогда возможно будет и подписание англо-советского договора.

Сейчас нам с вами остается выжидать две недели, а покуда радоваться тому, что сейчас в Англии кипит политическая борьба и в центре ее стоит вопрос: давать или не давать нам заем? На этом вопросе разделяется рабочий класс и английская буржуазия.

ОЧЕРЕДНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ЦК РКП 25 ОКТЯБРЯ 1924 Г.

Товарищи, я понимаю свою задачу не так, чтобы изложить вам экономическое положение республики в настоящее время,— для этого есть другие материалы, с которыми вы ознакомитесь. Я думаю, что моя задача — ознакомить вас с хозяйственной ситуацией сегодняшнего дня и, в первую очередь, с тем довольно сложным хозяйственным маневром, который мы производим и который нам пока не очень удается. Думаю, что ЦК должен фиксировать на этом свое внимание и преподать соответствующие указания.

Материал, который входит в мое сообщение, чрезвычайно разнообразен, и поэтому вряд ли удастся мне уложить его в единую стройную схему; так что к отдельным вопросам придется возвращаться с разных точек зрения.

Раньше чем перейти к маневру, который составляет существо нашего хозяйственного положения, я хотел бы указать на общий фон, на котором развивается наша экономическая политика.

Вы знаете, когда в июле месяце выяснились впервые, сначала несколько преувеличенные, размеры неурожая, перед нашей экономикой встал вопрос — куда держать курс: на разворачивание или сворачивание нашей промышленности. В это время были некоторые колебания, раздавались голоса о том, что надо примериваться к тому, что промышленность придется сворачивать. Мы тогда этого курса не приняли и продолжали курс на разворачивание промышленности совместно с понижением цен и завоеванием крестьянского рынка. Я теперь имею возможность представить в самых общих чертах итоги в области промышленности по сравнению с прошлым годом. Цифр будет немного, но они чрезвычайно характерны. Передо мною таблица, в которой даны итоги валовой продукции за четыре месяца в этом году и в прошлом году. Мы имеем такие сравнительно данные (в миллионах рублей): в июне прошлого года валовая продукция промышленности — 102 млн руб., в этом году — 125 млн руб. т. е. увеличение на 24%; в июле месяце прошлого года — 83 млн, в этом году — $122\frac{1}{2}$ млн, т. е. увеличение на 47%; в августе

прошлого года — 95 млн, в августе этого года — 133 млн, т. е. увеличение на 40%, в сентябре прошлого года — 110 млн руб. в сентябре этого года — 155 млн руб., — увеличение на 41%.

Таким образом, налицо не только увеличение из месяца в месяц, но совершенно ясная тенденция, очень рельефно выраженная в сравнении этих последних четырех месяцев, указывающая на постоянное и систематическое увеличение валовой продукции промышленности сравнительно с соответствующими месяцами прошлого года.

Предварительные данные за весь год указывают (по данным ВСНХ и Госплана) на увеличение валовой продукции за весь этот год сравнительно с прошлым годом на 350 млн руб. Эта отрадная картина несомненного прогресса в деле увеличения валовой продукции должна быть проверена. Для этой проверки есть разные методы, но один из главнейших — размер торгового оборота. Мы тщательно следим за ним, и поэтому цифры валовой продукции и ее роста можно проверить. Я приведу эти цифры для того, чтобы ясна была картина наших успехов и того фона, на котором развиваются явления менее отрадные, чем те, о которых я сейчас говорю. За четыре месяца прошлого года обороты Московской товарной биржи, если взять параллельные цифры, будут таковы.

В прошлом году в июне месяце в червонных рублях 138 млн, в июле — 156 млн в августе — 113 млн, в сентябре — 98 млн, в этом году на июнь приходится 107 млн, на июль — 145 млн, на август — 116 млн, на сентябрь — 205 млн.

Таким образом, мы имеем повышение в сентябре сравнительно с августом на 76%, а повышение в сентябре этого года сравнительно с сентябрем прошлого года на 109%.

Это могло бы показаться каким-нибудь специфическим московским явлением. Но я могу привести обороты провинциальных бирж (я не могу останавливаться на тех расчетах и поправках, которые должны быть приняты во внимание, я беру круглые цифры). Нужно сказать, что мы следим за 40 провинциальными биржами и имеем точные данные для сравнения.

Мы имеем следующие данные по тем же 4 месяцам в червонных рублях. В прошлом году в июне месяце оборот 40 провинциальных бирж был 55 млн, в этом году — 84 млн, в июле месяце прошлого года — 59 млн, в июле месяце этого года — 100 млн, в августе прошлого года — 58 млн, в августе месяце этого года — 116 млн, в сентябре месяце прошлого года — 56 млн, в сентябре этого года — 154 млн.

И это все при повышении покупательной способности червонца. Конечно, эти цифры могли бы быть обесценены, если бы шло падение червонца и если бы 154 млн нынешнего года равнялись 100 млн прошлого года. Но этого у нас не было. Поэтому,

торговый оборот по провинции в 56 млн в сентябре прошлого года и в 154 млн в сентябре этого года указывает, во-первых, на то, что промышленность не только производит, но что она выкидывает произведенное на рынок, а во-вторых, что этот товарный поток развивается не только в Москве, но и в провинции.

К этому нужно прибавить, что, несмотря на это повышение продукции и несмотря на громадный шаг вперед сравнительно с прошлым годом в деле торгового оборота, мы переживаем бестоварье — недостаток товаров. Как пример, возьму то, что является решающим в нашей крестьянской стране,— мануфактуру. В августе этого года Московская биржа совершила сделок с мануфактурой на 22 млн руб., а в сентябре этого года уже на 41 млн руб., т. е. почти вдвое. В то же время вы все прекрасно знаете, что на местах мануфактуры нет.

Я еще раз вернусь к этому вопросу. Пока же я отмечаю, что мы имеем непрерывное, постоянное и систематическое движение вперед в области валовой продукции и торгового оборота.

Еще одной проверкой могут служить данные относительно грузооборота. Грузооборот прошлого года за 4 месяца, указанные раньше, достигал 12 тыс. погрузки в сутки в июне, 11 тыс.— в июле, $11^1/_2$ тыс.— в августе, 13 тыс.— в сентябре.

В этом году картина такая: в июне — 13 тыс., в июле — 13 300, в августе — 14 100 и в сентябре — 16 400, т. е. повышение сравнительно с сентябрем прошлого года на 22%. Все эти данные одного и того же порядка. Они характеризуют несомненный рост промышленности и рост торгового оборота в стране.

Нам важно выяснить, совершается ли этот рост промышленности более или менее равномерно и регулируется ли этот рост нами, ибо неравномерное увеличение, если бы последнее происходило без всякого плана и регулирования с нашей стороны, привело бы к тому, что рост одной отрасли стал бы подкашивать другую отрасль. Конечно, особенно похвастаться мы здесь не можем, наблюдаются факты пережитка старой психологии, которая до сих пор дает печальные результаты.

Я хочу указать на один пример — на Донбасс, он характерен для наших производственных планов и того, как они выполняются. Программу Донбасса мы пересматривали в этом производственном году два раза. Рассматривая программу в начале операционного года, мы установили валовую добычу Донугля, если не ошибаюсь, в 400 или 412 млн пуд. В январе мы, по настоянию представителей Донбасса, пересматривали эту программу вторично и установили программу в 450 и максимум в 500 млн пуд. Эта максимальная программа была установлена, несмотря на наличие явных затруднений со сбытом угля: ведь пришлось тогда прибегнуть даже к образованию специальных комитетов по пропаганде в стране донецкого угля, по пропаганде его сбыта.

А операционный год закончился не с 412 млн пуд., не с 450 и не с 500 млн пуд., которые мы давали, как максимальную программу; операционный год дал 540 млн пуд. Если вы примете во внимание, что эта программа предполагала количество рабочих в 100 тыс. чел., а Донуголь кончил этот год со 126 тыс. рабочих, а вместе с тем новых рынков в соответствующих размерах для угля мы за это время не открыли, что вы поймете, почему Донуголь переживает очень трудный момент. Исходя из похвального и хорошего желания дать как можно больше угля, забыв, что это желание было похвально в 1921, в 1922 г., но теперь, когда у нас есть коекакие производственные программы, хотя бы далеко несовершенные, в которых происходит сочетание угля с нефтью, угля с банками, угля с государственным бюджетом, когда от хорошего желания произвести как можно больше угля дают на 50 млн пудов больше программы, тогда потребность в оборотных средствах повышается, кредит оказывается недостаточным, заработная плата задерживается, а все это экономически и политически приносит большой вред. Я взял этот пример истории производственной программы Донбасса и истории выполнения этой программы для того, чтобы показать, с какими явлениями нам, в области увеличения массовой продукции, приходится еще иметь дело. Но, во всяком случае, мы имеем несомненно обстановку для промышленности чрезвычайно благополучную.

Вопрос о том, дает ли наш крестьянский рынок в этом году, несмотря на неурожай, место для расширившейся продукции, можно считать решенным в положительном смысле. Можно ли ждать какого-нибудь обратного толчка? Начиная с июля месяца товарищи, следящие за конъюнктурой, предупреждали нас, что-де в этом месяце спрос растет, но, смотрите, в сентябре начнет падать; а в следующем месяце они опять говорили: спрос растет, но, смотрите, в октябре он будет падать. Пока же мы наблюдаем напряжение спроса, которого мы удовлетворить не можем... Из месяца в месяц мы отмечаем недостаток товаров — тех товаров, которые наиболее ходки и скорее всего должны были бы быть брошены на крестьянский рынок. Ситуация сейчас прямо противоположна в этом отношении ситуации осени прошлого года.

Так вот, на этом фоне и с этими запасами промышленных изделий, с этими тенденциями промышленного развития мы вступили в новый хозяйственный год и столкнулись с таким явлением, которое наложило отпечаток на всю нашу политику. Это явление характеризуется следующим образом.

Заготовительная цена на рожь 1 октября 1923 г. была в червонных копейках в среднем по СССР 37 коп. за пуд. 1 июля, когда мы приступили к новому хозяйственному году, или когда мы обдумывали те задачи, которые встанут перед нами в новом хозяйственном году, рожь стоила 1 руб. 03 коп. Для пшеницы цены

таковы: 1 октября 1923 г.— 62 коп., 1 июля 1924 г.— 1 руб. 54 коп. Соответственные цены мы имеем для овса и ячменя. Я не ручаюсь за копейки, вы знаете, как расходятся цифры у наших статистических учреждений, я беру цифры наиболее достоверные. Смысл явления совершенно ясен. Мы наткнулись к началу нового года на повышение хлебных цен, которое требовало от нас решения: или итти по линии стихийного подъема хлебных цен, или итти по линии обдуманной, планомерной, целесообразной политики, которая не могла быть ни чем иным, как попыткой борьбы за нормальные хлебные цены.

Могли ли мы пойти на то, чтобы положить в основу своей экономической политики подчинение этому стихийному росту хлебных цен? Для нас совершенно ясно, что это было бы абсолютно недопустимо. Если бы мы взяли за базу цены, которые были к 1 июля, это обозначало бы немедленное вздорожание всех товаров, соответствующее повышение заработной платы, совершенно непосильное увеличение платежей со стороны государства,— а вы знаете, что государство является главным потребителем всяких продуктов,—и, конечно, крушение твердого рубля. На это закрывать глаза было нельзя. Установить или допустить, чтобы в стране установилась цена на рожь в три раза большая, чем в прошлом году, это означало бы итти на полный крах. Мы перестали бы быть хозяевами экономической политики. Хозяином был бы тот, кто сумел бы скупить за эту цену хлеб. Он диктовал бы размер и высоту заработной платы, а мы тащились бы в хвосте у того скупщика и кулака, у которого в руках оказался бы этот хлеб.

Путь подчинения стихийно установившимся ценам был исключен. Перед нами встала задача снижения цен. В прошлом году наша политика была основана на том, чтобы дать крестьянину более высокую цену, дать ему вместо 37 коп. 60—70 коп., цену, которую мы могли бы сбалансировать с общим состоянием народного хозяйства и которая могла бы оказаться по силе рабочему государству. Но мы не могли дать 1 руб. 03 коп. или 1 руб. 54 коп. Такова была ситуация.

Задача заключалась в одном: сделать так или поставить государство в такое положение, чтобы рабочий в Москве платил за фунт хлеба 4 коп. теперь и не был бы вынужден в мае месяце или апреле месяце платить 7 или 8 коп. Итти на то, чтобы в продолжение нескольких месяцев цены на хлеб в Москве, в Ленинграде, в Иваново-Вознесенске, на Урале выросли с 4 до 7—8 коп.,— итти на это мы не могли. Мы должны были овладеть хлебным рынком. Подсчеты, которые были сделаны и которые, как всякие подсчеты, конечно, требуют поправок в ту или другую сторону, указывали на то, что, если мы хотим овладеть внутренним рынком, если мы хотим иметь маневренные запасы хлеба, которые позволили бы держать на определенном уровне хлебные

цены, если мы хотим дать возможность снизить цены в голодающих районах, спабжая их хлебом, то это требует того, чтобы в течение года мы оказались хозяевами запасов хлеба в 400 млн пуд. Перед нами встала задача собрать в руки государства 400 млн пуд. хлеба, причем подход к этому собиранию хлеба состоял в том, чтобы собирать этот хлеб не по тем ценам, которые диктовал нам рынок, а по тем, которые соответствовали бы справедливым требованиям крестьян, нашим бюджетным ресурсам и бюджету рабочего, соответствовали бы его заработной плате.

Я должен сказать, что не только лимиты, ограниченные, сжатые цены были средством для изменения конъюнктуры хлебного рынка; другим средством, которое было у нас, был отказ от экспорта хлеба. Мы вывезли в прошлом году 200 млн. пуд. хлеба. В этом году мы отказались от экспорта хлеба в том смысле, что программа экспорта, которая должна была бы начать осуществляться уже, теперь отложена. Есть постановление, которое говорит, что ни один пуд хлеба не может быть вывезен из Советского Союза без постановления СТО. В эти 400 млн пуд. хлеба, которые мы должны заготовить, внесено, как цифра условная и на всякий случай, так сказать, только 75 млн заготовки для экспорта, который будет произведен, однако, только в связи с конъюнктурой, которая может выясниться в декабре или январе, а до того—ни одного пуда.

И, наконец, у нас находится в руках еще один рычаг, при помощи которого мы могли бы осуществить данную задачу,— это сельскохозяйственный налог. План наш был таков: купить 400 млн пуд. хлеба в среднем по 75 коп. за пуд для всех культур и для всех районов, что, конечно, дает большую шкалу колебаний, вместо тех цен, которые я вам указал, действуя приостановкой экспорта, сочетанием заготовок и сбора налога и, наконец, определенной политикой цен хлебозаготовляющих организаций.

Что обозначали лимиты? Лимиты обозначают: так как семь наших государственных и кооперативных организаций являются крупными закупщиками хлеба, то они должны заготовить этот хлеб, купить его так, чтобы он обошелся в среднем 75 коп. пуд, считая все культуры.

Я должен сказать, что маневр наш далеко не закончился. На это я и хотел бы обратить ваше внимание. С одной стороны, налог оказался легче, чем мы предполагали. В самом деле, предположение НКФ было 450 млн руб. Мы установили 400 млн руб., потом грянул неурожай, и мы с 400 млн съехали на 340 млн. Эти 340 млн оказались недостаточно вескими в общем сельскохозяйственном бюджете, чтобы влиять на хлебозаготовки. Благодаря слабому поступлению на рынок хлеба, мы не имеем воз-

можности выполнить ту заготовку хлеба, которая была нами намечена по плану.

Мы имеем два просчета: с одной стороны, просчет, указанный мною по сбору сельскохозяйственного налога, а с другой стороны, просчет, связанный с нашей политикой в июле месяце, когда мы, под влиянием реальной потребности в семенах, давали за семена такие цены, как 103 коп. или 154 коп.: это цены на 1 июля, т. е. в период заготовки семян.

По всем отчетам, а также по данным Госплана, выходит, что благодаря завозу семян озимая площадь увеличилась в неурожайных губерниях. Это, конечно, очень хорошо, но это достигнуто при таком вздутии цен в июле, которое заставило нас затем, в августе, сентябре и т. д., иметь дело с целым рядом отрицательных явлений и вести борьбу за снижение цен, которые мы сами вздули заготовками семян в большом количестве, но без особого плана и подсчета.

Вот, товарищи, два просчета, которые мы сделали: с одной стороны, слишком легкий налог, а с другой стороны, очень высокие цены, которые мы давали за семена. К этому надо прибавить третий просчет: опоздание с развертыванием промышленности. В результате и получилась та неблагоприятная картина, о которой я говорю.

Мы проделали этот маневр таким образом, что получился недобор на 20 млн пуд. Октябрь месяц является кульминационным, потому что в ноябре начинается распутица. И вот мы должны были для выполнения нашего плана приобрести 88 млн пуд., а удастся приобрести не больше 45. Первая десятидневка нам дала 11 млн. Помножить на три — это дает 33 млн. Предположим, что сельскохозяйственный налог начнет действовать, и крестьянство начнет вывозить хлеб. Это даст еще известный процент повышения, так что в общем получим 40 — 45 млн вместо 88 млн пуд.

Итак, в июле и в августе мы должны были купить 25 млн, мы купили 42 млн, и это благодаря, главным образом, семенным заготовкам. В сентябре мы должны были приобрести 55 млн, приобрели 34. В октябре должны были купить 88 млн, получили за первую декаду $11^1/_2$ млн, т. е. $13^0/_0$ от месячного плана. Вот наша нехватка.

Заодно назову и цифры поступления сельскохозяйственного налога, ибо они увязаны в нашем плане с цифрами хлебозаготовок, как два рычага. Мы должны были получить на 1 ноября 155 млн руб. Мы имеем до сих пор 57 млн сельскохозяйственного налога. Если угодно, посмотрим, что представляют собой эти цифры по сравнению с прошлым годом.

На 1 октября прошлого года было выполнено $21^0/_0$ всего налога по всему Союзу. В этом году на 1 октября мы имеем

выполнение только 10%. Если взять по РСФСР, мы имели в прошлом году на 1 октября 20% выполнения плана. Теперь мы имеем по РСФСР на 1 октября 5,38%. При таком характере поступления сельскохозяйственного налога естественно, что и стоящие от него в зависимости хлебозаготовки и поступление хлеба на рынок оказываются также дефицитными.

Я думаю, ЦК должен взглянуть на все это, однако, не только с точки зрения невыполнения сельскохозяйственного плана. Тут возможны еще поправки. Возможно, что план растянется на более долгий срок. Возможно, что мы должны будем пересмотреть его исходную цифру — 400 млн. Но нужно пересмотреть положение с точки зрения политической.

Я остановлю ваше внимание на одной диаграмме. [1]

Вот средняя прямая линия показывает планы хлебозаготовок, сельхозналога и назначенных нами лимитных цен, условно изображенные за 100%. Каждая кривая имеет подпись, что она означает, и показывает отклонение от этого плана. Первая кривая сверху, изображенная точками, показывает цены на пшеницу и их отклонение от лимитов по месяцам, обозначенным внизу. Вторая кривая, изображенная сверху черточками, изображает цены на рожь. Вы видите, мы добились снижения цен, они идут вниз, но вы видите, что мы далеко не дошли до того лимита, который здесь указан. Реальные цены превышают лимитные цены на 25 — 30%. Третья тонкая кривая, идущая сверху сплошной, показывает заготовки хлеба. А вот самый высокий подъем 146,5% означает период заготовки семян, когда мы платили, сколько угодно было крестьянину. Падающая книзу четвертая (толстая сплошная) изображает поступление сельхозналога. Столбики справа означают: 1-й столбик слева, заполненный черным фоном, показывает наш план поступления сельхозналога с июля по октябрь сего года. Примыкающий к нему белый столбик показывает реальное выполнение наших предположений, выразившихся в 87% по отношению к плану поступления. Следующие 6 столбиков, соединенные между собою общей чертой внизу, показывают план и фактическое выполнение хлебозаготовок по СССР в тысячах пудов. (Условность изображения та же, что и в столбиках поступления сельхозналога.) Первые два показывают план и выполнение хлебозаготовок за июль—август, третий и четвертый — за сентябрь, а пятый и шестой показывают общую сумму заготовок этих месяцев.

Есть одна область, юго-восточная, которая при сочетании всех благоприятствующих хлебозаготовкам условий оказалась наиболее исправной.

---

[1] См. приложение 1-е.

Вот диаграмма № 2, [1] в которой условные обозначения линий и столбиков те же, что и в первой; разница только в том, что эта диаграмма отражает движение тех же процессов (цены, заготовки, сельхозналог и лимиты), что и в первой, но по одному только юго-востоку.

Разбирая движения кривых в этой диаграмме, мы приходим к выводу, что в ней линия сельскохозяйственного налога нигде не падает ниже плана, и, благодаря этому, хлебозаготовки не падают ниже намеченных, и хлебные цены держатся почти линии лимитов. Это юго-восточная область, которую я привел как образец, которая показывает, что при определенном плане и нажиме на сельскохозяйственный налог, при твердой политике сохранения лимитов мы могли бы добиться таких результатов, которых мы хотели добиться.

Общая же картина показывает, что мы этого не добились. Мы имеем и несомненные успехи. Вы помните, товарищи, цифры цен на 1 июля. Если посмотреть на 1 октября прошлого года, то то, что стоило 103 коп., теперь стоит 80 коп., что стоило 154 коп., то теперь стоит 118 коп. Так что, если сравнить эти три группы хлебных цен на 1 октября прошлого года, 1 июля и 1 октября 1924 г., то мы имеем повышение цены ржи с 37 коп. до 103 коп. и затем снижение на 80 коп.; фактически крестьянин получает сейчас вместо 37 коп. — 80 коп., а 80 — это для нас еще очень дорого и очень высоко, это выше тех лимитов, на которые мы рассчитывали, но это все-таки снижение на 22% против июльских цен, но вместе с этим это обозначает удвоение цен на хлеб для крестьянства. Это несомненный выигрыш для крестьянства. Такая же картина и по другим хлебам.

Мы имеем несомненное снижение хлебных цен, но мы еще не добились того, чего мы стремимся добиться. Какие же результаты этого? Если между нашими лимитами и фактически установившимся снижением цен существует щель, то ясно, что сюда, в эту щель, лезет частный капитал. Мы предполагали, что частный капитал будет иметь известный участок на хлебном фронте: известная доля, — одна четвертая, одна пятая хлебозаготовок, хлебных закупок, ведущихся между губерниями, — внутрирайонные переброски хлеба, — останутся в руках частного капитала. Было бы донкихотством думать, что мы все сможем взять в свои руки. Но эта доля, которая сознательно отводилась частному капиталу в деле хлебозаготовок, — она превзойдена частным капиталом благодаря этой щели между лимитными и рыночными ценами. В результате недели две — три тому назад мы переживали чрезвычайно большой нажим и давление со стороны, главным образом, мест, которые в свою очередь, ведя дружное проведение

[1] См. приложение 2-е.

лимитов и закупку у себя на местах, в то же время требовали от нас изменения политики.

Если продумать до конца то, что требовали от нас места три — четыре недели тому назад, то это означало бы: откажитесь от лимитов, иного смысла это требование не могло иметь. Свободная торговля существует сейчас, но мы свободную государственную торговлю проводим сейчас по известному плану, и не понимающие от нас требовали — откажитесь от лимитов, т. е. откажитесь от планового руководства. Но повести такую политику, которая знаменовала бы отказ от лимитов, отказ от плана, мы, конечно, не могли. Мы с государственными учреждениями проводили очень строгую политику, иначе нельзя было делать в такой момент.

Но главное, конечно, товарищи, не столько в области зажимания частного капитала, сколько в области того, чтобы решить вопрос: нужно ли нам отступление на этом фронте?

Мы приняли ряд мер, несколько смягчающих установленные нами твердые рамки, во-первых, относительно районирования лимитов, т. е. мы рассматриваем лимиты как некоторые средние по губерниям и районам, которые позволяют варьировать на местах. Вторая мера заключается в том, что лимиты, которые нами рассматривались как лимиты, которые должны получить крестьяне, сдавая свой хлеб на местах, рассматривались некоторыми товарищами таким образом, что при нашем лимите в 60 коп. умудрялись платить крестьянину 20 и 25 коп. Вот мы, в связи с этим, и приняли меры, которые указывают на то, что крестьянин должен вознаграждаться тогда, когда доставляет хлеб за 30 или 50 верст, и, наконец, что для крестьянина должен быть установлен известный минимум, чтобы такого безобразия, что платят 20 коп., при лимите в 60 коп. не было.

Иными словами, лимиты надо проводить, попросту говоря, с умом. Все эти меры, товарищи, к чему могут привести? Мы рассчитаем таким образом: мы хотим заготовить 400 млн пуд. хлеба в среднем по 70 коп. за пуд; это значит, государство хочет заплатить 300 млн руб., чтобы купить эти 400 млн пуд. хлеба. Товарищи, видимо нам не удастся на 300 млн руб. купить 400 млн пуд. хлеба. Возможно, что мы купим меньше хлеба. Так, например, цифра экспорта, которая входит в 400 млн; видимо, с ней придется распрощаться. Рассматривая хлебный баланс, мы приходим к тому заключению, что, пожалуй, нам обеспечить хлебного экспорта не удастся, несмотря на то, что это ставит кувырком весь наш экспортный план, а также и импортный план, которые я приведу, и при рассмотрении которых вы убедитесь, какую громаднейшую пертурбацию в экспорте и импорте произведет эта внутренняя перетряска. Это — с одной стороны. С другой стороны, возможно, что мы не сможем в той степени овла-

деть хлебным рынком, в какой мы хотели, если бы имели в руках 325 млн пуд. И то хорошо, что мы будем иметь 250 млн пуд. Мы думаем, что все эти меры — районирование, доплата на улучшение зерна, доплата на подвоз, — все это, вероятно, обойдется нам что-то в роде 50 млн руб., дополнительно к тем 300 млн руб., которые были ассигнованы. Но с этой добавкой нам удастся разрешить поставленную себе важнейшую задачу. Сейчас нет ни одного голоса, который говорил бы за то, что лимиты надо отменить. Мы в общем и целом определили правильную линию, маневр задуман правильно, цифры определены правильно. Мы на первых порах проводили это на местах слишком топорно, — вместо того чтобы проводить гибкую тактику. Но при применении всех этих улучшений мы, вероятно, эту задачу успешно закончим.

Теперь обращаюсь к тем изменениям, которые вносит создавшееся внутреннее положение в следующий план, который определяет наше хозяйственное развитие. Обращаюсь к рассмотрению экспортного и импортного плана. Этот план, благодаря тому, что мы должны были признать или полный отказ от экспорта хлеба, или, во всяком случае, громаднейшее его снижение, этот план переменил всю свою структуру, но все же, надо сказать, что план этот остается активным, т. е. с активным сальдо в нашу пользу. [1]

Мы предполагаем вывезти на 466,3 млн и привезти на 392,4 млн руб. Таким образом, мы будем иметь сальдо в нашу пользу — 73,9 млн руб., против прошлогоднего активного сальдо в 120 — 130 млн руб. Мне кажется, вопрос о том, что нам необходим активный баланс, не возбуждает ни в ком сомнения. Я полагаю, что если мы придем к выводу пессимистическому, если окажется пассивный баланс, то и бывшие противники активного баланса не будут этому радоваться. Итак, по плану мы имеем 73,9 млн актива в нашу пользу. Но это соответствует тому случаю, если мы будем вывозить 75 млн пуд. хлеба. Если мы отказываемся от этого, мы получаем минус — перевес ввоза над вывозом. Вот как составлен экспортный план (я буду называть самые кардинальные цифры, которые дают общую картину). Наших основных товаров: хлеба, льна, леса, пушнины, масла, яиц, нефти, марганца — на общую сумму 386,7 млн руб. На 79,7 млн руб. всяких мелочей от $^1/_2$ до 5 млн руб. В общем сумма вывоза составит 466,3 млн руб.

Что мы ввозим? Мы должны ввезти на 100 млн. руб. хлопка, — это основная статья, на 30 млн фабрично-заводского оборудования, на 26,7 млн. машин и всяких прочих продуктов сельского хозяйства. Далее идут чай, сахар, шерсть, кожсырье, химикалии и цветные металлы на общую сумму 109 млн руб.

---

[1] См. приложение 3-е.

Если разделить по сортам, то выйдет, таким образом, что сырья промышленного необходимо ввезти на 154,6 млн руб. и для сельского хозяйства машин и предметов потребления в роде чая и сахара — на 91,6 млн руб., на 146,3 млн всяких вещей, а в общем мы получаем ввоз на 392,4 млн. Этот ввоз не подлежит сокращению.

Самый центральный элемент, занимающий целую четверть, — это на 100 млн. хлопка. На эти деньги мы получаем $4^1/_2$ млн пуд. хлопка, который необходимо ввезти дополнительно к 5 млн пуд. хлопка, которые мы имеем в Туркестане, чтобы текстильная промышленность работала на 30 — 35% больше, чем в прошлом году. Этим мы обеспечим разворачивание текстильной промышленности, которое абсолютно необходимо, чтобы удовлетворить потребности крестьянства и не создать разрыва. Для этого требуется потратить 100 млн руб., чтобы купить американский хлопок. Добавлю: если мы ввезем американский хлопок, затратив на это 100 млн руб., кроме того, переработаем великолепнейший урожай нашего хлопка, который есть в этом году, а мы имеем в два раза больше хлопка, чем в прошлом году, потому что в прошлом году у нас было $2^1/_2$ млн пуд., а в этом году 5 млн пуд., если к этому повышенному урожаю, неслыханному, в два раза большему, чем в прошлом году, мы добавим американский хлопок,—мы сможем довести продукцию текстильной промышленности лишь до 63% довоенных. Таким образом, вы видите, что сжимать ввоз нам почти не на что. Что касается сахара и чаю, — которые привлекают внимание, и здесь можно поставить вопрос, зачем их ввозить, — то это такой товар, который выгодно ввозить. У нас нет чаю и мало сахара для того, чтобы держать цены на определенном уровне и получать известную прибыль.

Что же мы можем противопоставить этому ввозу? Я сказал уже, что наш экспортный план составлен таким образом, что весь он держится на сильнейшем увеличении вывоза нефти и на сильнейшем увеличении вывоза леса.

Вы понимаете, что экспортный план, составленный таким образом, благодаря тому, что из него выпало 200 млн пуд. хлеба, требует работы и большой работы, и, во всяком случае, требует всяческого нажима на промышленный экспорт.

Теперь, после рассмотрения хлебозаготовительного и экспортно-импортного плана, я остановлюсь на нашем бюджете только для того, чтобы указать некоторые общие соображения, потому что специально о бюджете т. Сокольников будет читать нам особый доклад.

Так вот, товарищи, перед нами годовой бюджет. По этому годовому бюджету мы должны истратить в этом году 2100 млн руб. Эти наши расходы представляют собой минимум из того, что нужно, потому что расходы эти наши складываются из сле-

дующих статей: 850 млн расхода идет на железные дороги, на почту и телеграф, которые покрываются их же собственным доходом, т. е. это оборотные средства в бюджете. Мы на железные дороги расходуем 780 млн руб. и балансируем. Т. Рудзутак высказывает мнение, что мы этого дохода от железных дорог не получим. Правда, он добавляет, что этот расход мы все-таки произведем, неизвестно только за чей счет. Если сосчитать железные дороги и Наркомпочтель, то в расходах 2100 млн руб.,— 850 млн. являются средствами оборотными. Если сюда теперь добавить 400 млн расхода на оборону, то получается 1250 млн. Если вы вычтете это из 2100 млн, то вы понимаете, что на все остальное, на всю дотацию промышленности, на весь государственный аппарат, на всю организацию кредита крестьянам, на всю помощь голодающим нам остается 850 млн руб. на год. Вот как построена расходная смета бюджета.

Что же мы имеем в качестве доходов?

Этот бюджет имеет ту новую и чрезвычайно важную черту, что в нем нет ни одной копейки бумажной эмиссии. То, что будет завтра или послезавтра,— принятие сессией ЦИК декрета о прекращении эмиссии бумажных денег,— целиком предусмотрено этим бюджетом.

Главный доход составляет у нас 414 млн прямых налогов, из них 250 сельскохозяйственного и 300 млн косвенных налогов и акцизов. Далее расходы распределяются: 40 млн идет на сельское хозяйство и 48 на помощь пострадавшим от неурожая, 102 млн пойдет на разного рода затраты по промышленности, электрификацию и т. д. (с места: «мало»). Конечно, мало, только для тех, которые не знают, сколько промышленность нам дает. Я утверждаю, и мы не расходимся с т. Пятаковым, что в этих 2 млрд 100 млн руб. дохода промышленность участвует всего 150 млн рублей. Но это наш первый бюджет без эмиссии, и этот бюджет все-таки опровергает всякие предсказания, что наша денежная реформа запнется о бюджетный дефицит и сломит себе голову.

При дальнейших операциях мы должны будем считаться с рамками, которые ставит этот бюджет. Если мы обратимся к бюджету, по которому мы живем сейчас, вы увидите, что из этих 2 млрд 100 млн руб. мы предполагаем израсходовать в первый же квартал 600 млн. Правда, первый квартал всегда требует больших расходов, но мы не гарантированы, что не потребуется их и во второй квартал.

Как наша политика в области хлебных цен, так и бюджет должны были явиться испытанием нашей денежной реформы. Вы знаете пессимистические голоса, которые говорили: да, первые месяцы денежная реформа вам удастся, но август, сентябрь, новый бюджетный год покажет, что это построено «на песке». Но мы

не только прожили август и сентябрь, мы не только имеем новый бюджет, но мы имеем неурожай довольно крупных размеров, необходимость восполнить дыру, которая сделана в хозяйстве этим неурожаем, мы имеем страшный скачок хлебных цен. В связи с этим вырастала действительная опасность того, что под влиянием этих обстоятельств денежная реформа может покачнуться. Она, однако, не покачнулась, и испытание мы выдержали, и, не закрывая глаз на те тяжелые стороны бюджета, которые налицо, мы можем утверждать, что денежную реформу окончательно закрепим.

Я прошу обратить внимание на сведения, которых я теперь коснусь. Мы вступили в март месяц этого года с денежным обращением в 300 млн руб. золота. Мы имеем сегодня, именно на 11 октября, 658 млн руб. всей суммы денежного обращения. Тем самым мы увеличили сумму денег в обращении народного хозяйства с марта, — с момента денежной реформы по 11 октября на 358 млн руб.

Если вы хотите, я могу назвать порции, которыми мы составили эти дополнительные 358 млн руб. В марте мы пустили в денежное обращение 39 млн руб., в апреле — 47 млн руб., в мае — 28 млн руб., в июне — 17 млн руб., в июле — 33 млн руб., в августе — 56 млн руб., в сентябре — 50 млн руб. Рекомендую эти цифры вниманию всех товарищей, которые, превысив производственную программу, приходят и говорят, что вам стоит еще выпустить миллиончик — два.

Мы выпустили в народное обращение на почве денежной реформы новых 350 млн руб. Естественно, что было бы, ежели бы при этом ценность денег немножечко покачнулась.

Однако, мы сейчас имеем повышение покупательной способности червонца с августа по сентябрь на 5%, а общая картина покупательной силы червонца вот на этой диаграмме. [1]

Как по оптовому индексу Госплана, так по розничному, т. е. по ценам вольного рынка, в момент денежной реформы в марте и сейчас (месяцы обозначены внизу диаграммы) покупательная сила нашей твердой валюты стоит на одном уровне.

Тогда эта покупательная сила по розничным ценам была 48,8 — теперь 47,6. После того как эта покупательная сила потерпела благодаря высоким хлебным ценам понижение, она теперь явно поднимается. Влив в народное обращение триста миллионов рублей, мы довели денежное обращение до такого состояния, которое мы имели в виду при начале реформы, т. е., что мы придем к середине октября, к моменту хлебозаготовок, с общим денежным обращением в 700 млн руб. Мы имеем теперь 658 млн, т. е. через две недели мы будем иметь все 700 млн. Эти 700 млн денежного

[1] См. приложение 4-е.

обращения, достигнутые нами путем удвоения количества денег в стране в течение с марта по октябрь, и достигнутые так, что червонец, претерпев некоторые колебания, стоит теперь на том же самом уровне, на котором застала его денежная реформа, — это показывает, что червонец есть твердая валюта. Я не даю сравнения червонца с иностранной валютой, но скажу, что сравнение между червонцем, долларом и фунтами стерлингов указывает на стабильность нашего червонца. Мы имеем, таким образом, здоровое денежное обращение с твердым рублем и прошли через самый трудный момент, момент, когда высокие хлебные цены могли бы сорвать нашу денежную реформу.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на ту опасность, которая перед нами раскрывается с другой стороны и на которую до сих пор не обращалось достаточного внимания. Это вопрос о ножницах в области оптовых и розничных цен. Вот цифры для сентября месяца. Сельскохозяйственные товары превышают в рознице оптовые цены на 23%, промышленные товары — 37%, все товары в среднем — 31%. Так как розничная цена есть именно та цена, которая определяет зарплату рабочих, которая известна населению, — это та цена, по которой обыватель, рабочий, крестьянин-потребитель узнают нашу государственную промышленность, — то это расхождение розничных и оптовых цен на 33% представляет громаднейшую опасность. Дело в том бестоварье, нехватке товаров, на которые я указывал в самом начале. При нехватке товаров наше регулирование оптовых цен может оказаться орудием обогащения частного капитала, который кладет разницу в свой карман до тех пор, пока органы государственной торговли, кооперации не направят эту прибыль в карман государства. До сих пор этого нет, и поэтому одна из очередных задач — это обратить внимание на то, чтобы эти ножницы розничных и оптовых цен сжать, как удалось сжать ножницы, которые беспокоили нас в прошлом году.

Кончая свое сообщение, я должен сказать, что мы имеем явно повышательную тенденцию промышленности при недостатке средств для кредитования промышленности, мы имеем увеличение промышленного производства, расширение рынка и можем итти вперед без опасения получить обратный толчок со стороны крестьянского рынка.

С другой стороны, мы имеем незаконченный маневр на хлебном рынке, которым мы должны попытаться овладеть, приспособляя больше, чем до сих пор, нашу политику к особенностям хлебного рынка. При этих условиях, если мы и выйдем из этой кампании с несколько урезанной заготовкой хлеба, мы все же получим твердую базу, чтобы осуществить намеченный бюджет и провести наш экспортный план, а, следовательно, и обеспечить расчетный баланс.

Итог: мы идем вперед; восстановление промышленности, а, следовательно, укрепление социалистических элементов хозяйства, серьезно двинулось вперед; в области сельского хозяйства неурожай задержал, но не прервал роста благосостояния крестьянства и расширения рынка для промышленности. Эмиссия прекращена. Денежная реформа закреплена. Мы можем бодро смотреть вперед.

Отвечая на замечания, сделанные членами ЦК во время развернувшихся по докладу прений, т. Каменев дополнил в заключительном слове свой доклад следующими выводами:

— Мы собрались в ЦК осенью, и полезно было бы сравнить эту осень с осенью прошлого года. Осень прошлого года принесла партии довольно значительные потрясения, и теперь, оставляя в стороне все привходящие элементы, мы можем сказать, что потрясение в партии осенью прошлого года базировалось на некоторой неустойчивости тогдашних экономических условий: это было облечено в известные формы, даны были формулы, было сказано, что партия стоит накануне краха, накануне крушения, что политика партии гибельна для промышленности.

Теперь мы можем подвести итоги. Да, и за истекший год были сделаны некоторые ошибки, например, в проведении лимитов. Но каковы общие итоги сравнительно с осенью прошлого года? Где критерий для того, чтобы оценить, кто оказался прав на протяжении этого годового испытания той и другой политики, политики ЦК и политики, ей противополагавшейся? Мы имеем стойкое расширение промышленности, мы имеем стойкую, совершенно явственно поднимающуюся линию, для срыва которой нет никаких оснований; мы имеем несомненное расширение общей покупательной способности крестьянства. Мы имеем, затем, не только обещание денежной реформы, не только план денежной реформы, не только попытку проведения денежной реформы, — мы имеем *проведение* денежной реформы, уже испытанной на факте прекращения эмиссии, — ибо это первый бюджет, который составлен без эмиссии, — и испытанной на *расширении* бюджета. Мы имеем расширение бюджета, не включающее эмиссию после испытания денежной реформы на высоких хлебных ценах, и денежную реформу осуществленной. Наконец, на фоне общего улучшения хозяйства мы имеем усиление социалистических элементов нашего хозяйства, чего отрицать никто не решится.

Да, мы имели щель в нашем хозяйстве, и частный капитал прорывался в эту щель, но в общем и целом мы, как партия, как государство, держим в руках более крепко те основные, ключевые позиции, которые даны Октябрьской революцией, — это несомненно. За этот год мы не ослабили нашей социалистической крепости, частный капитал не захватил нас, а, наоборот,

наше командующее положение в общем развитии народного хозяйства усиливается, и эта тенденция тоже стойка, — всего этого тоже отрицать нельзя. Это значит, что политика, намеченная осенью прошлого года, была правильная, — она проверена двенадцатью месяцами, проверена неурожаем, проверена высокими хлебными ценами, проверена в общих тяжелых условиях и оказалась правильной.

Но не все задачи разрешены. Я скажу, что задача завоевания хозяйственных позиций на хлебном рынке есть задача, над которой мы должны еще биться. Бестоварье — это задача, проблема, которая должна быть еще решена. Бестоварье, которое грозит стать источником новых трений между рабочим и крестьянином, между городом и деревней, остается проблемой, еще окончательно не решенной, которую нам придется еще решать.

Наконец, то, что я указывал и о чем говорил также т. Сокольников. Это новые ножницы между розничными и оптовыми ценами, когда розничные цены превышают оптовые на 30%. Это явление указывает на то, что мы держим в своих руках оптовую торговлю, что мы справляемся с товарами, когда они выходят с фабрики, но что дальше мы с ними не справляемся — руки еще коротки, еще не научились.

От чего это зависит? Это зависит от того, что у нас все еще плохая организация торговли, что у нас все еще слабая организация кооперации. Это зависит, конечно, и от того, что мало товаров. С этими проблемами мы еще не справились, над ними нужно еще биться.

Общий итог таков: общая политика оказалась правильной; несмотря на неурожай, все задачи поставлены и решены правильно; мы выдержали испытание, но остался еще ряд задач, над которыми придется поработать.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ВКП (б) 29 ОКТЯБРЯ 1924 г.

Товарищи, пленум ЦК рассмотрел ряд частных вопросов, которых я коснусь в начале своего доклада для того, чтобы сосредоточиться затем целиком на тех основных вопросах, которыми был занят пленум и которые можно сформулировать в одном слове, ибо центром пленума, который закончился позавчера, был вопрос о крестьянстве.

Если вы посмотрите повестку дня закончившегося пленума, то увидите, что там были вопросы о размежевании средней Азии, о создании новых республик и о сроках съездов партии и съездов советов, а также кое-что по поводу ассигнований. Затем был доклад о хозяйственных вопросах, главным образом в связи с вопросами о ходе хлебозаготовок и сборе налогов. Затем был заслушан доклад т. Рыкова о кампании помощи голодающим районам, далее доклад т. Молотова о постановке партийной работы в деревне и, наконец, доклад о Грузии. Вот четыре основных доклада минувшего пленума. По существу они представляют один вопрос о крестьянстве, ибо и в области хозяйственных вопросов центральным являлся вопрос о сельхозналоге и хлебозаготовках, т. е. вопрос чисто крестьянский. Заслушанные пленумом доклад т. Рыкова о помощи неурожайным крестьянским местностям, доклад о работе в деревне и доклад о Грузии, т. е. вопросы о причинах и характере тех движений, которые были в Грузии, — все они упирались в вопрос о крестьянстве. Таким образом, по моему, кардинальным вопросом, который рассматривался пленумом и который освещался с разных точек зрения, был наш подход к крестьянству и те шаги, которые партия должна принять в этой области для того, чтобы укрепить диктатуру пролетариата, для того, чтобы не подвергать ее таким толчкам, которые сейчас чувствуются особенно сильно и которые более или менее рельефно сказались на таких событиях, как события в Грузии.

Раньше чем обратиться к этому кардинальному вопросу, я перечислю предложения и решения по первому вопросу — о партийном съезде и партийной конференции. Тов. Калинин поста-

вил вопрос о том, чтобы Съезд Советов, который должен был состояться в январе или, в самом крайнем случае, в начале февраля, отложить до апреля месяца, в виду того, что сейчас работает сессия ЦИК'а, и до съезда осталось сравнительно мало времени. Мы на это согласились без всяких возражений. Тогда перед нами встал вопрос о созыве какого-либо партийного авторитетного собрания до Съезда Советов для разработки вопросов, которые там будут разбираться, и мы решили, что для партии выгоднее будет иметь перед Съездом Советов в конце марта партийную конференцию; партийный же съезд отложить до начала осени. Это может вызвать некоторые нарекания в смысле формального нарушения устава, но мы постановили так для того, чтобы перейти к тому, чтобы партийные съезды происходили в начале хозяйственного года. До сих пор партийные съезды происходили в начале мая, затем начинались отпуска, и директивы партийного съезда, вынесенные в марте и апреле, проводились в сентябре — октябре, т. е. весенние решения проводились в жизнь лишь осенью. Нам нужно было сделать так, чтобы не было такой дистанции, а, следовательно, лучше иметь съезд партии перед началом хозяйственного года, т. е. в сентябре месяце, когда под влиянием директив съезда должна начаться самая оживленная партийная работа. Так как этот переход, вообще говоря, когда-нибудь произвести нужно было, то мы и решили, так как теперь только-что кончается сессия, отложить Съезд Советов и перед Съездом Советов в марте месяце иметь партийную конференцию, а осенью партийный съезд, и в дальнейшем уже партийные съезды будут происходить в сентябре. Это решение пленума ЦК не должно являться чем-либо непреодолимым, так как пленум ЦК собирается каждые два месяца, и мы всегда можем сделать так, чтобы съезд был в марте или апреле месяце. Если же партия отнесется к этому благожелательно, то наше решение останется в силе.

Второй частичный, но сравнительно важный вопрос, который заслушал ЦК, — это был вопрос об организации и реорганизации государств, расположенных в Средней Азии. Я на этом подробно останавливаться не буду. Вы об этом прочтете в газетах. Только при нашем строе такую громадную работу, как перестройка целого ряда государств, которую мы произвели в Средней Азии, можно провести так спокойно и смело, не поднимая политических страстей, как это произошло у нас. Пленум ЦК имел дело с законченной работой и он должен был утвердить результаты этой работы. В Средней Азии до сих пор мы имели Туркестан — автономную республику, независимые республики — Бухару и Хиву. Мы произвели реорганизацию, и Туркестан перестал существовать, как отдельная республика. До сих пор он являлся конгломератом отдельных националь-

постей и представлял собой старое царское образование. У царя по военным и политическим соображениям Туркестан представлял отдельную область, несмотря на то, что ни экономические, ни бытовые, ни национальные условия — не отличали Туркестан от других окружающих его областей. Мы применили принцип национального самоопределения и разделили Туркестан, Бухару и Хорезм на две республики: — Узбекскую советскую социалистическую и Туркменскую советскую социалистическую республики. В первую мы включили часть Туркестана, часть Бухары и часть Хорезма. Во вторую отошли: остальные части Туркестана, Бухары и Хорезма. Часть, заселенную киргизами, отнесли к Киргизии. В пределах Узбекской области получилась автономная область — Таджикская. Это изменение повлияло и на весь состав нашего Союза. До сих пор наш Союз состоял из РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР. Теперь в состав нашего Союза входят еще два государства: Узбекская и Туркменская республики. Наш Союз будет состоять из шести равноправных государств. Узбекская и Туркменская республики входят в наш Союз на таких же правах, как УССР и РСФСР. Автономная область Киргизии входит непосредственно в РСФСР. Таджикская область входит в Узбекскую республику. Подробно я останавливаться не буду, скажу лишь, что такое перераспределение государственных границ было вызвано с нашей стороны стремлением создать в каждой из этих республик администрацию и управление из большинства того населения, которое там живет, так как там продолжаются национальная грызня и национальное угнетение. Туркмены рассматривают узбеков как угнетателей, и даже при Советской власти они оказались под властью узбеков. Туркмены, как более отсталые, вперед не продвигались, и все управление находилось в руках более культурных узбеков. Теперь туркмены получили свое управление и благодаря этому национальная рознь смягчается и окончательно ликвидируется. Управление становится гораздо более близким к крестьянским массам, над которыми оно поставлено. Вот каковы были основы для разграничения. Кроме того, здесь были и те мотивы, что большая часть узбеков находится за нашей границей, так же как и большая часть туркмен. Создание на нашей границе самостоятельной республики будет служить центром притяжения революционного движения туркмен и узбеков, находящихся в Персии, Турции и Индии. Вот те обстоятельства, которые заставили нас произвести разделение. Центральный Комитет, заслушав доклад о том, как удалась эта реформа, не вызвала ли она трений, толков и осложнений, убедился, что спор здесь был небольшой и даже меньше, чем тот, который происходит в Московской губернии при выделении волости. Население эту реформу приняло благожелательно.

Я перехожу к вопросу крестьянскому. Первым докладом на

пленуме стоял доклад о хозяйственном положении, выводах и ближайших перспективах хозяйства. В этом докладе мне пришлось коснуться прежде всего общего экономического состояния.[1] Я об этом говорил на прошлом пленуме Московского Комитета РКП и многого повторять не буду. Скажу только, что в области общего экономического положения и в частности развития промышленности наши предположения за эти два месяца подтвердились полностью. Это один из основных фактов. Вы помните, что в июне месяце, когда пошли сведения о голоде, перед нами стоял вопрос: куда держать руль? Раз неурожай, то крестьянство будет беднеть, потребности его в городской промышленности и продукции будут ослабевать. Перед нами стал вопрос: не вести ли промышленность на сокращение. Мы тогда взвесили размер неурожая и решили, что этот курс был бы неправилен, что нужно итти на расширение промышленности. Теперь мы имеем возможность проверить это на опыте. Причем тогда мы имели в виду расширение промышленности не вообще, а расширение промышленности, связанное с понижением цен и, следовательно, с завоеванием крестьянского рынка. Мы имели в виду приспособление нашей промышленности к потребностям крестьянства. И эта линия оказалась совершенно правильной. Для того чтобы охарактеризовать, какой размах получила наша промышленность, я приведу несколько цифр. Я взял для сравнения цифры 4-х месяцев прошлого года и 4-х месяцев этого года. Я взял июнь — июль—август—сентябрь прошлого года и соответствующие месяцы этого года для того, чтобы избавить себя от ошибок и не предаваться излишнему оптимизму. Если констатировать явления на протяжении 4-х месяцев, то можно выявить недостатки и получить точное представление без всякого прикрашивания. Первые цифры касаются валовой продукции нашей промышленности, находящейся в руках государства, не включая ни частной, ни кустарной, ни домашней промышленности, т. е. только той, которую мы держим в своих руках. В июне прошлого года вся валовая продукция промышленности выражалась в 102 млн руб., в июне этого года та же самая промышленность произвела на 125 млн руб., увеличение на 24%. В июле прошлого года произведено было всей продукции на 83 млн руб., в этом году, в том же июле месяце на 122½ млн руб., увеличение на 47%. В августе прошлого года произвели на 95 млн, в августе этого года — 133 млн руб., увеличение на 40%. В сентябре прошлого года произведено было на 110 млн руб., в сентябре этого года — 155 млн руб., увеличение на 41%. Если взять все месяца и сравнивать, то видно, что мы идем каждый месяц с превышением против соответствующего месяца прошлого года. Если

[1] См. выше «Очередные хозяйственные задачи», стр. 171.

взять из месяца в месяц, с июня по сентябрь, то окажется, что мы идем, увеличивая продукцию ежемесячно. В июне этого года произвели на 125 млн руб., а в сентябре на 155 млн руб., следовательно, разворачивание промышленности, рост валовой продукции перед нами налицо. Я должен сказать, что пока есть только приблизительные данные общей продукции за весь прошлый год. В этом году произведено по всем подсчетам на 360 млн руб. больше, чем в прошлом году. Таково положение с валовой продукцией.

Однако, мы должны эти цифры проверить, т. е. нужно спросить себя: может-быть, это какое-либо случайное явление, может быть, произведенная продукция застревает на фабриках и заводах. Тогда та основная беда, которая была у нас в прошлом году — кризис сбыта — может повториться. Теперь это болото как будто бы рассосалось, но для того чтобы это проверить, мы должны обратиться к цифровым данным, характеризующим торговые обороты в нашей стране. Я беру данные об оборотах товарной биржи за четыре месяца прошлого года. Обороты товарной биржи в прошлом году шли таким образом: в июне через Московскую товарную биржу прошло вообще сделок на сумму 138 млн руб., в июле — 156 млн, в августе — 113 млн, в сентябре вместо обычного оживления на рынке мы имеем дальнейшее снижение. В прошлом году в сентябре месяце товар не нашел хода, и через биржу прошло сделок лишь на сумму 98 млн руб. В этом году цифры таковы: в июне обороты Московской товарной биржи выразились в 107 млн, в июле — 145, в августе — 116, а в сентябре — 205 млн — рекордная цифра, неслыханная по размерам цифра, увеличение на 109% сравнительно с сентябрем прошлого года. Но это только в Москве. Можно было бы сказать, что в Москве жизнь развивается быстрее, а потому здесь и процесс товарооборота происходит быстрее. Но мы исходим не только из Московской биржи, мы исходим из данных 40 провинциальных бирж, которые покрывают всю страну. Они представляют массовые явления и показывают, как совершаются торговые обороты. Если взять данные 40 провинциальных бирж, то мы увидим, что в июне прошлого года обороты этих бирж выразились в 55 млн; в этом году — 84 млн, т. е. на 30 млн больше. В июле прошлого года эти же самые биржи обернули товаров на 59 млн, в этом же году на 100 млн, т. е. на 41 млн больше. В августе месяце прошлого года обороты всех 40 провинциальных бирж выразились в 58 млн; в августе этого года на 116 млн. В сентябре месяце прошлого года — 56 млн, в сентябре этого года — 154 млн. Приводимые мною цифры указывают не только на огромное развитие промышленности, но и на то, что она выкидывает все увеличивающееся количество продукции как на Московский рынок, так

и в провинцию, и далее из города в деревню, на что указывают обороты провинциальных бирж. Для большей наглядности продвижения товаров в деревню возьмем отдельные товары, которые более всего интересны для нас и для крестьянства, — текстиль. В августе Московская товарная биржа обернула всякой мануфактуры на 20 млн, в сентябре на 40 млн. Мы видим, что за один месяц обороты увеличились вдвое. В общем и целом общая продукция текстиля — мануфактуры увеличилась на 50%, сравнительно с прошлым годом рост не останавливается, а все время идет вверх. Если эти цифры проверить еще раз, то картина получается довольно приятная. Одним из способов такой проверки является погрузка, грузооборот. Сколько грузится на жел. дорогах в день? В прошлом году ежедневно грузилось в июне 12 тыс. вагонов, в июле 11 тыс., в августе 11,5 тыс. вагонов, в сентябре 13 тыс. вагонов. В этом году в июне — 13 тыс., в июле — 13,3 тыс., в августе — 14,1 тыс., в сентябре — 14,4 тыс. и в октябре по предварительным данным — 17,1 тыс.— рекордная цифра, никогда еще за семь лет такого грузооборота в нашей стране не бывало. Все эти цифры показывают общую картину хода экономического развития.

Несмотря на такое развертывание промышленности, надо признать, что товаров не хватает, для крестьянства не хватает мануфактуры, не хватает соли, не хватает легкосортного железа и вообще таких вещей, которые нужны деревне. При таком разворачивании промышленности мы все еще не можем удовлетворить рынок и в первую очередь — крестьянский. Но мы, вступив в этот хозяйственный год, наткнулись рядом с отрадным явлением роста промышленности на явления стихийного роста цен. Цифр, пожалуй, можно и не приводить. Картина была такая, что в июле месяце цены на хлеб в несколько раз превышали прошлогодние. Перед нами встала задача: итти ли по этому пути стихийного роста цен, или же мы должны принять меры к тому, чтобы цены эти были снижены. И вы знаете, что мы пошли на снижение хлебных цен. Однако, надо сказать, какое политическое значение имело это.

Мы пришли на рынок и заставили снижать цены на рожь; когда мы пришли, то цены эти колебались от 1 руб. до 1 руб. 15 коп. за пуд. Это было в июле. Мы решили, что при таких ценах на хлеб нам с нашим хозяйством не управиться и, следовательно, необходимо принять меры к тому, чтобы эти цены понизить. Политически говоря, мы вступили в борьбу с крестьянством за хлебные цены. Чем бы это ни диктовалось, эта политика была несомненно правильной, и ЦК ее одобрил. Мы не могли закрывать глаза на то, что такая политика может поссорить нас с крестьянством. На это закрывать глаза нельзя. Почему мы пошли на это?

Я объяснял и докладывал, что если мы хотим остаться хозяевами в вопросах зарплаты, в вопросах цен всей нашей промышленности, в вопросах твердости нашей валюты, то мы не можем допустить, чтобы на хлебном рынке хозяином были не мы, ибо цены на хлеб определяют всё. Если имеются высокие цены на хлеб, это значит высокие цены на все товары, это означает соответствующий рост зарплаты. При таком положении мы должны были бы прибегнуть к старому методу печатания бумажных денег, к срыву твердой валюты. Таким образом высокие цены на хлеб ставили нас под тяжелые удары, они делали экзамен нашей твердой валюте. Поэтому мы не могли принять тех цен, которые диктовала деревня. Мы не могли это сделать потому, что если бы мы на это пошли, то мы настолько перевернули бы бюджет рабочего класса и бюджет нашей промышленности, настолько сломили бы наш рубль, что от этого, несомненно, потерпело бы и крестьянство. Если бы оно и продало свой хлеб, как оно хотело, за рубль, то через три месяца мы потеряли бы твердую валюту, стали бы печатать бумажные деньги, восстановили бы эмиссионный налог, и крестьянство потеряло бы на этом гораздо больше, чем выиграло бы от продажи хлеба по дорогой цене. Интересы каждого крестьянина толкают его на то, чтобы получить этот рубль, а пока бы он понял, что тот рубль, который он выжимает из рабочего государства и города, он выжимает в убыток себе, мы неизбежно влезли бы в общий экономический кризис. Вот почему мы должны были установить справедливые цены в 75 коп.; по этим ценам мы и хотим провести всю эту кампанию. Тут мы, несомненно, вступили на такую почву, которая представляет возможность различных толкований и споров между рабочим государством и рабочим классом, с одной стороны, и крестьянством, с другой.

Несмотря на то, что ЦК внимательно отнесся к крестьянскому вопросу и что мы заняли ту линию, которая обозначает и еще раз подтверждает на практике, на деле поворот партии и Советского государства лицом к крестьянству, в этом пункте мы уступить не могли. Вопрос шел лишь о гибком проведении этой политики, чтобы не раздражать излишним образом крестьянство и сделать для него понятным смысл нашей политики.

Чтобы избегнуть указанных гибельных последствий, мы должны остаться хозяевами на хлебном рынке. Это значит, что мы должны в течение года забрать в руки государства и пропустить через руки государства не менее 400 млн пуд. хлеба. Теперь мы пришли к убеждению, что, может быть, эта цифра и велика, что, может быть, по своим первоначальным подсчетам мы хватили слишком высоко. Возможно, что положение хозяина на хлебном рынке, командующую роль на нем мы могли бы

сохранить и тогда, если бы у нас было 300 млн пуд. хлеба. Но когда идешь в бой, то лучше поставить задачу более крупную; противник уж постарается ее несколько сбить. Так и здесь. Мы поставили задачей — 400 млн пуд., и я думаю, что если в руках государства мы будем иметь 400 млн пуд., то пролетариат не будет иметь повышения цен на хлеб ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Иванове-Вознесенске, ни в Донбассе, нигде, ту цену за хлеб, которую рабочий платил в сентябре и в октябре, он будет платить и в апреле и в мае. А вы, вероятно, понимаете, каким громадным завоеванием для нашего экономического строительства являются одинаковые цены на хлеб во всем государстве. С другой стороны, вы знаете, что получилось бы, если бы цены полетели вверх, если бы фунт хлеба с 4-х коп. дошел до 7 — 9 коп. Вся наша экономическая и политическая ситуация перевернулась бы. Имея 400 млн пуд. хлеба в своих руках, мы надеемся цены на хлеб в потребительных пролетарских центрах удержать — это первое. Второе — мы надеемся также удержать цены на известном уровне и в голодающих районах и, наконец, третье — регулируя хлебные цены, регулируя весь хлебный рынок, мы не даем возможность занять командное положение частному скупщику хлеба или крестьянину-кулаку. Последние хлеб приберегают для того, чтобы выступить с ним весной, рассчитывая на то, что мы к этому времени расторгуемся и будем давать за хлеб любую цену. Мы должны были маневрировать. Для того чтобы это осуществить, мы должны были поставить крестьянство в такое положение, чтобы оно выкинуло соответствующее количество хлеба.

Каким методом мы к этому пришли? Первый способ — отказ от экспорта. В прошлом году мы вывезли 200 млн пуд., в этом году мы сказали, что не вывезем ни одного пуда до тех пор, пока в государственных руках не будет нужного запаса. Благодаря тому, что хлеб остается в стране и закупки для экспорта не производятся, цены на хлеб подниматься не должны. Второй рычаг, при помощи которого мы хотели действовать на снижение цен, — это сельскохозяйственный налог. Расчеты у нас были простые: если мы сумеем совместить во времени взимание налогов с хлебозаготовками, если у нас сбор налога будет происходить параллельно с хлебозаготовками, то мы сможем получить хлеб по нужным нам ценам. Третий способ — это закупка хлеба основными государственными заготовителями по определенным, заранее согласованным ценам, устранение между ними конкуренции. В прошлом году общей средней ценой была цена в 30 — 40 коп.; тогда мы говорили о «ножницах». На цену в 30 коп. за хлеб крестьянство ответило, как я говорил в Ц. К., забастовкой, оно не стало покупать наших продуктов. Тогда мы сказали, что нужно крестьянству за хлеб дать больше.

И теперь вместо 30—40 прошлогодних копеек мы, отправляясь в новую кампанию хлебозаготовок, даем крестьянству по 75 коп. Это значительное повышение цен, повышение неизбежное, это такой акт, который даст возможность крестьянству покупать продукты нашей промышленности. Но давать больше 75 коп. для нас представляется невозможным.

Итак, задача заключается в том, чтобы по этой нормальной средней цене закупить 400 млн пуд. хлеба. Но если мы хотим купить 400 млн пуд. хлеба по 75 коп., то это значит, что перед нами стоит задача, требующая большой гибкости, а именно: мы должны закупать хлеб по 65—70—75 коп., а в иных случаях и по 90 коп., комбинируя все эти цены.

Получение хлеба в средней цене по 75 коп. это маневр политически опасный. Он направлен против вздутия крестьянских цен. Его надо провести так, чтобы крестьянство, пользуясь временным положением, не заставило бы рабочее государство и рабочий класс заплатить больше, чем мы можем заплатить. Но его нужно сделать так, чтобы политически не поссориться с крестьянством, но в то же время занять твердое положение.

Я должен сказать, что ЦК ставит этот вопрос как сложный и важный политический вопрос и что нам разрешение этого вопроса удается не совсем. Когда я рассказывал об этом в ЦК, то с мест говорили, что я очень пессимистично смотрю на вещи; в заключительном слове я ответил упрекающим меня в пессимизме, что какими бы оптимистами мы ни были, все же ни от них, ни от партии действительного положения скрывать нельзя. Вот факты.

Исходя из плана в 400 млн пуд. по 75 коп., мы должны были в августе в сентябре купить 55 млн пуд. хлеба, крестьянство же дало лишь 35; таким образом, 20 млн пуд. мы не добрали. По плану в октябре мы должны закупить 88 млн пуд. В первой десятидневке мы закупили 11 млн, во второй десятидневке 13 млн, итого 23 млн; осталось десять дней, и если мы за эти последние десять дней купим столько, сколько мы купили за первые 20 дней, т. е., если мы купим еще 23 млн пуд., то мы получим 46 млн вместо 88. Крестьянство сильнее, оно не дает нам хлеб по той цене, по которой мы хотели бы купить, и в тех размерах, в которых мы хотели бы купить. В этом маневре мы пока терпим поражение. Вместо того чтобы иметь сейчас в кармане 150 млн пуд. хлеба, мы имеем 70 млн. И поэтому если вы спросите т. Любимова или т. Сорокина, насколько Москва обеспечена хлебом, то они, вероятно, скажут: до сего времени была обеспечена на сутки и $1^1/_2$ суток, а теперь на три дня. В Курске, Орле и других местах еще хуже. Это говорит за то, что маневр пока не удался. Это имеет не только политическое, но и практическое значение.

Мы совершили три просчета, которые определяют это положение. Первый просчет заключается в том, что мы летом панически закупали семена для голодных районов по любой цене. Вот эта паника, когда мы, не глядя ни на что, закупали семена, привела к высоким ценам, которые мы встретили, когда вышли на рынок с задачей закупки. В результате того, что мы дали в голодные губернии озимых семян на два миллиона больше того, с чем можно было бы обойтись, озимый клин их увеличился. Это, конечно, хорошо. Но паническая закупка семян привела к повышению цен на хлеб во всех районах, а это и создало в свою очередь ту картину, на которую мы натолкнулись, когда нам пришлось их двигать вниз. Здесь был просчет в размере неурожая, в определении размеров потребности в семенах.

Далее. Налог оказался легче, чем можно было ожидать. Мы думали, что налог будет прессом, а оказалось, что он играет сравнительно незначительную роль в общем сельскохозяйственном бюджете. Кроме того, мы опоздали со сроком налога. Сроком первого взноса сельскохозяйственного налога мы назначили первое ноября. Наконец, первоначальная цифра налога в 450 млн руб. была в дальнейшем снижена до 400 млн, и потом под влиянием слухов о неурожае мы ее снизили еще раз до 340 млн.

В результате всех этих сокращений оказалось, что налог представляет такую долю, которая в общей продукции сельского хозяйства не играет роли рычага, выталкивающего хлеб на рынок. Крестьянство платит налог и может его платить и в особенности на юге не зерном, не хлебом, а всякого рода другими продуктами, так, напр., на юго-востоке масличными семенами-подсолнухами. Рычаг наш оказался недостаточно мощным для того, чтобы давить.

И третье — просчет в товарах. Несмотря на то, что мы развертываем нашу промышленность, мы опоздали кинуть в те районы, где происходят хлебозаготовки, в самый разгар их соответствующее количество товаров, которое соблазнило бы крестьянство продать хлеб, чтобы оно сознавало: я продам хлеб, а куплю ситец. Несмотря на то, что мы текстильную промышленность увеличили на 50%, все же ее продукции не хватает, и там, где происходят хлебозаготовки, нет достаточного количества мануфактуры. Если крестьянин может уплатить налог, не выкидывая хлеб на рынок, если он видит, что того, что ему нужно, на рынке нет, он держит хлеб у себя.

И, наконец, четвертая причина — политика лимитов. Что означает лимит? Хлебозаготовители собираются вместе и обсуждают, по какой цене в таком-то районе выгоднее покупать хлеб, и по такой покупают. А пока эта цена не установится, они конкурируют между собой и вздувают цену. В некоторых местах наши хлебозаготовители поступали, однако, проще: взяли, да на

Волисполкоме и написали цены на хлеб — получилась твердая государственная цена на хлеб. Этим пользуется кулак и говорит: я бы тебе дал хлеб по такой-то цене, да большевики не позволяют. И лимит, вместо того, чтобы служить гибким орудием нашей политики, принял такой характер, что контр-революция употребляет его в свою пользу. Лимит выродился в твердую государственную цену на хлеб. Благодаря всем этим обстоятельствам мы в своих расчетах покуда терпим известного рода поражение.

Имеем ли мы, однако, какие-нибудь успехи? Несомненно. В ЦК я демонстрировал картограммы, на которых показана крестьянская цена на рожь, ячмень, пшеницу. Движение цен происходит таким образом: к июлю месяцу этого года цены подпимаются, а с момента установления нашей политики, с августа начинают спускаться вниз. В результате нашей политики происходит снижение цен на 30%. Дальше. Добились ли мы того, что эти цены спустились до нашего лимита? Нет. Вероятно, они процентов на 20 выше лимита; крестьяне не дают ни того количества, ни по тем ценам, которые бы мы хотели — на 20% выше и в размерах меньших. Вот центральный пункт и узел нынешних наших взаимоотношений с крестьянством.

Чтобы покончить с вопросом о лимитах, ответим еще на один вопрос. Отказывается ли ЦК от своего маневра? Нет. Мы признали этот маневр правильным и необходимым. Но мы указали соответствующим учреждениям на необходимость принятия ряда мер, которые сделали бы эту политику более гибкой, более приспособленной.

Я уже сказал, что мы соберем не 400 млн пуд. хлеба, а миллионов 300. Это не будет обозначать нашего поражения на всем рынке. Имея 300 млн, мы справимся с основными хозяйственными задачами. Вероятно, эти 300 млн крестьянство по 75 коп. не продаст, а придется заплатить копеек по 80—85. Эта кампания является соревнованием между нами, государством и пролетариатом с одной стороны, и крестьянской массой — с другой. В результате этого соревнования мы надеемся получить 300 млн по 80 коп. в среднем за пуд. Имея в руках 300 млн по 80 коп., мы выполним свои задачи, и цены в городе для рабочих будут удержаны; городские районы мы снабдим и не позволим частному капиталисту разыграться на хлебном рынке.

Мы знаем, что частный капитал пролезет в щель между нашей лимитной ценой и крестьянской ценой. А так как он быстро оборачивает свой капитал, то он хочет и может увеличить ту роль, которую мы ему отвели в хлебозаготовительной кампании. Мы, государство, весь хлеб до последнего зерна не закупаем. Мы отвели известную часть и на долю частного капитала, примерно,

25% всего реализуемого крестьянством хлеба. Три четверти нам и одну четверть на долю частного капитала. Несмотря на наше соревнование с крестьянством, мы решили, что это опасным для нас не является и угрозы не представляет, но нужно сделать так, чтобы частник не вышел за рамки, которые были нами поставлены, с этим надо считаться.

И Владимир Ильич, да и сами мы неоднократно указывали, что формы смычки, реальная практическая почва, на которой происходит союз пролетариата и крестьянства,—эти формы все время меняются. Было бы грубой ошибкой со стороны коммунистов, если бы они не заметили, что этот процесс — текучий процесс. Несколько лет тому назад мы осуществляли союз с крестьянством на почве общей борьбы против дворянства, помещиков и землевладельцев, затем мы объединились на почве отстаивания захваченных земель. Что служило для этого почвой в прошлом году? На чем испытывались отношения между рабочим классом и крестьянством?—На дороговизне наших городских продуктов. В этом году борьба перешла на более реальную, более ощутимую для крестьянства почву, на борьбу за хлебные цены. Некоторые наши головотяпы, превратившие лимит в твердые государственные цены, помогли крестьянству понять это, да и не надо быть политиком или экономистом для того, чтобы понять смысл борьбы за хлебные цены. Поэтому ЦК и дал задание, как я уже сказал, проявить больше гибкости, больше приспособленности, отнюдь не отказываясь от лимитов. Если бы мы теперь дали понять крестьянству, что оно сильнее нас, и отказались бы от лимитов, это обозначало бы скачок цен вверх, а все, чего мы экономически в последнее время добились, рухнуло бы. Мы должны были бы подчиниться стихии рынка, а это привело бы к тому, что мы перестали бы быть хозяевами в экономической жизни страны. Если бы мы отказались от лимита, то в первые месяцы это дало бы видимое облегчение, но через два месяца сказались бы разрушительные последствия подобной политики. ЦК не позволил колебать политики лимита; он лимит оставил, но сказал: не наживайтесь на лимите, не делайте из него твердых государственных цен, не делайте так, чтобы из этих 75 коп. крестьянин получал 45 коп., а 30 коп. шло на накладные расходы. Для крестьянина должен быть минимум. Затем допустим, что крестьянин везет хлеб в ссыпной пункт за 60 — 70 верст; несомненно он должен получить больше, чем крестьянин, привозящий хлеб за 10 — 15 верст. Мы установили средние цены, но это не значит что за 100 верст от железной дороги и за 5 верст цена одна и та же. Маневрировали на местах мы грубовато и работали, как я выразился, не стамеской, а топором. Впервые дело делаем, и на следующий год такой ошибки не будет.

Теперь, товарищи, еще несколько моментов из нашей хозяй-

ственной политики. Прежде всего, как же действительно обстоит дело после подобного испытания с нашей денежной реформой? Получили ли се мы оправдание или нет? В марте месяце, к моменту начала денежной реформы в стране имелось 300 млн руб. денег. Сейчас, т. е. на 11 октября мы, имеем 658 млн руб. Следовательно, с марта по октябрь сумма денежного обращения страны увеличилась на 358 млн руб. Немудрено было бы, если бы при удвоении суммы денежного обращения в стране колебнулся бы несколько и рубль, потому что страна несколько месяцев тому назад обходилась с 300 млн руб., а мы вкачали еще 350 млн руб. Здесь можно было бы легко ошибиться и дать стране денег больше, чем нужно для нужд народного хозяйства. Пуская в страну денег больше, чем нужно, мы понижаем ценность отдельного рубля. Страна нуждается в каждый данный момент в определенном количестве денег и если ей нужно, напр., 500 млн, а выпускаются в обращение 600 млн, то эти 600 млн приравниваются к 500 млн, и стоимость каждого рубля равна $^5/_6$. Пред нами стояла чрезвычайно сложная и серьезная задача. Анализируя покупательную силу нашего червонца, т. е. то, что можно на него купить, получаем такую картину: в марте покупательная сила червонца стояла на такой-то высоте, затем она стала опускаться — когда цены на хлеб пошли вверх, червонец стал падать, на 1 червонец можно было купить меньше хлеба. С момента нашей борьбы с высокими хлебными ценами мы видим выравнивание червонца, и он стоит теперь на той же высоте, которая была в марте. За эти 6 мес. мы пустили в страну еще 350 млн новых денег, но червонец не дрогнул и имеет ту же покупательную силу. С августа же по сентябрь покупательная сила червонца увеличилась на 5 — 6%. Но в общем и целом нужно сказать, что наш червонец еще слабенький и против старого золотого рубля стоит всего лишь 48 коп. Значит, он примерно на половину ниже старого золотого рубля. Но мы его держим и опускаться не позволим. Наша политика в дальнейшем заключается в том, чтобы поднимать его курс. Как же это сделать? Я сказал, что покупательная стоимость червонца отражает цены; если мы примерим наш червонец по оптовым ценам, которые мы сами назначаем, по отпускным ценам фабрик, заводов и трестов, то здесь наш червонец полнокровнее, если же примерить его на розничные цены, то здесь он более худосочен. Это происходит потому, что со старыми ножницами мы почти справились; но на нас глядят острия новых ножниц это — расхождение между оптовыми и розничными ценами.

Мы стоим перед проблемой, которая должна быть поставлена во весь рост. Разница между ценами на товары, по которым отпускаем мы, и теми ценами, по которым покупают широкие массы, достигает 30 — 33%. А это значит, что когда мы с вами

назначаем, исходя из интересов широких масс, на ситец такую-то оптовую цену, то крестьянство платит за него цену с надбавкой в 30%. Это объясняется бестоварьем. Товаров отпускается мало. Население плохо кооперируется, а частный купец накладывает на оптовые цены любую разницу, и крестьянин вынужден итти к нему покупать. Наша первая задача в борьбе с этими ножницами заключается в дальнейшем развитии промышленности и устранении бестоварья. С другой стороны, эта разница между розничными и оптовыми ценами показывает на страшно плохую организацию нашей торговли. Если мы хозяева и имеем в своих руках все (а мы имеем все: мы производим, мы перевозим, мы имеем склады, мы распоряжаемся всем, что служит каналом, по которому проходят товары до того момента, как они попадают к потребителю), а вместе с тем допускаем наживу против наших государственных цен на 30%, то это означает плохую организацию нашей торговли, слабое развитие кооперации, слабое проникновение государственных трестов и предприятий к своему потребителю и, конечно, щелочку для частного капиталиста, который большей частью эту разницу кладет себе в карман. Правда, нужно сказать, что и наши государственные купцы охулки на руку не положат. Но в общем и целом, наша оторванность от низового потребителя, недостатки нашей торговли, наше бестоварье идут на пользу частному капиталисту, который встает между товарами и потребителем и кладет, повторяю, разницу себе в карман.

Наша денежная реформа при всех этих ударах испытание выдержала блестяще. Пустить в страну денег почти вдвое больше того, что было при начале денежной реформы и не уронить валюты, а оставить ее на одном и том же уровне — это представляет чрезвычайно большое завоевание. Только благодаря этому мы могли построить тот бюджет, который мы имеем на следующий год; о нем я говорил, когда он предварительно обсуждался в ЦК и в соответствующих учреждениях. Бюджет выше прошлогоднего, он равен 2 млрд. 100 млн руб. и мог быть доведен до этой суммы лишь благодаря тому, что у нас есть твердая валюта, и мы можем опереться на расширяющуюся промышленную базу.

Таким образом, картина получается следующая: и в области промышленности, и в области денежной реформы и в области бюджета мы имеем несомненнейший успех. Мы имеем расширение промышленности, страна идет вперед, экономическая жизнь развивается.

Но на этой новой почве опять встает в новой форме крестьянский вопрос, вопрос о соотношении между пролетариатом и крестьянством.

Для того чтобы охарактеризовать вам общее положение и избежать всякого излишнего оптимизма, я прочту выводы о нашем положении, которые были сделаны всякого рода беспартий-

ными спецами, сидящими в качестве помощников в нашем Госплане. Должен сказать, что есть такие учреждения, которые до сих пор представляют собой пристанище для меньшевиков. Такое местечко имеется в Госплане, где сидят два меньшевика из центрального комитета меньшевиков. Они не привыкли нас хвалить и более чутко относятся ко всяким минусам в нашей жизни, чем к плюсам. Пишут же они таким образом, делая выводы из конъюнктуры сентября: в основном все явления нашего народного хозяйства носят общий восстановительный характер, заключающийся во все большем и большем использовании основного капитала страны — промышленности, сельского хозяйства и транспорта, во все большем и большем привлечении к производственной деятельности рабочей силы и т. д. Когда эти бывшие меньшевики принуждены характеризовать таким образом наше положение, мы, несомненно, можем сказать, оглянувшись на прошлое, что дело сделано. И поэтому в своем заключительном слове по докладу на заседании ЦК я указал и думаю, что без сомнения весь ЦК, а также и мы здесь на этом Пленуме можем подтвердить, что этим решены те споры, которые возникли ровно год тому назад. Осенью прошлого года, приблизительно в эти же дни, как вы помните, родилось указание на то, что политика ЦК ведет страну к гибели. Вы помните соответствующие документы, которые испортили нам много крови. Тогда можно было возражать на эти пророчества только теоретически анализируя эти обвинения. Зато теперь мы можем указать на правильность нашей политики опираясь уже на факты. Разумность нашей политики проверила сама жизнь. Мы прожили год и предостережения о том, что мы ведем страну к гибели, и практические выводы о смене руководящего аппарата и т. д. и т. д. мы взвесили на весах жизни, и ответ получен в том смысле, что та политика, которая тогда подвергалась нападению, оказалась правильной не потому, что некоторые люди обладают хорошими языками и прессой, а потому, что массовые явления экономической жизни подтвердили, что именно по этому пути можно и должно двигаться к социалистическому развитию. Теперь нас оправдали не те или другие доклады, а оправдал успех денежной реформы, оправдало сильнейшее развитие промышленности, оправдало то, что, несмотря на неурожай — а об этом забывать нельзя, — несмотря на неурожай, вся основная линия нашей экономической политики укрепилась и развернулась, оправдало то, что элементы социалистического хозяйства в нашем общенародном хозяйстве несомненно усилились. И теперь тех, кто год тому назад говорил, что мы ведем страну к гибели, мы попросили бы прийти и сказать, — вот вам факты, вот вам цифры, согласитесь, что 12 месяцев тому назад правы были мы. Мы учимся на основе уроков самой жизни и ни у кого другого, как только у жизни, мы

учиться не согласны. Пленум подвел итоги тому, что началось осенью прошлого и кончилось осенью этого года. Пленум сказал, что политика, которая тогда была противопоставлена политике ЦК, оказалась полным банкротом; она не получила никакого подтверждения в жизни, в реальном ходе классовой борьбы.

Политика ЦК получила подтверждение, но это не значит, что все обстоит благополучно, что раз политика ЦК подтвердилась, то на этом можно успокоиться. Есть еще очень тревожные явления, и к этим тревожным явлениям я и обращаюсь. Эти тревожные явления находятся в сфере крестьянства, в области наших взаимоотношений с крестьянством.

Прежде всего общие предпосылки. Несомненно, что у нас экономически дело идет вперед и, вообще говоря, становится лучше. Но ограничиться только этой точкой зрения значило бы стать на позицию не марксистскую, не коммунистическую. Да, конечно, экономическое улучшение есть, есть та база, без которой мы обойтись не можем. Экономическое улучшение нам абсолютно необходимо,. Только исходя из этого улучшения, мы можем улучшать и классовые отношения в нашей стране. Но вся суть положения находится именно в них, в классовых отношениях.

Крестьянство по мере того как восстанавливается его хозяйство, как оно вводится в общий товарооборот, по мере того как оно крепнет и получает возможность оглянуться кругом и не заботиться только о куске хлеба,—это крестьянство начинает осмысливать свои особенности от рабочего класса, его требования от власти становятся больше. Те времена, когда крестьянство должно было заботиться только о том, чтобы защищать свои земли от наступающей контр-революции, или то положение, когда крестьянство было придавлено продразверсткой и когда мы не останавливались ни перед какими методами для того, чтобы получить эту продразверстку, потому что мы знали, что вопрос идет о головах рабочего класса и крестьянства, — ушли. Теперь рост экономического благосостояния в стране и рост экономического благосостояния в деревне сопровождается ростом потребностей и в рабочем классе и в крестьянстве, ростом требовательности к Советской власти, ростом политической сознательности деревни. Люди немножко отъелись, успокоились, нет той лихорадки, нет боевой грозы и они раскидывают мозгами: какое у нас начальство, кто нами управляет, правильны ли законы. Они раскидывают мозгами о том, к чему в 1918 г. не было времени и возможности. И, наконец, это сопровождается расслоением крестьянства. В крестьянской массе на почве общего экономического подъема явно оформляется, вырастает группа кулаков и мало-помалу приобретает стремление к власти, к захвату тех или других позиций; сначала позиции кооперативные, затем позиции советские, и по мере этого возникают мысли о том, что Советская

власть без крестьянства не прокормится, что можно сделать так, что налоги понизят, уничтожат или отложат и т. д. и т. п.

По мере того как Советы на местах становятся ячейками Советской власти, непосредственно ведающими теми или другими реальными отношениями, по мере этого интерес крестьянства к ним вырастает, и так как, несмотря на то, что мы живем в советской республике, кулацкие элементы имеют возможность скорее ориентироваться, приобрести необходимые знания и тем самым нажимать на органы Советской власти и на организации хозяйственной жизни в деревне, — их влияние становится все сильнее. Я уже сказал вам, что положение относительно хлебных цен организует крестьянство некоторыми общими классовыми интересами — это с одной стороны. С другой, — когда крестьянство не может получить продуктов городской промышленности по той цене, по которой оно хотело бы получить от нас, оно естественно задумывается, почему промышленность, которая находится в руках рабочих, не может дать продукты по дешевым ценам. На пленуме ЦК вопрос о настроении крестьянства обсуждался по докладу т. Молотова с особым вниманием, этому вопросу мы уделили целый день, и многие тогда приводили такие факты, что крестьянство говорит о том, что мы не можем дать ему ситца в таком соотношении, как это было до войны, что если бы рабочие работали 10 часов, то было бы лучше, и т. п.

На прошлом заседании я говорил о целом ряде явлений, свидетельствующих о росте особых интересов крестьянства, о том, что замечается противопоставление этих интересов интересам рабочего класса. Вместе с тем тяга крестьянства к власти, к тому, чтобы оказывать реальное влияние на направление политики, на налог, на политику цен, на политику производства, политику кооперации, политику кредита, эта тяга все время будет продолжаться. Мы на пленуме ЦК вспоминали слова Владимира Ильича, которые он сказал три или четыре года тому назад, а именно: что крестьянство и рабочий класс не руководствуются благодарностью, что то, что мы помогли крестьянству отделаться от царя и помещиков и удержать землю — это не может служить вечно связующим звеном крестьянства с рабочим классом. Владимир Ильич формулировал это так: «На благодарности классов политики строить нельзя». Это он сказал в 1921 г., когда мы переходили на нэп. Он тогда мотивировал переход на нэп так: нам нужно найти новую связь с крестьянством, новую базу для нашего союза. В 1917 — 1918 гг. мы помогли крестьянству отобрать землю, удержать ее, но ведь отсюда не вытекает то, что в 1922 г. оно будет поддерживать эту связь; на благодарности, на одной благодарности далеко не уедешь, и надо поэтому искать новую почву для связи. Он говорил: крестьянство будет проверять вас по хозяйственным заслугам, по

дешевым товарам и т. п., и только на этой почве оно будет помогать вам организовывать ваше хозяйство.

Должен сказать, что фактов, которые указывали на рост худых настроений в крестьянстве, было приведено в изобилии. Все же о двух фактах, самых поразительных, которые приводил т. Молотов—докладчик по крестьянскому вопросу,—нужно сказать. Он подробно останавливался на том факте, что в Самарской губ., в каком-то уезде образовалась среди комсомольцев группа, которая хотела положить основание «Российской рабоче-крестьянской коммунистической партии большевиков — равноправцев». Это равноправие между рабочими и крестьянами они пытались провести и демонстрировали на нашей программе на нашей Советской конституции. Тов. Молотов, изучавший дело по документам, говорил, что это не заядлые контр-революционеры, а хорошие ребята, что они дошли своим умом до того, что надо изучать конституцию и программу, а не слушать речей. Изучая это, они наткнулись на диктатуру пролетариата; и у них возник вопрос: а где крестьянство? Они и решили, что крестьянство обижено и что надо добиваться «равноправия» пролетариата и крестьянства в диктатуре. Я уже указывал, что на почве роста благосостояния, по мере того как крестьянство немножечко успокаивается, лихорадка проходит, люди начинают задумываться. С этим надо считаться, это надо изучать, подобные факты обойти нельзя. Приводились также вопросы, почему крестьян не принимают в партию; мы это обсудили и решили, что это нужно отменить. Если бы я хотел, я бы нарисовал красочные картины политических настроений среди крестьянства, но достаточно и этих штрихов для того, чтобы каждый из нас понял о чем идет речь. С одной стороны зарождаются такие вот группы молодежи «равноправцев», которые задают вопросы: почему крестьянство на втором плане. А с другой стороны, во втором документе, который читал в своем заключительном слове т. Молотов, был приведен приказ, в котором говорилось, что ежели крестьянин не внесет до 15 числа 35% налога, то лишить его огня и воды. Этот приказ был направлен в соответствующие учреждения: в милицию, в школы, в больницы, ясли, на почтамт и т. д. Приказывает такой-то председатель волисполкома не давать крестьянину ни медицинской помощи, ни совершать никаких актов гражданского состояния: рождения, смерти, браков — до тех пор, покуда не представит налога. Если мы сопоставим эти два явления: с одной стороны — люди начинают задумываться, ставить политические вопросы, а с другой, мы натыкаемся на такие приказы, — ясно, почва не здоровая, и партия должна обратить решительнейшим образом на это свое внимание.

Но, товарищи, хорошо было бы, если бы мы не имели последствий подобных приказов, а они имеются, например, в

Грузии. Поэтому-то я и сказал, что грузинский вопрос в ЦК слился в вопросом крестьянским. Там было много моментов специфических, специально грузинских, которые в Орловской, Тамбовской губерниях не повторятся. Но кое-что было общесоюзное: не умели обращаться с крестьянством, не завоевали доверия крестьян; их интересы и стремления не находили выхода и натыкались на такие степки, которые характеризуются указанными приказами. И поэтому, когда пришли меньшевики и социал-демократы, крестьянство оказалось склонным к ним прислушаться и за ними пойти. Я говорил на прошлом заседании Московского Комитета, и те товарищи, которые тогда присутствовали, помнят, что в действительности картина была много хуже того, что было в газетах. Я укажу еще на один факт. Кончилось заседание ЦК, я взял в руки газету, — педавно кончилось дело селькора Малиновского, — два селькора убиты, сегодняшней газеты не читал, но это явление становится стихийным. Такая же картина получается в Дымовке: оказывается, там имелось три коммуниста и двое убили третьего, двое, которые убивали, — явно примазавшиеся негодяи, убили третьего, который тянулся к настоящей Советской власти. Некоторые товарищи делают обобщения в том направлении, что низовой аппарат сам убивает селькоров потому, что последние тянут низовой аппарат наверх, к общению с подлинной Советской властью. А на местах-де советский аппарат захвачен взяточниками, кулаками, которые больше всего боятся подлинных, настоящих коммунистов, которые в свою власть вцепились зубами и бьют и убивают тех, кто их разоблачает. Это явление принимает стихийный характер. Нам нужно обратить внимание и направлять внимание партии и Советской власти в эту область. То, что действительно можно и следует сейчас сказать, это то, что та форма государственной организации, которую мы создали, — Советы, — является единственной организацией власти, которая способна излечить наметившуюся болезнь. Если мы пойдем навстречу широким крестьянским массам, если мы в советах дадим возможность их настроениям вылиться, дадим возможность крестьянам высказываться, подвергать обсуждению интересующие их вопросы, если крестьянин убедится в том, что в Совете он имеет известную форму своего управления, на которую он может влиять, которая его требования, запросы и интересы принимает во внимание и к обсуждению, т. е. если мы добьемся оживления Советов при реальном участии крестьянства в этих Советах, тогда мы очень много выиграем, и непосредственная опасность, которая растет со стороны худых построений крестьянства, тогда несомненно отойдет.

В чем заключается задача?

Задача заключается в том, чтобы между Советской властью, между партией и широкими крестьянскими массами создать при-

водный ремень, сделать так, чтобы мы могли нащупать интересы крестьянства так же, как мы делаем с рабочими. Почему у нас контакт с рабочими? Потому, что в рабочем классе не может произойти никаких политических и психологических сдвигов, чтобы они не стали заметны в Советах, профсоюзах, в ячейках партии и т. д. Поэтому мы живем в контакте с рабочим классом, легко чувствуем всякое изменение в его настроении. Этого нельзя сказать насчет крестьянства. Прямого контакта в постоянной будничной работе государственного аппарата с подлинными крестьянскими массами, с которыми приходится сталкиваться, нет. Нам придется завоевать доверие крестьян, создать в деревне такой слой, при помощи которого проводилось бы наше влияние в деревне, нам придется сделать так, чтобы они чувствовали свое реальное участие в Советской власти, чтобы они действительно являлись членами Советов и чувствовали, что местные Советы являются действительными органами Советской власти, а не каким-нибудь чисто-маскарадным учреждением, в котором все предрешено и в которое приходят для голосования. Необходимо оживление Советов. Вот тот новый тип работы, к которой ЦК, на основании всего опыта хозяйственной кампании, грузинского восстания, убийства селькоров, подходит и зовет сейчас вас.

Что мы принимаем реального?

Прежде всего меры по улучшению низового советского аппарата. Конечно, все это связано с экономикой. Чтобы улучшить низовой советский аппарат, нужно дать такое жалованье, чтобы не брали взятки. Мы идем навстречу и приняли целый ряд мер к оживлению низового советского аппарата. Эта задача продиктована ЦК и является одной из ближайших задач. Затем оживление Советов. Советы должны быть массовыми организациями, которые бы не позволяли крестьянству прямо и непосредственно валить все нехватки и ошибки на коммунистическую партию. Ибо если крестьянство не видит работы Советов, то всякая мера, которая ему не нравится, направляется против коммунистической партии. Такое отожествление в глазах крестьянства государства с коммунистической партией нам невыгодно. Нам выгодно, чтобы между партией и широкой беспартийной массой стояла государственная организация, которую мы будем поправлять. Оживление Советов, введение в Советы более широко, чем было до сих пор, беспартийных крестьян, такая постановка работы, чтобы крестьянство не самогонной критикой занималось, и чтобы коммунисты прислушивались к тому, как критикуют, и делали бы из этого определенный вывод, — вот наша ближайшая задача. Здесь мы немножечко заржавели и придерживаемся старой, рутинной формы. Ведь если в Москве не созывать месяц или два Советов, то заставят собрать; в Тамбовской же губернии

не созывай год, и ничего не скажут. Жить по традиции, говорить, что все благополучно, опираться на то, что в руках есть сила и власть, было бы грубейшей ошибкой. От применения голых методов принуждения надо отказаться. Мы принуждаем покупать хлеб по более дешевой цене, чем того хотят известные слои крестьянства, но с этим методом принуждения нужно сочетать и методы убеждения. Необходимо сочетание критики с нашим руководящим положением. Держаться на одних методах принуждения было бы ошибочно. Поэтому мы должны привлекать в Советы не тех беспартийных крестьян, которых мы назначаем, а крестьян, отражающих то, что делается в деревне, таких, которые не боятся сказать свое слово. Это указано и в резолюции, принятой ЦК.

Начинать оживление Советов надо сверху. Мне приходилось в Московском комитете несколько раз указывать на то, что тот период, когда наш советский аппарат естественно хирел, когда он должен был действительно отодвинуться на задний план перед такими учреждениями, как Реввоенсовет и СТО и другими учреждениями, которые вели непосредственную боевую работу, этот период прошел. Положение изменилось. Условия бюджета, условия налога, вопросы о том, повысить ли на 1 коп. налог или нет, что отнести в местный и что в центральный бюджет, представляет интерес для каждого Губисполкома, УИКа, председателя сельсовета и ВИКа. И поэтому наш центральный орган ВЦИК все больше и больше разворачивается. По мере того как наша экономическая жизнь будет улучшаться, — вопросы подлинного экономического строительства, вопросы сборов и расходования налогов, местного бюджета будут вырастать. Нужно, чтобы крестьянство знало, что там, наверху, есть его представители. Мы три года вводим беспартийных крестьян во ВЦИК, но эти беспартийные крестьяне до сих пор ничего нам не рассказывали, и мы должны узнавать о том, все ли правильно в нашей деревенской политике, почти исключительно через партийную линию. Нужно через это перешагнуть, надо увеличить количество крестьян и во ВЦИКе и в центральных и в местных советских учреждениях.

В этих учреждениях необходимо образовывать группы беспартийных крестьян, на которых бы можно положиться, что они скажут правду о том, что делается в крестьянстве; нужно сделать так, чтобы они испытывали подлинное уважение к представителям компартии в советских учреждениях, а не только боязнь перед своим уездным председателем. Все должно быть в пропорции! На одной боязни далеко не уедешь. Твердое руководство должно сочетаться с умением прислушиваться к критике, к откровенному крестьянскому слову о нуждах деревни. В ЦК было предложено обсудить вопрос о создании такой группы

в нашем ЦИКе, об издании крестьянского еженедельника под нашей редакцией, в котором бы собирались сведения о деревенских настроениях и крестьянские письма, по который бы мы направляли, чтобы там не завелось контр-революции, а была бы возможность концентрировать настроение крестьян. Это было бы чрезвычайно полезно.

Наконец последнее, на что я хотел обратить внимание, на что обратил внимание и ЦК,—это то, что одной из центральных форм организации в деревне является комсомол. Он часто играет фактически роль руководителя и проводника коммунизма. И поэтому надо отдать себе ясный отчет, чем фактически комсомол занят в деревне. Руководство работой комсомола в деревне со стороны партии приобретает особое значение. Нами был вынесен по вопросу о работе комсомола в деревне ряд практических предложений, но я их излагать не буду.

Теперь, покончив с этим центральным вопросом, я хочу обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство в другой области.

Я уже сказал, что ЦК специально внутрипартийного положения не касался, но так как я стою перед Московским комитетом, я считал бы себя не в праве не указать на некоторые тревожные симптомы во внутрипартийном положении. Те товарищи, которые критиковали нас в прошлом году по вопросам общепартийного руководства, сделали бы очень хорошо, поступили бы честно, если бы теперь, после 12 месяцев, сказали бы: оправдалась их критика или нет. К сожалению, таких деловых документов, которые бы оценили с их точки зрения, как проведена денежная реформа, как проведено развитие промышленности, исполнились ли те страхи и ужасы, которые ими рисовались, или выявили бы их взгляды на Ленинский призыв, таких документов со стороны наших критиков нет. Но за то мы имеем другие документы, свидетельствующие, что хотят возобновить дискуссию, но не на почве делового обсуждения, а на почве, которая способна отравить партийную атмосферу. Я говорю о недавно вышедшей и широко распространившейся книжке Троцкого «Уроки Октября».

Многие члены ЦК, и я принадлежу к их числу, отказались от того, чтобы выносить на пленум ЦК вопрос о смысле выступления т. Троцкого. Но это не значит, что у нас нет мнения об этой книжке.

Мы рассматриваем это выступление т. Троцкого со статьей «Уроки Октября» как фальсификацию истории большевистской партии в Октябрьские дни, как искажение роли Ильича в революции и как попытку продолжить дискуссию. Там есть страницы, которые показывают стремление перенести дискуссию на очень отравленную почву. Я надеюсь, товарищи, что об этом

в ближайшие дни будет сказано гласно. Это выступление под видом нападения на Зиновьева, Каменева, отчасти на Сталина и Рыкова, является нападением на всю историю большевистской партии с февраля по октябрь. К этому относиться спокойно нельзя. Мы видим здесь попытку возобновить дискуссию, но пока мы будем отвечать литературно. [1] Вырастить из этого обширную дискуссию, заставить рабочих обсуждать «Уроки Октября т. Троцкому не удастся. Восстановить подлинную историю Октября по этой книге, учиться по этой книге — нельзя. Она стремится подорвать доверие не только к теперешним руководителям нашей организации, но и к тем, которые сделали Октябрь.

---

[1] Через несколько дней мной был сделан доклад: «Ленинизм или троцкизм?» См. I том моих «Статей и Речей», стр. 188.

НАКАНУНЕ СЕДЬМОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ.

ДОКЛАД НА VI СЪЕЗДЕ ПРОФСОЮЗОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
31 ОКТЯБРЯ 1924 Г.

АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ И ПАДЕНИЕ МАКДОНАЛЬДА.

Товарищи! Позвольте мне начать мой доклад с последних известий, которые мы получили сегодня относительно английских выборов.

Выборы в Англии в последнее время стояли в центре всего международного положения. Это понятно и по тому положению, которое занимает Англия в определении европейской и мировой политики, и по тому, что именно стояло в центре английских выборов. Вы знаете, что дело сложилось таким образом, что основным вопросом, по которому английские массы должны были высказаться, являлся вопрос о соглашении с нашим Союзом. Непосредственным же предлогом для роспуска парламента и новых выборов было оправдание коммуниста Кемпбеля, который написал статью, в которой призывал солдат отказываться стрелять в забастовщиков. Таким образом, и непосредственный повод к роспуску парламента и новым выборам, и тот вопрос, который стоял в центре борьбы, непосредственно касаются вопросов коммунизма и Советского Союза.

Цифры, которые мы сейчас имеем, говорят о следующих изменениях в настроении избирателей, Консерваторы на прошлых выборах имели 5 300 000 голосов, они получили на этих выборах 7 000 600 голосов. Рабочая партия имела на прошлых выборах 4 350 000 голосов. На этих выборах она получила 5 500 000 голосов, т. е. рабочая партия приобрела новых 1 200 000 голосов. Новых 1 200 000 избирателей голосовали за рабочую партию. Наконец, либералы, которые имели 4 250 000 голосов, получили теперь 3 100 000 голосов, т. е. потеряли больше 1 000 000 голосов.

Итак, общие итоги выборов сводятся к тому, что либералы потеряли голоса, а увеличили свои голоса консерваторы и увеличила на 1 200 000 голосов свои силы рабочая партия.

Если сложить голоса либералов и рабочих и сравнить общее количество этих голосов с голосами консерваторов, то вы увидите, что в то время как консерваторы получили 7 500 000 голосов,

либералы и рабочие вместе получили 8 600 000 голосов. Консерваторы, несмотря на то, что они завоевали новые голоса, получили в стране меньшинство, и, казалось бы, что эта расхваленная демократия, расхваленная всеобщая подача голосов должна была передать теперь власть не в руки консерваторов, а в руки рабочей партии и либералов.

На самом деле получилось как раз обратное. Если вы возьмете не количество голосов, полученных от народа, от массы, а количество мандатов, количество депутатов, то вы будете иметь картину совершенно другую, чем та картина, которую я сейчас вам нарисовал. Консерваторы получили в новом парламенте 400 мест, т. е. получили больше, чем в прошлом парламенте на 150 мест. Либералы получили в новом парламенте 40 депутатов, т. е. они потеряли сравнительно с прошлыми выборами 110 депутатов. Это — разгром. Это — уничтожение либеральной партии. Это — конец английского либерализма как партийной организации. И, наконец, рабочая партия, которая в стране получила на 1 200 000 голосов больше, в парламенте получила на 30 депутатов меньше. Она получила всего 160 депутатов, вместо 190, которые она имела в прошлом парламенте.

Таким образом парламент, который теперь избран, есть извращение действительной воли избирателей. Избиратели дали консерваторам некоторое увеличение голосов, но они дали им в стране меньшинство, но несмотря на это консерваторы получили в парламенте абсолютное, громаднейшее, подавляющее большинство.

400 депутатов из 600 имеют консерваторы. Это значит, что судьбы английского народа, — а в связи с этим в большой степени и судьбы международной политики, — отданы в безраздельное господство консерваторов, которые получили в стране меньшинство, а рабочая партия, которая сумела завоевать на 1 200 000 голосов больше, вернулась в парламент уменьшенной. Мы получаем парламент с полной и безраздельной диктатурой Керзона, который, однако, в стране имеет гораздо меньше половины избирателей.

Вот при этих фактах, при этой картине, мы можем отдать себе точный отчет, что обозначает демократия, что на деле обозначает «свободное волеизъявление народа», которое будто бы лежит в основе парламентаризма. Вот воля населения, которая дала консерваторам меньшинство, и вот новое английское правительство, которое целиком находится в руках консерваторов, которое целиком представляет диктатуру самых крайних, самых злостных империалистов.

Этот урок, это наглядное изображение всего хода буржуазной машины, должны сослужить большую службу распространению и расширению в английских рабочих массах правильных

представлений о том, что проповедует коммунистическая партия. Не может быть никакого сомнения, что каждый рабочий, который задумается над этими цифрами, который сравнит то, что делается в стране, сравнит волю народа и сравнит то, что получается от этой воли народа в парламенте, должен будет сказать — каким бы отсталым этот рабочий ни был, как бы слепо он ни верил своим вождям, которые завели его в трясину, — этот рабочий должен будет сказать: «как-никак, а все-таки коммунисты, чорт возьми, правы, когда они говорят, что рабочий класс не может притти к власти, пользуясь только той машиной демократического парламентаризма и выборов, которые построены буржуазией для себя и ни в коем случае не для того, чтобы облегчить приход рабочего класса к власти, а для того, чтобы затруднить его».

Мы видим в действии, наглядно, — так что каждому бросается в глаза, — как воля широких трудящихся масс, благодаря хваленому буржуазному парламентаризму, благодаря так называемой буржуазной свободе, — как она извращается и превращается в свою прямую противоположность.

Этот урок, как я сказал, будет весьма полезен английским рабочим массам. Я не надеюсь на то, чтобы на этом уроке, на этих цифрах научились чему бы то ни было господа Макдональды и вожди английской рабочей партии, ибо, я должен сказать откровенно, более глупого поведения, чем поведение господина Макдональда, представить себе совершенно невозможно.

Консерваторы в прошлом парламенте сыграли в поддавки. Они, зная хорошо господ Макдональдов и не испытывая перед ними никакого страха, решили дать им на время видимость власти для того, чтобы тем крепче сесть у власти через несколько месяцев, — и этот маневр им удался. Но надо сказать, что именно господин Макдональд, господин Сноуден и все остальные вожди II Интернационала и руководители английской рабочей партии из всех сил старались, чтобы маневры английских консерваторов удались последним полностью.

Ибо можно ли представить себе какого-нибудь подлинного рабочего вождя, который, хотя бы на один час получив власть, не употребил бы этой власти для того, чтобы собрать вокруг себя весь рабочий класс, чтобы поставить перед рабочим классом все основные вопросы, чтобы, имея в своих руках государственную власть и государственный аппарат, не дать сражение буржуазии и не создать таких условий, при которых рабочий класс ясно видел бы противопоставление буржуазии и пролетариата. Только этим путем, путем резкой, определенно классовой политики, апеллирующей к широким рабочим массам и к их интересам, демонстрирующей на каждом практическом вопросе: безработице, жилищном строительстве, фабричнозаводском законодательстве,

противоположность и непримиримость интересов хозяев и интересов рабочего класса, — можно было ту власть, которая несколько месяцев находилась в руках вождей рабочей партии, закрепить за рабочим классом.

Макдональд вел как раз противоположную политику. Менее всего он занят был тем, чтобы сплотить рабочий класс вокруг основных требований его классовой политики, чтобы противопоставить эти требования буржуазии, чтобы изменить государственную машину, чтобы эту машину поставить на услужение рабочему классу. И именно поэтому он должен был потерпеть поражение, и он это поражение потерпел.

Разве можно представить себе что-либо более глупое, чем то, что разыграл господин Макдональд, перед самым занавесом, со знаменитым письмом Зиновьева? Вы знаете, что это письмо — подложное письмо. Зиновьев такого письма не писал.

Это не значит, что председатель Исполкома Коминтерна не руководит работой различных секций Коминтерна. Он ими руководит, но, надо сказать, немножко более умно, чем представляют это себе те подделыватели фальшивых документов, которые сидят в английском или польском министерствах иностранных дел. Но если Макдональд знал, что это письмо — подложное письмо, то можно ли представить себе что-либо глупее, чем тот маневр, который сделал господин Макдональд!

Ему хотелось перед самыми выборами доказать, какой он ретивый вояка против коммунистов, и поэтому он пошел на опубликование этого письма. Теперь он, вероятно, почесывается и понимает, что опубликование этого подложного письма пошло целиком только на пользу консерваторам.

Но если господин Макдональд знал, что это письмо подложно, — что можно подразумевать, — и не принял никаких мер для того, чтобы это подложное письмо не было опубликовано, что же за картину мы тогда видим: он — министр, премьер-министр, министр иностранных дел, у него в руках весь аппарат, и у него под носом накануне выборов, когда идет вопрос о судьбе этого господина Макдональда, его собственный чиновник подкладывает ему в виде письма огромнейшую свинью и он об эту свинью спотыкается и разбивает себе нос. Теперь надо было бы спросить господина Макдональда: кто же более прав — коммунисты ли, которые говорят: когда рабочий класс получает в свои руки власть, первым долгом он должен расчистить свой аппарат и посадить туда людей, которые будут выполнять его волю, — или господин Макдональд, который пришел, сел на кресло лордов и маркизов, успокоился там и оставил весь старый аппарат, а этот аппарат ему и подложил в самый последний момент эту неаппетитную штучку, о которую он споткнулся? Допустим ли мы, что он знал, что это — подложное письмо,

допустим ли, что он этого не знал, — в обоих случаях он поступил по-дурацки и понес за это заслуженные поражения. Но надеяться на то, что этот грандиозный урок с английскими выборами послужит мало-мальски для прояснения умов Макдональда и других вождей II Интернационала, — рассчитывать на это не приходится.

Надо, однако, рассчитывать на то, что этот урок с английскими выборами послужит для воспитания политической сознательности и революционной тактики в среде самой широкой пролетарской массы, ибо пролетарская масса в Англии все-таки подходила к власти.

Правда, они послали к власти людей, которые их обманули. Может быть, и даже наверное, надо было английскому рабочему классу, прежде чем встать на революционный путь захвата власти, который подлинно и единственно приведет их к победе, — надо было им испытать это разочарование в своих фальшивых, лживых вождях.

Но рабочий класс Англии подходил к власти в громадной стране, которая повелевает громадными областями земного шара. Несколько месяцев в лице представителей профсоюзов, в лице своих вождей, английский народ стоял у самого руля, у кормила этой машины. Теперь консерваторы дали щелчок этому правительству. Правительство и рабочая партия обратились к стране, и страна не только дала им те голоса, которые были у них раньше, но еще надбавила им миллион двести тысяч голосов, а благодаря буржуазному парламентаризму, благодаря механике всей избирательной системы, рабочий класс возвращается в парламент, не усилившись, а ослабев. Разве это не достаточный урок для того, чтобы каждый английский рабочий задумался: как же подойти к власти и удержать власть в руках рабочего класса, если оказывается, что в тех рамках, которые дает буржуазия, увеличение голосов рабочей партии ставит ее не ближе к власти, а наоборот, отдаляет ее от власти?

Этот основной вопрос о власти рабочего класса и о том, как эта власть добывается и как она удерживается, станет отныне кардинальным вопросом политики английского рабочего класса. Не может быть, чтобы на основании урока этих выборов в среде английского рабочего класса не начал развиваться новый процесс классового самосознания и революционного понимания своего положения и своих задач.

А когда английский рабочий класс в своей массе, во всей своей совокупности, задумается над вопросом о том, как же это может случиться, что, увеличиваясь в стране, сплачиваясь, обнимая и привлекая к себе все новые и новые массы, я в то же время оказываюсь под диктатурой, и не просто даже под диктатурой буржуазии, а под диктатурой самой крайней, самой правой

буржуазии, под диктатурой ярого керзонизма и определенного империализма, — когда рабочий класс над этим задумается, он неминуемо должен будет обратиться за разрешением этого вопроса к той стране и к тому рабочему классу, который на деле показал, как рабочий класс может завоевать власть и как он может ее удержать, т. е. он должен будет обратиться к опыту рабочего класса нашего Союза.

Это неизбежно. Английский опыт еще раз показывает, что все пути ведут к опыту русского рабочего класса. Только здесь найдет английский рабочий класс, — потерпевший благодаря предательству и лживости своих вождей фактическое поражение в том смысле, что, подойдя к власти, он от нее вновь оттолкнут и создана чистейшая диктатура, воплощенная в лице 400 консервативных членов английского парламента, — только на опыте русского рабочего класса английский рабочий класс сможет сделать вывод из того тяжелого урока, который ему дали английские консерваторы.

Надо сознаться: консерваторы учат очень хорошо. После того как рабочее правительство стояло у власти, после того как оно имело за собой $^2/_3$ парламента, — обеспечить себе полнейшую диктатуру — это значит поднять в рабочем классе подлинные революционные стремления и глубокое революционное сознание.

В Англии мы видим теперь классическую картину: либерализм стерт в порошок; его не существует. Их было 150 в прошлом парламенте; они вернутся туда в количестве 40. Это неслыханное в истории поражение либералов. Им помешала не избирательная механика буржуазии, а помешало то, что от них отвернулись те элементы, которые раньше были за ними. Те мелкобуржуазные элементы, которые поддерживали либералов, но по своему положению близки к пролетарскому положению и могли поддержать рабочий класс, и пошли за ним.

Элементы же, которые не могли поддерживать рабочий класс, которые поняли, что с рабочим классом предстоит решительная борьба, от либералов ушли к консерваторам, а либералы рассыпались, и остались два лагеря, приблизительно равносильные по числу своих голосов в стране. С одной стороны, консерваторы — они получили 7 млн голосов, и с другой стороны рабочий класс — он получил $5^1/_2$ млн.

Если вспомнить, что в Англии нет ежедневной рабочей газеты, а консервативная партия располагает миллионами и миллионами, которые были затрачены на избирательную кампанию и агитацию, что консерваторы отравляют изо дня в день сознание политически мало-сознательных элементов, то мы имеем перед собой картину резкого обострения классовой борьбы, выпадения средних промежуточных элементов, два лагеря, один против другого.

Мы имеем такую ситуацию, когда вся жизнь приводит к борьбе и противопоставляет друг другу: здесь пролетариат, там капиталист, — когда не Макдональд учит рабочие массы, а сама жизнь заставляет их перешагнуть через головы обанкротившихся вождей-Макдональдов и поставить у себя во главе те кадры революционеров борцов, которые одни только могут обеспечить рабочему классу завоевание и удержание им власти. Мы накануне процесса сильнейшего революционизирования английского рабочего класса, — это бесспорный вывод из английских выборов.

Мы можем еще спросить себя, не с точки зрения общемирового классового движения пролетариата, а с точки зрения перспектив международного положения нашего рабочего государства: что это обозначает в смысле наших дальнейших отношений с Англией и в смысле нашего договора с Англией? Сказать сегодня, как именно будут поступать консерваторы, предугадать заранее все их маневры, конечно, очень трудно, но заранее можно сказать, что консервативное правительство употребит все усилия на то, чтобы договор, подписанный нашей делегацией с Макдональдом, не получил осуществления.

Они наверное не ратифицируют его в своем парламенте, который теперь явится не чем другим, как исполнительным комитетом господ Керзона и Болдуина. Они попытаются внести в этот договор такие поправки, которые — мы это заранее можем заявить — явятся для нас неприемлемыми.

В постановлении правительства нашего Союза сказано, что те уступки, которые сделаны в этом договоре, есть максимальные и крайние уступки, на которые мы пошли и на которые мы пошли потому, что мы имели дело с правительством, которое так или иначе было связано с рабочим классом. Теперь мы имеем перед собой правительство, которое прямо и непосредственно связано с английской буржуазией, и потому ни о каких дальнейших уступках не может итти речи. Господин Керзон, который завтра придет к власти, может, конечно, отвергнуть этот договор. Однако, мы Керзона у власти видели и тогда его не испугались. Если он сейчас придет, мы тоже не испугаемся.

Как бы то ни было, из истории Англии и английской политики нельзя будет вычеркнуть того факта, что когда павшее английское правительство обратилось к избирателям с вопросом: «стоят ли они за договор с Советской Россией», — то они получили со стороны пяти с половиной миллионов пролетариев резкий и решительный ответ: пять с половиной миллионов пролетариев сказали: «да, мы стоим за соглашение, за договор, за дружбу с Союзом социалистических республик». Эти пять с половиной миллионов пролетарских голосов, несмотря на диктатуру Керзона, имеют свой вес, а для нас, для нашей политики, для наших дальнейших шагов они имеют гораздо больший вес, чем голоса

всех банковских лордов и всех биржевиков Англии. Это и будет определять нашу политику.

Мы сейчас еще не знаем ни состава английского правительства, ни того, кто будет премьером, не имеем еще никаких официальных заявлений. Заседание совета министров, которое должно было состояться сегодня, отложено до вторника. Только во вторник мы будем иметь сведения, кому именно поручено составить новое правительство, и будем, вероятно, иметь первое заявление этого правительства. До тех пор мы можем спокойно ожидать шагов с их стороны относительно нашего договора.

ПРИЗНАНИЕ СССР ФРАНЦИЕЙ.

Кроме английских выборов, за последние дни мы имеем чрезвычайно важный факт в виде признания нас со стороны Франции. Товарищи! Через несколько дней мы с вами будем праздновать вместе со всем русским пролетариатом и с пролетариатом всего мира годовщину октябрьского восстания, и как раз к этой годовщине мы получили признание со стороны правительства той самой страны — Франции, которая все эти семь лет являлась наиболее резким противником нашей революции и государства, построенного пролетариатом и крестьянством. Мы с вами реалисты, — прошли «огонь, воду и медные трубы» — и понимаем, почему французское правительство было наиболее яростным противником нашим. По той простой причине, что старые русские правительства больше всего задолжали французским капиталистам. Ну, мы по человечеству можем понять, что раз мы лишили французских капиталистов наиболее лакомых кусочков, так они больше всего на нас взъелись. Правда, мы теперь с вами можем сказать: политика их была нерасчетлива. Они не приняли во внимание одного. Они не рассчитывали, что мы с вами такие упорные люди и твердо решили продолжать жить и держать власть в своих руках. Они думали, что такого долгого испытания мы не выдержим.

В эпоху гражданской войны французские капиталисты немедленно переносили свои надежды на каждого нового генеральчика, который им обещал перерезать рабочих и крестьян Советского Союза. Когда появился Деникин, они припали к ногам Деникина. Появился Колчак — они припали к ногам Колчака. Наконец, появился барон Врангель — они и бароном не побрезговали, и барону тоже дали денежки на то, чтобы осуществить его авантюру. Они просчитались, и если теперь господа французские банкиры подсчитают, сколько им должен был покойный Николай Романов, и сколько им должны покойные — политически — Керенский и Церетели, да сколько они израсходовали на Деникина, Колчака, Юденича и Врангеля, на поддержку всех форм контр-

революции и всех бандитов, то они должны будут признать по крайней мере теперь, что расчеты их не оправдались и что они значительно просчитались.

Но несмотря на этот просчет — признать нас они все-таки должны были. Конечно, они признали нас потому, — это и лежит в основе их признания, — что они потеряли надежду, что мы с вами склонимся перед ними, что мы крахнем и обанкротимся, как рабочая власть. Вот этот факт разочарования французской биржи и французских капиталистов в их надеждах на то, что Советская власть преходяща, этот факт мы и зарегистрируем как нашу несомненную победу. Мы сначала должны были с оружием в руках доказывать наше право на существование, а теперь, через семь лет, мы, наконец, «убедили» и английских и французских банкиров, что мы существуем, продолжаем существовать и никому своего места уступать не желаем.

Правда, до сих пор в этом еще не убедился господин Юз в Америке. Ну, может быть, ему дальность расстояния мешает убедиться в этом. Но, товарищи, в последних телеграммах из Америки, телеграммах, посвященных вопросу о том, как господин Юз воспринимает тот факт, что даже Франция нас признала, содержится любопытное признание. Один из ответственнейших журналистов Америки пишет: «Да, говорит он, видимо приходит время, когда нельзя пренебрегать фактами, такими, как их создает Россия». Вот именно, в мировой политике мы начинаем с вами создавать факты, мимо которых не может пройти ни одна держава, насколько бы сильнее и богаче нас она ни была.

Мы с вами к седьмому году стали таким увесистым фактом в международной политике, что никто на это закрывать глаза не может. В этом же расписался господин Эррио в ноте, которая называется актом о признании. Мы отвечали, что мы очень довольны, что наконец на седьмой год вас осенило сознание, что с Советской Россией надо говорить как равный с равным и не пытаться здесь через Савинковых и других генералов и негенералов устраивать такой порядок, который вам нравится, господа французские капиталисты, что пора примириться с тем, что мы здесь у себя, на территории Союза будем устанавливать жизнь, как нашим рабочим и крестьянам нравится.

Вот, товарищи, основные факты последнего времени, которые подводят некоторую черту под длинной и мрачной историей наших отношений с капиталистическими странами. Мы имеем почти всеобщее признание. Мы имеем теперь со стороны капиталистических держав несомненное сознание того, что необходимо вступить с нами в переговоры и вести с нами деловые коммерческие, финансовые, дипломатические сношения. Мы теперь можем сказать, что в дальнейшем наша роль на международной арене

будет в общем определяться внутренней, экономической мощью нашего Союза.

Я и обращаюсь сейчас к вопросу о том, каковы наши внутренние силы и какие итоги мы можем подвести к 7-летней годовщине Октябрьской революции.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЫ.

Вы знаете, товарищи, что нас в этом году постиг неурожай. Этот неурожай обозначает большую трещину в деле восстановления народного хозяйства. Он возлагает на наши неокрепшие еще хозяйственные плечи новые тяготы, он неизбежно задерживает наше хозяйственное развитие. Этот неурожай и бедствия, связанные с ним, являются некоторым испытанием для всего нашего народного хозяйства, и первый вопрос, который возникает, заключается в том, как мы через этот неурожай прошли, как мы с этим сверхсметным затруднением справились?

Было бы немудрено, если бы в нашей стране неурожай повел бы к свертыванию промышленности, если бы этот неурожай заставил бы сжаться наш рынок, если бы он усилил безработицу, если бы он повел к снижению зарплаты, если бы он заставил поколебаться наши новые твердые деньги, если бы он сделал в нашем бюджете большой и ничем не покрываемый дефицит. Я говорю, что это было бы неудивительно, когда на страну, еще не окрепшую, ограбленную, разоренную, только-что вышедшую из внутренних и внешних войн, свалилось такое несчастие, как неурожай. Я могу здесь перед вами засвидетельствовать, — а вы, конечно, каждый в той области жизни, в которой вам приходится работать, можете подтвердить, — что ни одно из этих, казалось бы, неизбежных последствий неурожая не имело места, что, наоборот, несмотря на неурожай во всех областях нашего хозяйства мы имеем резко-повышательную тенденцию и что этот год кончается таким подъемом нашего хозяйства и таким подъемом устойчивости всего нашего положения, какого мы еще за семь лет не наблюдали.

Я приведу вам несколько цифр для доказательства этого, но не буду затруднять вас большими статистическими справками. Мы в этом хозяйственном году, который окончился 1 октября, дали валовой продукции государственной промышленности на 350 млн больше, чем в прошлом году. Мы выработали в июне, июле, августе, сентябре на 40% больше валовой продукции, чем выработали ее в прошлом году. Количество товаров и торговые обороты в стране увеличились не меньше чем в полтора раза. Количество товаров, проходящих через наши торговые аппараты, во многих случаях увеличились в два, в два с половиной раза.

Наши железные дороги увеличивают свою ежедневную погрузку сравнительно с прошлым годом на 2—3 тыс. вагонов.

Мы окончательно и раз навсегда изжили топливный кризис. Мы добились того, что наша промышленность не только в достаточной мере снабжена топливом — минеральным, жидким и твердым, но мы добились даже того, что наши основные поставщики топлива — Баку, Грозный, Донбасс — имеют такие запасы топлива, которые не только обеспечивают полное снабжение промышленности, но и дают возможность вывозить излишки за границу.

Мы совершенно вышли из периода транспортного кризиса и поставили наши железные дороги так, что они без отказа и целиком обслуживают все наше народное хозяйство. Мы, наконец, находимся в таком положении, когда каждый месяц дает нам увеличение общей суммы продукции.

Значит ли это, товарищи, что мы в нашей государственной промышленности вырабатываем достаточное количество продуктов, необходимых для нашей страны?

Далеко нет. Мы сделали громаднейший скачок вперед, наша промышленность несомненно оживает, и если мы пойдем таким темпом, то недалек тот день, когда мы с вами скажем: «для целого ряда отраслей нашей промышленности мы достигли довоенной выработки, и мы должны итти дальше». Сейчас мы этого сказать еще не можем, ибо, несмотря на большое оживление нашей промышленности, мы далеки от довоенного уровня.

Я возьму один пример, который, быть-может, больше всего в данный момент может интересовать вас, как представителей рабочего класса Москвы и Московской губ., я возьму пример из текстильной промышленности, которая занимает в Московской губернии очень большое место.

Для того чтобы дать в этом году достаточную нагрузку нашим текстильным фабрикам, мы должны закупить на 100 млн руб. американского хлопка. Мы имеем в этом году превосходнейший урожай собственного хлопка — в Туркестане и Закавказьи. В прошлом году мы имели своего хлопка всего $2^1/_2$ млн пуд., а в этом году имеем 5 млн пуд., т. е. в два раза больше. Этого мы достигли благодаря планомерной, целесообразной политике правительства, направившей в Туркестан хлеб для снабжения крестьян, что заставило их перейти с посева хлеба на посев хлопка, а также благодаря затратам на восстановление разоренных и брошенных довоенных плантаций. Но мы решили, что наши фабрики должны в этом году обработать не 5 млн пуд., а 10 млн. пуд. хлопка, и вот эти недостающие 5 млн. пуд. хлопка мы должны закупить за границей, затратив на это 100 млн зол. руб. И все-таки, когда мы сработаем и наш внутренний хлопок и привозной американский, мы дадим мануфактуры только 62%

от довоенной продукции. Следовательно, мы сможем приготовить только $^2/_3$ того количества мануфактуры, которая потреблялась населением нашего Союза до войны.

Повторяю, это есть только один из примеров. В других областях дело обстоит или так, или, в некоторых случаях, и хуже, несмотря на тот громадный подъем промышленности и ее разворачивание, которое мы наблюдаем сейчас и которое будет продолжаться и дальше. Мы еще не даем достаточно продуктов, потребных нашему крестьянину.

Крестьянство, несмотря на неурожай, оказалось в этом году способным потребить гораздо большее количество продуктов, чем оно могло это сделать в прошлом году. Вы помните осень прошлого года, когда крестьянство, имея низкие цены на хлеб, не могло закупить наших товаров, когда товары лежали на складах, а кооперативы не платили трестам и синдикатам закупленные товары. Тресты и синдикаты, находясь в тяжелом положении, не могли оплачивать векселей, и, в конце концов, страдал от этого рабочий класс, перед которым стояла угроза сокращения промышленности, несвоевременной выплаты заработной платы и т. д.

Этой осенью такой картины не наблюдается. Наоборот, спрос растет, требования с каждым месяцем увеличиваются. Товары рвутся с руками, текстиль берут из-под станка, и мы далеко не заполняем всей той потребности, которая есть в стране. Почему так? Потому, товарищи, что, несмотря на неурожай, крестьянство в этом году получает за хлеб цену гораздо более высокую, чем оно имело в прошлом году.

Когда мы в прошлом году показывали вам на «ножницы» и указывали на опасность, заключающуюся в том, что цены на продукты промышленности лезут вверх, а продукты сельского хозяйства идут вниз, и что между ними разверзается пропасть, которая означает, что крестьянство не может купить продуктов промышленности, а город не может их сбыть, — тогда мы решили, что наша политика должна заключаться в том, чтобы цены на сельскохозяйственные продукты повысились и давали бы возможность крестьянству покупать продукты города.

С другой стороны, выяснилась с абсолютной ясностью необходимость того, чтобы наша промышленность была реорганизована таким образом, чтобы давала товары по ценам доступным крестьянству.

Мы должны помнить, что у нас нет заграничных рынков, у нас нет более или менее обширного слоя буржуазии. Мы представляем союз двух классов — рабочих и крестьянства. Продукты которые производит пролетариат, имеют основным рынком крестьянство. Крестьянство судит о хозяйничаньи рабочего класса с той точки зрения, насколько дешево и насколько полно рабо-

чий дает крестьянину нужные ему продукты. И с этой точки зрения, политика, принятая нами с самого начала истекшего года и заключающаяся в том, чтобы приспособить нашу промышленность к крестьянскому рынку, чтобы искать этот рынок, чтобы реорганизовать промышленность так, чтобы сокращением накладных расходов добиться дешевого продукта, доступного массовому спросу крестьянства, — эта политика вполне оправдалась. Эта политика именно и привела к тому подъему промышленности, который мы сейчас наблюдаем.

Крестьянство в этом году получает цены на хлеб, вероятно, процентов на 60 — 70 выше той цены, которую оно имело в прошлом году, и поэтому крестьянство оказывается способным покупать больше продуктов у города, чем в прошлом году, а на этой почве мы имеем возможность разворачивать промышленность.

Здесь перед вами — представителями пролетариата, — я могу и должен сказать, что весьма возможно, что крестьянство желало бы в этом году получить за хлеб еще больше.

В прошлом году, приблизительно в октябре месяце, цены, в среднем, на рожь по всему Союзу стояли 40 коп. В этом году мы как государство и наши государственные организации, а также кооперативы фактически покупаем хлеб, в среднем, по всему Союзу приблизительно копеек по 80. Это значит 100% повышения хлебных цен. Я понимаю, что крестьянство не отказалось бы от повышения на 120%. И мы спрашиваем себя: могли бы мы пойти на такое повышение, могли бы мы принять целиком те цены, которые стояли на рынке в июле, августе этого года? Перед вами я должен прямо сказать: правительство решило, что на столь высокие цены оно пойти не может.

Мы сказали себе, что повысить цены на хлеб необходимо, крестьянин — наш покупатель. Если мы ему дадим высокие цены на хлеб, он больше купит ситца, гвоздей, керосина, и промышленность на этом разовьется. Но могли ли мы в этом повышении итти выше известного предела? Нет, потому что пойти выше известного предела,— это означало бы, повышение цен на все товары; при повышении цен на все товары неизбежно было бы массовое повышение существующей заработной платы. Повышение цен на хлеб, цен на товары, заработной платы обозначало бы, что мы из своих государственных средств должны были бы произвести такие платежи, которые нашему рабочему и крестьянскому государству сейчас еще не под силу.

А повышение платежного напряжения нашего государства, нашей государственной рабоче-крестьянской казны обозначало бы, что мы должны были бы опять обратиться к печатному станку и напечатать денег в таком количестве, которое привело бы к тому, что наш твердый рубль был бы сорван, и крестьянин, который радовался бы, что он в августе — сентябре месяце получил

высокую цену на хлеб, — он проклинал бы нас с вами, если бы через 3 — 4 месяца мы из-за этого должны были бы сломать твердый рубль и обратиться к тем цветным бумажкам, тем совзнакам, с которыми мы расстались — и надеемся, расстались раз навсегда, — и которые разоряли рабочих и крестьян.

Во время гражданской войны, для того чтобы отстоять крестьянскую землю, для того чтобы отстоять рабочую власть, мы могли итти на выпуск этих цветных бумажек. Наше внешнее положение заставляло нас обращаться к печатному станку. Теперь сорваться на этом для нас недопустимо и мы сказали себе: итти на такие цены на хлеб, которые приводят к всеобщему вздорожанию жизни, срыву денежной реформы, к срыву твердого рубля — означало бы оказать плохую услугу рабочему классу и крестьянству. Поэтому мы понимали свою задачу так, что нужно увеличить крестьянину цены на хлеб, нужно дать ему справедливую цену, которая давала бы возможность роста крестьянского благосостояния, но вместе с тем цена эта должна быть под силу и рабочему бюджету и рабочему государству.

Что мы преследовали в этом деле? Мы преследовали то, чтобы рабочий класс знал, что та цена на хлеб, которую он платит сейчас, останется и на декабрь, и на январь, и на февраль, и на март, и на май следующего года; чтобы рабочему классу было ясно, что он продовольствием, хотя бы в этой части, вполне и целиком обеспечен и что его рабочий бюджет не будет потрясаться, благодаря росту и колебанию цен на хлеб. Этим мы хотим добиться того, чтобы рабочее государство и рабочие организации были бы хозяевами на хлебном рынке.

Правительство решило закупить на рынке не менее 400 млн пуд. хлеба. Эта цифра — 400 млн — есть результат подсчета того количества хлеба, которое необходимо для снабжения Москвы, Ленинграда, Урала, Донбасса, Харькова, Ростова, Иваново-Вознесенска и всех пролетарских рабочих центров. Сюда входит также тот хлеб, который нам необходим для того, чтобы прокармливать голодающее крестьянство на Волге, которое своего хлеба не имеет и которому мы должны давать хлеб для того, чтобы там спекулянты не играли на голоде и не рвали с голодных людей цены, которые им заблагорассудится.

Этот подсчет обозначает, что мы берем на себя задачу обеспечить рабочему классу твердые цены на хлеб не только в момент реализации урожая, но и тогда, когда хлеба в стране станет мало, к маю и июню месяцу будущего года. Эта наша политическая задача заставляет нас сделаться крупными хлебозаготовителями, не позволить частному капиталу на хлебном рынке диктовать свои законы, а держать громадные массы хлеба в своих собственных руках и приобретать их по той цене, которая, будучи выгодна крестьянству, вместе с тем была бы по

силе и рабочему классу. Благодаря этой нашей политике, которая с некоторым перебоем, но все-таки нами твердо осуществляется и, несомненно, приведет к тем результатам, к которым мы стремились, — благодаря этой политике мы имеем то расширение промышленности, о котором я уже говорил.

Я обращаюсь теперь к нашему положению в области денежной. Я сейчас говорил: высокие цены на хлеб, несоразмерные с требованиями, которые могли бы быть предъявлены к нашему бюджету, обозначали бы крах денежной реформы. А вы все знаете, какое громадное значение имеет наша денежная реформа не только для нашего международного положения, но прежде всего и главным образом для планомерного развития нашего хозяйства, для того, чтобы каждый трудящийся смог бы действительно представлять себе свои «прибытки» и свои расходы, для того, чтобы каждый цех, каждая фабрика, каждая кооперация знала бы, имела бы возможность подсчитать свои балансы. Ведь эпоха совзнака, эпоха падающих денег была хаосом в хозяйственном положении и при них восстановить страну, сделать ее богатой и могущественной — нельзя. Нельзя сделать страну богатой, если у нас не будет твердой деньги, твердого рубля, твердого червонца.

Так вот, в момент денежной реформы, в мае месяце этого года, во всей нашей стране было денег 300 млн руб. золотом. Теперь в нашей стране обращается до 7 млрд зол. руб. В течение этих месяцев, с марта по октябрь, мы влили в народное обращение до 400 млн зол. руб., и все искусство наше должно было заключаться в том, чтобы, вливая в народное обращение эти новые 400 млн руб., влить их таким образом, чтобы наш рубль не дрогнул, не покатился вниз, ибо вы все прекрасно понимаете, что если стране нужно 10 руб., а мы бы как правительство, накачали 20 руб., то каждый из этих рублей потерял бы половину своей цены. Внимательно наблюдая за силой червонца, за покупательной его мощностью, мы искусно добились того, что, увеличив денежное обращение нашей страны больше чем в два раза, в то же время покупательную силу червонца и рубля не уронили, а последние данные говорят, что она возросла с августа по сентябрь не менее, чем на 5%.

До этого был один момент, в июле месяце, когда червонец заколебался и стал падать. Почему? Потому что в это время был момент высоких цен на хлеб, а чем дороже хлеб, тем меньше покупательная сила рубля. Благодаря политике правительства, которое свело цены на хлеб к нормальному уровню, нам удалось удержать червонец на том же уровне, на котором он стоял при начале денежной реформы, а это значит, что мы одержали блестящую победу: увеличив вдвое денежное обращение, оставили на том же уровне покупательную силу червонца. Но мы должны

иметь в виду ту реальную опасность, которая перед нами есть и которая является результатом нашей недостаточной организованности.

Я уже сказал, что понижение цен, которое есть основа развития нашей промышленности, что это понижение нами должно быть достигнуто на почве улучшения организации нашей промышленности, увеличения производительности труда, сокращения всех накладных расходов и т. д. Но есть еще одна область, в которой мы должны принять все меры к тому, чтобы добиться быстрых результатов.

Мы с вами как хозяева фабрик и заводов, как хозяева промышленности устанавливаем оптовые цены, но мы этим еще не являемся хозяевами над розничными ценами. А ведь именно та цена, которую уплачивает потребитель, покупающий в розницу нашу государственную продукцию, — она определяет бюджет рабочего, она определяет мнение крестьянина о том, дешево или дорого дает ему продукты рабочее государство. Розничная цена это то, чем наша промышленность поворачивается к широким трудящимся массам, а эти розничные цены, по точным данным, которые имеются, в общем и целом на 30% превышают наши оптовые цены.

Когда мы с вами устанавливаем на ситец, на керосин на гвоздь такую-то отпускную цену с наших фабрик и заводов, мы заботимся учесть каждую копеечку. Правда, нам это не всегда удается, — и тут перед нами еще большая задача в деле улучшения организации промышленности, — но мы рассчитываем каждую копеечку, на которую сможем выпустить продукт с фабрик дешевле, потому что надеемся, что, благодаря этому, товар шире пойдет в наше крестьянство, и мы сможем разворачивать и разворачивать нашу промышленность, сокращая, конечно, тем самым безработных и получая реальный фонд для необходимого роста заработной платы. Ведь без разворачивания промышленности, без удешевления производства, без завоевания новых и новых масс покупателей — ни борьба с безработицей, ни реальное повышение заработной платы для нас не возможны. Никаких запасов у нас нет. Наследство мы с вами получили не такое, из которого можно бесконечно черпать, а, следовательно, надо самим фонды накапливать внутри промышленности. Но когда тот товар, над которым мы думали, который калькулировали и подсчитывали, выходит из рук нашего государства и проделывает свой путь к покупателю, разница между его оптовой и розничной ценой доходит до 30%. Это новые ножницы, которые режут и нашу промышленность и наши добрые отношения с крестьянством.

30% разницы между нашей государственной оптовой ценой и той ценой, по которой этот товар приходит в деревню и по-

ступает к крестьянину или потребителю — это значит плохая организация торгового аппарата, это значит, что хозяином над нашим товаром, после того как он вышел из фабрики, является уже не рабочее государство, а частный капиталист, который эту разницу кладет себе в карман. Мы должны направить все усилия к тому, чтобы эту пропасть между фабрикой, заводом и крестьянским потребителем заполнил не частный посредник, который эти 30% кладет себе в карман, а наша собственная организация, в первую очередь кооперация, которая бы эту прибыль срезала, а что останется направила бы опять-таки в государственный карман, а следовательно — на улучшение и укрепление нашего советского хозяйства.

Эта проблема нами еще не разрешена. Она еще целиком стоит перед нами и обостряется именно бестоварьем. Вздувать цену на 30% от опта к рознице возможно только тогда, когда не хватает товаров. Если бы товаров у нас было в достаточном количестве, то эта разница не приняла бы таких размеров, и мы говорим себе: разворачивание промышленности, удешевление и улучшение продукции ее и увеличение всей массы продукции, которую мы выбрасываем на рынок есть необходимое звено в развитии нашего народного хозяйства. Для этого нами уже создан твердый фундамент, который заключается, прежде всего, в твердом рубле, в твердом бюджете, в определенной организации промышленности, в определенных взаимоотношениях с крестьянством. Все это нами завоевано. Надо на этой базе, на этих твердых камнях строить новую, разворачивающуюся, расширяющуюся промышленность.

И наконец, последнее, на что я должен вам указать — это вопрос о нашем бюджете. Мы в этом году имеем бюджет, по которому должны израсходовать как государство, как СССР 2 млрд 100 млн руб. Вот наши расходы. Они сведены, товарищи, в самых узких цифрах, какие только возможны. Все те требования, — если подсчитать, — которые к нам предъявлялись, раздули бы наши расходы, по меньшей мере миллиардов до четырех. Но зная, что источники наших доходов малы, мы соответственно урезали наши расходы, и запомните, что мы, являющиеся управителями, приказчиками 140-миллионного населения, разбросанного, живущего на 1/6 части всего земного шара, имеем на то, чтобы израсходовать в год, всего 2 млрд 100 млн руб.

На это мы должны не только содержать государственный аппарат, но содержать Красную армию и вести всю оборону страны. Мы на это должны содержать всю школьную сеть, медицинскую помощь; оказывать поддержку в виде дотации, субсидии, долгосрочной ссуды тем отраслям промышленности, которые еще не стали на ноги.

Текстиль, вот, стоит у нас на крепких ногах, сам себя оку-

пает, а металл — еще нет. Он еще рынка своего не нашел и требует от государства, чтобы мы его подкармливали, и будет ли это продолжаться год, два или три года — неизвестно. Но мы знаем, что в нашем бюджете по этой статье расходов стоит 34 млн безвозвратной субсидии металлу, 37 млн. на электростроительство, 5 млн на судостроение — одним словом, мы поддерживаем целый ряд отраслей промышленности, которые не могут еще получить себе доходов с рынка и которые могут держаться только при условии государственной помощи. И вот, на все расходы в целом мы имеем 2 млрд 100 млн руб.

А если вы к этому добавите, что мы должны затрачивать определенные средства на помощь крестьянству — на голодающих в этом году тратим не меньше 60 млн руб. — должны оказывать крестьянству кредит, если хотим поднять сельское хозяйство, ибо крестьянство без кредита никогда не сможет купить ни сельскохозяйственных машин, ни тракторов, ни улучшенных семян, ни провести оросительных работ,— если принять это во внимание, если принять во внимание, что одно ленинградское наводнение стоит нам по бюджету 12 — 15 и даже 20 млн, то вы поймете, какой маленькой суммой являются эти расходы для нашей великой страны, которая все время растет, потребности которой становятся все больше. Она хочет дышать полной грудью, а денег у нас с вами маловато.

А, как явствует из первой части моего доклада, никто нам денег, видимо, в ближайшем будущем не одолжит. Тех денег, которые нам нужны на укрепление нашего советского социалистического хозяйства, на укрепление нашего сельского хозяйства, на укрепление нашей советской металлургии, на постройку нашего советского флота, — на все это мы, видимо, получим деньги не так еще скоро, и нам приходится изворачиваться в тех узких пределах, которые у нас есть.

Итак, расходы 2 млрд 100 млн руб., а каков доход? Дохода у нас меньше. С большим трудом, с большим нажимом налогового пресса, обкладывая все, что можно обложить, мы добираемся в доходах до цифры расходов. Но я должен тут же определенно сказать, что становится уже тяжеловато.

Мы в доход вносим 340 млн прямого единого сельскохозяйственного налога от крестьянства; 300 млн от акциза, 800 млн в расходах и доходах железных дорог. Они — сколько получат доходов, столько у них и расходов. Правда, товарищи, стоящие во главе транспорта, говорят, что им с этим не справиться, что они не имеют столько, сколько придется им расходовать, а мы в своем бюджете, чтобы свести концы с концами, предполагали лучший исход, т. е. что транспорт нам добавочно стоить ничего не будет, что сколько он израсходует — столько и заработает.

При таких условиях вы поймете, почему нам приходится

жаться, почему иногда, кажется, справедливое требование, обращенное к области кредитов, субсидий, дотаций, помощи или увеличения расходов в той или другой форме, — почему они не находят отклика. Часто не потому, что мы считаем этот расход неправильным, непроизводительным, или несправедливым — нет. Мы должны прямо сказать: бывает расход — очень справедливый, очень правильный, который окупит себя в дальнейшем, а дать мы не можем, потому что наследственных сумм, сундуков с золотом у нас не припасено, а что мы можем расходовать, это — то, что сами трудящиеся массы в своей совокупности могут добыть. Это заставляет нас при расходах быть чрезвычайно скупыми и упорными, прежде чем открыть казенный сундук.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать относительно нашего внутреннего положения: мы, видимо, вступили в период, когда наша промышленность будет развиваться и идти вперед более широкими шагами, чем когда бы то ни было раньше. Мы имеем перед собою еще громадный рынок, и если нас не постигнут новые несчастья в виде неурожая, то общее благосостояние страны, общее материальное ее положение, несомненно, из месяца в месяц будет улучшаться.

Потребности страны со всех сторон растут. Наша социалистическая национализированная промышленность должна напрягать все усилия для того, чтобы все потребности в полной мере удовлетворять. Удовлетворяя потребности страны, давая крестьянству товары в достаточном количестве и по сходной цене, раз мы хлеб берем у крестьян по цене, которая нам кажется по плечу, — мы будем укреплять союз рабочих и крестьян, эту основу диктатуры пролетариата в нашей стране.

Закрепляя этот союз на почве хозяйства, расширяя его все время, добиваясь все большего и большего доверия крестьянства к хозяйству, которое построено пролетариатом, добиваясь со стороны крестьянства понимания того, что только пролетарское хозяйничанье на заводе, на фабрике, на шахтах гарантирует крестьянству действительно дальнейшее развитие, — только таким образом мы получаем твердые устои, которые позволят нам выдержать всякие колебания и перемены в Европе.

Мы находимся на такой ступени развития международных отношений, когда каждая новая неделя готовит новые неожиданности. Они уже там в Англии, в Германии по два раза в год выбирают себе новые правительства. Английские выборы были вторыми в этом году, германские выборы — тоже вторые в этом году. Ни покоя, ни успокоения, ни решения каких-нибудь вопросов там нет и быть не может. Знаменитый план Дауэса — есть обман, который скоро разоблачится. Приход к власти консерваторов — означает конец так называемой демократическо-пацифистской эры, при помощи которой либералы и II Интернационал

пытались обмануть рабочих и сказать им: «мы своей либеральной слюной замажем все ваши беды и все ваши раны, которые нанесла империалистическая война».

Теперь, когда консерваторы приходят к власти в Англии, приходит конец и этим иллюзиям. Мир кругом нас потрясается и национальными раздорами и внутренними осложнениями. Рабочий класс не может успокоиться. Революционное настроение в массах растет, растет на Западе, еще резче растет на Востоке. Китай показывает нам прямой пример того, как быстро разворачиваются событпя. Ведь в лице Сун-Ят-Сена, вернее — через Сун-Ят-Сена, побеждает новый мужицкий и рабочий Китай.

Дело идет не так быстро, как бы нам этого хотелось и в Англии и в Китае, но дело идет по определенному пути, на который мы с вами встали. И если мы укрепим свое хозяйственное положение, сплотим вокруг власти советов и вокруг той партии, которая руководит нашим государством, широкие массы рабочих и широчайшие массы крестьянства, то мы останемся тем маяком мировой революции, к которой придет рабочий класс всего мира.

ЕЩЕ РАЗ О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ И О ПЛЕНУМЕ Ц. К.

ДОКЛАД ПАРТ-АКТИВУ РОГОЖСКО-СИМОНОВСКОГО РАЙОНА 3 НОЯБРЯ 1924 Г.

Товарищи, в центре недавно закончившегося пленума ЦК стоял вопрос о крестьянстве, о тех изменениях, которые происходят в крестьянской среде и о том, какие меры должны принять партия и Советская власть для того, чтобы попрежнему сохранить и еще больше укрепить союз рабочих и крестьян как основу диктатуры пролетариата.

То, что этот вопрос попал в центр внимания ЦК, конечно, не случайно. Мы, да и вы, конечно, — всякий, кто присматривается к ходу нашей революции, чувствует, что в крестьянстве назревают новые процессы, и в области экономической и в области политической. А так как мы с вами твердо помним, что наша диктатура, — диктатура пролетариата, диктатура партии, — не может быть удержана, если она не встречает полной поддержки со стороны широких крестьянских масс, со стороны, прежде всего, бедняцких масс крестьянства, то понятно, что партия и ЦК внимательно должны наблюдать за тем, что делается в крестьянстве, и своевременно принимать соответствующие меры.

ПОРЯДОК ДНЯ ПЛЕНУМА ЦК.

Самоопределение народов Средней Азии.

Четыре вопроса в порядке дня ЦК соприкасались с вопросом о крестьянстве: первый — доклад о хозяйственном положении страны, затем доклад о ходе помощи неурожайным губерниям, затем специальный доклад о партийной работе в деревне и, наконец, доклад специально назначенной комиссии для рассмотрения грузинских событий, которые вам в общих чертах известны. Все эти четыре доклада по сути дела имели одну тему, один центр тяжести, — это именно было отношение к крестьянству.

Но раньше, чем обратиться к этому центральному вопросу, я в кратких чертах расскажу вам о двух вопросах, которые обсуждал ЦК. Один из них непосредственно касается жизни на-

шей партии, другой касается вопроса о дальнейшем строительстве нашего Советского Союза.

Что касается первого вопроса, то это был вопрос о сроках созыва нашего партийного съезда и партийной конференции. Мы давно уже думали о том, что исторически сложившиеся обстоятельства, которые заставили нас созывать партийный съезд в феврале, марте и апреле, т. е. в начале года, потеряли значение, и что это, собственно, неправильно.

Сложилось это, я повторяю, исторически, случайно, никакой специальной мысли тут не было, но теперь, по мере того как хозяйственные вопросы, вопросы строительства начинают играть все большую роль, по мере этого совершенно ясно становится неудобство такого порядка потому, что пока товарищи приедут на места и сделают доклад о съезде, наметят осуществление задач, которые поставил съезд, начинается лето — естественный упадок работы в пролетарских центрах, некоторое снижение рабочих, отлив в деревню, и осуществление директив съезда, работа над задачами, поставленными съездом, начинается только осенью. Между тем, осенью выясняются результаты урожая, общая хозяйственная конъюнктура, а директивы остаются старые, весенние.

Мы давно задумывались над тем, что такие сроки созыва съезда не соответствуют естественным периодам жизни партии, и поэтому правильнее было бы съезд иметь в начале нашего хозяйственного года, т. е. в начале осени, когда после съезда задачи, там обсужденные и решенные, могли бы непосредственно осуществляться на местах, в связи с новым хозяйственным годом.

Эту перемену в сроках созыва съезда на этом пленуме ЦК решил единогласно, при полной поддержке всех съехавшихся товарищей. Для того чтобы не создавать такого длинного промежутка от одного съезда до другого, мы решили созвать партийную конференцию, она придется как раз перед съездом Советов, который будет собран, вероятно, в начале апреля — в конце марта. Партийный же съезд, который должен был быть созван в конце марта, будет созван в конце сентября. Это первое решение, которое имеет большое значение и чисто практически облегчает дело постоянной, ежедневной работы партии.

Второй вопрос, который ЦК должен был обсудить, касается нашего советского строительства. Вы знаете, что наш СССР представляет собою добровольное объединение целого ряда республик, причем двери в этот Союз, двери для вхождения в его новых и новых государственных объединений, открыты. Мы строили этот Союз в надежде на то, что по мере развития революционного движения, все новые и новые государства будут входить в наш Союз.

Но к тому моменту, когда строился этот Союз, на наших собственных границах были две советские республики, которые, однако, в Союз еще не могли войти. Это были республики: советская Бухарская и народная Хорезмская, бывшая Хива. Они соприкасались своими границами с Туркестаном, который представлял собою громадную область, чрезвычайно важную для нас в хозяйственном отношении, ибо он являлся центром производства хлопка,— основы всей нашей текстильной промышленности, а текстильная промышленность занимает в общей сумме всей нашей государственной промышленности нашего СССР громадное, если не подавляющее, место. Таким образом, положение Туркестана, правильное устройство его, правильное функционирование там государственного и партийного аппарата имеет для нас, даже с точки зрения хозяйственной, большое значение. Но не меньшее значение имеет он и с политической точки зрения: Туркестан, к которому примыкают Бухара и бывшая Хива, расположен как раз в тех местах, где мы соприкасаемся с народами Востока, начиная с Персии, через Афганистан и кончая Индией. Непосредственная граница с Индией как раз проходит в Туркестанской области.

Таким образом, упорядочение государственного положения Туркестана и хозяйственное налаживание торговопромышленных отношений в нем представляют чрезвычайную важность и для экономических наших задач, а также для наших мировых задач.

Надо сказать, что границы Туркестана, Бухары и Хивы, как большинство старых государственных границ, создались не волей народа, а насилиями и стратегическими соображениями; эти границы проходят так, что разрезают на части живые единые национальности. Часть основного населения Туркестана и Бухары, узбеков, живет на нашей границе, другая, очень большая часть их, живет по ту сторону нашей границы.

То же надо сказать относительно и других народов. Часть туркмен живет у нас, часть в Персии; часть таджиков живет у нас, часть в Индии. Таким образом, правильное национальное разрешение государственного устройства этих народов, несомненно, имело бы громадное значение для тех их единоплеменников, которые живут под персидским, афганским или английским владычеством за чертой нашей границы.

В самом Туркестане национальные отношения создались явно ненормальные. Туркестан был создан царским правительством, исходя отнюдь не из принципа национального самоопределения или удовлетворения законных национальных интересов его населения. Население Туркестана в национальном отношении представляло кашу, и это вполне соответствовало политике царского правительства, которое натравливало одну часть населения на другую, одну национальность на другую, и на этом раздоре держалось.

Мы решили положить этому конец и переделать Туркестанскую автономную республику, а также республики Бухары и Хивы сообразно национальным стремлениям, бытовым и хозяйственным условиям населяющих эти страны народов. В результате, с одной стороны, появилась громадная область, которая населена туркменами и которая обнимает часть бывшего Туркестана, часть Хивы, Хорезмской республики. С другой стороны, очень большая область, населенная узбеками, которая включает часть Туркестана, громадную часть Бухары и небольшую часть Хорезма. Эти две республики, составившиеся из Туркестана, Бухары и Хорезма, теперь получили национальное самоопределение, т. е. получили компактное национальное большинство и непосредственно входят в наш Союз.

До сих пор наш СССР состоял из РСФСР, УССР, БССР и ЗФСР (Армении, Грузии и Азербайджана). Значит, четыре государства входили в наш Союз. Теперь будет входить их шесть, ибо в этот же союз будет входить еще Туркменская ССР и Узбекская ССР. Таким образом шесть республик будут составлять наш Союз. В эти две новые республики влились на основании волеизъявления трудящихся масс, бывшие независимые, не входившие в наш Союз республики Бухары и Хивы.

Кроме этих двух республик, самостоятельно входящих в наш Союз, на таких же основаниях, как РСФСР, УССР и т. д., из Туркестана выделилась отдельная область, северная часть Туркестана, которая населена не туркменами и узбеками, а киргизами. Она отошла к Киргизской республике и вошла в РСФСР. Затем часть, населенная кара-киргизами, вошла в РСФСР. Таджики, которые живут в самых границах Индии и Афганистана и родственны узбекам, вошли в Узбекскую республику в качестве автономной республики.

Задача такого крупного национального перераспределения была продиктована соображениями и экономическими и международными и политическими, т. е. соображениями о необходимости создать администрацию, близкую к населению, умеющую понимать то население, которым она управляет, и прекратить всякие национальные трения между узбеками, туркменами, таджиками, киргизами и т. д., которые неизбежно при старом устройстве толкали друг друга локтем. При всяком другом типе государства такое перераспределение, касающееся не менее чем 15 млн населения, сопровождалось бы острыми болезненными явлениями. Мы знаем, как решаются национальные вопросы в буржуазных капиталистических государствах и с какими невероятными мучениями, с какой тяжелой борьбой и с какими острыми столкновениями проходит всякая попытка более или менее правильного решения национального вопроса в тех местах, где живут различные национальности.

Громаднейшее достоинство того типа государства, которое создано Октябрьским восстанием, заключается в том, что эти национальные вопросы мы разрешаем легко, без всяких трений, с минимумом затраты хозяйственной и политической энергии.

Проверкой этого явилась та последняя реформа, которую мы провели. Мы имели дело с народами в сильной степени отсталыми, частью с кочевыми народами. Их прошлая история создала такого рода отношения, которые чрезвычайно затрудняют какое бы то ни было нормальное государственное строительство. Мы имели дело с областями, которые еще недавно были местом деятельности басмачей, с областями, которые находятся на границе английского влияния, и нет сомнений, что англичане, независимо от того, кто стоит у них во главе, — представители ли II Интернационала или консерваторы — не пожалели бы денег, чтобы создать нам затруднения при помощи своих агентов, бандитов, разведчиков, подкупов и т. д.

Вместе с тем мы имели дело с областями, которые поставляют нам хлопок, что для нас имеет первостепенное экономическое значение. Государственную реорганизацию Средней Азии, несмотря на все осложняющие обстоятельства, мы провели почти без всяких затруднений, в полном согласии с волеизъявлением трудящихся масс, сделали это без всяких трений, по полюбовному соглашению всех руководящих учреждений на местах, и действительно впервые создали нормальные отношения в этих отсталых областях.

Вся проведенная на местах работа была представлена на заключение Центрального Комитета. В это время в Москве находились представители всех тех народов, которые я вам называл, и представители тех коммунистических организаций, которые там работают, и совместно с ними Центральный Комитет в полном единении смог совершенно, мне кажется, правильно, и очень плодотворно для дальнейшего политического, экономического и культурного развития этих областей разрешить этот вопрос.

НОВЫЕ ФАКТЫ В ОБЛАСТИ ОТНОШЕНИЙ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.

Теперь я перехожу к тому, что я назвал центральным основным вопросом заседания ЦК, именно, к вопросу крестьянскому. Он занял у Центрального Комитета почти два дня. По этому вопросу высказывались очень многие товарищи, члены Центрального Комитета и члены ЦКК, которые приехали с мест. Была проделана, в специальной комиссии по работе в деревне, большая подготовительная работа, и мне кажется, что Центральный Комитет наметил, нащупал правильные основные линии, по которым должна вестись в дальнейшем наша работа в этой области.

Прежде всего, чтобы подойти к крестьянскому вопросу, нужно было посмотреть на то, какие основные хозяйственные процессы совершаются в крестьянстве. Нет никакого сомнения, что основой всех тех явлений, которые мы в крестьянстве замечаем, является рост материального благосостояния в деревне. Можно различно оценивать этот рост, можно оспаривать даже, действительно ли поднимается материальное положение деревни в том или другом районе или области, — есть области, где оно даже падает, примерно таковы области, пораженные неурожаем, — но в общем и целом нет никакого сомнения, что крестьянское хозяйство и крестьянство поднимается и становится на более высокий материальный уровень, чем оно находилось два-три года тому назад.

Вместе с этим процессом происходит естественный и неизбежный процесс расслоения среди крестьянства. Ибо для нас, для марксистов, никогда не может быть сомнения в том, что рост богатства деревни не будет совершаться равномерно, т. е. так, чтобы все слои деревни одинаково и равномерно поднимались. Наоборот, мы прекрасно все знали и предвидели, что общий рост благосостояния села и деревни будет сопровождаться явлениями расслоения, ростом более богатых кулацких элементов и падением элементов бедняцких. Это мы имеем на самом деле и подтверждением этого факта является общее наше экономическое положение. Я еще подробно остановлюсь на этом вопросе.

Вы знаете, что наша промышленность целиком опирается на крестьянский рынок. Может быть, «целиком» сказать — это немножко сильно, потому что потребление городов тоже играет свою роль в деле промышленности, но при сравнительной слабости городского населения, при сравнительной малочисленности городов в нашем Союзе основной базой нашей промышленности является крестьянское потребление. Ослабление крестьянского потребления, ослабление крестьянского спроса на городскую продукцию означало бы заминку в промышленности. Мы это, товарищи, с вами теоретически прекрасно понимаем.

Промышленность до-советской России зиждилась на двух вещах: во-первых, на целом ряде военных и стратегических заказов, а с другой стороны, на иностранном кредите, который позволял возводить фабрики и заводы, строить дороги, независимо от того, какую потребность проявляло громадное, многомиллионное крестьянство. [1] Иностранцы давали деньги царскому правительству, которое вырабатывало морские программы, программы стратегические, железные дороги. Таким образом, круп-

---

[1] Только 20% всей продукции тяжелой промышленности шло на крестьянский рынок.

пейшие заводы получали нагрузку, и это происходило независимо от того, сколько могла потреблять главная масса населения — крестьянство.

Мы находимся в другом положении: у нас нет ни больших военных программ, ни стратегических железных дорог, ни какого бы то ни было мало-мальски значительного военного флота, которые раньше нагружали наши основные заводы, в роде Путиловского, Николаевского, и которые, потребляя уголь и нефть, заставляли подтягиваться к себе и остальные отрасли промышленности. Никаких таких программ, заказов мы не имеем, и таким путем, на государственно-искусственных военно-морских заказах держать нашу промышленность не можем.

С другой стороны, никакие иностранцы нам денег на развитие и поддержание крупных отраслей промышленности в кредит, в долг, в расчет на будущий рост народного хозяйства не дают. Заграничный рынок мы еще с вами не успели завоевать, или завоевали, во всяком случае, не для промышленных продуктов, а для продукции сельскохозяйственной. Поэтому мы должны отдать себе точный отчет в том, что темп развития нашей промышленности, количество фабрик, которые мы пустили, количество рабочих, которых мы можем на фабриках содержать, высота заработной платы этих рабочих, количество валовой продукции, которое мы можем произвести, зависит от хозяйственного уровня, главным образом и в первую очередь — деревни. Об этом нетрудно догадаться теоретически, но мы прошлой осенью проверили это и практически.

Вы помните осенний прошлогодний кризис сбыта, который не только создал некоторое экономическое затруднение в стране, но который привел к большой расхлябанности, к большому смущению в рядах нашей собственной партии, потому что прошлогодняя осенняя дискуссия отражала именно ту заминку, те трудности, которые произошли в это время в стране на почве кризиса сбыта.

Нашлись тогда такие товарищи, которые эту картину временной заминки разрисовали как пропасть, к которой ведет партию Центральный Комитет, которые требовали пересмотра всей политики Центрального Комитета, ну, а дальше, естественно, как ленточка, разворачивалась вся дальнейшая идеология: раз политика неправильна, ведет к пропасти, то Центральный Комитет должен переменить политику, следовательно, надо переменить все руководство партией. Все это следовало одно за другим неизбежно. А вот теперь совершенно ясно, что все эти политические пророчества, все то отчаяние, которое лежало в основе этих криков, имели почву в тех затруднениях экономических, которые мы осенью прошлого года переживали.

В чем были эти затруднения? Затруднения были в том,

что крестьянство преподнесло нам забастовку покупателей. Они не покупали нашу продукцию, говоря: «ваша продукция дорога, вы не умеете ее распространять, вы даете не те продукты, которые мне нужны, поэтому я у вас продуктов не беру». В силу этого товары лежали на складах, кооперативы не платили трестам и синдикатам за закупленные в кредит товары. Тресты и синдикаты, находясь в тяжелом положении, не могли оплачивать векселей, и страдал от этого рабочий класс, перед которым стояла угроза сокращения промышленности, несвоевременной выплаты заработной платы и т. д. Еще один мотив: «вы даете за хлеб очень дешево»; итак, дорогая городская продукция и дешевый крестьянский хлеб — вот те противоречия, с которыми мы тогда столкнулись и которые подтвердили нам, что наша промышленность может только в той мере развиваться, в какой мы внимательно следим за состоянием крестьянства, за его экономической мощью, за его способностью поглотить то, что мы на национализированных фабриках и заводах производим.

Крестьянство судит, — этому нас еще учил Владимир Ильич, — о коммунистах в разные эпохи по разным признакам и в зависимости от изменения признаков, союз рабочих и крестьян проходит различные стадии.

Первая эпоха, это когда рабочий класс помогал крестьянству отобрать у помещиков землю, когда крестьянство признавало руководство рабочего класса, шло за ним в революционной борьбе. Крестьянство отбросило очень быстро — изжило в несколько месяцев всякие увлечения эсерами, народниками, которые в начале революционной эпохи пользовались в крестьянстве большим влиянием. Это произошло потому, что крестьянство сказало себе, что оно может получить землю не под руководством эсеров, а только тогда, если поведет эту борьбу во главе с пролетариатом. Вот на этом сознании было основано громадное влияние большевиков в крестьянстве и вся Октябрьская победа, которая была бы невозможна, если бы крестьянство не подпирало пролетариат и не двинулось бы с ним вместе вперед.

Вторая эпоха, — когда пришлось уже отвоеванную землю защищать от наступления почти всего капиталистического мира, который выслал к нам вперед своих генералов, смысл программы которых заключался в том, чтобы вернуть помещикам землю.

Крестьянство тогда не очень благоволило к рабочим за продразверстку, за заградительные отряды. Вы знаете, что эта политика не могла внушить особых симпатий в деревне, и вы помните, как Ильичу на VIII Съезде пришлось особенно подчеркнуть вопрос о крестьянине-середняке и об отношении партии к нему. Но, несмотря на заградительные отряды, на запрещение торговли, крестьянство все-таки поддержало нас в борьбе со всем этим белогвардейским и капиталистическим наступлением, потому что

поняло, исходя из своих классовых интересов, а не потому, что все крестьянство сознательно стало коммунистическим и приняло наши коммунистические заветы, — сознало своим чутьем, что только тогда можно будет держаться, если во главе пойдет пролетариат. И несмотря на все неудобства, которые крестьянство имело от военного коммунизма, оно пошло вперед за пролетарской массой. Так была создана Красная армия, это была форма восстания против Деникина, Колчака; это был второй этап, в котором крестьянство опять-таки поддержало пролетариат в борьбе за октябрьские завоевания.

Затем мы вступаем в третий этап, который характеризуется тем, что мы признали нэп, свободу торговли хлебом. Но эту свободу торговли, главным образом сельскими продуктами, мы сочетали с тем, что удерживали, удерживаем и будем удерживать в своих пролетарских руках всю промышленность. Ильич немедленно же после введения нэпа преподал нам некоторые уроки, сказав: теперь крестьянин будет судить о коммунистах и партии не по старым воспоминаниям, не по чувству благодарности за то, что землю помогли взять, а потом отстоять, а будет судить по такому признаку — вот у пролетариев в распоряжении теперь фабрики, заводы, железные дороги, пролетарии организованы в коммунистическую партию, ну как же они с этим всем управятся? Какой будет результат, — дадут ли дешевый ситец, керосин, железо?

Тут уже уважение, благодарность, доверие — старый капитал, который мы нажили в 1917 — 1919 гг. — начинает отходить в сторону, непосредственно он крестьянскими массами руководить не может. Крестьянство судит теперь не по вопросу о помещике, земле, контр-революции, это отошло в историю, а по тому, по какой цене мы привезем в деревню ситец, какую роль кооперации мы дадим на местах, по какой цене покупаем хлеб и какой аппарат управления мы дадим крестьянству. Экономическое хозяйничание коммунистической партии и состояние тех организаций государственного аппарата, с которыми крестьянство ежедневно сталкивается в своем быту, — вот два вопроса, по которым судит крестьянин.

С этой точки зрения мы должны были рассмотреть и рассмотрели в ЦК, каково сейчас состояние крестьянства и какую базу представляет оно для нашего социалистического строительства.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КРЕСТЬЯНСКИЙ РЫНОК.

Вы знаете, вероятно, что когда получились первые вести о голоде, вернее — о неурожае, в июле этого года, в некоторых губерниях, то перед нами встал вопрос: как быть с нашей про-

мышленностью — не придется ли нам ее сворачивать. Мы тогда решили, что об этом не должно быть речи, что наоборот — ее необходимо разворачивать, но связать разворачивание промышленности с понижением цен на товары. Это была основная директива партии тогда, — дать товара больше, а цену дешевле, и при помощи увеличения массы товара, более широкого притока этого товара и более дешевых цен завоевать крестьянский рынок.

Наши расчеты оправдались, и мы видим, как все отрасли промышленности разворачивались за последнее время.

Какую бы отрасль нашего хозяйства мы ни взяли, товарооборот, грузооборот, размер кредитов, — все это показывает, что промышленность наша находится на повышательном уровне, несмотря на неурожай.

А если бы был хороший урожай, как в 1922/1923 г.? Тогда весь восстановительный процесс развился бы гораздо шире. Мы двинулись бы вперед гораздо быстрее. Но нам привязали к ногам ядро в виде неурожая, который охватил 7 млн дес., 7 млн населения, и который стоит нам не меньше 100 млн руб. в нашем бюджете. Это задержало, но не прервало процесс и даже не могло внести в него большой задержки. Немножко мы стали шагать медленнее, но все же шагаем вперед.

Но если вы теперь спросите, достаточен ли данный размер повышения и расширения промышленности, идем ли мы в уровень с теми потребностями, которые предъявляет страна, то мы должны сказать, что нет. Несмотря на рост промышленности, мы испытываем товарный голод, т. е. как раз противоположное тому, что было прошлой осенью. Тогда товары лежали на складах, крестьянство их не брало, а теперь крестьянство требует больше, чем мы можем дать. Это относится ко всем отраслям ходовых крестьянских товаров: текстиль, махорка, спички, легкие сорта железа, все это не в достаточном количестве предъявлено на крестьянский рынок, и крестьяне нас теперь ругают и за то, что те товары, которые мы им даем, дороги, несмотря на снижение цен, а с другой стороны — за то, что товаров мало. Сейчас я укажу, какие социально-политические последствия имеет это бестоварье, какие отношения создает оно между нами и крестьянством.

Пока разрешите остановиться на вопросе о том, чего стоит нам поддержка промышленности на том уровне, которого мы достигли, и что нужно для того, чтобы этот уровень повысить.

Я возьму такую область, как текстиль. Туркестан дал замечательный урожай хлопка. Правда, это далось нам не даром. В прошлом году мы собрали два с половиной миллиона пудов хлопка (с Закавказьем). Благодаря тому, что мы направили в Туркестан хлеб и держали на него все время дешевые цены,

крестьяне (которые называются декханы), убедившись, что хлебом они обеспечены, бросили его сеять и перешли на хлопок. Испокон веков край производил хлопок. Во время войны хлеба там не было, и крестьяне начали его сеять. Когда же они увидели, что политика Советского правительства обеспечивает приток хлеба и цена держится на одном известном уровне, при котором выгоднее сеять хлопок, они и перешли на посевы хлопка. Кроме того, мы затратили известную сумму денег на мелиорацию. В результате всего этого, в настоящем году мы имеем двойной урожай. Сейчас мы имеем вместо двух с половиной миллионов пудов прошлого года 5 млн пуд. хлопка внутри страны.

Но для того чтобы наши текстильные фабрики работали тем ходом, как сейчас, не говоря уже о том увеличении производительности, которое намечено, не говоря о более широком увеличении его, нам нужно 10 млн пуд. вместо 5 млн пуд., которые мы имеем. Мы можем приобрести это только за границей. Но это стоит 100 млн руб. Эта сумма в 100 млн руб. для закупки еще 5 млн пуд. хлопка, которые обеспечат ход наших фабрик на том уровне, как сейчас, внесена в наш импортный план. Столько денег мы должны выплатить за границу. Но для этого их нужно иметь.

Когда мы в прошлом году составляли импортный план, то мы знали, что мы в состоянии производить закупки за границей, потому что повезем туда хлеб. В этом году хлеб мы вывозить не можем. Но мы можем вывозить заграницу другие продукты. Что же мы можем вывозить? Мы можем вывозить те вещи, которые стоят недорого. Таких вещей, которые стоят дорого и дают большую прибыль, как машины, краски, какие-нибудь специальные инструменты, — мы не имеем. Наоборот, и машины, и краски, и химические средства мы должны ввозить к себе. Мы можем вывозить нефть, уголь, лес. Для того чтобы ввезти то, что нужно ввезти и, между прочим, хлопок, необходимый для текстильных фабрик, мы должны учесть, что потеряли хлебный вывоз и имеем для вывоза такие продукты, для которых еще нужно завоевывать заграничный рынок, и которые нужно сделать дешевле, чтобы они заграницей могли конкурировать с продуктами других стран. Если мы хотим вывозить нефть, то мы должны продавать хоть на грош, но дешевле, чем продается американская нефть.

Я указываю на все это для того, чтобы вы могли понять, какое громадное напряжение и какая связанность существует между всеми частями народного хозяйства, как это выходит, что, для того чтобы удержать производство на том уровне, на котором оно имеется сейчас, нам необходимо налечь на производство угля, нефти, чтобы вывозить их за границу, чтобы покупать хлопок и давать его на фабрику. Если мы увеличим производство угля в Донбассе и нефти в Баку, вывезем их, улучшим организацию добычи, чтобы иметь возможность продать дешевле наших

конкурентов, то мы получим в обмен на это хлопок, который привезем сюда, переработаем на наших фабриках — и после всего этого будем иметь только 63% довоенного количества мануфактуры. А так как народ у нас обносился и спрос у нас громадный, то, несмотря на все эти манипуляции, будет то, что вообще спрос крестьянства на мануфактуру мы все же полностью не удовлетворим.

Нам надо иметь сейчас производство процентов в 110 — 120 от довоенного, да сделать его очень дешевым, для того чтобы крестьянство могло получить хотя бы приблизительно то, что оно имело в довоенное время. Тогда крестьянство, вероятно, скажет: «Да коммунисты хозяйничают недурно». Но покуда мы даем 63% того, что крестьянину нужно, и даем дороже того, что крестьянство считает правильным и нормальным, справедливым, выражаясь по-житейски или по-толстовски — в этом случае, естественно, крестьянство говорит: «Хозяйничаете вы, ребята, не очень чтобы хорошо». Это есть экономическая основа тех болезненных настроений, которые растут в крестьянстве.

С одной стороны, у крестьянства, которое уже закрепило за собой землю, которое чувствует, что военной обстановки нет, внешней опасности нет, что наступает период более мирной жизни, которое располагается уже, так сказать, в данных хозяйственных условиях не на полгода, не на год, а на более длинный срок, — у него появляются повышенные потребности. А вместе с тем мы с вами семь лет так трясли головы, что даже в самых отсталых головах появилась мысль, и народ начинает задумываться и соразмерять цифры. Мы говорим кучу речей. Имеем бесконечное количество съездов. Народ начинает сопоставлять цифры, речи, данные и т. п. А ответить на все возросшие потребности мы можем очень слабовато. Конечно, хорошо, что мы даем мануфактуры 63%. Не очень давно мы давали 40—30—25%. Мы шагаем вперед — это несомненно, но потребности со стороны крестьянства растут сильнее того, чем мы можем удовлетворить.

Конечно, если бы был какой-нибудь богатый дядюшка, который дал бы для развития промышленности на год, на два сто миллионов, мы тогда запасли бы этого ситца и при громадном производстве дали бы дешевый ситец. Такого дядюшки нет, а Макдональд как будто бы обещал поговорить на эту тему с нами — и того в три шеи прогнали, так что приходится выворачиваться пока собственными силами.

ДЕРЕВЕНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

А тут, товарищи, нам с крестьянством пришлось вступить в не очень приятные разговоры относительно хлебных цен.

Теперь, товарищи, если к этим основным экономическим

факторам прибавить ряд политических, а именно то, что крестьянство далеко не всегда довольно тем, как осуществляется наше управление на местах, если вы отдадите себе отчет в том,— как мы и должны делать — глядя правде в лицо — каким образом и каким лицом Советская власть поворачивается к крестьянину в быту, в том, что ежедневно касается крестьянина, то легко увидите, с одной стороны, несколько бо̀льшую политическую осмысленность, а с другой, экономические недостатки, которые крестьянин валит на государственную власть и на господствующую партию. Добавим еще сюда тот неслыханный произвол, который констатируют все наши комиссии и обследывания в деревне, и вы поймете, что настроение крестьянства недостаточно спокойно, во всяком случае настороженное и может послужить основой для всякого рода авантюр. Такого рода авантюру мы видели в Грузии.

Конечно, в Грузии были специальные причины для возникновения попытки к восстанию, которая там произошла: там как нигде были сильны меньшевики, там большую роль сыграл национальный вопрос, т. е. то, что вся грузинская интеллигенция настроена против Советской власти. Но все это не играло бы никакой роли, если бы меньшевики и националисты не нашли в крестьянских массах таких струн, на которых они сыграли. Без этого вся затея была бы окончательно игрушкой, и хотя в общем попытка грузинского восстания была бутафорской вещью, но во многих уездах привлекала к себе большие массы крестьян.

Комиссия, которая проехала на Кавказ под руководством Зеленского и которая должна была прощупать события, приводит три причины крестьянского недовольства: с одной стороны, говорят, что на митингах больше всего популярностью пользовался лозунг «дешевая мануфактура». Там есть специальная причина: грузины и грузинские крестьяне живут на берегу Черного моря, там идет контрабанда, там продают дешевый английский ситец, и вот крестьянин говорит: «Вы, говорят, Советская власть, а ваш ситец стоит дороже, чем тот, который нам привозят контрабандисты». Это аргумент, который, если меньшевики сыграют на нем, может оказаться убедительным. Это первое — дороговизна и нехватка нашего товара.

Вторая причина была та, что крестьянство не видело там в советах тех органов власти, через которые оно может довести до сведения правительства свои пожелания, интересы, требования, настроения и т. д. А насчет коммунистов крестьянство говорило: «Куда же жаловаться на какие-нибудь распоряжения местной власти! Все вы коммунисты, рука руку моет, мне податься некуда», т. е. оказалось, что на местах нет той советской формы государственности, которая нам ценна именно потому, что мы через

нее получаем громадное влияние на беспартийные массы, связь с ними. Через эти организации мы стараемся все время прислушиваться к тому, что делается в беспартийных массах, и привлекаем их к управлению. Этого налицо не оказалось. Были ячейки, они командовали, а крестьяне слушали, но до поры до времени. Значит, вторая причина та, что в Советах крестьянин не научился видеть орган, через который он может потолковать с властью и с ней договориться.

Наконец, третье — религиозная политика, слишком грубо, топорно проводимая политика закрытия церквей. Там, действительно, от большого ума сделали так, что взяли и закрыли все буквально церкви. Появились прокламации: «Восстановите нам христианство»; ну, а меньшевики, которые верят, вероятно, только в дьявола, они не постеснялись и этот лозунг использовать в своих прокламациях. Если дешевой мануфактуры и спичек не дать, в Совет беспартийного крестьянина не пустить и Совет построить так, чтобы крестьянин и поговорить не сумел и, с третьей стороны, закрыть ему все церкви, то, конечно, если появится любой меньшевичок, он сумеет сделать заварушку. Так вот встал вопрос, что выгоднее — если недовольный крестьянин будет вас критиковать через Совет, иногда поправлять, нажимать в том смысле, что — «подай мануфактуру; а нельзя ли проводить какие-нибудь улучшения, скинуть накладные расходы?» — так ли лучше, или когда дело как будто все благополучно, никто нигде не говорит, а потом сразу вдруг — неожиданное нападение? Мы считаем, что первый метод лучше, и если бы в Грузии применить такой метод, то и меньшевики оказались бы бессильны. Надо учиться на примерах того, что случилось в Грузии.

Не очень давно, года два тому назад, нам приходилось в Воронежской и Тамбовской губерниях серьезно побиться, чтобы восстановить как следует порядок. И если мы хотим, чтобы нас не заставили вновь также биться, надо предварительно принимать меры, ибо страна богатеет, растут потребности, растет политический уровень крестьян. Зажиточные слои крестьянства научились началам политической экономии, сравнению цен; сколько ему платят за хлеб и сколько он за ситец и т. д. Мы создали ряд учреждений, которые помогают крестьянину оформить свое политическое настроение. Возьмите территориальные дивизии. Это — великолепная школа коммунизма, но она вместе с тем и некоторая форма организации крестьянства. Если бы масса крестьянства повернулась в оппозицию, то это могло бы сказаться и в этой области.

Таким образом, абсолютно необходимо обратить усиленное внимание на рост болезненных крестьянских настроений. Если вы примете во внимание, что в деревне происходит расслоение, что кулацкие группы растут, что влияние их нельзя сразу устранить,

а надо побороть экономически, а экономически можно их побить кооперативами, кредитом, чтобы крестьянин не шел к богатому соседу в кабалу, — то мы должны сказать, что работы тут непочатый край. Хорошо организовать кредит для деревни, для коллективных хозяйств, сильно двинуть вперед кооперацию, — и тогда никакой кулак не будет опасен; но денег у нас нет. А если и заведется какой завалящий рублишко, то на него претендентов сколько угодно: ВСНХ, НКПС и т. д. Большую часть перехватывает ВСНХ. Но пока это дойдет до крестьянина... А дать ему необходимую реальную помощь, дать высокую цену на хлеб, кредит, трактор, машины, ситец — этого мы сделать сейчас не можем. Это выше наших сил. Через несколько лет работы, подняв производительность труда, укрепив наши деньги и бюджет, мы будем в силах, а пока мы идем не так быстро, как нам желательно.

ЦК, приняв во внимание грузинский урок, пришел к выводу, что наша работа среди крестьянства должна стоять в центре внимания партии и что первое и основное, куда должно быть обращено внимание, — это оживление деятельности Советов. Советы должны выйти из того полусонного состояния, в котором они находятся. На заседании ЦК говорили, что нельзя судить по Москве, а факты, которые приводились относительно жизни Советов Воронежской, Пензенской и Тамбовской и других губерний, заставляют развести руками. Советы как органы самоуправления масс, как органы вовлечения не только коммунистической, но и беспартийной массы, как органы, которые крестьянство считает своими, — фактически исчезли.

Товарищи приводили, напр., такие факты относительно одного уезда, кажется, Орловской губернии, где по спискам числились 15 000 избирателей, а на самом деле разрешено было избирать 11 чел., а выбрать надо было 12 чел.

Ясное дело, что такие выборные органы управления ни один крестьянин не считает своими и в них не пойдет. Он пойдет совещаться с интеллигентом, пойдет к эсеру, но не пойдет к себе в Совет поговорить, обсудить. Нужно же, чтобы они видели, что Советы — их собственные органы.

Некоторые, может быть, думают: все идет так хорошо, так мирно, зачем беспокоиться, зачем созывать собрания, говорить речи, — проще в одной комнате собрать 12 чел. Не знаю, насколько широко это явление, но во всяком случае необходимо дать по партии лозунг оживления Советов, вовлечения в них крестьянства — вот первоочередная задача.

Почему мы в городе можем господствовать? Потому что мы ни на минуту не забываем беспартийные массы, стараемся, чтобы вся масса прислушивалась к нашему мнению, работала с нами и видела в советском аппарате свой аппарат. Создание такой же прослойки беспартийной крестьянской массы, вовлеченной в

советскую государственную работу, через которую мы указывали бы и которая служила бы проводником наших мнений — является очередной задачей партии в деревне.

Я хотел бы указать еще на одно явление в той же крестьянской среде, которое характерно и на которое надо обратить внимание. Из Самарской губернии мы получили известие о том, что там образовалась новая политическая партия с очень странным названием: «Российская рабоче-крестьянская коммунистическая партия большевиков равноправцев». Послали туда старых партийных товарищей узнать, в чем дело. В уезде, в глуши несколько комсомольцев, хорошие, преданные парни, стали задумываться насчет того: «Какой же это союз рабочих и крестьян, есть ли между рабочими и крестьянами равноправие?» Они взяли конституцию, стали ее читать и вносить поправки. Всюду где им казалось, что у рабочих больше прав, они стали добавлять слова — «и крестьяне», «и крестьяне»... Потом они взяли нашу партийную программу, читают, а там написано: «диктатура пролетариата». Они добавили: «и крестьянства». Поэтому они и назвали себя «равноправцами», что хотят установить равные права рабочих и крестьян. Товарищи от ЦК, которые ездили туда, на месте смотрели, изучали это, говорят, что народ это хороший, что их никто не подзуживал, что они дошли до этого сами своим путем. Но, конечно, политическое воспитание их очень слабо и все свидетельствует ясно, что они сами не отдают себе отчета в том, что делают.

Но если такие настроения есть среди Комсомола, среди более воспитанных молодых сил, то представьте себе, какую игру может сыграть на этом ловкий эсерик или меньшевик. Это готовая платформа для крестьянского движения: — «дайте такие же права крестьянам, как и рабочим». Они забывают, что рабочие — авангард, что рабочий класс должен быть руководителем, что сама масса крестьянства двинуться не может, что вся история революции доказывает, что пролетариат должен стоять впереди, должен быть руководителем крестьян, и что все такие явления могут послужить только для пользы контр-революции, эсерам и всякого рода другим контр-революционерам. Это очень важно понять. А тут же рядом с этим документом, написанным комсомольскими руками, фигурировал в ЦК другой документ, кажется, из Тульской губернии, не так далеко ушедший от самарской истории.

В Тульской губернии председатель одного уездного исполкома получил нахлобучку за то, что медленно собирается налог. Поэтому он отдал приказ, что ежели крестьянин не представит квитанции в уплате налога, то — отказывать ему в каких бы то ни было услугах. Этот приказ он послал в больницу, на почту, к ветеринару, по всем учреждениям. Так что, если бы крестьянин пришел к ветеринару и попросил его помощи, то должен был

бы раньше представить квитанцию об уплате налога. Если противопоставить, с одной стороны, рост недовольства крестьянства, а с другой стороны, такую умную политику, которую провел этот председатель уездного исполкома, запретивший оказывать медицинскую помощь крестьянину, если он не внес налога, — тогда мы поймем, как при такой политике можно самих себя провалить.

Конечно, исправление всего этого — дело не одного дня. Нужно, чтобы партия обратила свое внимание на эти вопросы, чтобы Советы были оживлены, чтобы мы отдали себе отчет в том, что Комсомол является основной организующей ячейкой деревни, и что поэтому комсомолец должен получить точные директивы, более точные, чем он имел до сих пор, что антирелигиозная пропаганда должна вестись так, чтобы излишне не раздражать крестьянской массы и, наконец, что в самом центре у нас, на верхушке советских учреждений, в ЦИК Союза мы должны получить группу крестьянства, подлинного, беспартийного, которая помогла бы нам ориентироваться в том, что происходит в широком крестьянском море. Чем меньше можем мы в данный момент удовлетворить экономические требования крестьянства, чем меньше мы можем экономически противодействовать росту влияния более богатых элементов, тем более внимательно мы должны отнестись к политической стороне дела. Раз мы эту болезнь заметили, и раз Центральный Комитет в эту точку без всякого колебания ударил, раз партия возьмет твердый курс, то мы, конечно, с этой болезнью справимся.

Конечно, все это: оживление Советов, внимание к крестьянству, привлечение к строительству беспартийных крестьян, оживление комсомольских ячеек, — все это будет недостаточно, если рядом не будет итти развитие нашей промышленности и крестьянство не будет чувствовать облегчения своего экономического положения. Но в области промышленности (вы можете судить по тем цифрам, которые я вам указал) мы имеем несомненно повышательную тенденцию. Ни один год не давал такого скачка вперед в области нашей социалистической экономики. В итогах этого года Госплан отмечает неслыханный для наших советских условий расцвет промышленности.

Но это, конечно, удовлетворить нас не может. Мы ставим более широкие требования.

Мы пришли к выводу, что нет никаких оснований ожидать здесь какого-либо срыва, мы сделали новый шаг по правильной дороге, по которой должны быстро двигаться вперед. Мы можем констатировать, что мы, несмотря на неурожай, находимся на линии несомненного экономического подъема, что мы имеем осуществленную денежную реформу, поднятие промышленности, снижение цен и отношения с крестьянством, которые требуют к

себе особого внимания, но ничего угрожающего еще не представляют. И раз мы во-время болезненные явления захватили, заметили, внимание всей партии на этом сосредоточили, по всему коммунистическому фронту отдали приказ прислушиваться к крестьянству, не допуская, чтобы оно отрывалось от коммунистов и Советской власти и замыкалось в озлоблении, — то с задачей укрепления Советской власти в новых условиях мы, несомненно, справимся.

ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

В связи с развитием нашей промышленности, укреплением здорового денежного обращения и развитием сети мероприятий для удовлетворения насущнейших нужд частично пострадавшего от недорода сельского хозяйства, на монополию внешней торговли в ближайший период нашего товарооборота с за-границей мы возлагаем большую и сложную очередную задачу — обеспечить стране благоприятный платежный баланс, несмотря на выпадение из экспортных возможностей 200 млн пуд. хлеба. Задача эта может быть выполнена лишь при соответствующем жизненным интересам народного хозяйства импортно-экспортном плане, а, главное, при удачном и выгодном его проведении в жизнь опытом и энергией аппарата, носителя государственной монополии внешней торговли, — Наркомвнешторга.

План этот, благодаря тому, что мы должны были признать полный отказ от экспорта хлеба, или во всяком случае, громаднейшее его снижение, переменил всю свою прошлогоднюю структуру, но все же надо сказать, что план остается активным, т. е. с активным сальдо в нашу пользу.

Мы предполагаем вывезти на 466 млн руб. и привезти на 392 млн руб. Таким образом, мы будем иметь сальдо в нашу пользу в 75 млн руб. Вопрос о том, что нам необходим активный баланс, не возбуждает ни в ком сомнения. Если мы придем, при рассмотрении экспортно-импортного плана к выводу пессимистическому, если окажется пассивный баланс, то и бывшие противники активного баланса вряд ли будут радоваться. Итак, по плану мы имеем 75 млн руб. актива в нашу пользу. Но это соответствует тому случаю, если мы вывезем 75 млн пуд. хлеба. Если мы откажемся от этого и не сумеем заменить хлеб иными продуктами нашего народного хозяйства, мы получим минус — перевес ввоза над вывозом и, как следствие этого, или неполное удовлетворение основных нужд нашей промышленности, или подрыв устойчивости червонца.

Вот как составлен экспортный план (называю лишь самые кардинальные (основные) цифры, которые дают общую картину). Наших основных товаров: хлеба, леса, пушнины, масла, яиц,

продуктов животноводства, нефти, марганца мы предполагаем вывезти на общую сумму 355 млн руб. На 100 млн руб. всяких мелочей по одному и по $^{1}/_{2}$ млн руб. В общем сумма вывоза составит 460 млн руб.

Что мы ввозим? Мы должны ввезти на 100 млн руб. хлопка, — это основная статья, — на 30 млн руб. фабрично-заводского оборудования, на 28 млн руб. машин и всяких прочих продуктов для сельского хозяйства; далее идут чай, сахар, шерсть, кожсырье, химикали и цветные металлы на общую сумму 109 млн руб. Если разделить по статьям, то выйдет таким образом, что сырья промышленного необходимо ввезти на 162 млн руб., машин для сельского хозяйства и предметов потребления в роде чая и сахара — 103 млн руб., да на 130 млн руб. всего прочего, а в общем мы получаем ввоз на 392 млн руб. Этот ввоз, при сегодняшней конъюнктуре, трудно поддается сокращению.

Важнейший элемент, занимающий целую четверть импорта — это на 100 млн руб. хлопка. На эти деньги мы получим около 5 млн пудов хлопка, который необходимо ввезти дополнительно к 5 млн пуд. хлопка, которые мы имеем в Туркестане. Этим мы обеспечим разворачивание текстильной промышленности, которое абсолютно необходимо, чтобы удовлетворить потребности крестьянства и не создать разрыва между городом и деревней. Если мы ввезем американский хлопок, затратив на это 100 млн руб., а кроме того переработаем великолепнейший урожай нашего хлопка, который вдвое превзошел урожай хлопка в прошлом году (5 млн вместо $2^{1}/_{2}$ млн пуд. прошлогодних), мы сможем довести продукцию текстильной промышленности до 63% довоенного производства. Таким образом, очевидно, что сжимать ввоз нам весьма трудно, *если мы не хотим отказаться от мало-мальски серьезного удовлетворения основных нужд нашей промышленности, работающей для деревни.*

Что же мы можем противопоставить этому ввозу? Наш экспортный план составлен таким образом, что весь он держится на сильнейшем увеличении вывоза *нефти* и на сильнейшем увеличении вывоза *леса*. Понятно, что экспортный план, составленный таким образом, благодаря тому, что из него выпало 200 млн пуд. хлеба, требует работы и большой работы, и, во всяком случае, требует всяческого нажима на промышленный экспорт и на экспорт остальных, кроме хлеба, продуктов сельского хозяйства.

Но еще большая работа, в связи с отмеченными необычными особенностями нашего экспортного плана, ложится на органы Наркомвнешторга. Необходимо обеспечить выгодные рынки сбыта для расширенного экспорта нефти и леса, необходимо обеспечить *выгодную реализацию* всех экспортируе-

мых нами продуктов (пора сдать в архив вывоз «во что бы то ни стало»; анализ внутренних и заграничных цен приобретает сугубо важное значение; поменьше пудов — побольше золотых рублей); необходимо улучшить качество (стандартизация) экспортируемых товаров, дабы выручать за них больше; необходимо вызвать к жизни новые статьи экспорта (а возможности к этому у нас имеются). Все это возлагается на органы Наркомвнешторга, от удачного маневрирования которого зависит в значительной степени успех всех наших начинаний в области внешней торговли, направленных на укрепление и развитие основных отраслей нашего народного хозяйства.

Пожелаем же Наркомвнешторгу всяческого успеха на пороге восьмой годовщины Октябрьской революции! И пусть каждый работник Наркомвнешторга всегда помнит, что его работа тесно связана с нуждами пролетариата и крестьянства, которые при удачном содействии нашего внешнего товарооборота сумеют победить и разруху и все свои невзгоды.

«Внешняя торговля» № 5—6
7 ноября 1924 г.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ. НА ПЕРЕВАЛЕ К 1925 ГОДУ.

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 2 ДЕКАБРЯ 1924 Г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НОВОГО АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Товарищи! Основным явлением в нашем международном положении надо считать факт перехода правительства в Англии в руки консервативной партии, сохранение правительственной власти в Америке за республиканцами в лице бывшего и теперь переизбранного президента Кулиджа, представляющего самые реакционные, финансовые, промышленные и магнатские круги американского империализма и капитализма, и, наконец, весьма вероятное, в результате сейчас идущих выборов, усиление буржуазных партий в Германии.

Эти три факта свидетельствуют о том, что то, что несколько месяцев тому назад называлось «пацифистско-демократической эрой» в международной политике, явно подошло к концу и что мы стоим на каком-то новом повороте, новом зигзаге международной политики.

Наиболее активную роль в международной политике сейчас играет Англия. Вы знаете, что консерваторы пришли к власти в Англии не совсем обычным путем. Видное место при выборах занимало подложное письмо т. Зиновьева. Ясно, что, придя к власти, не только обычным буржуазным методом — подавляя волю большинства, но еще путем специального подлога документов, консерваторы, взявши власть, принуждены были первым делом подтвердить подлинность письма т. Зиновьева.

Совсем неважно, что Зиновьев этого письма не писал, совсем неважно для них то, что наше правительство предложило английскому третейский суд, который установил бы, что это письмо подложное. На эти мелочи английские консерваторы обращать внимание не могли. Они не могли, придя к победе, расписаться в том, что они пришли к ней, благодаря фальшивому документу, по фальшивому паспорту. Им оставалось только одно — заверять всех дурачков, которые хотели им верить, что этот фальшивый паспорт есть действительный паспорт.

Это было содержанием первой ноты, которую английское консервативное правительство направило к нам. Смысл этой ноты заключается в отклонении третейского суда. Мы с вами, с точки зрения международной буржуазии, — варвары, которые не соблюдают приличий, с которыми нельзя иметь дело, и т. д. Но как назвать почтенных лордов и джентельменов, которые выпустили подложное письмо, а затем уклонились от третейского суда, предложенного нами?

Так должны были поступить подлинные подделыватели фальшивых документов, никакого другого исхода у них не было.

Вторым актом консервативного правительства, господствующего в Англии вопреки воли большинства населения, было сообщение нам, — правда, очень короткое, но достаточно явственное, — о том, что это правительство отказывается представить парламенту и английскому королю для ратификации подписанный прошлым английским правительством — Макдональдом и нашими представителями — Раковским и Томским, договор.

Вы знаете, что этот договор был подписан Макдональдом не потому, что он сам был расположен к нашей стране, к нашему правительству и к нашему народу. Он был подписан под давлением, под самым резким нажимом английского рабочего класса. Вожди английских профсоюзов должны были перед Макдональдом резко и определенно выявить волю самых широких английских масс для того, чтобы рука Макдональда не дрогнула. Он, представитель II Интернационала, подписал от имени английского правительства договор с рабоче-крестьянским правительством СССР.

Теперь консервативное правительство сообщает, что оно этот договор разрывает. Этим оно разрушает не только наши искренние желания установить нормальные торговые отношения с Англией и урегулировать их обычным международным путем — договором, — но оно нарушает, несомненно, волю самых широких английских трудящихся масс. Нежелание ратифицировать договор бьет не столько по нас, сколько по английскому рабочему классу, который, исходя именно из своих интересов и из своего стремления обеспечить по возможности мир, настаивал на подписании этого договора.

Пройдет ли английский рабочий класс спокойно мимо этого факта, найдет ли он достаточно сил, чтобы заставить английское правительство вступить в новый договор с нами и притти с нами к новому соглашению?

Ответ может быть сделан только положительный. Нет сомнения, что положение нашего Союза таково, что теперь уже нет никакой возможности обойтись в мировой политике без нормальных отношений с нами.

Но деятельность английского консервативного кабинета не

ограничилась только этим вызывающим шагом по отношению к нашему Союзу. Если мы взглянем на факты последних дней, которыми пестрят страницы газет, то увидим сильнейшее повышение активности английского правительства во всех направлениях.

Мы увидим, как английское правительство вмешивается непосредственно в дела Египта, как оно посылает карательные экспедиции в Судан, как оно вмешивается во внутренние дела Персии, ставит персидскому правительству ультиматум и явно поддерживает реакционные элементы, — персидских крепостников и феодалов — против всяких реформ, направленных к объединению и более современному устройству Персии.

Мы увидим дальше, как английское правительство явно подбирается к тому, чтобы отхватить кусок у Турции. Мы, наконец, видим, как английское правительство пыталось, — правда, в этом случае неудачно, — поднять, снабжая своими деньгами и оружием, повстанческое движение самых реакционных элементов в Афганистане на границе с Персией.

Товарищи, если вы взглянете на карту Судана, Египта, Турции, Афганистана, где английские консерваторы не жалеют денег и оружия на то, чтобы вызвать гражданскую войну наиболее реакционных элементов против попыток этих стран вести независимую политику, вы увидите, что эта активность английского правительства идет по линии, направляющейся к Индии, и что эта вся дорога усеяна местами, которые являются месторождениями нефти.

Нефть и захват ее в свои руки, обеспечение пути в Индию и обеспечение господства над 300 миллионами индийского населения, которое уже столетия находится в полном рабстве у английского правительства, — вот та политика, которую сейчас активно проводит консервативное английское правительство.

Мы не можем сомневаться в том, что эта политика имеет в виду не только непосредственно Египет, Персию, Турцию, Афганистан. Она имеет в виду, несомненно, и ту страну, которая является подлинным оплотом всех стремлений восточных народов к освобождению из-под гнета иностранного империалистического капитала, в первую очередь английского.

Турция как независимое государство, Афганистан как государство, освобождающееся от английского засилия, Персия, не желающая подчиниться указке английских банкиров и нефтепромышленников, могут существовать лишь постольку, поскольку за ними расположена громадная страна, которая является принципиальным противником империализма и относительно которой все эти народы знают, что они со стороны этой страны, со стороны Союза советских социалистических республик, могут ожидать полной моральной поддержки, во всех своих стремлениях

встать на путь свободного, независимого от империалистического капитала, национального развития.

Поэтому те удары, которые сейчас наносятся на Востоке, в какую бы точку они направлены ни были, направлены ли они против независимости Судана, против независимости Египта, против суверенитета Турции, против Персии и Афганистана, есть на самом деле удары, наносимые Союзу советских социалистических республик, и иначе мы этого рассматривать не можем.

Было время, когда английская буржуазия полагала, что 140 млн населения, которые расположены между Белым морем и Закавказьем, между Ленинградом и Памиром, просто исчезли, перестали существовать как фактор активной политики, что с этими миллионами можно не считаться.

Теперь английская буржуазия убедилась, что считаться с ними очень и очень нужно и что именно в вопросах мирового господства нельзя не считаться с той международной политикой, которую провозгласила и которую проводит дипломатия рабочих и крестьян, объединенная под флагом Советской власти.

И вот именно потому, что они убедились теперь, что нельзя господствовать над Индией, Египтом, Суданом, Персией, Турцией, Афганистаном, не считаясь с наличностью совершенно нового типа Советского государства, именно поэтому они прилагают теперь судорожные усилия, чтобы на наших границах, у порога нашей страны задавить независимость и самостоятельность этих государств и подчинить их своему прямому, непосредственному влиянию и руководству.

Если бы английской буржуазии удалось окружить всю нашу восточную границу, начиная с Китая и вплоть до проливов, системой государств — Турции, Персии, Афганистана, Китая, которые были бы на самом деле вассалами и исполнителями воли английских банкиров, — так же, как до недавнего времени и еще теперь продолжают быть их агентами Румыния, Польша и др. государства на наших западных границах, — тогда английская буржуазия могла бы быть спокойна за свое господство над Индией и за свой захват всех нефтяных источников, которые расположены по этим границам.

Вот по этой основной линии и направляется политика Керзона, которая, поэтому, не может быть рассматриваема нами иначе, как политика враждебная не только интересам самих восточных народов, но враждебная и интересам всеобщего мира и интересам нашей республики.

Если бы у нас сейчас, в данный момент, были не только такие усилители, которые разносят голоса по городу и передают их в другие города, но если бы здесь нам поставили усилитель, который позволил бы нам взглянуть на восточные границы нашей республики, который представил бы нам, что в данный

момент делается, начиная от Северной Африки от Марокко через Судан, в Египте, Персии, Турции, Афганистане, то вы увидели бы, что все эти страны залиты кровью, которая течет из порабощенных народов, благодаря тем пушкам и тем ружьям, которые доставлены туда английским правительством и которые стреляют по приказу английского генерального штаба.

Вот политика Англии в данный момент. Вот вам эра пацифизма. Вот вам разрешение спорных вопросов при помощи мирных способов арбитража, Лиги наций и проч. вещей, придуманных для обмана дурачков.

Те, которые думали, что достаточно будет, чтобы к власти приблизился II Интернационал, который не жалеет перед рабочими массами слов о своем миролюбии, и те, которые думали, что достаточно вмешательства Америки, которая придет и, опираясь на свой громадный золотой запас, скажет Европе: «живи смирно, не смей создавать катастроф», и те и другие глубочайшим образом ошиблись.

Товарищи, мы живем с вами в такой период, когда и в мировой политике месяцы идут за год. Такие события мировой истории, которые раньше, для того чтобы дойти до своего логического конца, требовали годов, теперь под влиянием резких противоречий и столкновений разворачиваются в продолжение нескольких дней или недель. Мы наблюдаем поэтому полное крушение эры пацифизма, полное крушение мечты, надежды на мирный исход из мировых противоречий.

Мы говорили неоднократно: «война империалистская шла за раздел мира». Версальский мир есть договор о разделе мира между крупнейшими странами-победительницами. Но при этом разделе мира не было принято во внимание одно обстоятельство — желания и активность самих порабощенных, колониальных и полуколониальных народов. Поэтому срыв Версальского мира идет не только благодаря росту противоречий внутри победивших государств, которые не могут мирно поделить доставшуюся им добычу, — срыв Версальского мира идет со стороны пробужденной активности, национального сознания, стремления к независимости тех народов, которых поделили, не спросив ни об их воле ни об их интересах, и которые теперь, начиная с севера Африки и через всю Азию, показывают, что они не хотят, чтобы их делили американцы, англичане или французы, — народов, которые сами хотят устраивать свою судьбу, которые учатся прибегать для этого к революционным методам борьбы, которые знают, что в результате Октябрьской революции создана страна, на которую можно опереться против мирового капитала для того, чтобы освободить себя от засилья империалистов.

В этой международной обстановке слова о мире являются действительно форменным методом обмана, — и вы знаете, что

главным агентом этого обмана, главным агентом по прикрытию злодейских дел империалистов и капиталистов перед рабочими массами, главным агентом по успокоению рабочих масс, по введению их в заблуждение явился II Интернационал.

II Интернационал остается агентом буржуазии, когда буржуазия подпускает его к власти, как это было в случае с Макдональдом, но он остается таким же агентом буржуазии, таким же поощрителем ее разбойничьей политики и таким же адвокатом буржуазии перед рабочими массами, когда этому прихвостню буржуазии дают пинка в спину, и он становится как бы в оппозицию к правительству.

Макдональд, сидя теперь в меньшинстве, фактически защищает политику Чемберлена. Вместо того чтобы выйти перед рабочими массами и объяснить им подлинную картину разошедшегося сейчас во-всю мирового разбоя, Макдональд только пытается подправить Чемберлена, только пытается придать ей более легальные формы, пытается перед теми рабочими, которые его еще слушают, — а таких будет все меньше и меньше, — оправдать и подкрасить политику Чемберлена. Это политика обмана.

Она рассчитана, конечно, и на то, чтобы нас с вами запугать. Подбираясь к нашим границам со стороны Турции, Персии и Афганистана, открыто бросая нам вызов отказом от подписанного уже договора и, наконец, отказываясь от третейского разбирательства по поводу дела о фальшивых документах, — Керзон и Чемберлен проводят политику, которая заключается в том, чтобы нас с вами поставить на колени.

Мы, однако, помним, что не только ультиматумами, не только нотами и не только воздержанием от подписания договоров пытались выбить нас из строя господа капиталисты. Были приняты гораздо более решительные меры, начиная от танков и кончая голодной блокадой. Русские рабочие и крестьяне не отступили перед этими орудиями, и поэтому мы могли бы сказать господину Чемберлену, чтобы он не надеялся понапрасну и что никаких уступок с нашей стороны перед его нотами и перед его маневрами не будет.

Мы можем смело и бодро смотреть вперед. Политика английских консерваторов касается, и касается грубо, таких болезненных мест, таких болезненных узлов во всем переплете мировых отношений, она настолько грубо и демонстративно провоцирует все народы Востока, настолько ярко и наглядно использует всякие факты и всякие затруднения для того, чтобы нажиться,— что от политики консерваторов мы можем ждать только усиленного революционного обучения сотен и сотен миллионов народов, которые находятся под игом Британии, которые до сих пор еще недостаточно обучены революционным методам борьбы и

для обучения которых, быть может, политика Чемберлена окажется еще более действительной, чем даже столь напугавший их Коминтерн.

Пускай Керзон и Чемберлен проводят свою политику. Они играют сотнями миллионов народов, которые только-только начинают пробуждаться к исторической жизни, они эти народы провоцируют, они эти народы научат революционной борьбе против империализма и против буржуазии своей и иностранной.

И в тот именно момент, когда это обучение будет проведено, когда Чемберлен будет пожинать свои труды, тогда пускай он вспомнит, как он играл подложными письмами т. Зиновьева, и пусть он тогда подумает над тем, что сила наша была не в подложных письмах, а в том коренном, глубочайшем сочувствии Коммунистическому интернационалу со стороны сотен миллионов угнетенных народов, которые ему сочувствуют не потому, что т. Зиновьев пишет письма, а потому, что они видят в нас, в нашей стране и в коммунистической партии единственных вождей для проведения дела освобождения против собственной и против чужой буржуазии до конца.

ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ.

В нескольких словах я теперь остановлюсь на наших отношениях с другими странами. Германия переживает сейчас в своей внутренней политике тот же период иллюзий, который характерен для многих стран и через который, видимо, неизбежно проходят широкие массы, прежде чем решатся прибегнуть к самым крайним способам борьбы.

Вы знаете о плане Дауэса, о способе финансового закабаления Германии, который был придуман американским генералом Дауэсом. Вы знаете, что этот план сводится фактически к превращению Германии в колонию, к разорению германского рабочего класса в пользу буржуазии германской и буржуазии стран-победительниц.

Но, конечно, тот яд, который заключается в плане Дауэса, поднесен германскому народу в золотой облатке. Этой золотой облаткой служит заем в 800 млн марок, который английская буржуазия предоставляет германской буржуазии. Этой золотой облаткой, в которую заключен дауэсский яд, является стабилизация германской марки.

Весь план Дауэса рассчитан на то, чтобы на первых порах создать видимость некоторого успокоения, обмануть широкие рабочие массы видимостью некоторого материального улучшения и только потом уже начать стричь эти массы в виде процентов по займам, сокращения зарплаты и т. д.

Германия сейчас переживает именно тот период, когда ядовитое содержание дауэсского плана еще не стало оказывать действия на организм. Покуда там еще жуют эту позолоченную облатку.

И вот буржуазия, не без умысла, назначила новые выборы как раз в тот момент, когда массы заняты жеванием этой золотой или позолоченной облатки. Это, вероятно, даст свой результат — тот, на который рассчитывает буржуазия. Это, вероятно, приведет к временному усилению средних буржуазных партий и, вместе с тем, к усилению социал-демократии. Можно предвидеть, что, рассчитав момент выборов именно при таких условиях, буржуазия получит то, чего она хочет, т. е. более правое буржуазное правительство.

Это, конечно, будет только временным утешением: яд дауэсского плана, направленный против рабочего класса, начнет очень быстро сказываться. Рабочие почувствуют сокращение зарплаты ради платежей Германии по репарациям, т. е. по долгам Вильгельма, по долгам, созданным войной, почувствуют и лапу американского капитала на фабриках, заводах и т. д., и колониальное положение Германии, и необходимость платить проценты за тот самый заем, который сейчас Германии и дан и который создал внешность благополучия.

Это будет завтрашний день. Сегодняшний же день как будто готовит усиление и укрепление буржуазной реакции в Германии.

Вы знаете, что мы сейчас находимся в периоде переговоров о заключении торгового договора с Германией и что германская делегация находится здесь, в Москве. В этом договоре центральным пунктом для нас является полное проведение монополии внешней торговли.

Монополия внешней торговли должна ограждать интересы нашего крестьянства, интересы нашего Союза от возможного иностранного грабежа. Без монополии внешней торговли иностранные капиталисты, пользуясь стесненным положением нашего крестьянства, будут скупать все за дешевку, чтобы перевозить за границу, продавая там дорого, а разницу класть в свой карман. Вот почему монополию внешней торговли мы отстаиваем и будем отстаивать до конца.

Германская делегация приехала защищать, конечно, не наши с вами интересы, она приехала защищать интересы тех классов, которые сейчас господствуют в Германии. Соглашаясь с нами в основных вопросах монополии (иначе мы не стали бы и разговаривать), она все-таки пытается предложить нам некоторые меры, которые ослабили бы роль монополии. Но германская делегация прекрасно отдает себе отчет, что интересы развития

Германии в известной мере совпадают с интересами нашего Союза, и потому мы думаем, что мы с ней все-таки столкуемся, не отступая ни на шаг от нашего плана проведения монополии внешней торговли.

Теперь об отношениях с Францией.

Франция нас признала. Признание было формальным актом; нельзя не признавать после семи лет наличности Советской власти, эту Советскую власть, если не желаешь прослыть чудаком.

Но от формального признания еще очень далеко до установления деловых отношений. Чемберлен нас тоже признает, но договора с нами не подписывает, и когда этот договор будет подписан, мы еще не знаем. Возможно, что очень не скоро.

Англия употребляет все усилия, чтобы оттянуть возможность нормальных отношений с Францией, возможность торгового соглашения. Чемберлен все время старается убедить Эррио, что договор Франции с Союзом невозможен, недопустим.

Удастся ли Чемберлену убедить в этом Эррио, или действия французского народа заставят французское правительство принять решительные меры в установлении отношений с нами, мы не знаем.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. ЯПОНИЯ И КИТАЙ.

Что касается Дальнего Востока, то здесь я могу ограничиться краткими словами: с Японией мы связаны соглашением, в силу которого Япония должна эвакуировать свои войска с Северного Сахалина. Если бы товарищи спросили меня, почему Япония держит свои войска на Северном Сахалине, то, отвечая на дипломатическом языке, я не нашел бы слов для ответа, а отвечая на простом языке, я сказал бы, что Япония держит на Северном Сахалине свои войска потому, что ведет разбойничью политику.

Для того чтобы такая политика со стороны Японии была прекращена, она требует компенсацию, — это тоже непонятно и для простого разума необъяснимо. Если я взял чужую вещь, то разве я могу, возвращая ее тому, кому она принадлежит, требовать, чтобы мне за возвращение ее заплатили?..

Говорят, что это — «международное право» и что мы, большевики, не понимаем этого потому, что мы варвары и не культурные люди!..

Но чтобы Япония отдала нам ту вещь, которая принадлежит нам, но которая захвачена Японией, мы должны или схватить Японию за шиворот и потрясти так, чтобы эта вещь выпала из ее рук, или вступать с нею вот в такие переговоры, в которые мы и вступаем.

Переговоры затягиваются. Мы перешли к переговорам от-

носительно существующей на Сахалине нефти. Мы думаем, что скоро должен быть подписан договор, Северный Сахалин будет возвращен нам и на нем будет развеваться красный флаг советской республики.

Я хочу особо подчеркнуть те отношения симпатии, дружбы и связи, которые проявляются к нам со стороны всех народов Востока.

Эта симпатия особенно проявляется со стороны Китая, который чувствует, что он является мячиком, которым перебрасываются английские, французские и американские капиталисты. Но в этом мячике 400 млн. народа, народа, который выходит из старого сонного состояния, народа, который обучается на фабриках и заводах, народа, который уже выделил из себя рабочий класс, народа, который чувствует, что рядом с ним стоит не старая царская Россия, которая только и думала, как бы получить кусочек в этом китайском пироге, а союзная советская страна, которая не хочет лакомиться от китайского пирога, но хочет приложить все усилия для того, чтобы обеспечить Китаю самостоятельное, независимое и дружественное нашей стране существование.

Рост ясного сознания того, что американцы, японцы, англичане не остановятся ни перед чем, чтобы подчинить Китай себе, что, несмотря на драку между собой (а известно, что когда шайка разбойников накидывается на добычу, то надо ждать взаимной потасовки между ними, это мы видели и после империалистической войны), они мечтают лишь о порабощении Китая, рост этого сознания мы и видим теперь в Китае.

Правда, там японцы, англичане и американцы носят не обычные именования: там, вместо того чтобы говорить — ставленник Японии, говорят: такой то генерал; вместо того чтобы сказать — американец, говорят: такой-то генерал. Именами этих китайских генералов прикрывается борьба различных империалистических клик за то, кто будет господствовать над Китаем, кто получит возможность строить железные дороги, разрабатывать естественные богатства Китая, кто возьмет в свои руки внутреннюю и внешнюю торговлю, будет отравлять китайский народ опиумом и т. д. и т. п.

Есть одна группа в Китае, которая представляет не интересы иноземной клики, а подлинные интересы китайских крестьян и отчасти рабочих на данной стадии движения, это — партия Гоминдан, во главе которой стоит Сун-Ят-Сен. Благодаря взаимной склоке империалистов сила и значение этой партии, представляющей подлинные интересы Китая, значительно усиливаются.

Сун-Ят-Сен нам друг, он в своей политике целиком опирается на признание союза нашей страны с освободительными

силами Китая и все свои надежды, а тем самым и надежды всего китайского крестьянства, переносит на укрепление и развитие дружбы и сотрудничества китайского народа и Советского государства.

В Китае мы видим сильнейший рост симпатий к нашей республике, усиление дружественной партии Гоминдан и ослабление, благодаря взаимной драке, тех, кто пытается путем интервенции наложить свою лапу на Китай.

ПОДГОТОВКА НОВЫХ ВОЙН. ЭСТОНСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Вот краткий обзор того, что делается на международной арене. Как видите, в том мире, о котором я рассказывал, нет ни пацифизма, ни демократизма, а налицо — империализм, продолжающий борьбу за раздел всего мира, не умеющий и не могущий установить никаких твердых рамок, которые обеспечили бы миллионам человечества мир; империализм, который льет кровь порабощенных народов ежечасно и ежеминутно, который натравливает отсталые народы друг на друга, чтобы обеспечить свое господство, который продолжает, вместо того чтобы подымать хозяйство всего мира, разоренного войной, толкать человечество все глубже и глубже в яму безысходной человеческой бойни и постоянного рабства.

Мы входим, как я сказал, в новый период мирового империализма, который проявится в особо жестокой форме. Как далеко зайдет сейчас империализм, насколько окажется силен пролетариат для того, чтобы удержать капиталистические правительства от того, чтобы — опьяненные — они вновь не вовлекли человечество в новую грандиозную войну, — этого предсказать сейчас нельзя.

Можно сказать только одно. Долг пролетариата и долг наш, не только нашей партии, но и нашего государства: на весь мир открыто заявить, что мы видим, как магнаты капитала попрежнему тянут человечество к грандиозным несчастьям, к новой мировой войне, и что мы призываем все народы собрать все свои силы для того, чтобы дать революционным путем отпор безумству капиталистических правительств, которые преследуют свои цели и готовы пожертвовать новые и новые миллионы жизней ради увеличения своего кошелька.

Сказавши это, мы выполним свой долг. Мы будем попрежнему продолжать политику мира, попрежнему не будем поддаваться никакой провокации, а спокойно и в полной уверенности, что мы уже настолько выросли, что никто не посмеет на нас замахнуться, — а если и замахнется, то очень быстро получит ответ, — будем продолжать политику мира и укрепления дружбы со всеми народами. Там, где хотят этого, и там, где капитали-

стические правительства принуждены считаться с этим — хорошо. Там, где они будут стремиться к нарушению дружбы, — тем хуже для них; народы сметут их, а мир между человеческими массами и советским государством будет заключен на совершенно незыблемых основаниях.

Меня спрашивают товарищи о том, что произошло в Эстонии. Я должен сказать, что у меня в данный момент нет никаких дополнительных сведений к тем, которые опубликованы сегодня в газетах. Не имея этих сведений, быть может, не будет ошибкой предположить, что последнее издевательство эстонской буржуазии, на днях расстрелявшей т. Томпа и держащей под стражей, а, может быть, и в каторге, 149 представителей рабочего класса, — возможно, что эта обстановка, что это издевательство эстонской буржуазии заставило известную часть рабочего класса и крестьян выступить с оружием в руках.

Действительно ли эстонская буржуазия может праздновать свою победу, о которой она пытается оповестить весь мир, или это только первое действие, за которым последуют другие, я сказать сейчас не могу.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. ТЕКСТИЛЬ, МЕТАЛЛ, ТОПЛИВО.

Теперь я перейду к ответу на вопрос: как же — в этом хаосе, раздирающем мир капиталистического противоречия, в этой обостряющейся вокруг нас свалке, — развивается наше внутреннее положение, достаточно ли крепко мы стоим на своих ногах?

Этот год в деле восстановления нашего хозяйства можно назвать годом рекордным. Экономисты и специалисты, изучающие отдельные отрасли нашего хозяйства, именно это слово и употребляют, характеризуя этот год, в течение которого восстановление хозяйства во всех областях, несмотря на частичный неурожай, пошло, наконец, быстрыми шагами вперед. Это — первое.

Второе—это тот год, когда наше движение вперед можно рассматривать, как систематическое, постоянное повышающееся явление, а не только как судорожное случайное продвижение вперед. Мы в этом году имели не только вообще движение вперед, но систематическое, неуклонное движение вперед, что дает основание рассчитывать, что оно сорвано быть уже не может, что оно является только предпосылкой тому движению, которое в ближайшие годы будет все больше и больше увеличиваться.

Для того чтобы подтвердить свои слова насчет здорового движения нашей страны в этом году, которое, естественно, переливается в 1925 г., я продемонстрирую перед вами три производственных вопроса. Два из них уже рассмотрены в Совете

труда и обороны, а третий уже готов и будет рассмотрен на днях. Это касается главнейших отраслей нашей промышленности: текстиля, металла и топлива. Это три гиганта: текстиль, который в первую очередь обслуживает крестьянский рынок; металл, без которого вообще промышленность развиваться не может и, наконец, топливо, без которого наша страна существовать не может. Их состояние показывает общее направление развития нашей страны.

Если развивается текстиль, — значит, развивается крестьянский рынок, значит, развивается крестьянский спрос; если усиливается топливо — значит растут фабрики и заводы, усиливается движение по железным дорогам, пароходам и т. д.; и, наконец, если потребляется металл все в большем и большем количестве, это означает, что основные средства промышленности начинают увеличиваться и что наша до сих пор деревянная и соломенная страна начинает мало-по-малу переходить на более высокую ступень, индустриализироваться. Как же обстоит дело в этих трех отраслях?

Прежде всего о текстиле. Я приведу, товарищи, несколько цифр и в дальнейшем буду приводить их, ибо если в области международной политики нам приходится ограничиваться суммарными общими линиями, то в нашем практическом деле восстановления хозяйства каждый из нас должен быть вооружен точными знаниями и для того, чтобы отвечать рабочей массе на каждый ее вопрос, и для того, чтобы в своей работе легко разбираться в окружающей обстановке.

Возьмем пряжу. Если мы продукцию 1922 г. примем за 100, то в 1923 г. мы уже имели 145%, а в 1924 г. — 200%. За эти два года производство пряжи в нашей стране, мы видим, увеличилось в два раза. По шерстяной промышленности если мы опять примем 1922 г. за 100, то в 1923 г. мы имеем 150 и в 1924 г. — 200. Если взять льняную промышленность, то в 1922 г. мы имели 100, в 1923 г. — 131 и в 1924 г. — 237.

Таким образом, вы видите, что продукция этих отраслей промышленности за два года увеличилась в два раза и даже больше.

Что же мы собираемся делать в наступающем году — свертываться или разворачиваться?

Наш лозунг для наступающего года: во всех отраслях промышленности разворачиваться дальше неслыханным до сих пор темпом.

Если мы сработали суровья в 1924 г. 890 млн, то в 1925 г. мы предполагаем сработать 1300 млн метров, т. е. на 46% больше. В шерстяной промышленности предполагается увеличение на 23%.

Таким образом, в области текстильной промышленности мы

даем новый толчок, двигаем новые фабрики. Для того чтобы загрузить нашу хлопчато-бумажную промышленность, мы не только прорабатываем в этом году весь, очень значительный по размерам, урожай хлопка в нашем Союзе, но мы еще на 100 млн. зол. руб. выписываем хлопка из Америки.

И вот, товарищи, давая такой толчок нашей текстильной промышленности, увеличивая таким образом наши запасы сырья, тратя такие деньги на покупку хлопка, мы все-таки далеко еще не дойдем до довоенного уровня. До войны на одну душу населения приходилось от 25 до 27 арш. ситца, если разделить на всех поровну. Сейчас же мы вырабатываем лишь столько, что можем дать по тому же расчету на одну душу населения от 12 до 13 арш. ситца. В Европе народ, живущий побогаче нашего, тратит в среднем на голову до 50 арш. в год.

Вы видите, что нам еще осталось работать процентов на 40 для того, чтобы достигнуть только довоенного уровня, и затем увеличить еще в два раза нашу работу, чтобы снабдить население мануфактурой в таких размерах, в которых эта мануфактура потребляется в Западной Европе. Работа, таким образом, перед нами громадная.

Перехожу к другой отрасли промышленности — к металлу. Я обращаю внимание товарищей, которые хотят более близко присмотреться к положению дел с металлом, на помещенную сегодня в «Правде» статью т. Краваля по вопросу о развертывании металлопромышленности, где он излагает принятые Советом труда и обороны решения, которые полностью дают картину того, идем ли мы вперед или сворачиваемся в области металлопромышленности.

Разворачивать металлопромышленность труднее всего. Прежде всего, потому, что, в результате империалистической и гражданской войны она дальше всего откатилась назад. Эта промышленность требует больше всего вложений в нее новых средств: она меньше всего может рассчитывать, хотя и должна рассчитывать, на широкий рынок.

Тут много металлистов, и они знают, что наша металлическая промышленность стояла не на деревенском спросе, а на заказах железных дорог, пароходств, на военных заказах царского правительства. У нас нет военного флота, военных заказов в прежнем размере мы делать не можем и не хотим, и поэтому именно металлопромышленность переживала очень трудные моменты, выразившиеся в недостатке оборотных средств, в несвоевременной выплате заработной платы, в том, что целый ряд заводов стоял на консервации, в том, наконец, что постоянно возникает вопрос: не закрыть ли те или другие заводы.

Мы делаем сейчас новое напряжение в этой области. В прошлом году вся металлопромышленность произвела, если счи-

тать по довоенным ценам, на 195 млн руб. Металлопромышленность сама представила нам в СТО расчет на то, чтобы произвести в наступающем году на 306 млн, т. е. добавка на 100% за год.

Мы не решились дать металлопромышленности такое задание, ибо это потребовало бы от нас таких средств, которых в нашем распоряжении, в распоряжении государства сейчас не имеется. Поэтому мы определили ее программу несколько меньше, в 273 млн по довоенным ценам. Это означает, если перевести это на нынешние цены, что мы металлопромышленности даем задание почти на 400 млн наших рублей. Это есть громадное увеличение сравнительно с прошлым годом.

Если вы примете во внимание, что мы требуем от металлопромышленности снижения цен, что, для того чтобы добиться снижения цен, а, следовательно, обеспечить металлопромышленности широкий крестьянский рынок, мы должны повысить производительность труда рабочего, с одной стороны, и, с другой стороны, применить самую строгую экономию в деле расходования металла, сырья, топлива, и т. д., усилить применение наилучших методов технических улучшений и вообще улучшить все дело организации металлопромышленности, — то вы увидите, какие большие задания мы ставим перед собой и какой большой шаг вперед собираемся сделать в области металлопромышленности.

Для того чтобы сделать это, мы должны будем оказать металлопромышленности не только кредит, но и дать ей субсидию. По нашему бюджету, металлу мы даем в этом году 40 млн руб. субсидии и больше 60 млн руб. кредита из нашего государственного банка. Вы видите, для того чтобы поддержать металл, чтобы удешевить металл, чтобы дать возможность крестьянству получить немножко этого металла, которым деревня наша обеднялa со времени войны и после войны, мы идем на большие жертвы.

Наконец, — третья важнейшая программа, которая тоже покажет вам, каким темпом и в каком направлении мы идем. Это касается добычи угля и нефти. Мы добывали в 1922 г. всего по Союзу угля 552 млн, в 1923 г. 736 млн, в закончившемся 1924 г., — 902 млн, в 1925 г. хотим добыть 934 млн пуд., причем можем добыть гораздо больше, но именно потому, что остальные отрасли промышленности развиваются не так быстро, как добыча угля, нам пришлось в этом году добычу угля затормозить. Товарищам, которые ведают угольной промышленностью и которые приехали к нам с просьбой: «дайте-ка нам размахнуться во всю, мы вам выгоним до 1 млрд пуд. угля», — мы им сказали: «нет, товарищи, подождите, так широко не размахивайтесь; другие отрасли промышленности не поспевают, и добытый уголь неизвестно куда будет девать».

Но вы видите, что мы подняли в течение трех лет добычу угля с 552 до 934 млн, это значит, что мы, товарищи, ее на протяжении двух лет почти удвоили.

С нефтью то же самое. В 1922 г. мы добывали 296, в 1923 г. 330, в 1924 г. 305, в 1925 собираемся добыть 411 млн пудов. Это показывает совершенно определенную тенденцию к постоянному и систематическому увеличению.

Должен сказать, что нам угрожает в этих отраслях промышленности не то, что угрожало до сих пор. До сих пор мы больше всего боялись, что товарищи задания не исполнят и производственная программа останется невыполненной. В этом году мы боимся того, чтобы на местах не перемахнули через программу. Все сведения, которые мы имеем о первых месяцах, октябре и ноябре, показывают, что во всех этих отраслях дело идет до того интенсивно, что программы превосходятся. Произвели больше угля за октябрь — ноябрь, чем полагается по программе, больше нефти добыли, и текстиль тоже не отстает.

Таким образом, перед нами не та опасность, что мы произведем меньше того, что предполагаем, а та, что товарищи будут чересчур развивать свое производство, и в этом будет тоже некоторая беда, потому что расширенное против программы производство требует дополнительных кредитов, ассигнований, которых, к сожалению, у нас нет.

Наши экономисты и хозяйственники называют рекордным в смысле восстановления и подъема народного хозяйства не только этот год в целом, они называют рекордным октябрь месяц, последний, который уже можно подсчитать, говоря, что в октябре месяце — и в области производства, и в области торгового оборота, и в области нагрузки жел. дорог, и в области распределения выработанных товаров — мы дошли до самой высокой цифры, которая когда-либо была при Советской власти. За этот октябрь, сравнительно с прошлогодним октябрем, везде и всюду прошло повышение процентов на 40. Что бы мы ни взяли, в какой бы отрасли мы ни сравнивали октябрь этого года с октябрем прошлого года, вы увидите увеличение на 40%. Если же вы сравните октябрь этого года с предыдущим месяцем, то увидите то же явление: увеличение.

Все это указывает на то, что мы имеем перед собой не какое-нибудь случайное явление, не результаты какого-нибудь специального нажима, а систематический, неуклонный, уже совершенно явно себя проявивший процесс восстановления народного хозяйства, поднятия промышленности, восстановления железных дорог, увеличения оборота товаров, увеличения торговых сделок и т. д. Параллельно с этим идет и процесс роста заработной платы. В области повышения производительности труда мы замечаем равным образом улучшение.

И все это, товарищи, на фоне неурожая, на фоне несомненной глубокой бреши, которая пробита в нашем народном хозяйстве неурожаем, — несмотря на это происходит этот процесс восстановления.

Что же было бы, можно себя спросить, если бы мы имели в этом году такой же урожай, как, например, был в прошлом году? Процесс, понятно, шел бы еще сильнее, и оздоровление всего народного хозяйства чувствовалось бы еще больше.

КРЕСТЬЯНСКИЙ РЫНОК.

Я указывал уже в ряде своих докладов, что при том положении, когда наша промышленность идет вперед, основной вопрос для нас заключается в размерах нашего крестьянского рынка. Может ли наш основной потребитель, а именно крестьянин, потребить то, что наша промышленность производит? Если бы наша промышленность разворачивалась, не учитывая крестьянского рынка, то — так как никаких других рынков, заграничных или колониальных, у нас с вами нет, — она бы строилась на песке.

И вы знаете, что в прошлом году крестьяне нам, т. е. промышленности, пальцем погрозили, когда промышленность производила свои товары по слишком дорогой цене. Как раз год тому назад у нас оказался кризис сбыта. Что это значит? Крестьянин сказал: «я по твоей цене товара покупать не могу». Промышленность наша сидела со своими товарами, не могла расплатиться по своим векселям, а крестьянин сидел без необходимых ему городских товаров и не мог их купить. В этом году у нас картина прямо противоположная. Несмотря на все то увеличение, о котором я сейчас рассказал вам, товаров не хватает. Везде и всюду товарный голод. Тот самый текстиль, который, как я вам рассказывал, в два раза увеличен, расхватывается из-под станка, и, вместо того чтобы его пустить по всей стране, мы его должны распределять, чтобы не обидеть одну губернию перед другой.

То же самое происходит и в других отраслях промышленности, особенно тех, продукты которых потребляются крестьянами.

Так что сейчас дело не в том, что у крестьян недостаточно средств, чтобы наши товары приобрести, а в том, что мы достаточного количества товаров и по достаточно дешевой цене крестьянам дать не можем.

Что это означает? Откуда у крестьянина появился такой высокий сравнительно спрос, чем он вызван? Я думаю, что здесь надо обратить внимание на несколько обстоятельств.

Первую роль играет стабилизация валюты. Вы помните,

что этот год является годом стабилизации валюты, стабилизации денег, т. е. годом введения твердой деньги́. Вы помните, вероятно, как месяцев девять тому назад, мы приходили к нам и рассказывали, что мы решились проделать этот опыт, что мы поставили перед собой задачу провести денежную реформу. Вы помните, что мы призывали всех рабочих помочь нам в этом деле, ибо на первых порах проведение денежной реформы должно было дать несомненное сокращение заработной платы. Мы тогда указывали: некоторые жертвы в течение двух-трех месяцев, потом, когда удастся провести денежную реформу, окупятся с лишком. Теперь, когда мы можем подвести итоги, мы можем сказать, что это так и осуществилось.

Укрепление валюты, т. е. создание твердой деньги́, вопреки белогвардейскому карканию и вопреки сомнениям даже в нашей собственной среде, среде некоторых оппозиционеров, — нам удалось довести до конца. У нас сейчас твердые деньги; каждый, получивший заработную плату, знает, что его бумажки стоят столько же, сколько будут стоить и через месяц, а не превратятся в $^1/_5$ своей стоимости.

Это сказалось, конечно, и на крестьянском хозяйстве. Именно потому, что денежная реформа осуществилась, мы имеем твердый спрос со стороны крестьянства. Благодаря введению твердых денег, крестьянин освобожден незаметным образом от эмиссионного налога, который он платил за плохие деньги и который за прошлый год исчислялся в 200-300 млн руб. Вот эти 200-300 млн руб., которые крестьянин терял на плохих деньгах, на курсе этих денег, на их падении, они теперь остались у крестьянина и дают ему возможность предъявлять тот спрос, который он сейчас предъявляет и который мы полностью удовлетворить не можем. Денежная реформа, освобождение от эмиссионного налога, выигрыш, так сказать, звонкий выигрыш крестьянина при твердой деньгѐ, — это первое.

Второе, что дает возможность крестьянскому рынку требовать продукты фабрично-заводского, рабочего труда, это то, что хлеб в этом году гораздо дороже, и крестьянин получает за него гораздо больше, чем это было в прошлом году.

Я думаю, что в общем и целом нужно сказать, что крестьянство, в целом, продает хлеб в этом году в 2, если не в $2^1/_2$ раза дороже, чем в прошлом году. Это второй источник, из которого крестьянство получает средства, на которые оно может покупать продукты нашей промышленности.

Третий источник, это — прекрасный в этом году урожай всех технических культур. Мы имеем прекрасный урожай льна, прекрасный урожай хлопка, прекрасный урожай масличных семян и др. технических культур, которые отчасти как сырье поступают на наши фабрики и заводы, отчасти экспортируются за границу.

В этом году впервые мы имеем план экспорта за границу продуктов крестьянского животноводства и птицеводства—масла, яиц и т. п. в размере около 30 млн руб. То, что крестьянство имело в старое время до войны и что было им утеряно в результате войны, — экспорт продуктов животноводства и птицеводства — нами теперь восстанавливается.

Благодаря всем этим обстоятельствам мы имели перед собой повышенные запросы со стороны крестьянства и возможность развертывать свое производство. Для нас нет сомнения в том, что при правильных отношениях с крестьянством наша промышленность будет стоять на очень твердом базисе.

Важным вопросом всей нашей экономической политики является вопрос об обеспечении хлебом городов, не имеющих своего хлеба, а также крестьян голодающих губерний и губерний, производящих технические культуры. Мы имеем целый ряд таких городов и губерний, мы имеем целый край, север, который страшно нуждается в хлебе. Мы должны позаботиться об этом, точно так же, как и о том времени, когда перед началом засева хлеб будет распродан и в нем будет ощущаться естественный недостаток. Мы должны позаботиться о том, чтобы у нас был определенный государственный запас хлеба. Мы должны поставить дело так, чтобы ни в какой момент не зависеть от частного скупщика, который, скупив хлеб, в состоянии будет нам диктовать свои цены на хлеб, тем самым диктуя цены и на остальные продукты. Мы должны быть хозяевами на хлебном рынке.

С этой целью мы поставили перед собой большую программу, которую нам не вполне удалось выполнить. Сказать правду, более сильные слои крестьянства уперлись, и потому мы закупили хлеб по более дорогой цене и меньше, чем предполагали. Сейчас, однако, план с некоторыми сокращениями выполнен, и основные задачи в смысле обеспечения хлебом как рабочих, так и крестьянства, нуждающегося в купленном хлебе, будут осуществлены.

Теперь относительно бюджета. Я уже сказал, мы должны дать в этом году 40 млн руб. металлу для того, чтобы он сделал ту программу, которую мы ему задали. Все другие области промышленности, в той или другой степени, тоже опираются на наш бюджет. Но мы должны также обеспечить и кредит крестьянину на закупку сельскохозяйственных машин, мы должны обеспечить капиталом сельскохозяйственные банки и кредитные товарищества, должны вообще развить все формы кредита для деревни. Так что нагрузка бюджета очень велика.

Несмотря на эту нагрузку расширение бюджета, улучшение экономического положения, дает нам возможность в этом году обратить особенное внимание на те отрасли нашего управления,

на которые до сих пор мы обращали внимание недостаточное, конечно, лишь по нашей бедности.

В новом бюджете будет уделено гораздо больше внимания, чем до сих пор, вопросам нашего советского аппарата, особенно в деревне. Волостной председатель, секретарь, народный судья, культурный работник, чиновник Наркомфина — все это представители наши Советской власти, которые непосредственно соприкасаются с крестьянской массой на селе, на месте, и которые, ежели они допускают в своей деятельности промахи или, тем паче, нечестность, являются распространителями прямо контрреволюционного настроения и должны быть взяты под особый, так сказать, надзор. Мы должны обеспечить им такое положение, когда их не так легко было бы соблазнить на взятку, на неправильное разъяснение закона, на объегоривание крестьян и т. д.

Нельзя развивать промышленность и, если можно так выразиться, раздувать кадило нашего строительства, если внизу, в деревне, будут царствовать комчванство, взятка, бюрократизм, непонимание жизненных потребностей крестьянства. Вот чтобы бороться с этим, надо прежде всего обеспечить маломальски сносные материальные условия для низовых представителей Советской власти. Это потребует нескольких десятков миллионов.

Мы должны стремиться к тому, чтобы превратить Советы в действительно работающие и полностью охватывающие все интересы населения организации, которые вовлекли бы в эту работу самые широкие массы.

Ленин учил нас — и, конечно, только потому, что его учение жизнью подкреплено, мы существуем восемь лет, несмотря на все противоборствующие тенденции, — что Советы есть такая форма государственной власти, при которой всякий трудящийся может проявить свое участие в государственной жизни, свою заботу об общем деле, свой личный опыт и свой личный разум.

Вот для того чтобы окончательно провести это в жизнь, чтобы действительно вся трудящаяся масса принимала участие в нашем государственном и хозяйственном строительстве, необходимо оживление Советов.

Мы, москвичи, не можем и не имеем основания уступить кому бы то ни было честь того, что мы первые приняли и провели ряд мер к тому, чтобы наш Совет проявил себя как центр, который управляет не только от имени рабочих и крестьян, но и руками самих рабочих и крестьян. Вовлечение беспартийных и партийных рабочих и крестьян в работу Совета приняло у нас, в Москве, более широкие формы, чем где бы то ни было.

Каждый вторник в работе наших секций принимают участие

в среднем не менее 5-6 тыс. рабочих. В наших ячейках разного рода (санаторных, по наблюдениям, по обследованиям, школьным и т. д.), принимает участие пара десятков тысяч рабочих и работниц.

Это я считаю нашим важнейшим завоеванием. Необходимо продолжать это вовлечение широких рабочих и крестьянских масс во все отрасли работы с такой постановкой, чтобы каждый рабочий и крестьянин мог оказывать в деле помощь и исправлять то ненормальное, что он заметил. Я считаю, что это задача стоит перед нами, как одна из важнейших задач, и я уверен, что это будет распространено от Московского Совета на все Советы нашего великого Союза.

РАБОТА МОССОВЕТА.

Что касается хозяйственной и политической работы Моссовета, то, к сожалению, я не могу сейчас остановиться на ней более подробно. Члены Совета отчитывались на всех районных собраниях, на фабриках и заводах, и я уверен, что рабочие Москвы и губернии имеют более или менее точное представление о том, что Московский Совет за последнее время делал.

Работа членов Моссовета действительно принесла реальные плоды. К какой бы отрасли мы ни обратились, будет ли это школьное или больничное дело, или какое-нибудь другое, везде и всюду мы видим за последний год несомненное улучшение.

Между тем, мы с вами стоим в центре Союза, мы с вами на виду у любого иностранца, врага или друга, который охотно судит обо всем Союзе по тому, что он видит в Москве и вокруг Москвы. Я должен сказать, что мне приходится часто встречаться с товарищами иностранцами и спрашивать их — какое впечатление производит Москва? что вы видели в Москве?—и должен сказать, что не было еще такого представителя профессионального союза или вообще рабочего движения, который, побывавши в Москве в 1920/1921 г. и побывавши теперь, не разводил бы руками и не говорил, что он удивляется энергии и дисциплине рабочих, которые с каждым полугодием и месяцем все более и более улучшают внешность Москвы и все ее внутреннее положение.

И это действительно так. Я хотел бы привести очень краткие цифры, касающиеся положения Москвы и московских рабочих в общей промышленности Союза. Мы в Москве и губернии объединяем $^1/_5$ часть всей промышленности Союза. Стоимость продукции московской промышленности увеличилась за 1923—1924 г. на 31%. В этой промышленности 93% принадлежит государству и государственным организациям. Частная и кооперативная промышленность занимает лишь 7%, что я считаю для

Москвы весьма благополучным потому, что это — столица и здесь больше сконцентрирован частный капитал; но он имеет только 7%, и это еще терпимо.

Я хотел бы еще указать цифры, которые характеризуют положение рабочего класса. Беру эти цифры из составленного президиумом Совета общего годового отчета. Оказывается, что с октября 1923 г. по июль 1924 г. заработная плата московских рабочих увеличилась на 15% и что в июле средний заработок московского рабочего составляет 60 зол. руб. По многим профессиям современная заработная плата рабочих в Москве превысила свой довоенный уровень.

Но мы, товарищи, не предполагаем на этом успокоиться. Никто из президиума Московского Совета не считает, что достигнутый уровень материального положения рабочих действительно достаточен. Нет, товарищи, довоенный уровень нам не указ. Наши рабочие проделали революцию не для того, чтобы получать столько, сколько получали до войны: у него и потребности больше, и он революцию проделал для того, чтобы расширить возможность пользоваться жизнью, воспитывать детей, удовлетворить свои культурные потребности.

Этими цифрами я хотел только показать, что мы в Московском Совете не вообще заботимся о промышленности, не вообще заботимся о торговле, о школах, о больницах, а что мы заботимся об этом, как о части рабочего государства, как об элементах власти и господства рабочего класса. Нам это дорого и нам это нужно, поскольку это входит в общее строительство рабочего класса.

Если мы обратим внимание на то, что произошло в Московской губ. с ее крестьянским хозяйством, то я должен сказать, что за последний год посевная площадь увеличилась на 115 000 дес. против довоенного времени, т. е. на 25%, количество лошадей увеличилось на 70 000, количество коров в 1913 г. было 271 000, а теперь у нас в Московской губ. 404 000, т. е. увеличение на 40%.

Улучшение культуры земли, т. е. переход к многополью также усиливается. Это теперь массовое явление: мы перевели на многополье 604 селения и имеем заявления относительно перехода на многополье от 2 000 селений.

Все эти обстоятельства убеждают меня в том, что не только в своей общей политике Советское правительство стояло на правильном пути и вывело страну из самых тяжелых годов, указало правильный путь, на котором лежит дальнейшее развитие благосостояния рабочих и крестьян, но что и Московский Совет, — действуя в этих общих рамках, руководимый общим государственным планом, связанный с рабочими и крестьянами, — умел на своей территории осуществить общие задания Советской

власти, как в области политической, так и в области экономической.

Мы как представители Московского Совета, надеюсь, единодушно скажем: «Московский Совет не посрамил за этот год того Красного знамени, под которым мы боролись, и надеемся, и в будущем этого знамени не посрамит!».

ТЕКУЩИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ.

ИЗ ДОКЛАДА НА ПЛЕНУМЕ М. К. ВКП (Б). 5 ДЕКАБРЯ 1924.

Отношения с Англией и переговоры с Германией.—Концессии в Чиатурах и на Лене. — Дополнительные доходы и их распределение. — Изменение плана хлебозаготовок. — Взаимоотношения промышленности и кооперации.—События в Эстонии.—Письмо т. Троцкого.

Товарищи! Я не собираюсь делать вам большого отчетного доклада. Я хочу быть очень кратким и довести до вашего сведения лишь решения по наиболее важным вопросам, которые стояли на повестке ЦК приблизительно за последние три недели

Начну с вопросов международных. Важнейшими вопросами за это время были: английские выборы и получение нами английской ноты, которая затрагивала две темы: во-первых, отказ от ратификации англо-советского договора и, во-вторых, — признание так называемого Зиновьевского письма подлинным письмом. Перед нами стоял выбор: — или ответить таким образом, чтобы закрыть для нас всякую возможность дальнейших переговоров с английским правительством; или оставить открытую дверь для того, чтобы возобновить их, если у англичан есть некоторое желание продолжать в дальнейшем эти переговоры. Мы выбрали второй путь. Мы составили наш ответ в очень решительных и ясных тонах, обрисовывающих нашу позицию в этом вопросе, но вместе с тем, ответ этот не обозначал полного разрыва и возможность возобновления переговоров сохранялась.

Ответа на ноту мы не получили. Я где-то вчера видел карикатуру, чрезвычайно остроумную. Керзон и Болдуин обсуждают, как им ответить, причем Чемберлен предлагает потерять эту ноту. В отношении договора они заняли пока выжидательную позицию. Мы, примерно, стоим тоже на выжидательной позиции.

Теперь относительно так называемого «письма Зиновьева». Как я говорил, в своей ноте английское правительство признало это «письмо Зиновьева» подлинным. Мы в своем ответе предложили им третейское разбирательство, но они от него уклонились. Английская делегация тред-юнионов, во главе с Перселем, признает, что так называемое «письмо Зиновьева» является грубой подделкой.

*

Сейчас у англичан создалось очень сложное положение: в Египте они стреляют, стреляют в Судане, стреляют в Персии, у них, что называется, хлопот полный рот. Мы думаем на основании всего этого, что нет в настоящее время оснований полагать, что они решатся порвать с нами или предпринять какие-либо решительные выступления против нас. Вероятно они попытаются возобновить переговоры и при этом попытаются добиться лучших условий, чем Англия имела при заключении последнего договора. Должен заявить, что мы ни на какие уступки не пойдем.

Теперь у нас есть признание со стороны Франции. То, что мы будем разговаривать с Францией, это в значительной степени будет нервировать англичан и в смысле заказов, и в смысле закупок и т. д.

Будут их нервировать и переговоры, ведущиеся теперь нами с Германией о заключении торгового договора. Это будет первый торговый договор в окончательной форме, который должен быть построен на началах полного признания нашей монополии внешней торговли.

Эти переговоры с германской делегацией очень длинная история. Они всячески сопротивляются признанию нашей монополии внешней торговли и пытаются рядом конкретных предложений прорвать по возможности фронт монополии внешней торговли и расширить все щели, чтобы пропустить своих купцов сюда, к нам.

Наш рынок является колоссальным рынком, который может развернуться еще во много раз больше. Для нас необходимо, чтобы промышленная продукция из Германии шла по нашим государственным каналам, а для этого необходимо сохранить монополию внешней торговли. Капиталистам же хочется эту монополию внешней торговли прорвать.

Политбюро считает необходимым и возможным в этих переговорах полностью отстоять принцип монополии внешней торговли. Кроме того, мы, требуем в этом договоре свободного вывоза сельскохозяйственных продуктов из Союза в Германию. Для немецких аграриев это было бы, конечно, крайне невыгодной вещью. Но широкие трудящиеся массы Германии понимают, что ввоз в Германию русских сельскохозяйственных продуктов значительно понизит цены на эти продукты внутри Германии. Мы надеемся, что это обстоятельство вызовет движение за подписание торгового договора. Повторяю еще раз, что история с этими переговорами, вероятно, затянется на несколько месяцев.

Затем, из вопросов, соприкасающихся с международной политикой, за последние недели несколько раз обсуждался вопрос о концессии на марганец. Вы знаете, что в Чиатурах, в Грузии, имеются громаднейшие месторождения марганца, необходимого для выработки стали. Причем надо отметить, что в Европе этот марганец имеется только в этих Чиатурах, да еще, правда в го-

раздо меньшем количестве, тоже у нас, в Мариуполе. Остальной марганец добывается в Бразилии и в Африке. Надо также отметить, что Чиатурский марганец представлял громаднейшую долю того марганца, который потребляется для металлургии в Европе, отчасти и в Америке. Таким образом, мы, можно сказать, владеем этим очень важным продуктом монопольно, по крайней мере, здесь, в Европе. При помощи нашего марганца можно было бы контролировать выделку стали на мировом рынке, так что ценность, которую представляет этот марганец и которую мы держим в своих руках, чрезвычайно велика.

Как обстоит дело на месте, в Чиатурах, с выработкой этого марганца? Выработка там происходит самым примитивным путем, при отсталых технических условиях, при первобытном техническом оборудовании. При этих условиях мечтать о том, что мы можем направлять и контролировать мировую выделку стали, не приходится.

Сейчас претендентов на то, чтобы взять на себя разработку и вывоз марганца, имеется два — с одной стороны Америка и с другой стороны — Германия. Наши условия по отношению к концессионерам таковы, что они в продолжение нескольких лет (от 3-х до 5-ти) должны будут не только восстановить производство марганца, но и поставить это производство на надлежащую техническую высоту: построить железную дорогу, оборудовать порт (Потийский порт), электрифицировать добычу и т. д. Затем они должны взять на себя гарантию по продаже марганца на мировом рынке, гарантируя в то же время нам определенный процент с каждого пуда вывезенного за границу марганца, при определенной производственной программе, которая начинается с 500 тыс. пуд. и доходит до миллиона пудов в год выработки и вывоза марганца. Это требует вложения капиталов, приблизительно в несколько десятков миллионов рублей.

Если бы нам удалось сдать, эту концессию, то это была бы первая промышленная концессия. Есть у нас концессия лесная, есть одна концессия земельная, но крупной промышленной концессии, в которую можно было бы вложить десятки миллионов,— таких концессий у нас пока еще нет.

Теперь о второй концессии. Вторая концессия, вопрос о которой обсуждался в продолжение года, — это концессия золотая, на разработку ленских приисков, быв. концессия компании Лена-Гольдфильс. Первоначальный проект этой концессии, который давал концессионеру громадную территорию, давал право на установку радио и на целый ряд других привилегий, был нами отвергнут.

После этого мы выработали гораздо более удобные и выгодные для нас условия сдачи этой концессии. Англо-американский капитал на эти условия согласился. Вопрос о том, итти ли нам на окончательное соглашение по поводу этой концессии, мы

решили положительно, во-первых, потому, что дело идет о работе в пустынной и малонаселенной Якутской области, и, во вторых, потому, что невдалеке от той территории, которую мы согласны сдать в концессию, открылись новые месторождения золота.

Эти золотые месторождения на Алдане богаты. Открытие этих золотых месторождений вызвало в Сибири большую горячку, совершенно стихийную. Сейчас на этих россыпях работает до 7 000 чел., которые бросились на разработку золота стихийно, неорганизованно. Мы сами еще не приступили к разработке этого золота, а только пока скупаем то золото, которое там добывается частным порядком. Раз есть такое богатое месторождение, которое остается в наших руках, мы считаем, что при этих условиях нам можно сдать эту концессию, но, конечно, на определенных, выгодных для нашего хозяйства условиях. Пока она еще не подписана.

Вот вопросы, которые за последние дни стояли у нас в области международной политики.

Теперь я перехожу к вопросам из области внутренней политики.

Самым сенсационным за последнее время явилось то, что к нам однажды явился наш Наркомфин, т. Сокольников и заявил, что поступление налогов и вообще ход экономической жизни страны превосходит те предположения, на которых был основан наш ориентировочный бюджет. Ориентировочные цифры бюджета были составлены, как вам, вероятно, известно, в размере двух миллиардов ста миллионов рублей.

Но в первые же месяцы нового хозяйственного года мы имели громаднейший, рекордный рост нашей промышленности и очень правильное, систематическое поступление разного рода налогов. Поступление налогов с торговых оборотов значительно превзошло наши предположения. Поэтому Наркомфин считает возможным, что доходы наши миллионов на полтораста превзойдут то, что мы внесли в нашу государственную роспись. Таким образом, у нас получилось лишних против предположений 150 млн руб.

Перед нами встал вопрос о распределении этих 150 млн руб. Мы постановили распределить эти 150 млн таким образом, что, во-первых, — требования промышленности будут удовлетворены в гораздо большей мере, чем раньше. Мы получили возможность увеличить дотацию металлопромышленности до 40 млн руб., дотацию Донуглю и другим отраслям промышленности.

Сверх того, увеличены капиталы Центрального сельскохозяйственного банка и капиталы местных сельскохозяйственных обществ, которые должны организовать мелкий кредит крестьянству. Полностью удовлетворены также требования Наркомзема в области целевых кредитов, закупок сельскохозяйственных машин, снабжения семенами и т. д.

Затем было решено из этих средств образовать капитал Коммунального банка примерно в 25 млн руб. Из них миллионов 15 передается в руки Московского Совета, так что перед вами стоит задача широкого жилищного строительства. Мы сможем вероятно бросить в ближайший строительный сезон до 15 млн руб. Этот вопрос, конечно, надо будет обсудить как следует, как взяться за это дело: определить сроки, какие здания будем строить и т. д. Нужно будет, вероятно, создать особый комитет, особую организацию, которая извлекла бы из этих 15 млн как можно больше пользы для преодоления жилищного кризиса, для расширения нашей жилой площади. Получив эту крупную сумму, можно будет, вероятно, отказаться от постройки термолитовых и деревянных домов и поставить вопрос о постройке крупных каменных домов.

Но главную долю прироста наших доходов мы решили направить на советский аппарат, на его улучшение и на улучшение дела народного образования.

Бюджет Наркомпроса мы увеличиваем на 15 млн руб. с тем, чтобы было улучшено в первую голову положение учителей, особенно сельских, и чтобы был решен, наконец, вопрос о положении студенчества путем повышения стипендий и увеличения количества учащихся, находящихся на стипендии. Затем, несколько десятков миллионов рублей мы направляем на улучшение низового советского аппарата.

В изменение прежнего решения о пяти работниках на волость, мы теперь решили довести количество оплачиваемых низовых советских работников в волостях до семи человек с твердой гарантированной заработной платой, не меньше 40 руб. в месяц. Затем, во все волостные бюджеты, которые мы теперь создаем, из этих сумм были ассигнованы специальные средства, так что каждая волость может рассчитывать на то, что ее бюджет увеличится на сумму от 50 до 100 руб.

Наконец, национальным областям из этой суммы мы тоже даем несколько миллионов.

Эти миллионы помогли нам и в других очень важных областях. Теперь мы сможем окончательно урегулировать вопрос о своевременной выдаче зарплаты в металлопромышленности и в ряде других отраслей промышленности. Задолженность в этой области очень велика. Сейчас эти несколько миллионов дадут нам возможность выйти из затруднений. Тов. Дзержинский надеется, что к январю месяцу ему удастся ликвидировать задолженность по металлопромышленности, а дальше дело будет вестись так, чтобы задолженности не создавалось. Это потребует до 10 млн руб. Мы эти деньги даем, задачу эту поставили и думаем, что к январю месяцу нам ее удастся решить в полной мере.

Следующий вопрос, который часто обсуждался в наших

руководящих учреждениях, это вопрос о политике наших хлебозаготовок. Картина теперь яснее, чем она была месяца два или полтора тому назад. Что мы выяснили в результате хлебозаготовительной кампании?

В результате полугодовой кампании, стали ясны два вопроса. Во-первых,—что хлеба меньше в стране, чем мы предполагали. Наши статистики, как вы знаете, всегда немного ошибаются и всегда в самом остром месте. Видимо, в прошлом году они ошибались в смысле преуменьшения урожая, т. е. они показали урожай меньше, наличие хлеба меньше, чем было в действительности, а в этом году ошибались в смысле увеличения урожая.

Наш первоначальный план рассчитывал на заготовку 380 млн пуд. хлеба, но, как мы видим теперь, план этот явно не соответствовал наличным хлебным ресурсам страны. Особенно, если принять во внимание плохие виды на озимые, затем то, что крестьяне опасаются за урожай следующего года и запасаются к нему хлебом; если принять даже во внимание большие опустошения, которые в центральной области произвел вредитель — совка, то мы должны будем признать, что дело с хлебозаготовками будет довольно затруднительно и что рассчитывать на заготовку предположенных по плану 380 млн пуд. отнюдь не приходится.

С другой стороны—сопротивление крестьян оказалось большим, чем можно было ожидать. Мы надеялись, что при помощи налога нам удастся заставить крестьян вывозить хлеб на рынок. Нам это не удалось. Налог в настоящее время заплачен почти полностью 100%, но, однако, хлеб на рынок не поступает. Крестьяне всячески стараются оставить хлеб в своих руках и заплатить налог всем, чем угодно, только не хлебом. Налог оказался недостаточным прессом. Крестьяне стараются заплатить налог не столько хлебом, сколько другими продуктами.

Главной причиной этого явления служит стабилизация валюты. У нас теперь нет падающего совзнака, а есть твердый рубль. Крестьянин, таким образом, не теряет теперь на курсе денег, как он терял, когда у нас были непрестанно падающие совзнаки. Мы сократили этим крестьянам налог эмиссионный миллионов на 200 — 300. Денежных средств у крестьянства в общей массе оказалось больше, чем мы предполагали. Поэтому и сопротивлялись они больше. С другой стороны, неурожай хлебов сопровождался хорошим урожаем технических культур: льна, хлопка и т. д. Психология крестьян такова: он скорее продаст свинью, теленка, поросенка, чем тронет из запаса свой хлеб.

Все эти обстоятельства, которые еще месяца два тому назад чувствовались слабее, оказались гораздо более значительными, и крестьянство оказалось в состоянии больше сопротивляться, чем можно было предполагать, выполнению наших планов.

Все это заставило нас пересмотреть наши предположения. Пересмотр был направлен по двум направлениям: во-первых — мы стали проверять, сколько нам действительно нужно хлеба для того, чтобы выполнить наши задания. Мы пришли к выводу, что при настоящих условиях мы можем с 380 млн пуд., которые мы 3 мес. тому назад установили, сойти на 290 млн пуд., т. е. на 90 млн меньше. Мы хотели вначале снабжать не только Красную армию и города—Ленинград, Москву, Иваново-Вознесенск и т. д., не только голодающие районы, но и отдельные местности, отдельные губернии, которые в конце концов могут прокормиться и собственными запасами. Все это снимается теперь со счетов. Мы подсчитали только минимум, который необходим, и мы пришли к 290 млн пуд. хлеба, которые мы и будем заготовлять.

Второе. Мы должны были заготовлять по более дорогим ценам, чем мы предполагали раньше. Из 290 млн, которые предполагается заготовить, уже заготовлено около 140 млн. В среднем мы заплатили по разным культурам по 90 коп. за пуд. Выходит, что вместо 75 коп., которые мы предполагали заплатить, в среднем по всем культурам крестьянин заставил нас заплатить ему дороже процентов на 20. Но и это есть результат нашей лимитной политики, ибо если бы мы вышли на рынок без твердой политики цен и их ограничения (лимитирования), мы эти 140 млн фактически купили бы не по 90 коп., а по 1 руб. 20 коп. Естественно, что теперь, во вторую половину кампании, хлеб вздорожает, и если в первую половину кампании мы платили по 90 коп., то теперь мы заплатим дороже рубля. Но если бы не было лимитов, мы бы платили по 1 руб. 70 коп., 1 руб. 80 коп. В некоторых местах пшеница уже сейчас доходит до 1 руб. 80 коп., а тут еще праздники на носу, следовательно, население будет платить за хлеб и повышенную цену.

При таких условиях мы решили, что нужно проявить гибкость и повысить лимиты. Сначала в Госплане, а потом в СТО, решено, что можно вместо 75 коп., на которых мы стояли до сих пор, назначить копеек 85 с 10% надбавкой, т. е. фактически попытаться удержать общий уровень покупных цен государственных заготовителей на 94 — 95 — 96 коп. Мы должны, однако, ясно отдавать себе отчет, что если мы, имея твердую цену в 75 коп., покупали в первую половину кампании по 90 коп., то теперь, определив цену в 94 — 95 коп., мы, вероятно, заплатим по 1 руб. 10 коп. — 1 руб. 15 коп. за пуд.

Если мы закупим 290 млн пуд. по цене от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. в среднем, то мы все же будем иметь необходимый запас хлеба по ценам, которые позволят нам в городах Москве, Ленинграде и т. д. удержать цены на хлеб на опреденном

уровне. Если бы нам тут прорвали фронт, и частный торговец стал бы доминировать на рынке и взвинчивать цены на хлеб, это угрожало бы нашей денежной реформе. Но мы надеемся стоящую перед нами задачу осуществить и цены на определенном уровне удержать.

Нужно отдать себе отчет в том, что происходит в деревне. В деревне сейчас, видимо, идет процесс собирания хлеба в твердых, крепких руках, т. е. у кулаков. Скупая хлеб, мелкие скупщики, те же крестьяне, этот хлеб стараются скрыть в бетонированных закромах-ямах. Они стараются всякими способами скрыть зерно, а наша задача это зерно, находящееся в твердых, а иногда бетонированных руках, у кулаков, выкачать. Это будет являться основной нашей задачей.

Для этого мы, с одной стороны, повышаем цену, идем навстречу крестьянину, а с другой стороны путем подвоза соответствующих товаров, заставляем крестьянина выбрасывать на рынок свой хлеб. Если у крестьянина нет возможности приобрести товаров, то у него нет и потребности реализовать хлеб. Несмотря на 40—50% повышения производства, мы имеем еще бестоварие, невозможность полностью удовлетворить потребности крестьянства по тем товарам, которые ему необходимы.

При этих условиях борьба нам предстоит довольно серьезная, борьба с кулаком из-за хлеба, борьба на экономической почве. Это есть в то же время борьба за удержание заработной платы на определенном уровне, за удержание цен на товары, за денежную реформу и за то, чтобы на хлебном рынке в феврале — марте — апреле хозяином оказалось бы государство, а не частный скупщик.

Этот вопрос будет решаться в ближайшие месяцы. Если мы не соберем 280 млн, это будет означать, что частный скупщик доминирует на рынке со всеми последствиями, о которых я говорил. Для этого мы должны иметь такой хлебный резерв, который бы дал нам возможность диктовать свои условия рынку. Вы легко понимаете, что мы останемся хозяевами лишь в том случае, если в нужный момент будем располагать таким количеством хлеба, чтобы, выкинув его на рынок по нами продиктованным ценам, заставить кулака и скупщика разориться, но продать свой хлеб не по дорогой цене, а по цене, которая нами диктуется.

В связи с этим был поставлен вопрос о ввозе некоторого количества пшеницы из-за границы, в виде резервного фонда, который позволил бы нам, когда мы увидим, что наши запасы ослабевают в Ленинграде или в Москве, выкинуть на рынок свою муку и разорить частного торговца. Вопрос идет о небольшом количестве, не больше нескольких миллионов пудов.

Главная роль этих нескольких миллионов пудов будет заклю-

чаться не в том, чтобы накормить ими население, а в том, чтобы удержать цены, чтобы не оказалось, что мы с пустыми амбарами, а население платит за хлеб частнику бешеные деньги (*голос с места:* а по какой цене?). По цене 2 руб. 30 коп., кажется, пшеничная мука. Вопрос в том, чтобы мы действительно имели запас, резервный фонд, необходимый для удержания цены. Праздники на носу, и если в этот момент у нас не окажется хлеба в кооперативах и т. д., то ясное дело, что население будет платить какую угодно цену, а потом назад ее уже не повернешь.

Повторяю, что окончательно размер ввоза из-за границы не предрешен и распределение также не предрешено. Есть товарищи, которые думают, что нужно ввезти для Ленинграда и Москвы, другие думают, что через порты Черного моря, а кубанскую пшеницу двинуть сюда—в центр. Это—вопрос технический, который будет вскоре разрешен.

Несмотря на с о п р о т и в л е н и е к у л а ц к и х э л е м е н т о в в д е р е в н е, мы все-таки цену удержим. Это вопрос очень важный для нашей экономической политики, и он должен быть решен в указанном направлении.

Третий — экономический вопрос, который в последнюю неделю обсуждался и связан с бюджетной и хлебозаготовительной политикой, заключался в тяжелом финансовом положении, в которое попала наша промышленность, несмотря на ее громаднейшее разворачивание. Это тяжелое положение объясняется тем, что нами весной было допущено преувеличение, сводившееся к тому, что промышленность реализовала свои товары почти исключительно через кооперацию. На местах этот лозунг был понят еще более резко, и кооперация попала не только в привилегированное положение, но в положение почти монополиста в сбыте продукции промышленности.

Отношения между кооперацией и промышленностью сложились таким образом, что кооперация являлась к трестам и синдикатам и говорила: продай мне столько-то товара и такого-то товара в кредит на 90 дней, без уплаты наличными. Это, конечно, положение совершенно не нормальное.

В результате за последнее время стала сигнализироваться опасность, что промышленность останется без средств. Промышленность финансировала торговые обороты кооперации в размерах, явно непосильных для промышленности. Если трест или синдикат дает свою продукцию в кредит на 90 дней кооперации, финансовую твердость и серьезность которой они не могут прощупать, если эта кооперация 90 дней держит капиталы промышленности, промышленность попадает в совершенно невозможное положение. А, если еще, вдруг, кооперация перестанет платить, что у нас получится с трестами, с нашей промышленностью? Чорт знает что.

Оборотных средств у кооперации не было. Когда ей сказали — в эпоху прошлогоднего кризиса сбыта — что она может брать товары у трестов и синдикатов в кредит на особо-льготных условиях, кооперация, конечно, воспользовалась этим и приобрела некоторый оборотный капитал. Но как она платит промышленности?

Об этом свидетельствует опротестование векселей кооперации на 20 млн руб. при 100-миллионном кредите. Хорошо, если бы у промышленности были некоторые излишки оборотных средств, которые можно было бы дать кооперации, но у промышленности этих средств очень мало, они у нее как раз в обрез: у нее иногда нечем выплатить зарплату. В какое же положение попадает промышленность, если ей кооперация не платит 20 млн рублей? Несомненно, кооперация взяла себе нагрузку, которая ей пока еще не по плечу, и понадеялась при этом не на собственные капиталы, а на поддержку промышленности. Дело могло бы кончиться либо тем, что пришлось бы обратиться к НКомфину, чтобы он заплатил эти 20 млн за кооперацию, либо тем, что лопнули бы несколько трестов и синдикатов. Нельзя считать здоровой кооперацию, у которой 100 руб. своих и на 300 руб. взято у промышленности в кредит на долгий срок.

Поэтому мы решили изменить существующее сейчас положение, когда кооперация целиком сидит на шее и питается соками нашей промышленности. Нельзя так строить промышленность, чтоб она и развертывалась и в то же время снабжала торговый оборот своими средствами. Мы дали, поэтому, ВСНХ право реализовать часть продукции трестов и синдикатов через частный торговый аппарат, а также право требовать, чтобы кооперация известную долю своего забора оплачивала наличными. А то получался, так сказать, кооперативный разврат.

Это, ясное дело, вызвало неудовольствие со стороны кооперации. В этом отношении, однако, *нужно бояться* (у нас любят перегибать палку), *чтобы кооперация из своего привилегированного положения не попала в совершенно обратное положение, чтобы лозунг — все для кооперации — не превратился в лозунг — ничего кооперации.* ВСНХ должен будет урегулировать это положение и принять меры против всяких перегибов. Переход на новую позицию в отношении кооперации должен быть проведен очень осторожно.

Теперь, товарищи, еще два вопроса, которые наверное вас интересуют. Это, во-первых, вопрос о событиях в Эстонии и, во-вторых — о Троцком.

По поводу Эстонии данных, которые позволили бы нам сейчас вынести общее суждение о том, что произошло в Эстонии, у нас еще нет. Факт сам по себе совершенно ясен — видимый

неуспех выступления рабочих. Там не было правильных расчетов и в смысле учета общего настроения в стране и в смысле просто технической подготовки. Что касается оценки обще-политической, то, видимо, общее настроение было несколько переоценено; также переоценена и слабость тамошнего правительства.

Коммунистическая партия в Эстонии несомненно пользовалась большими симпатиями рабочих. Но там и рабочих-то всего 30 тыс. Все эти 30 тыс. были бесспорно настроены сочувственно к коммунистической партии, но загнанная в глубокое подполье и не будучи в состоянии ориентироваться в общем положении страны, партия переоценила общее настроение в стране.

Вызывает также сомнение техническая подготовка восстания. Дело было сделано в такой обстановке, когда широкие массы не успели поддержать движение. Захват власти предполагался ночью, когда рабочий класс не на улице, не на заводах, когда его труднее вызвать на улицу, чем подготовленные воинские части.

С другой стороны — эстонская буржуазия, эстонское правительство было более осведомлено о предполагающемся выступлении, чем предполагали. Судя по тем сведениям, которые есть, уж очень гладко и быстро произошло подавление восстания. Восставшие очень легко захватили целый ряд учреждений, но войска оказались быстро вызванными из казарм. Вот те предварительные сведения, на которые сейчас можно опираться.

Затем вопрос о т. Троцком. Он не обсуждался на Политбюро и ни разу не стоял официально на обсуждении ЦК. Мы здесь занимаем ту позицию, что партия должна высказаться, прежде чем Политбюро и пленум скажут свое решающее слово. Я считаю только полезным сообщить вам, что на днях будет опубликовано письмо т. Троцкого, которое бросает очень яркий свет на все наши споры. Письмо это написано т. Троцким в 1921 г., но оно стало известно нам только сейчас. Письмо это будет напечатано в сборнике статей Ленина о Троцком, который должен выйти во вторник или в четверг. Оно целиком подтверждает то, что в своих докладах мы старались доказать на основании анализа последнего произведения т. Троцкого, «Уроки Октября».

Это письмо в отношении большевизма и основных вопросов революции целиком и прямо подтверждает то, что мы говорили о позиции т. Троцкого. Если бы это письмо было опубликовано раньше, то не надо было бы нам делать 3-х часовые доклады и доказывать по новейшим произведениям Троцкого, что он не разделяет ленинскую линию в определении политики и тактики пролетариата в русской революции. Если письмо это вас интересует, я его прочту. (*Голоса с мест:* очень интересует.)

Дело было таким образом. Тов. Ольминский в 1921 г. в качестве заведующего Истпартом нашел те письма т. Троцкого к

Чхеидзе, которые недавно были опубликованы т. Сталиным. Тво. Ольминский обратился к Троцкому с вопросом, печатать их или нет. Он получил ответ от т. Троцкого, который и держал у себя в кармане три года. Вот этот ответ.

Прочитаю его полностью.

«Дорогой Михаил Степанович! Простите, что запоздал с ответом. Эта неделя была у меня очень хлопотливой. Вы спрашиваете о печатании моих писем к Чхеидзе. Я не думаю, чтоб это было уместно. Время для истории еще не пришло. Письма писались под впечатлением минуты и ее потребностей, тон писем этому соответствовал. Нынешний читатель не поймет этого тона, не установит необходимых исторических поправок и только собьется с толку. Из-за границы должен получиться архив партии и заграничные марксистские издания. Там большое количество писем всех тех, кто участвовал в числе «драки». Неужели вы собираетесь их сейчас печатать? Это создало бы совершенно излишние политические затруднения, ибо вряд ли в партии есть два старых эмигранта, которые круто не обругали бы друг-друга в переписке под влиянием идейной борьбы, минутного раздражения и проч.

Писать к моим письмам пояснения? Но это значило бы рассказывать о том, в чем я тогда расходился с большевиками. В предисловии к своей брошюрке «Итоги и перспективы» я об этом вкратце сказал. Повторять это по случайному поводу нахождения в делах департамента полиции писем не вижу надобности. К этому надо прибавить, что ретроспекция фракционной борьбы и сейчас могла бы дать повод к полемике, ибо — каюсь в этом чистосердечно — я вовсе не считаю, чтоб в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Неправ я был — и коренным образом — в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Эта фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям — и большевистской, и меньшевистской — я подходил с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало»).

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была

безусловно правильна, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны. Только большевизм сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы как старой интеллигенции, так и передового слоя рабочего класса. Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической.

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни — посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург, «Neue Zeit»), и другие — посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и проч. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 17-го года. Статьи второй категории явно ошибочны, и переиздавать их не стоило бы. Два присланные письма относятся к статьям второй категории, опубликование их несвоевременно. Предоставим комунибудь сделать это лет через десять, если тогда станут этим интересоваться. С коммунистическим приветом Л. Троцкий. 6 декабря 1921 г.»

Как видите, это письмо действительно подводит полный итог нашим спорам. В 1921 г. у Троцкого было внутреннее сознание, что права не партия. Большевики, оказывается, собрали партию под неправильным ленинским знаменем, а затем уж перешли на правильные троцкистские позиции.

Все это время т. Троцкий работал у нас в партии с таким внутренним убеждением, с такой оценкой партии. Теперь становится ясным источник всех наших частичных неладов, столкновений и т. д. В 1921 г. это уже было совершенно точно формулировано, только осторожно, в виде частного письма, а потом уже в виде предисловия к книге «1917» и т. д.

Мы, повторяю, не обсуждали в ЦК никаких организационных шагов. Мы прислушиваемся к тому, как судит партия, прекрасно знаем и те вопросы, которые возбуждаются на всех собраниях об организационных шагах, которые ЦК должен предпринять. Но мы думаем, что эти шаги должны быть обсуждены только на пленуме ЦК, обсуждены со всей той осторожностью и ответственностью, которых требуют от нас обстоятельства и то, что наша партия стоит во главе не только русской революции, но и Коминтерна. Пленум ЦК назначен на 10 января. Вот, товарищи, все важнейшие решения, которые были приняты за это время.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАБКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ, СЕЛЬСКИХ, ВОЕННЫХ И ЮНОШЕСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ 13 ДЕКАБРЯ 1924 Г.

Товарищи, мне пришлось притти к вам в момент, когда ваша работа заканчивается. Я не хотел бы повторяться, а вы, вероятно, обсудили уже все важнейшие вопросы, стоящие перед вашим движением. Я поэтому ограничусь только несколькими словами, чтобы поделиться с вами тем, что каждый из нас, старых работников рабочих газет, думает, когда видит это новое и столь мощное движение.

Работники старых рабочих газет имели перед собой задачу агитации, пропаганды и организации рабочих и крестьянских масс в тот момент, когда перед этими массами стояла еще задача завоевания власти. Вы найдете в старых статьях Владимира Ильича, когда он создавал первые рабочие газеты, очень много указаний на ту громадную роль, которую мог сыграть корреспондент рабочих газет, связывая эту первую рабочую газету с широкими рабочими массами. Вы знаете, что тогда, лет 20 тому назад, мы должны были обращаться прежде всего к рабочим не потому, что мы не понимали громадного значения крестьянства и крестьянского революционного движения, а потому, что у нас тогда было очень мало сил и их не хватало на то, чтобы обслуживать и рабочую и крестьянскую массу.

Надо было сосредоточиться на наиболее ударном пункте. Этим ударным пунктом был рабочий класс, и история целиком оправдала ту тактику, которая предписывала сосредоточиться в первую очередь на организации рабочих.

В статьях Владимира Ильича, написанных лет 20 тому назад, вы найдете очень много, повторяю, мест, указывающих на то громадное значение, которое в деле организации нашей работы, нашей партии, в деле постановки ее агитации и пропаганды приписывал Владимир Ильич корреспондентскому почетному званию.

Но к тем задачам, которые тогда уже стояли перед рабочим и крестьянским корреспондентом, теперь прибавилась еще новая и, быть может, еще более важная задача. Тогда надо было

пропагандировать, агитировать, организовывать. Теперь на всех нас лежит еще задача управления громаднейшей страной.

Для того чтобы управлять страной, нужно прежде всего хорошо ее знать, иметь возможность постоянно наблюдать, постоянно чувствовать малейшие изменения, которые происходят в положении, в настроении, в психологии самих широких трудящихся масс. Без этого знания правление страной — дело совершенно безнадежное. Без этого знания, без этой связи всякая государственная организация неизбежно превратилась бы в чисто бюрократический механизм.

Вот это знание страны, живое ощущение того, чем она живет, чем она интересуется, куда направляется ее внимание, что стоит в центре для нее в данный момент, знание и понимание этого у Владимира Ильича было совершенно гениальное, неповторимое. Его гениальное чутье давало ему возможность, даже сидя за границей или сидя в своем кабинете в Кремле, живо ощущать малейшие изменения, которые происходят в широких миллионных массах.

А вы помните, что Владимир Ильич говорил: политика начинается там, где речь идет о миллионах. Покуда дело идет о сотнях, о тысячах, это еще не решающая, не мировая политика. Ощущение этих миллионов у Владимира Ильича было постоянное. Поэтому в его политике не было ошибок, или эти ошибки были минимальные. Поэтому он всегда в надлежащий момент умел дать тот поворот государственного и партийного руля, который выводил корабль в свободные воды. Поэтому ни разу Владимир Ильич не позволил нашему кораблю наткнуться на какую-нибудь мель. В лице Владимира Ильича мы потеряли это гениальное ощущение, всеобъемлющее чувство связи с тем организационным, психологическим, культурным процессом, который происходит в миллионных массах.

И вот, когда я думаю о вашем движении, о вашей роли, мне представляется, что немаловажная роль вашего боевого корпуса состоит в том, что вы призваны до известной степени заменить для правительства и для партии эту возможность постоянно находиться в тесном контакте, в тесной связи, постоянно следить за настроениями миллионных масс, постоянно иметь полную информацию о том, что происходит в самой глубине этих масс.

А так как управлять без этого знания нельзя, то мы должны требовать от себя и от вас, чтобы сеть ваша покрыла действительно всю страну, чтобы она проникла в самые отдаленные уголки, чтобы она проникла в самые глубины рабочего и крестьянского класса. Только тогда, принимая то или иное решение, начиная ту или иную кампанию, соображая тот или другой ход нашей внутренней и внешней политики, партия будет уверена,

что она опирается не на то, что нам кажется, а на то, что действительно происходит в самых широких крестьянских и рабочих массах. Вот эта роль — связать и дать тем, кто поставлен страною управлять, кто поставлен партией руководить, дать им постоянную правильную, тесную связь и знание того, что делается в массе; это, мне кажется, одна из важнейших задач, которая перед вами стоит и которую вы уже выполняете.

Вторая мысль, которая приходит мне в голову, когда я наблюдаю за вашей работой, заключается в том, что в вашем лице, в лице рабкоров, селькоров, военкоров, юнкоров, мы начинаем ту борьбу, к которой нас тоже неоднократно призывал Владимир Ильич, которую он называл самой трудной борьбой и без которой Владимир Ильич не предвидел возможности дальше развивать наше государство трудящихся и нашу партию.

Вы припомните, что именно в последние годы Владимир Ильич неоднократно указывал, что главное препятствие в деле действительного проведения социализма и коммунизма заключается сейчас в нашей громадной культурной отсталости.

Владимир Ильич в последние годы своего руководства страной и нашей партией неоднократно указывал, где находится подлинная, настоящая, наибольшая трудность для быстрейшего введения социализма и коммунизма в нашей стране. Мысль Владимира Ильича можно изложить таким образом: власть рабочие и крестьяне взяли, богатства страны находятся в распоряжении рабочих и крестьян, благодаря Красной армии, поддержанной рабочими и крестьянами, мы отстояли свое международное положение. И теперь главное препятствие коренится именно в той культурной отсталости, в той темноте, в том отсутствии организационных навыков, которые являются проклятым наследием проклятых прошлых годов рабоче-крестьянского рабства. Преодоление наших культурных недостатков, культурной отсталости, этого наследия всяческого рабства, и есть одна из тех задач, без решения которых ни успехи политические, ни успехи хозяйственные не могут быть столь быстрыми и столь крупными, как нам всем этого хотелось. Вот на борьбу с этой культурной отсталостью, на борьбу с этой темнотой, мне кажется, в вашем лице и выдвигается та фаланга, которой нам до сих пор не доставало.

Партия и государство должны были сосредоточить все свои силы на делах партийных и государственных. Самостоятельного движения самих низов, которое поставило бы перед собой ту задачу, на которую указывал Владимир Ильич, которое сделало бы своим знаменем преследование всякой темноты и невежества,

всех форм и остатков старой рабской психологии, — такого движения у нас еще не было. Мне кажется, что вокруг нашей сети — рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров — создаются очаги этой культурной революции, которая для нас абсолютно необходима.

Ясно, что раз эти очаги начали создаваться, они должны были вызвать к себе ту ненависть, которую вызывают все новые формы пробуждения и расцвета рабочего и крестьянского движения. И та ненависть, которая пылает вокруг этих очагов культурно-политической работы, которые представляете собою вы, она только свидетельствует, как необходима была та работа, которую вы выполняете. Она свидетельствует, что эта работа попала, действительно, в больное место, потому что чего же стоит такое движение, против которого не ведут борьбы? Это значило бы, что такое движение бескровно, что оно родилось на пустом месте. Ваше же движение попало в точку, и об этом свидетельствует та ненависть врагов дальнейшего развития и поднятия политического и культурного уровня бедняцких и середняцких элементов крестьянства, которая сейчас горит вокруг вашей работы.

Ваше движение может быть сравнено с другими формами движения пролетариата в том отношении, что оно возникло не по какой-либо предписанной программе, что оно пришло из низов и сразу охватило громаднейшие слои и показало сразу всю свою жизненность.

Никто из нас до 1905 г. не знал о Советах рабочих депутатов, потому что это новая форма государственной власти, такая форма государственной власти, которая на десятки лет определит всю историю мира, она ни в одной книжке не была заранее описана.

Маркс и Энгельс были гениальными людьми, они определили весь ход рабочего движения до социализма. Но разверните все их книжки—ни о каких Советах рабочих депутатов там не написано. Эта форма движения была создана самим рабочим классом. Она стихийно вышла из его недр, а потом уже марксисты-коммунисты то, что создал рабочий класс, осмыслили, закрепили, оформили, обдумали, рассказали. Это мы и сделали. Но самая-то форма — совет рабочих депутатов — вышла не из какой-либо книжки, она была создана ходом классовой борьбы рабочего класса.

А когда Владимир Ильич в 1920 г. приветствовал великий почин коммунистических субботников, разве этот почин был кем-нибудь предписан, разве он вырос откуда-нибудь сверху? Нет. Он тоже родился в самой гуще трудящихся, вынесен был на поверхность энтузиазмом самих трудящихся, а потом Владимиром Ильичем записан, объяснен, оформлен, пропагандирован.

Так и ваше движение. Оно тоже поднимается с низов, создается самим ходом борьбы рабочих и крестьян за свое освобождение и в борьбе с своей собственной отсталостью и невежеством. Оно тоже является стихийным, могучим, снизу идущим

*

движением, которое нам надо оформить, сорганизовать, которому мы обязаны помочь, дав ему определенное направление. В этом, мне кажется, его жизненность, в этом залог его дальнейшей успешности. Очень многие формы, которые придумываются в кабинетах, оказываются потом сметенными жизнью. Но такие формы массового движения, которые идут снизу, всегда себя оправдывают.

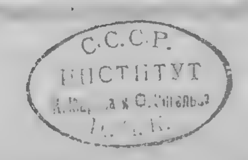
История возложила на вас громадную задачу служить для партии и для государства связью с самыми широкими массами, держать партию и государство в постоянной связи с теми движениями, которые идут внизу, в тех миллионных массах, без связи с которыми, без точного знания которых невозможно управлять.

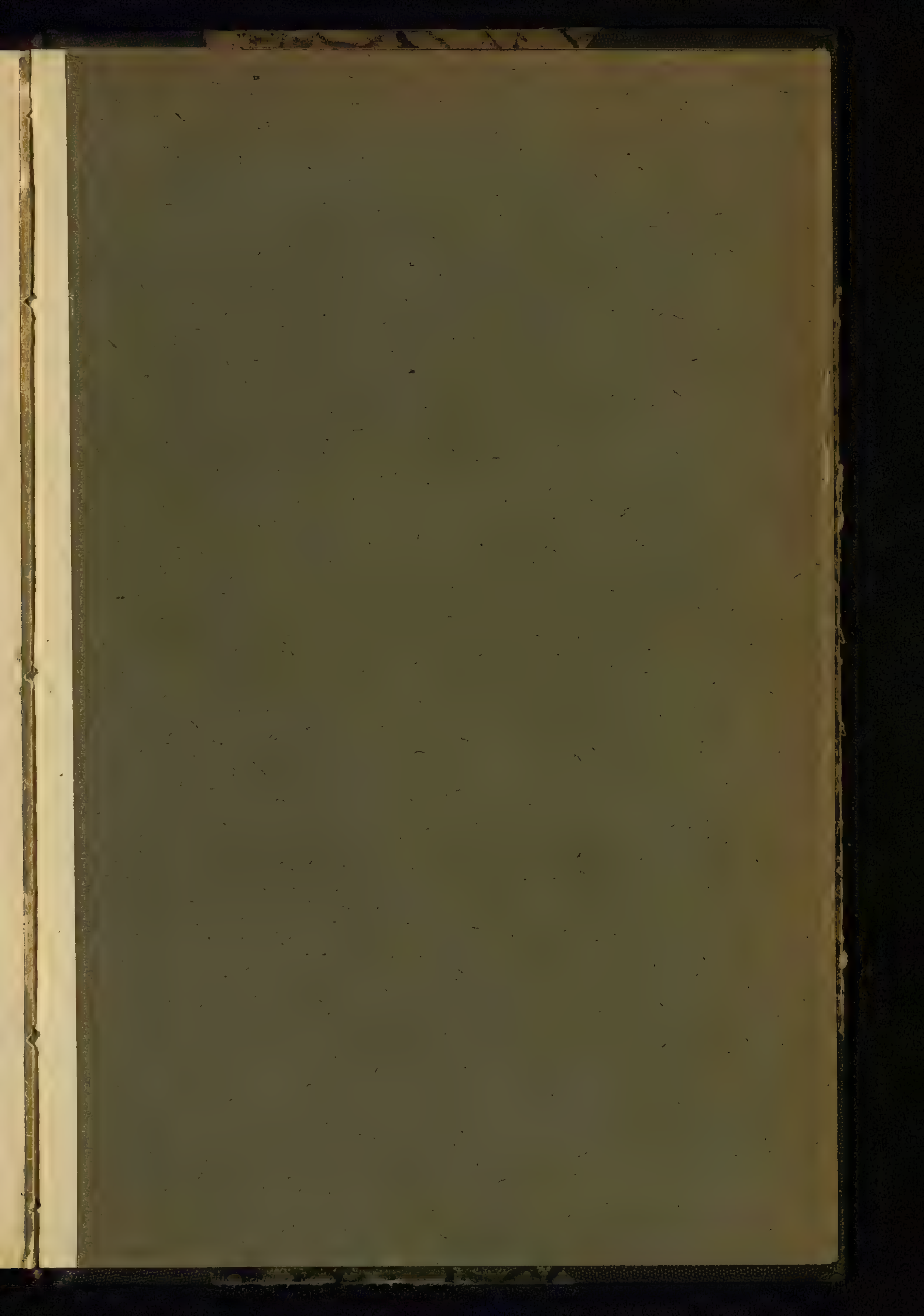
Затем вы должны быть провозвестниками и знаменосцами культурной революции, в том понимании этого слова, которое придавал ему Владимир Ильич, и, наконец, вы должны развивать свое движение так, чтобы, охватив своею сетью громадные глыбы пролетариата и крестьянства, которые Владимир Ильич призывал к управлению государством, помочь им, действительно, взяться вплотную за дело управления государством. Эти миллионы до сих пор участвуют в управлении государством очень и очень частично. Мы не забудем никогда, что Владимир Ильич ставил задачей нашей создать такой государственный строй, при котором может управлять, как выразился Владимир Ильич, каждая кухарка. Нам еще очень далеко до этого. Оставляя в стороне кухарку, которую Владимир Ильич выбрал как символ трудящегося человека наиболее забитого в капиталистическом строе, — для того, чтобы каждый рабочий, каждый крестьянин мог действительно сознательно принимать участие в управлении государственным делом, нам надо затратить еще много и много лет работы. Вот в этой работе подготовки широких масс трудящихся к управлению государством заключается третья ваша задача.

Вот, следовательно, важнейшие из стоящих перед вами задач: подготовляйте самые широкие массы к управлению государством, помогайте коммунистам вести государство по правильному пути, боритесь со всеми формами отсталости и рабства — наследием прошлых веков.

Теперь вы поймете, почему для нас, старых работников рабочих и крестьянских газет, та задача, которая лежит на вас, представляется гораздо более грандиозной и гораздо более завидной, чем та задача, которую выполняли мы.

Мы писали и пропагандировали; вы учите широкие массы управлять и ведете их к управлению пролетарским государством. Желаю вам на этом пути самых больших успехов, ибо эти успехи, это—наши успехи вместе с вами.

2 руб.

